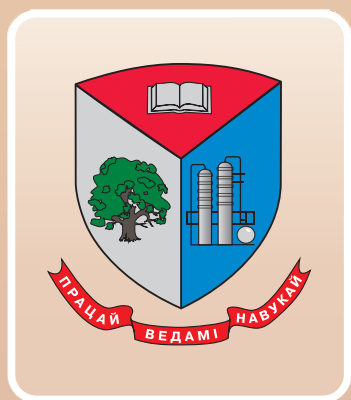

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 1 (245) 2021 год

Рубрики номера:

История

Философия

ТРУДЫ БГТУ

№ 1 (245) 2021 год

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

Минск 2021

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 1 (245) 2021 год

Выходит два раза в год

Минск 2021

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Шетько С. В., кандидат технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Куликович В. И., кандидат филологических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Харша Ратнавир, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Шкляр Б. Ш., профессор, Государство Израиль;
Кох Барбара, доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Лакида П. И., доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Украина;
Головкин М. Ф., член-корреспондент НАН Украины, доктор физико-математических наук, профессор, Украина;
Бир Петр, доктор технических наук, профессор, Республика Польша;
Савельев А. Г., кандидат технических наук, профессор, Латвийская Республика;
Агриракис Панос, доктор наук, Греческая Республика;
Горинштейн Ш., доктор наук, профессор, Государство Израиль;
Эркаев А. У., доктор технических наук, профессор, Республика Узбекистан;
Башкиров В. Н., доктор технических наук, профессор, Российская Федерация;
Каклаускас А., доктор экономических наук, профессор, Литовская Республика;
Каухова И. Е., доктор фармацевтических наук, профессор, Российская Федерация;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Флорик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Новик Е. К., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Сидоренко И. Н., доктор философских наук, доцент, Республика Беларусь;
Снапковская С. В., доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 343-94-32;

главного редактора серии – (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 1 (245) 2021

Published biannually

Minsk 2021

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Shet’ko S. V., PhD (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Kulikovich V. I., PhD (Philology), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Barčík Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Shklyar B. Sh., Professor, State of Israel;
Koch Barbara, DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Lakida P. I., DSc (Agriculture), Professor, Ukraine;
Golovko M. F., Corresponding member of the National Academy of Sciences of Ukraine, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Ukraine;
Beer Piotr, DSc (Engineering), Professor, Republic of Poland;
Savel’yev A. G., PhD (Engineering), Professor, Republic of Latvia;
Agryrakis Panos, DSc, Professor, Republic of Greece;
Gorinsteyn Sh., DSc, Professor, State of Israel;
Erkayev A. U., DSc (Engineering), Professor, Republic of Uzbekistan;
Bashkirov V. N., DSc (Engineering), Professor, Russian Federation;
Kaklauskas A., DSc (Economics), Professor, Republic of Lithuania;
Kaukhova I. E., DSc (Pharmaceutics), Professor, Russian Federation;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Novik E. K., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Sidorenko I. N., DSc (Philosophy), Associate Professor, Republic of Belarus;
Snapkovskaya S. V., DSc (Pedagogics), DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.
Telephones: editor-in-chief (+375 17) 343-94-32;
managing editor (+375 17) 282-41-95.
E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 321.1(476)(470):94»1945/1990»

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ОБЩЕГО ПРОШЛОГО БЕЛОРУСОВ И РОССИЯН В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Белорусов и русских связывают единые исторические корни. Оба народа принадлежат к восточнославянской цивилизации. Тем не менее в силу определенных исторических условий в конкретные периоды судьбы их расходились, они развивались отдельно, сохраняя свою восточнославянскую идентичность, но вырабатывая отличительные особенности.

В этих условиях важным является осмыслить общее прошлое и отличительные черты наших народов на различных этапах истории.

В предложенной статье дан анализ оценок различных аспектов нашей общей истории в современной белорусской историографии. Исследование академических материалов показало, что состояние историографии по вопросам совместного прошлого характеризуется разнообразием мнений и подходов при сохранении ангажированности описания именно данной проблемы. Отчетливо прослеживаются тенденции интерпретации общего прошлого в различных историографических традициях, «срастающихся» с публицистикой, политикой памяти и т. п. При этом сохраняется и усиливается тенденция к идеологическому окрашиванию ряда сюжетов.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, история, историография.

Для цитирования: Крючек П. С. Основные тенденции в исследовании общего прошлого белорусов и россиян в современной белорусской историографии // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 5–11.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

MAIN TRENDS IN STUDYING THE GENERAL PAST OF BELARUSIANS AND RUSSIANS IN MODERN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

Belarusians and Russians share common historical roots. Both peoples belong to the East Slavic civilization. Nevertheless, due to certain historical conditions, their destinies diverged in specific periods, they developed separately, preserving their East Slavic identity, but developing distinctive features.

In these circumstances, it is important to understand the common past and the distinctive features of our peoples at different stages of history.

The proposed article analyzes the assessments of various aspects of our common history in modern Belarusian historiography. The study of academic materials has shown that the current state of historiography on the issues of the shared past is characterized by a variety of opinions and approaches, while maintaining the biased description of this particular problem. The tendencies of interpretation of the common past in various historiographical traditions, which “merge” with journalism, politics of memory, etc., are clearly traced. At the same time, the tendency to ideological coloring of a number of subjects remains and increases.

Key words: Russia, Belarus, history, historiography.

For citation: Kruchek P. S. Main trends in studying the general past of belarusians and russians in modern belarusian historiography. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 5–11 (In Russian).

Введение. Распад СССР и возникновение на постсоветском пространстве целого ряда независимых государств способствовали пересмотру устоявшихся положений, касающихся совместной истории бывших советских народов. В новых суверенных государствах начала активно пропагандироваться национальная версия истории. Не стала исключением и белорусская историография.

Своеобразным программным документом в этом плане можно считать статью известного белорусского историка Бича М. О. «Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь». Автор подчеркивал, что особенностью белорусской историографии на протяжении долгого времени являлось господство в ней двух антибелорусских тенденций – великопольской и великорусской, которые в конечном итоге сводятся к непризнанию белорусского этноса, его языка и культуры и признания Беларуси частью Польши или России. Поэтому в качестве первоочередной задачи для исторической науки и исторического образования провозглашалось возрождение национальной концепции истории Беларуси [1, с. 15]. В связи с этим в начале 90-х г. XX в. были предприняты попытки с новых позиций пересмотреть ключевые проблемы отечественной истории – происхождения белорусского этноса, истоков белорусской государственности, места и роли Великого княжества Литовского в исторических судьбах белорусского народа и др.

Коснулись эти изменения и оценки истории белорусско-русских отношений. В частности, были сделаны попытки преодолеть известные штампы и стереотипы о ментальности русских и белорусов, этногенезе этих славянских народов, взаимоотношениях белорусов и русских на различных этапах истории. В печати появилось большое количество публикаций научного и популярного характера, в которых подчеркивалась ведущая роль балцкого субстрата в этногенезе белорусов, Полоцкое княжество рассматривалось как первое белорусское государство, Великое княжество Литовское характеризовалось как белорусское или же белорусско-литовское государство.

Такая тенденция в белорусской историографии преобладала до середины 90-х гг. XX в. После президентских выборов 1994 г. и особенно референдумов 1995 и 1996 гг. в Республике Беларусь был взят курс на углубленную интеграцию с Российской Федерацией. Изменение политического курса привело и к изменению тональности исторических исследований. В работах историков стали преобладать более взвешенные оценки совместного прошлого белорусов и россиян, акцент стал де-

латься на положительные аспекты взаимоотношений двух народов.

Основная часть. Несомненно, у белорусов и русских единые исторические корни. Оба народа принадлежат к восточнославянской цивилизации. Тем не менее в силу определенных исторических условий в конкретные периоды судьбы их расходились, они развивались отдельно, сохраняя свою восточнославянскую идентичность, но вырабатывая отличительные особенности. В этих условиях важным является осмыслить общее прошлое и отличительные черты наших народов на различных этапах истории. В оценке различных аспектов нашей общей истории в современной белорусской историографии можно выделить как минимум три основных направления.

Первое направление связано с тем, что на смену существовавшей идеализации белорусско-русских отношений, их якобы бесконфликтности, стали выходить работы, в которых наблюдалась другая крайность – утверждения об извечном антагонизме между русскими и белорусами, о постоянном стремлении сначала московских, а затем и российских властей захватить белорусские земли, аргументируя устремления вхождением этих земель в IX–XII вв. в состав древнерусского государства. При этом Москва рассматривала себя как естественный правопреемник Киева в деле «собирания» всех русских земель. С таких позиций различные аспекты совместной истории Беларуси и России рассматривали В. Орлов [2], А. Тарас [3], В. Деружинский [4] и др.

В работах названных авторов подвергается сомнению общее происхождение белорусов и русских, преувеличивается роль Полоцкого княжества как первого белорусского государства, феодальные междоусобицы позднего средневековья интерпретируются как межэтнические столкновения. Особый акцент при этом делается на войны между Великим княжеством Литовским, которое объявляется белорусским государством, и Московским княжеством, которое однозначно представляется агрессором.

Следует отметить, что такая риторика характерна в основном для работ историко-публицистического характера, которые рассчитаны на неподготовленного читателя и не основываются на глубоком анализе исторических источников. Для профессиональных историков характерен более взвешенный подход к оценке исторического прошлого белорусов и россиян. Тем не менее в исследованиях историков данного направления акцент делается на спорных моментах наших взаимоотношений, преобладает в основном негативная оценка роли России на переломных этапах нашей совместной истории.

В таком духе, например, выдержана монография Е. Онищенко «Беларусь во времена Екатерины II (1772–1796 гг.)» [5]. Несмотря на обилие введенного в научный оборот документального материала, автору не хватило меры объективности: главным виновником разделов Речи Посполитой, по его мнению, является Россия, а Пруссия и Австрия лишь поддержали действия последней. Вся политика России на включенных в ее состав белорусских землях определялась такими понятиями, как «унификация», «инкорпорация», «русификация».

К аналогичному выводу пришла и С. Куль-Сильвестрова в работе «Беларусь на рубеже веков и культур: Формирование культуры Нового времени на белорусских землях (вторая половина XVIII – 1820-е гг.)» [6]. Автор утверждает, что вхождение Беларуси в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой затормозило процесс формирования культуры Нового времени. Особое внимание в монографии С. Куль-Сильвестровой уделяется формированию «своеобразной литвинской традиции», которая была «составной частью этнокультурных процессов, что происходили на белорусских землях в Новое время» [6]. Эта «литвинская традиция» основывалась, по мнению автора, на польском языке и осознании местной шляхтой самобытности исторического пути своего края.

Следует отметить, что так называемая «литвинская традиция» была довольно популярной в историографии, и особенно в публицистике, в 90-х гг. XX в. Историки и литераторы пытались доказать, что в период средневековья белорусский этнос имел название «литвины», а термин «белорусы» якобы придумали только в конце XVIII в. царские чиновники. Например, еще в начале 90-х гг. XX в. получила широкое распространение концепция Н. Ермоловича о том, что «Летописная Литва – это древнее название Беларуси» [7]. Фактически этой же точки зрения придерживается и историк Кравцевич А. [8].

Но в историографии существует и другая, более доказательная, точка зрения. Например, В. Насевич еще в 1993 г. доказал, что центр летописной Литвы располагался в районе Кернова, Вильно, Троков и Девалта, охватывая различные литовские княжества, что жамойты и аукштайты – две части неразрывного литовского этноса. А этническая граница между Литвой и западными землями Руси не связана с современной, а проходила по линии Браслав – Постава – Сморгонь [9, с. 19–20].

На самом деле подавляющая часть населения ВКЛ называла себя «русскими, русинами», а название «литвины» чаще всего исполь-

зовалось для определения всего населения ВКЛ. «Литвинская теория» решительно отвергнута работами Г. Голенченко [10], И. Марзалюка [11] и др.

Историки первого направления предприняли попытки пересмотреть роль униатской церкви в культуре Беларуси. Конечно, нельзя отрицать значение униатства в развитии просвещения, образования и культуры. Однако вряд ли следует идеализировать деятельность этой церкви. Представлять ее некой «национальной религией белорусов», тем более трактовать ее в качестве «способа вхождения белорусов в семью европейских народов», на чем настаивает С. Морозова в монографии «Униатская церковь в этнокультурном развитии Беларуси (1596–1839 гг.)» [12], все же нельзя.

Как убедительно показал И. Марзалюк, процесс религиозной конверсии в виде распространения католицизма и униатства стал важнейшим механизмом замены старобелорусской, русской этнической самобытности, основывавшейся на православных традициях, литовскими и польскими стереотипами. При этом «русинская» шляхта «стала все больше на субэтническом уровне отождествлять себя с литвинами, а на государственном – с польской политической нацией». Определенным преувеличением являются и попытки представить «истинными белорусами» Т. Костюшко и А. Мицкевича. На самом деле они себя таковыми не считали и пренебрежительно относились к белорусскому народу [13, с. 77–78].

В русле этой же традиции просматривается еще одна тенденция – стремление взвалить всю ответственность на Московское княжество за войны и другие феодальные усобицы, которые велись между ним и Великим княжеством Литовским.

Подобные трактовки совместного прошлого белорусов и россиян способствовали в какой-то степени активизации в белорусской историографии идей западнорусизма, которые, в свою очередь, составили в ней второе направление.

Как известно, впервые в научный оборот понятие «Западная Россия» ввел белорус по происхождению, российский историк Коялович М. О. Он и его последователи утверждали, что Белоруссия является неотъемлемой частью России, а сами белорусы – самобытной ветвью русского народа. Но если М. Коялович призывал к единству всего русского народа, с сохранением и развитием самобытности его ветвей, то правые монархисты делали упор на избавление от этой самой самобытности, полагая, что только на основе полного единства всех русских можно добиться прогресса.

Современный «западнорусизм» пропагандирует идеи так называемого «русского мира» и представлен довольно широким составом ученых и преподавателей белорусских вузов. Идеи западнорусизма разделяют В. Черепица, Я. Трещенок, П. Петриков, Н. Сергеев, Н. Малишевский и некоторые др. В качестве своей главной цели они провозглашают восстановление и развитие русской составляющей самосознания белорусов, а также общерусское наполнение Союзного строительства.

Апелляции к совместному прошлому в рамках данного направления имеют две основные цели: легитимация на историческом материале представления о белорусском народе как неотъемлемой части русского суперэтноса и, соответственно, де-легитимация «врагов» и «чужеродной» интерпретации белорусского прошлого. Главным тезисом для представителей данного направления является утверждение, что белорусы – это часть русского суперэтноса, а Беларусь, как Россия и Украина, составляют часть единой русской цивилизации. Поиски общих корней уходят к рубежу I–II тыс. н. э., когда восточнославянские племена, по мнению идеологов данного проекта, образовали феодальный союз – Русскую землю, Русь. Отсюда вытекают корни единства русского народа, которое сохраняется до настоящего времени. «Из Древнерусского государства, или Киевской Руси, сложившейся древнерусской народности выросли впоследствии различные, но единые в своей основе по общности происхождения, языка, православной веры, культуре и духовности белорусская, украинская и великорусская (русская) народности» [14, с. 33].

Сложившееся на основе православия цивилизационное единство не было разорвано и тогда, когда на руинах «Русского мира» образовались враждующие друг с другом государства – Великое княжество Литовское и Великое княжество Московское. Собственно, с этого момента в «лоне единого русского народа» оформляется деление на три новых этноса, которые, однако, в рамках данного направления всегда рассматриваются как части единого суперэтноса.

В качестве главного врага русского народа (и, соответственно, белорусского) рассматриваются представители польской политической элиты Речи Посполитой, которая якобы ставила целью уничтожение восточнославянской православной цивилизации с помощью принудительного ополячивания и окатоличивания.

Особо негативно рассматривается усвоение местной шляхтой польской культуры и католицизма, что расценивается как акт предательства по отношению к «традиционной» православной

культуре, имевший тяжелейшие последствия для развития белорусского народа: «В итоге к концу XVIII в. белорусский этнос оказался практически без своей элиты, интеллигенции, школ, литературного языка, книгопечатания. В Речи Посполитой он был обречен на полонизацию, этническое вымирание и исчезновение с карты Европы» [14, с. 34].

Разделы Речи Посполитой и присоединение белорусских земель к Российской империи рассматриваются как спасительный акт для угнетенного белорусского народа, который спас этнос от угрозы окончательного ополячивания: «Присоединение земель Беларуси к Российской империи, включение белорусского этноса в родственный великорусский историко-культурный организм открыли новую страницу нашей истории. Закончилась борьба белорусов за выживание в условиях ВКЛ и Речи Посполитой. Начался трудный процесс возрождения исторической памяти и самосознания белорусского народа, развития его духовности культуры, национально-государственного самоопределения» [14, с. 35].

Ярким представителем «западнорусизма» в современной белорусской историографии является Криштапович Л. В своих работах он отстаивает идею цивилизационного единства русских, белорусов и украинцев. Автор выяснил характерные признаки русской цивилизации (исторический, мировоззренческий, экономический), которые, по его мнению, являются существенными определениями национального самосознания белорусского народа [15].

Преобладающим в современной белорусской историографии является третье направление, представленное большинством академических историков. Его представители, опираясь на широкую источниковедческую базу, применяя современный методологический инструментарий, стремятся объективно и всесторонне раскрыть единые исторические корни русских, белорусов и украинцев, процессы формирования данных этносов, характер взаимоотношений между ними. Особое внимание при этом уделяется белорусско-российским связям.

Такой взвешенный, научный подход характерен для многих обобщающих работ и учебных пособий. Белорусские историки стараются объективно и всесторонне раскрыть наиболее важные аспекты белорусско-российских отношений в разные периоды истории, выявить их уроки и определить современные проблемы взаимопознания.

Так, в частности, в четырехтомном издании, подготовленном сотрудниками Института истории НАН Беларуси «Археологія Беларусі», аргументировано доказано, что белорусы явля-

ются частью славянского мира, что исторические судьбы белорусов тесно связаны с историей славянства. Получение государственной независимости обусловило повышенный интерес историков к проблеме истоков белорусской государственности, месту белорусских земель в государственных процессах на просторах Восточной Европы, воздействию на них межгосударственных конфликтов. Особое место здесь занимает многотомный коллективный труд «История белорусской государственности» [16, 17]. В издании раскрыты основные предпосылки и закономерности национального самоопределения белорусского народа, показана роль Полоцкого княжества как первой формы государственности на белорусских землях, значительное внимание уделено вопросам, связанным с созданием Великого княжества Литовского и политического статуса в этом государстве белорусских земель, показано, как идеи белорусской государственности вызревали в условиях Российской империи.

Достаточно широко представлена литература, раскрывающая историю белорусской советской государственности в составе СССР. Раскрыты процессы, связанные с созданием БССР, взаимоотношениями БССР с другими советскими республиками, государственной национальной политикой БССР.

Важное место в современной белорусской историографии по-прежнему занимает тема Великой Отечественной войны. На основе широкого массива новых документов раскрыта военнополитическая ситуация в Беларуси накануне Второй мировой войны и начального этапа Великой Отечественной войны, показана роль в партизан-

ском движении уроженцев республик Советского Союза, проанализировано участие белорусов в боевых действиях как в рядах Красной Армии, так и в составе Польских вооруженных сил и армий союзников, движении Сопротивления [18, с. 51].

Современный этап развития суверенной республики Беларусь в белорусской историографии представлен довольно слабо. В частности, отдельные аспекты белорусско-российских отношений нашли отражение в работах, посвященных истории Союзного государства [19].

Заключение. Таким образом, проблема взаимоотношений белорусов и россиян на различных этапах совместной истории нашла довольно широкое отражение в современной белорусской историографии. Тем не менее эта проблематика нуждается в дальнейшем исследовании. В первую очередь следует сосредоточиться на изучении экономических и культурных связей двух братских народов, исследовать динамику и механизм миграционных процессов, происходивших как в периоды совместного проживания, так и в условиях самостоятельных государств, процессы адаптации и взаимопознания людей.

Разработка указанных проблем с учетом обобщенного опыта и сделанных уроков будет способствовать дальнейшей интеграции наших народов, решению многих задач по совместному достижению общественного прогресса.

Статья выполнена при поддержке БРФФИ в рамках совместного белорусско-российского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

Список литературы

1. Біч М. В. Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс. 1993. № 1. С. 15–24.
2. Арлоў У. Дзесяць вякоў беларускай гісторыі (862–1918): Падзеі. Даты. Ілюстрацыі. Вільня: Наша будучыня, 1999. 223 с.
3. Тарас А. Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII веках. Минск: Хорвест, 2006. 780 с.
4. Деружинский В. В. Тайны белорусской истории. Минск: ФУАинформ, 2014. 559 с.
5. Анішчанка Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772–1796). Минск: ЗАО «Веды», 1998. 258 с.
6. Куль-Сяльвестрава С. Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII–1820-я гг.). Мінск: Універсітэцкае, 2000. 320 с.
7. Ермаловіч М. Старажытная Беларусь. Полацкі і Навагародскі перыяд. Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. 366 с.
8. Краўцэвіч А. К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага. Мінск: Беларуская навука, 1998. 208 с.
9. Насевіч В. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск: Полымя, 1993. 160 с.
10. Галенчанка Г. Я. Царква, канфесія і нацыянальная свядомасць беларусаў у XV–XVI стст. // Наш радавод. 1992. Кн. 4. Гродна, 1992. С. 43–49.
11. Марзалюк І. А. Міфы «Адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі. Магілёў: УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2009. 144 с.
12. Марозава С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.). Гродна: ГрДзУ, 2001. 352 с.

13. Марзалюк І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.). Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. 324 с.
14. Петриков П. Т. Очерки новейшей историографии Беларуси (1990-е – начало 2000-х годов). Минск: Белорусская наука, 2007. 292 с.
15. Криштапович Л. Е. Беларусь и Россия: историсофское и цивилизационное единство. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2006. 94 с.
16. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А. А. Коваленя и [др.]; отв. ред. тома: В. Ф. Голубев, О. Н. Левко. Минск: Белорусская наука, 2018. 597 с.
17. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 2: Белорусская государственность в период Российской империи (конец XVIII– начало XX в.) / Н. В. Смехович [и др.]; отв. ред. тома: Н. В. Смехович, А. В. Унучек, Е. Н. Филатова. Минск: Белорусская наука, 2019. 413 с.
18. Историческая наука в Беларуси (1991–2000 гг.): современные проблемы и кадры / Ю. Н. Бохан [и др.]. Минск: Национальная академия наук Беларуси, 2005. 81 с.
19. Базанов А. В., Криштапович Л. Е. Союзное государство как императив развития Беларуси и России в современном мире. Минск: Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, 2011. 31 с.

References

1. Bich M. V. National concept of history and historical education in the Republic of Belarus. *Belaruski gistorychny chasopis* [Belarusian Historical Journal], 1993, no. 1, pp. 15–24 (In Belarusian).
2. Arlou V. *Dziesyat' vyakou belaruskay gistoryi (862–1918): Padzei. Daty. Ilyustratsyi* [Ten Centuries of Belarusian History (862–1918): Events. Dates. Illustrations]. Vil'nya, Nasha buduchynya Publ., 1999. 223 p.
3. Taras A. Ye. *Voyny Moskovskoy Rusi s Velikim knyazhestvom Litovskim i Rech'yu Pospolitoj v XIV–XVII vekakh* [Wars of Muscovy Russia with the Grand Duchy of Lithuania and the Commonwealth in the XIV–XVII centuries]. Minsk, Khorvest Publ., 2006. 780 p.
4. Deruzhinskiy V. V. *Tayny belorusskoy istorii* [Secrets of Belarusian history]. Minsk, FU Ainfrom Publ., 2014. 559 p.
5. Anishchanka Ya. K. *Biellarus' u chasy Katsyaryny II (1772–1796)* [Belarus in the time of Catherine II (1772–1796)]. Minsk, ZAO "Vedy" Publ., 1998. 258 p.
6. Kul' -Syal'vestrava S. Ya. *Biellarus' na myazhy stagoddzyau i kul'tur: Farmavanne kul'tury Novaga chasu na belaruskikh zemlyakh (drugaya palova XVIII–1820-a gg.)* [Belarus at the turn of the century and cultures: Formation of modern culture in the Belarusian lands (second half of the XVIII– 1820s)]. Minsk, Universitetskaye Publ., 2000. 320 p.
7. Ermalovich M. *Starazhytnaya Biellarus'. Polatski i Novagorodski peryad* [Ancient Belarus. Polotsk and Novgorod period]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2001. 366 p.
8. Kravtsevich A. K. *Stvarenne Vyalikaga knyastva Litouskaga* [Creation of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 1998. 208 p.
9. Nasievich V. *Pachatki Vyalikaga knyastva Litouskaga: Padzei i asoby* [The beginnings of the Grand Duchy of Lithuania: Events and personalities]. Minsk, Polymya Publ., 1993. 160 p.
10. Galenchanka G. Ya. Church, denomination and national consciousness of Belarusians in the XV–XVI centuries. *Nash radavod* [Our pedigree], 1992. Book. 4. Grodna, 1992, pp. 43–49 (In Belarusian).
11. Marzalyuk I. A. *Mify "Adradzhenskay" gistoryyagrafii Biellarusi* [Myths of "Renaissance" Historiography of Belarus]. Mogilev, UA MDU imya A. A. Kulyashova Publ., 2009. 144 p.
12. Marozava S. V. *Uniyatskaya tsarkva u etnakul'turnym razvitstsi Belarusi (1596–1839 gg.)* [Uniate church and cultural development of Belarus (1596–1839)]. Grodno, GrDzU Publ., 2001. 352 p.
13. Marzaliuk I. A. *Lyudzi daunyay Belarusi: etnakanfesiynyya i satsyyakul'turnyya stereatypy (X–XVII stst.)* [People of ancient Belarus: ethno-confessional and socio-cultural stereotypes (X–XVII centuries.)]. Mogilev, UA MDU imya A. A. Kulyashova Publ., 2003. 324 p.
14. Petrikov P. T. *Ocherki noveyshey istoriografii Belarusi (1990-ye – nachalo 2000-kh godov)* [Essays on the latest historiography of Belarus (1990s – early 2000s)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2007. 292 p.
15. Krishtapovich L. Ye. *Belarus' i Rossiya: istoriosofskoye i tsivilizatsionnoye yedinstvo* [Belarus and Russia: Historiosophical and Civilizational Unity]. Minsk, Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus' Publ., 2006. 94 p.
16. Kovalenya A. A., Golubev V. F., Levko O. N. *Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti: v 5 t. T. 1: Belorusskaya gosudarstvennost': ot istokov do kontsa XVIII v.* [History of Belarusian statehood: in 5 volumes. Vol. 1: Belarusian statehood: from the origins to the end of the 18th century]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2018. 597 p.

17. Smekhovich N. V., Unuchek A. V., Filatova Ye. N. *Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti: v 5 t. T. 2: Belorusskaya gosudarstvennost' v period Rossiyskoy imperii (konets XVIII– nachalo XX v.)* [History of Belarusian statehood: in 5 volumes. Vol. 2: Belarusian statehood during the period of the Russian Empire (late 18th – early 20th centuries)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 413 p.

18. Bokhan Yu. N., Korzenko G. V., Pilipenko., M. F. *Istoricheskaya nauka v Belarusi (1991–2000 gg.): sovremennyye problemy i kadry* [Historical science in Belarus (1991–2000): modern problems and personnel]. Minsk, Natsional'naya Akademiya nauk Belarusi Publ., 2005. 81 p.

19. Bazanov A. V., Krishtapovich L. Ye. *Soyuznoye gosudarstvo kak imperativ razvitiya Belarusi i Rossii v sovremennoy mire* [Union State as an imperative of the development of Belarus and Russia in the modern world]. Minsk, Informatsionno-analiticheskiy tsentr pri Administratsii Prezidenta Respubliki Belarus' Publ., 2011. 31 p.

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian state Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 15.03.2021

УДК 94(476):323.17

А. А. Райченко

Белорусский государственный технологический университет

**ИСТОРИОГРАФИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 20-Х ГГ. XX В.
КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

В статье дается обзор основных направлений становления и развития исторической памяти в Беларуси через призму первых исследований феномена белорусской государственности в 20-х гг. XX в. Прослеживается развитие методологии историографических исследований и формирование исторической политики в БССР. Рассматривается проблема введения корректного научного инструментария в исследовании исторической памяти современной исторической наукой. Исследуется влияние идеологических приоритетов, представителей тех или иных политических течений Беларуси 1920-х гг. на становление белорусской историографии современной белорусской государственности. В статье рассматриваются вопросы влияния политического и социального заказов на тематику профессиональных исторических исследований и их дальнейшего воздействия на процесс формирования коллективной памяти, а также специфика их научного представления. Автором оцениваются перспективы исследования феномена исторической памяти в современной историографии Беларуси.

Ключевые слова: историография, историческая память, государственность, БНР, БССР, нация, национал-демократизм, большевизм, историческая наука.

Для цитирования: Райченко А. А. Историография белорусской государственности 20-х гг. XX в. как форма отражения исторической памяти // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 12–17.

A. A. Raichonak

Belarusian State Technological University

**HISTORIOGRAPHY OF THE BELARUSIAN STATEHOOD
IN THE 20s XX CENTURY AS A FORM
OF REFLECTION OF HISTORICAL MEMORY**

The article provides an overview of the main directions of the formation and development of historical memory in Belarus through the prism of the first studies of the phenomenon of Belarusian statehood in the 1920s. XX century. The development of the methodology of historiographic research and the formation of historical policy in the BSSR are traced. The problem of introducing correct scientific tools in the study of historical memory by modern historical science is considered. The influence of ideological priorities, representatives of certain political trends in Belarus in the 1920s is investigated. on the formation of the Belarusian historiography of the modern Belarusian statehood. The article examines the influence of political and social orders on the topics of professional historical research and their further impact on the process of forming collective memory, as well as the specifics of their scientific presentation. The author assesses the prospects for studying the phenomenon of historical memory in the modern historiography of Belarus.

Key words: historiography, historical memory, statehood, BNR, BSSR, nation, national democracy, Bolshevism, historical science.

For citation: Raichonak A. A. Historiography of the Belarusian statehood in the 20s XX century as a form of reflection of historical memory. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 12–17 (In Russian).

Введение. Во вступлении к статье хотелось бы заметить, что история сама по себе может быть определена как наука о памяти, а учреждения, отвечающие за ее разработку, изучение, сохранение и увековечивание, можно назвать учреждениями памяти. К ним могут быть отнесены академические институты и факультеты университетов, архивы и библиотеки, музеи и мемориальные комплексы, книги и все

виды документальных источников включая устную историю.

Политическое использование истории является постоянным явлением, элиты рационализируют и пересматривают эту память в свете своей идеологии и интересов. Но есть разница между официальной памятью, которая разрабатывается и транслируется государством или общественными органами для прославления,

мифологизации или сокрытия событий с целью поддержания национальной идентичности, и общественной памятью, которая характеризуется как воля или желание со стороны какой-либо социальной группы или индивидуумов дать свое видение исторических процессов и своей роли в них. Склонность власти отбирать и организовывать представления о прошлом так, чтобы они могли восприниматься людьми как свои собственные, прослеживается на протяжении всей истории человечества. Между тем альтернативные версии подвергаются жесткой критике или вовсе предаются забвению. В этой связи особый интерес вызывает дискуссия, развернувшаяся в 1920-х гг., по проблеме становления и сущности белорусской государственности. Одним из важнейших источников в освещении данной проблемы является литература, созданная представителями белорусского национально-демократического движения, а также их оппонентами – большевиками. Ценность этих работ заключается в том, что авторы не только были свидетелями тех исторических событий, но и оказали на них непосредственное влияние. С другой стороны, это связано с их главным недостатком – субъективизмом в интерпретации исторических событий.

Основная часть. Одной из первых работ, посвященных анализу данных процессов, была работа Председателя Народного совета министров Белорусской Народной Республики в 1918–1919 г., Луцкевича А. И. – «Политические лозунги белорусского движения» [1], содержащаяся в сборнике «Наша Ніва». В работе представлена эволюция взглядов белорусского национального движения с 1916 по 1920 г., описан первый этап становления белорусской государственности и направления его возможного развития. Его же «Через двадцать пять лет» [2] – по сути, первая попытка создать обобщенный труд по истории белорусского движения первой четверти XX в., в котором он утверждает, что БССР лишь частично реализовала государственный идеал, а также объясняет роль декларации независимости БНР в процессе государственного строительства. В целом А. Луцкевич оставил после себя довольно богатое литературное наследие, которое является важным источником в исследовании не только проблемы становления белорусской государственности, но и белорусского национального движения в целом.

Интересны публикации Е. Я. Варонки, который с февраля по июль 1918 г. был председателем Народного секретариата Беларуси, а с декабря 1918 по апрель 1920 г. – министром по делам Беларуси и членом Кабинета Министров Литвы. В книгах «Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции: ист.

полит. очерк» [3] и «Белорусское движение с 1917 по 1920 год: краткий обзор» [4] он поддерживает концепцию «двух врагов» – Польши и России, которые в равной степени угрожают государственной независимости Беларуси.

Проблема путей становления белорусской государственности нашла отражение и в творчестве активного участника национального движения, премьер-министра правительства БНР в 1923–1925 гг. Цвикевича А. И.

Брошюра «Краткий очерк происхождения Белорусской Народной Республики» [5] дает краткий анализ предпосылок провозглашения БНР, а также характеризует развитие белорусского движения. В политическом очерке «Беларусь» [6] А. Цвикевич развивает предыдущие положения и особый уклон делает на анализе отношений между Беларусью, Россией и Польшей. Но самая основательная среди рассматриваемых его работ – это книга «Возрождение Беларуси и Польши» [7], в которой анализируется период с 1772 по 1920 г. В результате этого анализа автор приходит к выводу, что Беларусь – это совершенно уникальная страна, и поэтому, как и другие народы, белорусы имеют право на создание собственной национальной государственности, которая должна освободить их от зависимости и положить конец аннексии соседями. Книга А. Цвикевича «Западный русизм» также напрямую связана с данной темой [8]. В ней автор исследует влияние этой идеологии на развитие национального движения и формирование белорусской государственности.

В 1918 г. патриарх белорусской исторической науки Довнар-Запольский М. В. написал небольшую брошюру «Основы государственности Беларуси» [9], переведенную на разные языки и разосланную представителям БНР за рубежом. Эта брошюра должна была служить идеологическим обоснованием права белорусов на формирование собственной государственности.

Особый интерес вызывает наследие непосредственного участника событий, председателя Белорусского областного комитета при Всероссийском съезде крестьянских депутатов (БОК) Канчара Я. В 1918 г. вышел его очерк «Из истории социальных, национальных и революционных движений белорусов» [10], в котором дано подробное описание Первого Всебелорусского съезда с точки зрения его непосредственного организатора и участника. На характеристику событий автором, безусловно, повлияла его собственная политическая позиция (Я. Канчар был сторонником автономии Беларуси в составе Российской Федерации), что привело к негативной оценке действий как сторонников декларации

независимости, так и минских большевиков, разогнавших съезд.

В книге «Белорусский вопрос» [11] автор пытается всесторонне осветить белорусское движение, поэтому книга содержит статистику, исторический обзор и анализ культурных особенностей белорусского народа. Но основной акцент автор делает на рассмотрении белорусского национального движения, выделяя его главные требования и обосновывая право белорусского народа на самоопределение.

Следующим представителем белорусской историографии, чья позиция была близка к большевизму, стал Турук Ф. Ф. – председатель Белорусской народной громады (БНГ), образованной в Москве белорусами-беженцами. БНГ имела довольно умеренную программу: национально-территориальная автономия Беларуси и введение самоуправления. В его работе «Белорусское движение» [12] дается краткий обзор белорусского национального движения, отдельные главы посвящены становлению БНР и БССР, дана их общая характеристика и направления развития. Для книги характерна дифференциация белорусских партий по их близости к РКП(б).

Литература, созданная представителями белорусского национального движения, имеет большое значение для изучения становления белорусской историографии. Написанная непосредственными участниками событий, несмотря на определенную субъективность в изложении тех или иных эпизодов, она содержит не только ценную информацию, но и дает возможность понять разнообразие и сложность подходов различных политических кругов к белорусской государственности.

По-разному оцениваются события в изданиях большевистского направления, вышедших в БССР в 20-е гг. прошлого века. Для них характерно неприятие иных взглядов на процесс создания белорусской государственности. Если в начале 1920-х гг. определенный плюрализм еще считался приемлемым, то в конечном итоге всех представителей белорусского национального движения, не стоящих на позиции коммунистической партии, стали обвинять в контрреволюции. Но, несмотря на вышесказанное, именно в эти годы были заложены основы советской историографии государственности Беларуси, ставшие господствующими на последующие семь десятилетий.

Пальма первенства здесь принадлежит первому главе правительства БССР Жилуновичу Д. Ф. В 1923–1926 гг. он опубликовал ряд статей в журнале «Польмя», посвященных данной проблематике. Главная ценность этих публикаций в том, что они затрагивают практически все аспекты государственного строительства в Бела-

руси и написаны непосредственным участником событий, показывают развитие белорусского национального движения с точки зрения его радикально левого крыла [13]. Также Жилуновичу принадлежит статья «Февраль – октябрь в белорусском национальном движении» [14], опубликованная в сборнике «Беларусь». Она посвящена процессу размежевания белорусского национального движения на различные, преимущественно левые, направления и кристаллизации их политических требований.

Сборник вышел к пятилетию провозглашения БССР, содержит ряд статей по различным аспектам государственного строительства. Там же размещена статья В. Г. Кнорина, секретаря Центрального бюро КП(б) Белоруссии, «Коммунистическая партия Беларуси» [15], в которой автор пытается проанализировать как положительные, так и отрицательные стороны деятельности коммунистической партии в Беларуси, ссылаясь на фактическое игнорирование последней белорусского национального вопроса в 1917–1918 гг. Северо-Западным комитетом РКП(б).

В. Г. Кнорин посвятил много публикаций другим вопросам партийного и государственного строительства в БССР [16]. Описывая его творчество, следует отметить, что он рассматривает вопрос построения белорусской государственности исключительно через призму классового подхода и коммунистической идеологии. Несмотря на значительную эволюцию его взглядов, от отрицания существования белорусской нации до признания права белорусов на самоопределение, он понимал это самоопределение исключительно на классовой основе и идеологии большевизма. Кнорин считал создание БССР апогеем развития белорусского национального движения и единственно возможной формой реализации идеи белорусской государственности. Он крайне негативно относился к другим взглядам на эти процессы и зачислял в контрреволюционеры всех, кто не разделял взглядов большевиков.

Примерно такая же позиция была характерна и для А. Червякова, Председателя ЦИК БССР. В книге «За Советскую Беларусь» [17] среди прочего он рассматривает проблему создания белорусской государственности. Как и в творчестве В. Кнорина, здесь отчетливо прослеживается приоритет классовых вопросов над национальными. Не только стремление к независимости, но и к автономии Беларуси кажется реакционным, а Всебелорусский съезд, по мнению автора, состоял исключительно из врагов Советской власти. Но здесь следует отметить, что, несмотря на некоторое сходство в подходах, А. Червяков и В. Кнорин были представителями разных течений в ВКП(б).

Последней в этой серии работ можно назвать статью Г. Паречина «Идея белорусской государственности до образования Советской Беларуси» [18]. По сути, это первая обобщающая работа представителя советского направления по истории развития и эволюции идеи белорусской государственности. В ней исследуется период с XIX в. по 1919 г., прослеживается последовательное развитие идеи белорусской государственности от требования автономии до требования независимости, для нее характерны те же недостатки, обусловленные идеологическими требованиями. Например, БНР характеризуется как «буржуазно-помещичье» государство, а БССР – как «свободное независимое советское государство», что явно является преувеличением.

Характеризуя период 1920-х гг. в целом, можно отметить, что для него присуща постепенная эволюция от мирного сосуществования разных идей по проблеме создания белорусской государственности к доминированию большевистского взгляда на проблему, что в итоге привело к закреплению в историографии белорусской государственности догматического подхода, который просуществовал с небольшими модификациями до конца 80-х гг. XX в.

Вывод. Подводя итоги, следует отметить, что в данный период были заложены две традиции, которые станут доминирующими в белорусской историографии на протяжении всего

XX в. Первая из них, которую условно можно назвать национал-демократической, выводила белорусскую современную государственность в первую очередь из белорусского национального движения, развернувшегося в конце XIX – нач. XX в., итогом которого стало провозглашение БНР. Отношение к БССР было противоречивым: с одной стороны, не отрицались некоторые достижения в области развития национальной культуры, с другой – указывалось на ее полную политическую несамостоятельность.

Следует отметить, что данная точка зрения существовала исключительно за пределами БССР и была введена в научный оборот только после «перестройки», начавшейся в СССР во второй половине 1980-х гг.

В Восточной Беларуси, на территории которой в рассматриваемый период была создана БССР, утвердилась иная точка зрения, выводившая белорусскую государственность из классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Вершиной ее стала Октябрьская революция и как следствие – провозглашение БССР как государства рабочих и крестьян, строящегося на основе диктатуры пролетариата.

Статья выполнена при поддержке БРФФИ в рамках совместного белорусско-российского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

Список литературы

1. Новіна Ант. (Луцкевіч А.). Палітычныя лозунгі беларускага руху // Зборнік «Наша Ніва». Вільня: Бел. выд. т-ва, 1920. С. 2–14.
2. Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928): Успаміны аб працы першых беларускіх арганізацый: Беларускае рэвалюцыйнае грамада, Беларускае сацыялістычнае грамада. Вільня: Бел. Выд. Т-ва, 1928. 52 с.
3. Воронко И. Я. Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции: ист.-полит. очерк. Ковна, 1919. 59 с.
4. Варонка Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году: кароткі агляд. Коўна, 1920. 29 с.
5. Цвікевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. Киев, 1918. 16 с.
6. Цвікевич А. Беларусь: Политический очерк. Берлин, 1919. 32 с.
7. Цвікевіч А. Адраджэнне Беларусі і Польшча. Мінск; Вільня; Берлін: Выд. т-ва «Вызваленне», 1921. 192 с.
8. Цвікевіч А. «Западно-русизм»: нарысы з гісторыі грамадзянскай мыслі на Беларусі ў XIX і пач. XX ст. 2-е выд. Мінск, 1993. 352 с.
9. Доўнар-Запольскі М. В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі. Мінск: ВПП Дзяржэканомплана Рэспублікі Беларусь, 1994. 23 с.
10. Канчер Е. С. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Часть II. История возникновения и деятельность организаций. Выпуск первый // Неман. 1993. № 1. С. 136–167.
11. Канчер Е. С. Белорусский вопрос. Петроград, 1919. 132 с.
12. Турук Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М.: Госиздат, 1921. 144 с.
13. Жылуновіч З. Два бакі беларускага руху // Польшча. 1923. № 3–4. С. 69–74; Уступамі да Акцябра // Польшча. 1923. № 5–6. С. 141–149, № 7–8. С. 86–91; Ад Кастрычніка 1917 да лютага 1918 //

Полымя. 1924. № 1. С. 15–167; Арганізацыя сіл : Да гісторыі Савецкай Беларусі // Полымя. 1924. № 2. С. 163–179; Гістарычны момант // Полымя. 1924. № 4. С. 144–158; 3'езд беларускіх нацыянальных арганізацый 25 сакавіка 1917 года // Полымя. 1925. № 6. С. 202–206; Беларуская інтэлігенцыя ў гістарычным аспекце // Полымя. 1926. № 6. С. 74–98.

14. Жылуновіч З. Люты – Кастрычнік у беларускім нацыянальным руху. Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і вызваленчага руху. 1924. С. 182–194.

15. Кнорын В. Г. Камуністычная партыя на Беларусі // Беларусь. 1925. С. 215–222.

16. Кнорин В. Революция и контрреволюция в Белоруссии. Смоленск, 1920. 65 с.; 1917 год в Беларуси и на Западном фронте. Минск, 1925. 76 с.; За культурную революцию. Минск, 1928. 106 с.

17. Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск, 1927. 135 с.

18. Парэчын. Г. Ідэя беларускай дзяржаўнасці перад утварэннем Савецкай Беларусі // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Працы кафедры сучаснага права. 1929. С. 1–35.

References

1. Novina Ant. (Lutskevich A.). Political slogans of the Belarusian movement. *Zbornik "Nasha Niva"* [Collection "Nasha Niva"]. Vil'nya, Bel. vyd. t-va Publ., 1920. pp. 2–14 (In Belarusian).

2. Lutskevich A. *Za dvatstsats' pyats' gadou (1903–1928): Uspaminy ab pratsy pershykh belaruskikh arganizatsyyau: Belaruskaya revalyutsyyunaya gramada, Belaruskaya satsyyalistychnaya gramada* [For twenty-five years (1903–1928): Memoirs of the work of the first Belarusian organizations: the Belarusian Revolutionary Society, the Belarusian Socialist Society]. Vil'nya, Bel. vyd. t-va Publ., 1928. 52 p.

3. Voronko I. Ya. *Belorusskiy vopros k momentu Versal'skoy mirnoy konferentsii* [The Belarusian question at the time of the Versailles Peace Conference]. Kovna, 1919. 59 p.

4. Varonka Ya. *Belaruskі rukh ad 1917 da 1920 godu: karotki aglyad* [The Belarusian movement from 1917 to 1920: A brief overview]. Kouna, 1920. 29 p.

5. Tsvikevich A. *Kratkiy ocherk vozniknoveniya Belorusskoy Narodnoy Respubliki* [A brief outline of the emergence of the Belarusian People's Republic]. Kiev, 1918. 16p.

6. Tsvikevich A. *Belarus': Politicheskiy ocherk* [Belarus: Political Sketch]. Berlin, 1919. 32 p.

7. Tsvikevich A. *Adradszhenne Belarusi i Pol'shcha* [Revival of Belarus and Poland]. Minsk; Vil'nya, Berlin, Vyd. t-va. "Vyzvalenne" Publ., 1921. 192 p.

8. Cvikevich A. *"Zapodno-rusizm": narysy z gistoryi gramadzyanskay mys'li na Belarusi u XIX i pach. XX st.* ["Western Russism": essays on the history of civic thought in Belarus in the XIX and early XX century]. Minsk, 1993. 352 p.

9. Dounar-Zapol'ski M. V. *Asnovy Dzyarzhaunastsi Belarusi* [Fundamentals of the Statehood of Belarus]. Minsk, VPP Dzyarzhekanomplana Respubliki Belarus' Publ., 1994. 23 p.

10. Kancher E. S. From the history of social, national and revolutionary movements of Belarusians. *Neman* [Neman], 1993, no. 1, pp. 136–167 (In Russian)

11. Kancher E. S. *Belorusskiy vopros* [Belarusian question]. Petrograd, 1919. 132 p.

12. Turuk F. *Belorusskoye dvizheniye: Ocherk istorii natsional'nogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov* [Belarusian Movement: Essay on the History of the National and Revolutionary Movement of Belarusians]. Moscow, Gosizdat, Publ., 1921. 144 p.

13. Zhylunovich Z. Two sides of the Belarusian movement. *Polymya* [Flame], 1923, no. 3–4, pp. 69–74; Introductions to October. *Polymya* [Flame], 1923, no. 5–6, pp. 141–149, no. 7–8, pp. 86–91; From October 1917 to February 1918. *Polymya* [Flame], 1924, no. 1, pp. 153–167; Organization of forces. To the history of Soviet Belarus. *Polymya* [Flame], 1924, no. 2, pp. 163–179; A historical moment. *Polymya* [Flame], 1924, no. 4, pp. 144–158; Congress of Belarusian national organizations on March 25, 1917. *Polymya* [Flame], 1925, no. 6, pp. 202–206; Belarusian intelligentsia in the historical aspect. *Polymya* [Flame], 1926, no. 6. pp. 74–98 (In Belarusian).

14. Zhylunovich Z. February – October in the Belarusian national movement. *Belarus': Narysy gistoryi, ekanomiki, kul'turnaga i vyzvalenchaga rukhu* [Belarus: Essays on History, Economy, Cultural and Liberation Movement]. Minsk, 1924, pp. 182–194.

15. Knoryn V. G. The Communist Party in Belarus. *Belarus' [Belarus]*, 1925, pp. 215–222 (In Belarusian).

16. Knorin V. *Revolutsyya i kontrrevolutsyya v Belorussii* [Revolution and counter-revolution in Belarus]. Smolensk, 1920. 65 p.; *1917 god v Belarusi i na Zapadnom fronte* [1917 in Belarus and on the Western Front]. Minsk, 1925. 76 p.; *Za kul'turnuyu revolyutsyyu* [For the cultural revolution]. Minsk, 1928. 106 p.

17. Charvyakoŭ A. *Za Saveckuyu Belarus'* [For Soviet Belarus]. Minsk, 1927. 135 p.

18. Parechyn G. The idea of Belarusian statehood before the formation of Soviet Belarus. *Zapiski addzeli gumanitarnykh navuk. Pratsy kafedry suchasnaga prava* [Notes of the Department of Humanities. Proceedings of the Department of Modern Law]. Minsk, 1929, pp. 1–35 (In Belarusian).

Информация об авторе

Райченко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: raichonak@belstu.by

Information about the author

Raichonak Aliaksandr Aliaksandravich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichonak@belstu.by

Поступила 15.03.2021

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ПАШЫРЭННЕ ПРАВОЎ І ПРЫВІЛЕЯЎ ШЛЯХТЫ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XVI СТ.**

Артыкул прысвечаны актуальнаму пытанню гісторыі шляхецкага саслоўя ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI ст., калі ўзаемная запатрабаванасць дзяржавы і феадалаў дасягнула максімума. Феадальная сістэма, што існавала ва ўсёй Еўропе, усталявала спецыфічныя адносіны паміж дваранствам і манархіяй, вядомыя як васалітэт. Гэтыя адносіны грунтаваліся на ваеннай службе, якая была адзінай крыніцай абароны дзяржавы. Узаемныя інтарэсы дзяржавы і феадалаў прывялі да паступовага пашырэння ў апошніх спецыфічнага кола правоў, што вынікалі з патрэбы дзяржавы ў лаяльнай ваеннай сіле. У Вялікім княстве Літоўскім манархічная ўлада вымушана была дастаткова моцна пашыраць палітычныя і эканамічныя правы нетытулаванай шляхты па прычыне спецыфічнасці парадку наследавання вялікакняжацкай улады, неабходнасці захавання дынастычнай уніі з Польшчай, а таксама цяжкага знешнепалітычнага становішча. Прыкладам у гэтым працэсе былі асобныя дасягненні шляхты Польшчы. У XVI ст. правы і прывілеі шляхты замацоўваліся ў дзяржаўных дакументах, перш за ўсё Статуце, і датычыліся пашырэння палітычных паўнамоцтваў, выбарных судоў, рэлігійных пытанняў, прадстаўнічых органаў. З гэтага часу шляхта ўяўляла сабой саслоўе, усе групы якога заканадаўча былі роўныя, што безумоўна спрыяла яе кансалідацыі і канчатковаму афармленню.

Ключавыя словы: манархія, шляхта, закон, палітычныя правы, маёмасць, суд.

Для цытавання: Дамарад А. А. Пашырэнне правоў і прывілеяў шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 18–22.

A. A. Damarad

Belarusian State Technological University

**EXPANSION OF THE RIGHTS AND PRIVILEGES OF THE NOBILITY
OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE XVI CENTURY**

The article is devoted to the actual question of the history of the gentry class in the Grand Duchy of Lithuania in the XVI century, when the mutual demand for the state and the feudal lords reached a maximum. The feudal system that existed throughout Europe established a specific relationship between the nobility and the monarchy, known as vassalage. This relationship was based on military service, which was the only source of protection for the State. The mutual interests of the state and the feudal lords led to the gradual expansion of the specific range of rights in the latter, which resulted from the state's need for a loyal military force. In the Grand Duchy of Lithuania, the monarchical power was forced to significantly expand the political and economic rights of the untitled nobility due to the specificity of the order of succession to the grand ducal power, the need to preserve the dynastic union with Poland, as well as the difficult foreign policy situation. An example in this process was the individual achievements of the Polish gentry. In the XVI century, the rights and privileges of the gentry were enshrined in state documents, primarily the Charter, and related to the expansion of political powers, elected courts, religious issues, and representative bodies. From now on, the gentry was a class, all groups of which were legally equal, which certainly contributed to its consolidation and final registration.

Key words: Monarchy, nobility, law, political rights, property, court.

For citation: Damarad A. A. Expansion of the rights and privileges of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the XVI century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 1 (245), pp. 18–22 (In Belarusian).*

Уводзіны. Пашырэнне палітычных і маёмасных правоў шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. значна паскорылася.

Эвалюцыйны перыяд афармлення правоў шляхецкага саслоўя Вялікага княства Літоўскага з канца XIV ст. паступова паскараецца і набывае сістэмны характар. Пашырэнне правоў шляхты праходзіла ў цеснай сувязі з між-

дзяржаўнымі ўніямі Вялікага княства Літоўскага і Каралеўства Польскага. Працэс заканадаўчага афармлення феадалізму заняў працяглы час, але менавіта на XVI ст. прыходзяцца важныя рашэнні па замацаванні за шляхтай палітычных і грамадскіх правоў.

Шляхта з'яўлялася пануючым станам у Вялікім княстве Літоўскім, але па сваім складзе

была неаднародная як па заможнасці, так і па паходжанні. Першапачаткова асноўную масу феадалаў складалі нашчадкі старажытнарускіх князёў, баяр, дружыннікаў. У XIV ст., пасля атрымання зямельных уладанняў, да іх далучыліся літоўскія нобілі і дружыннікі. Асноўная ж маса феадалаў, якія з'яўляліся сярэднімі і невялікімі землеўласнікамі, называлася у XIV–пачатку XVI ст. баярамі. Пачынаючы з прывілея 1413 г. побач з тэрмінам «баяры» ўсё часцей ужываецца тэрмін «шляхта» ці «баяры-шляхта».

Усе ўладальнікі маёнткаў павінны былі несці ваенную службу. Гэтую павіннасць феадалы выконвалі асабіста і разам са сваімі ваеннымі слугамі, таксама феадаламі, што знаходзіліся на службе ў сваіх сеньёраў і атрымлівалі ад іх землі. Земская ваенная служба была абавязковай для ўсіх феадалаў, землеўласнікаў паводле земскага права.

На самай нізкай прыступцы шляхецкага саслоўя знаходзіліся дробныя баяры-шляхта, якія мелі невялікія надзелы зямлі. Частка іх знаходзілася ў васальных адносінах з князямі, панамі.

Асноўная частка. З першай паловы XVI ст. пачынаецца новы этап у саслоўнай гісторыі Вялікага княства Літоўскага. Адносна землеўласнікаў можна прасачыць дзве тэндэнцыі: далейшае пашырэнне правоў шляхты і паступовая яе нівеліроўка.

У дадзены перыяд рэальнае становішча шляхты ў Вялікім княстве Літоўскім было непадобнае да сітуацыі, што склалася ў Польшчы. На землях Вялікага княства сацыяльнае і эканамічнае жыццё кантралявала невялікае кола асоб, якія валодалі вялікімі маёнткамі-латыфундыямі і трымалі ў сваіх руках галоўныя дзяржаўныя пасады. Асноўная ж маса шляхты была адхілена ад удзелу ў дзяржаўным жыцці. Інакш было ў суседняй Польшчы, дзе раней шляхта дамаглася пэўнай дэмакратызацыі дзяржаўнага ладу і ўмацавала свае пазіцыі. Ужо на Мельніцкім сойме 1501 г. была абмежавана судовая ўлада караля, яго права прызначаць ураднікаў. З паслоў шляхецкіх соймаў утварылася пасольская палата кароннага сойма. У 1505 г. канстытуцыя *Nihil novi* пастанавіла, што згода паслоў шляхты стала абавязковай ўмовай ухвалення новых пастанаў. Сойм 1504 г. забараніў раздаваць панам ва ўладанне дзяржаўныя землі. У 20-х гг. XVI ст. польская шляхта пачынае так званы экзекуцыйны рух, што ставіў на мэце поўную рэалізацыю на справе прынятых пастанаў [1, с. 422]. Сярод галоўных задач было ўраўнанне правоў і абавязкаў заможных родаў з усім рыцарствам, адміністрацыйнай, судовай, вайскавай рэформы і г. д.

Дасягненні кароннага рыцарства сталі добрым прыкладам для шляхты ВКЛ.

Атрымаўшы ў пачатку XVI ст. доступ да сойма, яна ўсё больш настойліва пачынае дабівацца пашырэння сваіх правоў. Ужо ў 1514 і 1522 гг. вялікі князь атрымлівае прапановы аб тым, каб падданыя Вялікага княства Літоўскага атрымалі пісанае права і законы. Падтрымаўшы гэтую ідэю, манарх і паны-рада ствараюць камісію на чале з канцлерам ВКЛ Гаштольдам А., якая распрацоўвае праект будучага Статута. Гэты праект абмяркоўваўся паартыкульна на Вялікім Вальным сойме, пакуль не быў прыняты ўсімі дэлегатамі. Статут павінен быў не толькі замацаваць кадэфікацыю законаў, але і дапоўніць прабелы ў заканадаўстве.

Спецыяльным прывілеем 29 верасня 1529 г. першы Статут ВКЛ быў уведзены ў дзеянне. Статут 1529 г. грунтаваўся ў асноўным на звычайным праве, аднак, выкарыстоўваючы вопыт іншых краін, змясціў шмат новых норм розных галін права [2, с. 25]. З гэтага часу пачынаецца новы этап у развіцці права Вялікага княства Літоўскага ў цэлым і шляхецкіх правоў у прыватнасці. Таму толькі часткова можна пагадзіцца з М. Ясінскім, што калі Статут 1529 г. сваім з'яўленнем паклаў канец «тому беспорядку, который царил раньше в ВКЛ вследствие действия множества разнообразных законов – то отсюда еще не следует, что появление Статута положило предел силе и значению уставных грамот, уничтожило всякий смысл их бытия» [3, с. 97]. Сапраўды, агульназемскія прывілеі выдаваліся вялікімі князямі і пазней (у 1547, 1563, 1568 гг.), аднак яны ў асноўным паўтаралі ранейшыя палажэнні. Значэнне Статута ў тым, што ў ім былі аб'яднаны ўсе ранейшыя правы шляхты, якая арт. 10 раздзела III была пастаўлена на вызначальнае месца у дзяржаве.

Значная ўвага ў Статуце 1529 г. надавалася правам шляхецкага саслоўя. Найперш вялікі князь абавязваўся і далей захоўваць у цэласці шляхецкія вольнасці (Р. III, арт. 7). Замацоўваліся і маёмасныя правы землеўласнікаў. Але да вырашэння важнейшых дзяржаўных праблем былі дапушчаны толькі найбольш знакамітыя заможныя прадстаўнікі саслоўя ў складзе паноў-рады. Акрамя таго, шляхта не атрымала свайго незалежнага суда, таму Статутам 1529 г. землеўласнікі задаволіліся не ў поўнай ступені.

У наступныя гады на соймах усё часцей гучалі патрабаванні аб далейшым пашырэнні правоў шляхты. Улада Вялікага княства Літоўскага пакуль не задавальняе такіх просьбаў. Адначасова пачынаюць з'яўляцца патрабаванні з боку сойма аб «паправе статута», што стала галоўнай мэтай шляхты на сойме. Яшчэ на Бельскім сойме 1544 г. была прынята пастанова

пра прызначэнне для гэтага спецыяльнай камісіі. Аднак вялікі князь не згадзіўся забяспечыць яе фінансаванне за ўласны кошт і таму на сойме ў Вільні у 1547 г. прапанаваў яго ўдзельнікам самім вызначыць склад камісіі і забяспечыць яе членаў грашыма са сваіх маёнткаў. У выніку справа аб функцыянаванні камісіі была вырашана толькі ў 1551 г. кампрамісам: вялікі князь і паны-рада прызначылі яе членаў, а шляхта апаціла іх працу [1, с. 215].

Безумоўна, шляхта дабівалася выпраўлення Статута сыходзячы са сваіх карпаратыўных інтарэсаў. Разам з тым, не чакаючы зацвярджэння новай яе рэдакцыі, землеўласнікі вылучылі цэлы шэраг хадайніцтваў, якія былі накіраваны на пашырэнне палітычных, саслоўных і эканамічных прывілеяў. У прыватнасці, галоўным патрабаваннем на сойме 1547 г. стала пацвярджэнне ранейшых правоў і прывілеяў новым манархам Жыгімонтам Аўгустам. Апошні пагадзіўся з гэтым, загадаў паказаць і зачытаць перад дэлегатамі сойма ранейшыя агульназемскія прывілеі і абяцаў зацвердзіць іх сваім лістом. У выніку ў 1551 г. ён сапраўды выдаў такі дакумент [4, с. 58].

Вельмі важным было таксама пытанне аб выбарных земскіх судах. Нягледзячы на тое, што на Берасцейскім сойме вялікі князь адмовіўся задаволіць просьбу шляхты, у 1547 г. гэтая праблема зноў была ўзнята.

Сярод прычын, якія выклікалі незадаволенасць судовым ладам, трэба назваць перш за ўсё тое, што суд быў дарагім. Па сведчаннях сучасніка апісваемых падзей Міхалона Літвіна, калі справа вялася за невялікі надзел зямлі, то суддзя атрымлівае не дзесятую частку аспрэчываемай маёмасці, а 100 грошай, нават калі гэты надзел каштуе менш. Тлумачыць гэта аўтар трактата сквапнасцю суддзяў [5, с. 80]. Акрамя таго, паколькі судовыя функцыі выконвалі службовыя асобы, якія мелі іншыя абавязкі, справы разглядаліся вельмі марудна, не было пастаяннага месцазнаходжання суда. Да таго ж найбольш уплывовыя паны карысталіся пэўным прывілеямі і ільготамі пры вырашэнні судовых спраў [6, с. 148]. Усё гэта незадавальняла асноўную частку шляхецтва.

З патрабаванняў шляхты можна зрабіць выснову, што нават парадак ажыццяўлення правасуддзя, устаноўлены Статутам 1529 г., не прыжыўся. Прадугледжвалася, што шляхту будучы судзіць ваяводы, старасты, маршалкі тых паведаў, дзе знаходзіцца шляхецкія маёнткі, ці намеснікі гэтых ураднікаў з абавязковымі прадстаўнікамі ад мясцовай шляхты. Але ўзнятае пытанне сойма 1547 г. сведчыць, што прадстаўнікі ад шляхты не прызначаліся, а суд вяршылі ваяводы, дзяржаўцы і іншыя асобы. Гэта пры-

водзіла да канцэнтрацыі судовай улады ў нешматлікай групы службовых асоб, што часта не дазваляла дабіцца справядлівасці без вялікіх грошай.

Былі і іншыя патрабаванні, якія вылучала шляхта на соймах у 1547, 1551, 1554 гг., але толькі нязначная іх колькасць была задаволена да пачатку Лівонскай вайны 1558–1583 гг. Працяглая і напружаная вайна вычарпала ўсе рэсурсы гаспадарскага скарба і прымусіла яго звяртацца за матэрыяльнай падтрымкай да землеўласнікаў Вялікага княства Літоўскага. Таму ў адносінах да саслоўных і палітычных памкненняў шляхты ўлада становіцца больш лаяльнай.

У сваім сцверджанні, што вайна паскорыла ажыццяўленне рэформаў на карысць шляхты, М. К. Любаўскі мае рацыю [7, с. 276]. Дзякуючы таму, што да сярэдзіны XVI ст. шляхта кансалідавалася ў адзінае саслоўе, больш адцягваць задавальненне яе патрэбаў вярхоўная ўлада не магла. Да гэтага часу была выпрацавана цэлая праграма, выканання якой шляхта дабівалася на соймах. Яна жадала вызвалення ад усіх, у тым ліку і ўскосных падаткаў, ураўнання ў правах з зямельнай арыстакратыяй, стварэння выбарнага суда, якому былі б падсудныя землеўладальнікі без усялякіх выключэнняў.

Ужо на сойме 1559 г., калі вырашалася пытанне пра прыняцце Лівоніі пад абарону Вялікага княства Літоўскага, была задаволена адна з гэтых просьбаў. Вялікі князь вызваліў ад мытных плацяжоў лясныя тавары, збожжа і жывёлу, якія будуць вывозіцца са шляхецкіх маёнткаў за мяжу. У далейшым Статут 1566 г. пацвердзіў гэтае права і нават пашырыў яго ў тым сэнсе, што вызваліў прадукты шляхецкіх гаспадарак ад мыта на ўнутраных мытных, а вазы з асабістымі рэчамі – ад уплаты «маставога» (Р. I, арт. 26).

Вельмі важным для землеўладальнікаў было і рэлігійнае пытанне. Вядома, што з XV ст. правы праваслаўных феадалаў абмяжоўваліся ў агульназемскіх прывілеях. Нягледзячы на тое, што ў большасці гэтых устаўленняў не прытрымліваліся, існавала пэўная традыцыя прыніжэння некатолікаў, якая захавалася і ў XVI ст. (прывілеі 1547, 1551 гг.). Відаць, у адносінах да праваслаўных гэтая тэндэнцыя захоўвалася больш як стаўленне да «схізматыкаў маскавіцян» [8, с. 12], чым непасрэдна да самой шляхты ВКЛ. Аднак літаральна праз дванаццаць гадоў пасля 1551 г. стаўленне да гэтага пытання змяняецца. Калі раней літоўская арыстакратыя не хацела губляць свае пасады на карысць праваслаўных, то цяпер агульнай тэндэнцыяй стаў адыход ад каталіцтва ў пратэстантызм пад уплывам еўрапейскага Рэнесансу і пошук саюзу з праваслаўнымі ў барацьбе з рыма-каталіцкім уплывам. Акрамя таго, трэба

ўлічваць і факт далейшай кансалідацыі шляхты як саслоўя: агульныя інтарэсы адсунулі на другі план рэлігійныя праблемы. У выніку ў 1563 г. шляхта дамаглася фармальнай ліквідацыі тых абмежаванняў, якія накладаліся раней на некатоликаў. У спецыяльным прывілеі Жыгімонта Аўгуста гаварылася пра стан рыцарскі ўвогуле, «одно бы веры христианское», а наконт праваслаўных адзначаецца, што не толькі «Римского костела послушные, але и Грецкого», паказвалі сваю вернасць вялікім князям і дзяржаве [4, с. 55].

Асабліва настойліва ў першай палове 60-х гг. XVI ст. шляхта дабівалася стварэння выбарнага земскага суда, які б сваёй юрысдыкцыяй ахопліваў усіх землеўласнікаў, у тым ліку паноў і князёў. Неабходна адзначыць, што, акрамя прыкладу Польшчы, у Вялікім княстве Літоўскім такія суды існавалі ў заходнім Падляшшы (земля Дарагічанскай з сярэдзіны XV ст. і Бельскай з 1501 г.). Увогуле ж польскі прыклад паступова схіляў дробную шляхту да ўніі з Польшчай. Цяпер ужо ні манарх, ні магнаты не маглі супраціўляцца жаданню сойма мець новы Статут і свой выбарны земскі суд па польскім узору. Цікавую аргументацыю дзеянняў вышэйназваных асоб прыводзіць М. К. Любаўскі. Паводле яго слоў, «король [падтрымаў шляхту – Д. А. А.], чтобы не лишиться союзника в деле установления унии с Польшею, а магнаты, чтобы не толкать еще более рыцарство-шляхту в объятия Польши и не заставлять ее искать новых прав и вольностей в подданстве новому государству» [1, с. 678].

Адсюль разумела, чаму на Бельскім сойме 1564 г., калі стала вядома, што праект новага Статута падрыхтаваны, паны-рада і ўраднікі заявілі аб адмове ад сваёй судовай улады. Затым усе станы сойма абвясцілі, што ўсе яны без выключэння аб'ядноўваюцца ў адзінае роўнае права і ў адзіны суд. Са свайго боку вялікі князь пайшоў насустрач сойму і 1 ліпеня 1564 г. выдаў прывілей, якім зацвердзіў утварэнне выбарных шляхецкіх судаў, іх аддзяленне на месцах ад вялікакняжскай адміністрацыі. Абвясчалася роўнасць усіх землеўласнікаў перад законам, гарантавалася неўмяшанне адміністрацыі ў судовыя справы шляхты і абяцалася паскорыць выданне новай рэдакцыі Статута.

Тым не менш выпраўлены Статут не пачаў дзейнічаць так хутка, як абяцаў гэта вялікі князь. Першапачаткова неабходна было вызначыць парадак абрання новых суддзяў, выбраць іх, вызначыць межы судовых акруг і прызначыць месца захоўвання судовых кніг. Натуральна, што вырашыць такое кола пытанняў на Бельскім сойме было немагчыма. Таму было вырашана склікаць новы з'езд шляхты пазней,

але паколькі ішлі баявыя дзеянні, сустрэча адбылася толькі ў наступным годзе ў Вільні.

Сойм 1565–1566 гг. увайшоў у гісторыю як рэфармацкі. Акрамя судовай, была праведзена тэрытарыяльна-адміністрацыйная рэформа і ўведзены ў дзеянне Статут 1566 г.

З гэтага часу персанал земскага суда, у якім разглядаліся грамадзянскія справы, складаўся з суддзі, падсудка і пісара. Кандыдытаў на гэтыя пасады абіралі на павятовых соймаках, а вялікі князь зацвярджаў аднаго з іх пажыццёва. Выбранымі маглі быць толькі народжаныя ў ВКЛ шляхцічы-хрысціяне. Справы ў земскім судзе разбіраліся пасесійна, тры разы ў год. Пад час судовых сесій у судовыя кнігі заносіліся ўсе прыватныя акты (тэстаменты, пераход права ўласнасці і г. д.) [6, с. 152].

Другім судом для шляхты стаў падкаморскі суд, створаны для разгляду зямельных спрэчак, якіх было вельмі шмат. Вырашэнне справы адбывалася на месцы межаў землеўладанняў, таму суд называлі «межавым» [9, с. 23]. Існаваў і пастаянна дзеючы гродскі суд па крымінальных злачынствах.

Не менш важным для дзяржавы ў цэлым стала павятовая рэформа. Звязана яна з увядзеннем мясцовых павятовых соймакаў, на якіх абмяркоўваліся пытанні, што выносіліся на вальны сойм, і з абраннем двух паслоў ад павета. Цяпер на вальны сойм не абавязкова было збірацца ўсёй шляхце, што было вельмі важна для абароназдольнасці Вялікага княства Літоўскага, паколькі не адрывала ваенна-служылае саслоўе ад удзелу ў вайне. Практыка прадстаўніцтва была вядома і да рэформ 1560-х гг. Напрыклад, у 1512 г., баючыся нападу ворага, на сойм выклікаліся дэпутаты ад памежных паветаў, па два ад кожнага, прычым выбар паслоў пакідаўся за мясцовай шляхтай [4, с. 41]. У некаторых выпадках абранне прадстаўнікоў адбывалася паводле жадання самой шляхты. Строга вызначанага парадку не існавала. Толькі ў паветах Падляшша (Бельскім, Дарагічынскім, Мельніцкім) прасочваецца тэндэнцыя выбару двух паслоў, а з 1547 г. – аднаго, паколькі павятовы харунжы выконваў ролю другога. Увогуле, паўсюднае ўвядзенне інстытута павятовых соймакаў дазволіла шляхце займацца мясцовымі справамі, не губляючы час і грошы на паездкі ў сталіцу.

Заклучэнне. Такім чынам, стварэнне выбарных, незалежных ад дзяржаўнай адміністрацыі судаў, павятовая рэформа сведчылі не толькі пра новы этап у развіцці прававой культуры грамадства Вялікага княства Літоўскага, але і пра значнае павышэнне ролі ўсяго шляхецкага саслоўя ў дзяржаве на фоне вострай унутры- і знешнепалітычнай барацьбы. З гэтага часу шляхта ўяўляла сабой саслоўе, усе групы якога

заканадаўча былі роўныя, што безумоўна, спрыяла яе кансалідацыі і канчатковаму афармленню. Наступная ж эпоха развіцця сацыяльна-паліты-

чных адносін праходзіла ўжо ў новай дзяржаве, створанай у тым ліку пад уплывам раскрытых памкненняў шляхты – Рэчы Паспалітай.

Спіс літаратуры

1. Любавский М. К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства. М.: Об-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1900. 850 с.
2. Доўнар Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях. Мінск: Пропілеі, 2000. 224 с.
3. Ясинский М. Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства. Киев: Университетская тип., 1898. 210 с.
4. Акты, относящиеся к истории западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. В 5 т. Санкт-Петербург: Тип. Э. Праца, 1848. Т. 3. 368 с.
5. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Из-во МГУ, 1994. 151 с.
6. Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск: Беларусь, 2003. 680 с.
7. Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Об-во истории и древностей российских, 1915. 401 с.
8. Любавский М. К. К вопросу об ограничении прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии. М.: Об-во истории и древностей российских, 1909. 17 с.
9. Лаппо И. И. Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI века // Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие. Часть 311. 1897 г. Июнь. Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева и К°, 1897.

References

1. Lyubavskiy M. K. *Litovsko-russkiy sejm. Opyt iz istorii uchrezhdeniya v svyazi s vnutrennim stroem i vneshney zhizn'yu gosudarstva* [Lithuanian-Russian Sejm. Experience from the history of the institution in connection with the internal system and the external life of the state]. Moscow, Obschestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete, 1900. 850 p.
2. Dounar T. I. *Razvitsstse asnounykh instytutau gramadzyanskaga i kryminal'naga prava Belarusi u XV–XVI stagoddz'yakh* [Development of the main institutions of civil and criminal law of Belarus in the XV–XVI centuries]. Minsk, Propilei Publ., 2000. 224 p.
3. Yasinskiy M. N. *Ustavnyye zemskiye gramoty Litovsko-Russkogo gosudarstva* [Statutory letters of the Lithuanian-Russian state]. Kiev, Universitetskaya tipografiya Publ., 1898. 210 p.
4. *Akty, odnosyashchiesya k istorii zapadnoy Rossii, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey* [Acts relating to the history of western Russia, collected and published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, Tip. E. Pratsa Publ., 1848. Vol. 3. 368 p.
5. Litvin M. *O npravakh tatar, litovtsev i moskovityan* [About the customs of the Tatars, Lithuanians and Muscovites]. Moscow, MGU Publ., 1994. 151 p.
6. Dovnar-Zapol'skiy M. V. *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk, Belarus' Publ., 2003. 680 p.
7. Lyubavskiy M. K. *Ocherk istorii Litovsko-Russkogo gosudarstva do Lyublinskoy unii vkluyuchitel'no* [An outline of the history of the Lithuanian-Russian state before the Lublin Union]. Moscow, Obschestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1915. 401 p.
8. Lyubavskiy M. K. *K voprosu ob ogranichenii prav pravoslavnykh knyazey, panov i shlyakhty v Velikom knyazhestve Litovskom do Lyublinskoy unii* [On the issue of limiting the rights of Orthodox princes, princes and gentry in the Grand Duchy of Lithuania to the Lublin Union]. Moscow, Obschestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete Publ., 1909. 17 p.
9. Lappo I. I. *Zemsky court in the Grand Duchy of Lithuania at the end of the 16th century. Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of National Education]. St. Petersburg, Tip. V. S. Balasheva Publ., 1897 (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Дамарад Аляксей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: domorad@belstu.by

Information about the author

Damarad Aliaksei Anatolievich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: domorad@belstu.by

Паступыў 15.02.2021

УДК327.8::321(436.7+47.07::497.1)

М. Г. Скорб

Белорусский государственный университет

**ПОЛИТИКА РОССИИ И АВСТРИИ В ОТНОШЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА СЕРБСКОГО КНЯЖЕСТВА (1856–1869 гг.)**

Статья посвящена политике России и Австрии в отношении изменений в государственном устройстве Сербского княжества после завершения Крымской войны и до убийства князя Михаила. На протяжении первой половины XIX в. Россия и Австрия являлись важнейшими государствами, на которые ориентировались сербские элиты при реформировании государственного устройства Сербского княжества. После Крымской войны и Святоандреивской скупщины Россия и Австрия утратили ведущее политическое влияние на Балканах в целом и в Сербии в частности. Это приводило к тому, что в реализации своей политики они были вынуждены искать себе союзников. Важнейшими вопросами внутреннего устройства Сербского княжества, вызвавшими острую реакцию России и Австрии, были вопросы о правящей династии, наследовании престола, принятии новой конституции, вывода турецких гарнизонов с территории княжества и передачи сербскому правительству турецких крепостей.

Ключевые слова: Россия, Австрия, Сербское княжество, Крымская война, Святоандреивская скупщина, Преображенская скупщина.

Для цитирования: Скорб М. Г. Политика России и Австрии в отношении изменения государственного устройства Сербского княжества (1856–1869 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 23–27.

M. G. Skorb

Belarusian State University

**THE POLICY OF RUSSIA AND AUSTRIA IN RELATION TO THE CHANGE
OF THE STATE STRUCTURE OF THE SERBIAN PRINCIPALITY (1856–1869th)**

The article is devoted to the policy of Russia and Austria in relation to changes in the state structure of the Serbian Principality after the end of the Crimean War and before the murder of Prince Michael. During the first half of the nineteenth century. Russia and Austria were the most important states that the Serbian elites were guided by when reforming the state structure of the Serbian Principality. After the Crimean War and the St. Andrew's Assembly, both Russia and Austria lost their leading political influence in the Balkans in general and in Serbia in particular. The most important issues of the internal structure of the Serbian Principality, which caused a sharp reaction from Russia and Austria, were the issues of the ruling dynasty, the succession to the throne, the adoption of a new constitution, the withdrawal of Turkish garrisons from the territory of the principality and the transfer of Turkish fortresses to the Serbian government. In carrying out its policy, Russia advocated a gradual reduction of the influence of the Porte on the internal affairs of Serbia. In turn, Austria, on the contrary, sought to reduce the autonomous privileges of the Serbian Principality as much as possible and to involve the Ottoman government in solving the Serbian problems themselves.

Key words: Russia, Austria, Serbian Principality, Crimean War, Svyatoandrevskaya Assembly, Preobrazhenskaya Assembly.

For citation: Skorb M. G. The policy of Russia and Austria in relation to the change of the state structure of the Serbian principality (1856–1869th). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 23–27 (In Russian).

Введение. Завершившаяся в 1856 г. Крымская война создала новую реальность международных отношений в Европе, стержнем которой являлась утрата Россией политического влияния. Самым очевидным это было на Балканах, где она пользовалась наибольшим влиянием. Вместе с тем ослабление влияния России сопровождалось усилением других держав, в первую очередь Австрии, и без того традици-

онно имевшей значительный вес в балканских делах. Еще одной характерной чертой новой политической реальности стал курс на постепенное обретение независимости автономными княжествами в составе Османской империи: Сербии, Румынии, Черногории. Таким образом, обретение политической независимости народами Балканского полуострова происходило в обстановке, которая не только не содействовала

этому, но и создавала некоторые препоны. При этом в глазах европейских дипломатов ключевую роль приобретала именно Сербия, поскольку независимость данного славянского государства могла привести к аналогичным процессам и у других, в первую очередь славянских, народов Османской империи. Последнее неминуемо привело бы к ее краху, чего так старательно стремились избежать европейские дипломаты. Все это делало суверенизацию Сербского княжества одним из стержневых вопросов европейской политики 60-х гг. XIX в.

Основная часть. Такое отношение со стороны европейских государств стало очевидным уже на мирных переговорах в Париже весной 1856 г. при обсуждении вопроса о будущем княжеств в составе Османской империи. Односторонние гарантии России автономного статуса Сербии, Молдавии и Валахии были заменены совместными гарантиями всех государств-подписантов Парижского трактата. Особо оговаривалась возможность вмешательства держав во внутренние дела Сербии, которое должно было быть одобрено всеми державами-гарантами [1, с. 320–321]. В первую очередь эта мера была направлена против России, но также ограничивала возможность Австрии, под влиянием которой находился сербский князь. Вместе с тем значимые изменения государственного устройства Сербского княжества требовали согласования со всеми государствами-гарантами, что неизбежно приводило к консервации внутреннего устройства Сербии.

На мирных переговорах в Париже было принято решение о создании специальной комиссии, которая должна была разработать проект будущей конституции объединенных Молдавии и Валахии [2, с. 32]. В свою очередь в Сербии сохранялось действие конституции, октроированной султаном в 1838 г., предусматривавшей значительные возможности для вмешательства султанского правительства во внутренние дела Сербии, что при отсутствии активной российской поддержки значительно уменьшало самостоятельность княжества. С учетом значительного влияния Австрии и австрофильской политики Александра Карагеоргиевича Сербия превращалась в плацдарм для австрийской экспансии на Балканы.

Таким образом, сразу после Крымской войны возможности влияния и России, и Австрии на изменение государственного устройства Сербского княжества были значительно сужены. Однако политический вес Дунайской монархии в Сербии был настолько большим, по сравнению с российским, что это позволяло венскому правительству в первые годы после Крымской войны действовать в Белграде без оглядки на остальные державы.

Причиной очередного кризиса в Сербии стало обострение взаимоотношений между князем и Государственным советом, зародившееся еще до Крымской войны. На время войны этот конфликт несколько поутих, но во второй половине 50-х гг. XIX в. разгорелся с новой силой. Для верхушки сербской бюрократии единственным способом преодоления сложившегося кризиса виделся созыв скупщины. В этом их поддерживали российские дипломаты, полагавшие, что скупщина позволит вернуть к власти Милоша Обреновича, чья пророссийская ориентация стала очевидной во время Крымской войны. Князь Александр, подстрекаемый Австрией, выступал против скупщины и, пытаясь противостоять ее созыву, совершил неудачную попытку апелляции к Порте [3, с. 12].

Прологом к созыву скупщины стало принятие закона «О народной скупщине». Уже само принятие этого закона вызвало противоречивую реакцию держав. Россия приветствовала принятие закона и заявила, что это внутреннее дело Сербии. Позицию России поддержала Франция, стремившаяся добиться нейтралитета ее в назревающем франко-австрийском конфликте в Италии [4, с. 203]. Австрия и Порта полагали, что у Сербии нет необходимости созывать скупщину, более того у сербского правительства нет полномочий этого, поскольку созыв скупщины противоречит нормам конституции 1838 г. Однако под давлением Франции Порта пошла на уступки и согласилась на созыв скупщины [5, с. 102]. Таким образом, внутрисербские дела стали фактором, влияющим на международные отношения не только на Балканах, но и в Европе в целом.

Сама скупщина, вошедшая в историю как Святоандреевская, практически сразу обратилась к князю Александру с просьбой отречься от престола [6, с. 98]. Ответом на призыв стало бегство Александра Карагеоргиевича под защиту турецкого гарнизона. Вслед за этим австрийский МИД направил Порте ноту, в которой предлагал усилить белградский гарнизон австрийскими войсками. Венское правительство мотивировало необходимость ввода войск тем, что в Сербии разгорается восстание против султана и ему необходимо противостоять [7, с. 391–392].

Россия, изначально приветствовавшая созыв скупщины, считала что все решения, принятые на ней, являются внутренним делом Сербии, и потому не намеревалась вмешиваться. Однако после того, как Австрийское министерство иностранных дел уведомило правительство государств-гарантов о своем намерении, А. М. Горчаков заявил о недопустимости вооруженного вмешательства в сербские дела.

В этом его поддержали правительства Франции и Великобритании [8, с. 430]. Под их давлением сначала Порты отказалась от предложения Австрии, а затем и сама Австрия отозвала свое предложение, тем самым венский двор де-факто признал смену правящей династии и смирился с возвращением на престол Милоша Обреновича.

Таким образом, Сербия после Крымской войны стала частью международной политики. Однако международную повестку по сербскому вопросу формировали Австрия и Россия как государства, наиболее близкие к Сербии. В своей политике они руководствовались одной и той же целью: усиление влияния в княжестве. Однако Россия в борьбе за влияние не впутывала во внутрисербские дела Порту, а стремилась ограничить ее присутствие в Сербии. Австрия, стремившаяся к дальнейшей экспансии на Балканах, не была заинтересована в сильном Сербском княжестве, поскольку видела в нем лишь плацдарм для продвижения на Балканы, поэтому в своей политике она шла на прямое вмешательство Порты во внутренние дела Сербии и как следствие – снижение уровня автономии.

Практически сразу после своего возвращения на престол Милош Обренович развернул деятельность по принятию новой конституции, которая должна была снизить влияние Порты в Сербии. Сам Милош связывал принятие конституции с поддержкой России, но российское правительство сочло такой шаг нежелательным и рекомендовало сосредоточиться лишь на наиболее важных моментах. Российский консул указывал, что принятие новой конституции вызовет протесты великих держав, в первую очередь Великобритании и Австрии [2, с. 37]. Это вынудило нового князя отказаться от идеи новой конституции, вместо которой был принят лишь закон «О престолонаследии», закреплявший право наследования сербского престола за мужскими потомками Милоша Обреновича [9, с. 153]. Принятие закона поддержали Россия и Франция. В отличие от них, Порты рассматривала закон как нарушение собственных прав и требовала его отмены, однако под давлением России и Франции вынуждена была согласиться. Австрия, занятая итальянскими «проблемами», высказала лишь формальный протест.

После смерти отца в сентябре 1860 г. Михаил Обренович вступил на престол не как избранный скупщиной или назначенный Портой князь, а как наследственный монарх. Этот факт значительно укреплял позиции Сербского княжества и был существенным шагом к ее полному суверенитету. Основу княжеской программы составляло изменение конституции, вывод турецких гарнизонов с территории Сербии и

примирение всех враждующих партий [10, с. 145–147]. Последнее означало проведение сдержанной политики как в отношении России, так и в отношении Австрии.

Для нового князя первоочередным вопросом был вопрос о новой конституции. Его планировалось обсудить на скупщине, начавшей свою работу 18 августа 1861 г. в канун праздника Преображенья, поэтому она и вошла в историю как Преображенская. Первоначально князь Михаил планировал вынести на обсуждение скупщины полноценный проект конституции, но, опасаясь реакции великих держав, принял решение лишь изменить существующую путем принятия отдельных законов [11, с. 169]. Эти изменения не только создавали скупщину как орган законодательной власти, но и значительно усиливали власть князя, что в корне противоречило нормам хатт-и-шерифа 1838 г.

Российский генеральный консул в Белграде, предупреждавший Михаила Обреновича о нежелательности таких кардинальных изменений, никак не отреагировал на принятые законы. Столь прохладное отношение России объясняется не только нежеланием Петербурга идти на конфликт с европейскими дворами, но и определенным удалением Сербии от России в начале 60-х гг. XIX в. Австрия, а вслед за ней Порты и Великобритания осудили принятие этих законов, поскольку рассматривали их как попытку сербов выйти из-под власти Османской империи. Последнее и стало причиной многочисленных протестов государств-гарантов.

Протесты великих держав привели к тому, что сербский представитель в Константинополе вынужден был объяснять, что решения скупщины были направлены лишь на совершенствование системы управления княжеством [12, с. 201–203]. Австрия и Великобритания не были удовлетворены такими объяснениями, в результате чего их представители в Белграде направили совместную протестную ноту князю Михаилу. В то же время совместное давление России и Франции на Порту вынудило ее согласиться с объяснениями сербского представителя и отозвать свой протест [5, с. 171]. Отказ османского правительства от претензий лишил смысла австро-британскую ноту, чем фактически завершил конфликт, развернувшийся вокруг решений Преображенской скупщины.

Османские чиновники прекрасно понимали, что законы, принятые Преображенской скупщиной, главной целью имеют достижение Сербией полной независимости, для предотвращения чего Порты усилила гарнизоны внутри Сербии. Во избежание дальнейшего обострения князь Михаил обратился к османскому правительству с нотой, в которой подчеркивал, что

он снимает с себя всяческую ответственность за дальнейшее развитие сербо-турецких отношений [13, с. 390]. Россия предложила свой вариант решения надвигающегося кризиса: вывод турецких войск с территории княжества и передача крепостей сербскому правительству, но без каких-либо территориальных изменений. Венское правительство также предложило свой вариант разрешения кризиса. Поскольку Австрия видела его причиной создания сербского войска, то и решение кризиса она видела в отмене соответствующего закона [14, с. 84, 93].

Однако 5 июня 1862 г. турецкий гарнизон Белградской крепости обстрелял город, что фактически поставило Сербию и Порту на грань войны, для предотвращения которой летом 1862 г. была проведена конференция держав по сербскому вопросу. Россия настаивала на том, что Порты должна вывести войска из Сербии и передать ей все крепости. Австрия, не желавшая усиления Сербии, но еще больше не желавшая масштабной войны на Балканах, вынуждена была пойти на уступки и согласиться на некоторые ограничения по размещению своих войск. Результатом конференции стало подписание Протокола по сербским делам, который предусматривал разрушение турецких крепостей на территории Сербии и запрещал турецкому губернатору вмешиваться во внутрисербские проблемы [15, с. 88–89]. Недостаток политического влияния не позволил ни Австрии, ни России достичь своих целей, что в свою очередь привело к половинчатому решению проблемы крепостей, а сложившаяся международная обстановка не позволяла Сербии самостоятельно взять под контроль турецкие крепости на территории княжества.

Изменения в международной обстановке позволили вновь поднять вопрос о передаче крепостей в 1866 г. Активная внешняя политика князя Михаила, поддерживаемая Россией, позволила ему под угрозой войны требовать передачи крепостей. Австрия, будучи главным противником передачи крепостей, потерпела поражение в войне с Пруссией и была занята в Европе. Стремясь стабилизировать положение

дел на Балканах и не допустить войны у южных границ империи, австрийский министр иностранных дел Ф. Бойст согласился на передачу крепостей. Несмотря на поддержку России, большую часть дипломатических переговоров с правительствами держав, осуществляла сербская дипломатия. Султан Абдул Азиз 10 апреля 1867 г. подписал фирман о выводе турецких гарнизонов с территории Сербии и передаче крепостей сербскому правительству. Таким образом, к концу 60-х гг. XIX в. Сербское княжество стремилось не ограничивать свою внешнюю политику рамками сербо-турецких взаимоотношений, стремясь включиться в европейскую систему международных отношений [2, с. 263–264].

Заключение. В период, последовавший за Крымской войной, ни Австрия, ни Россия не имели решающего влияния на изменения государственного устройства Сербского княжества. Поэтому при реализации своей политики обе державы вынуждены были опираться на поддержку ситуативных союзников. Таким союзником для России стала Франция, а для Австрии – Великобритания, которая, также как Габсбургская монархия, была заинтересована в сохранении целостности Османской империи и недопущении увеличения российского влияния на Балканах.

Цели и австрийской, и российской внешней политики в Сербии были схожими: обе державы боролись за увеличение собственного политического влияния в стране. При этом внутреннее содержание разительно отличалось. Россия делала ставку на непосредственные взаимоотношения с Сербией и потому не вмешивала во внутренние дела княжества Порту, тогда как Австрия не была заинтересована в усилении Сербии, поскольку с одной стороны рассматривала ее как плацдарм для своей экспансии на Балканы, а с другой – создание сильного и независимого сербского государства угрожало территориальной целостности Австрии. Именно это приводило к тому, что венский двор всячески стремился не допустить укрепления автономии Сербии и потому вовлекал в решение сербских проблем Порту.

Список литературы

1. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: в 15 т. Т. 15. Трактаты с Францией 1822–1905. Санкт-Петербург: Типография министерства путей и сообщения, 1909. 837 с.
2. Леовац Д. Србија и Русија за време друге владавине кнеза Михаила (1860–1860). Београд: Службени гласник, 2015. 339 с.
3. Записи Еврема Грујича. Књига друга (Светоандрејска скупштина). Београд: Будућност, 1923. 318 с.
4. Јовановић Н. Кнез Александар Карађорђевић (1806–1885) биографија. Београд: Службени гласник, 2010. 318 с.
5. Ристич Љ. Велика Британија и Србија (1856–1862). Београд: Балканолошки институт САНУ, 2008. 318 с.

6. Сборник закона и уредба (од почетка до конца 1859 године). Београд, 1859. Т. XII. 122 с.
7. Svetoandrejska skupština: zbirka dokumenata urednik A. Radenić. Beograd: SANU, 1964. 267 s.
8. Јовановић С. Устав обрањитељ и њихова влада (1838–1858). Београд: Издавачка књижица еца Кона, 1933. 478 с.
9. Mitrović Č. Jugoslovenske narodne skupštine i sabori. Beograd: Izdanje Narodna Skupštine Kraljevine Jugoslavije, 1937. 478 s.
10. Сборник закона и уредба (од почетка до конца 1860 године). Београд, 1861. Т. XIII. 168 с.
11. Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини деветнаестог века. Београд: Издавачка књижица Геца Кона, 1923. 394 с.
12. Писма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу. Књига друга од 4 јан. 1859 до 29 марта 1874. Београд: Штампарија «Св. Сава», 1931. 414 с.
13. Јовановић С. Друга влада Милоша и Михаила. Београд: Издавачка књижица Геца Кона, 1933. 502 с.
14. Европейская дипломатия и Сербия в начале 60-х годов XIX века // Вопросы истории. 1962. № 9. С. 75–102.
15. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М.: Гос полит. издат., 1952. 462 с.

References

1. *Sobraniye traktatov i konventsij, zaklyuchennykh Rossiyey s inostrannymi derzhavami* [Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers]. St. Petersburg, Tipografiya ministva puty i soobshcheniya Publ., 1909. 837 p.
2. Leovac D. *Srbija i Rusija za vreme druge vladavine kneza Mihaila (1860–1860)* [Serbia and Russia during the Second Reign of Prince Michael (1860–1860)]. Belgrade, Sluzhebni glasnik Publ., 2015. 339 p.
3. *Zapisi Evrema Grujicha. Knjiga druga* (Svetoandrejskaskupshtina) [Records of EvremGruich. Book Two (St. Andrew's Assembly)]. Belgrade, Buduhhost Publ., 1923. 318 p.
4. Jovanovich N. *Jovanovich N. Knez Aleksandar Karađorđević (1806–1885) biografija* [Prince Alexander Karadzordzhevich (1806–1885) biography]. Belgrade, Sluzhebni glasnik Publ., 2010. 318 p.
5. Ristić Lj. *Velika Britanija i Srbija (1856–1862)* [Great Britain and Serbia (1856–1862)]. Belgrade, Balkanološki institut SANU Publ., 2008. 318 p.
6. *Sbornik zakona i uredba* [Collection of laws and regulations]. Belgrade, 1859. Vol. XII. 122 p.
7. *Svetoandrejska skupština: zbirka dokumenata* [Svetoandrejska Assembly: document collection]. Belgrade, SANU Publ., 1964. 267 p.
8. Jovanovich S. *Ustav obranyitely i inyikhova vlada (1838–1858)* [The Constitutionals and their Government (1838–1858)]. Belgrade, Izdavachka Knizharitsatetsa Kona Publ., 1933. 478 p.
9. Mitrović Č. *Jugoslovenske narodne skupštine i sabori* [Yugoslav National Assembly and Parliaments]. Belgrade, Izdaniye Narodna Skupshchine Kraljevine Jugoslaviye Publ., 1933. 478 p.
10. *Sbornik zakona i uredba* [Collection of laws and regulations]. Belgrade, 1861. Vol. XIII. 168 p.
11. Zivanovic J. *Politichka istoriya Srbiye u drugoy polovini devetnaestog veka* [Political history of Serbia in the second half of the nineteenth century]. Belgrade, Izdavachka knizharitsa Getsa Kona Publ., 1923. 394 p.
12. *Pisma Iliye Garashanina Jovanu Marinoviću* [Letters of Ilia Garashanina to John Marinovich]. Belgrade, Shtampariya “Sv. Sava” Publ., 1931. 414 p.
13. Jovanovich S. *Druga vlada Miloshai Mihaila* [The second government of Milos and Mikhail]. Belgrade, Izdachka knizkaritsa Getsa Kona Publ., 1933. 502 c.
14. European diplomacy and Serbia in the early 60s of the XIX century. *Voprosy istorii* [History questions], 1962, no. 9, pp. 75–102 (In Russian).
15. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami 1856–1917* [Collection of treaties of Russia with other states 1856–1917]. Moscow, Gos. polit. izdat. Publ., 1952. 462 p.

Информация об авторе

Скорб Максим Геннадьевич – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, ул. Красноармейская, 9, Республика Беларусь). E-mail: max.skorb@yandex.ru

Information about the author

Skorb Maksim Gennad'evich – PhD student, the Department of Modern and Contemporary History. Belarusian State University (9, Krasnoarmeyskaya str., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: max.skorb@yandex.ru

Поступила 11.03.2021

УДК 37/014(476)«18/19»:94

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА**

В статье дается описание источников, разнообразных по содержанию и характеру, используемых для изучения проблемы общественно-политического движения учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Подчеркивается, что источниковая база служит не только важным средством исторического познания неизвестных фактов и событий, но порой используется для переосмысления и уточнения выводов, которые были сделаны предыдущими исследователями. Автор анализирует опубликованные и неопубликованные документы и материалы, которые условно делит на несколько групп: законодательные акты Российской империи, материалы официального делопроизводства, статистические документы, источники личного происхождения, периодическая печать. Обращается внимание на то, что всесторонне и комплексное изучение научной проблемы требует введения в научный оборот в первую очередь неопубликованных документов, которые хранятся в исторических архивах Беларуси, Литвы и России. Определяются информационные возможности и содержательная насыщенность данных материалов, которые в большинстве своем написаны с позиций официальной идеологии и содержат своеобразную печать эпохи.

Ключевые слова: исторические источники, законодательные акты, делопроизводственные материалы, статистика, педагогическая журналистика, дневники и воспоминания.

Для цитирования: Острога В. М. Общественно-политическое движение учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 28–32.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

**SOCIO-POLITICAL MOVEMENT OF TEACHING IN BELARUS
IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURES: SOURCE BASE**

The article describes the sources, diverse in content and nature, used to study the problem of the socio-political movement of teaching in Belarus in the second half of the XIX – early XX centuries. It is emphasized that the source base is not only an important means of historical knowledge of unknown facts and events, sometimes it is also used to rethink and clarify the conclusions that were made by previous researchers. The author analyzes published and unpublished documents and materials, which are conditionally divided into several groups: legislative acts of the Russian Empire, official records, statistical documents, sources of personal origin, periodicals. Attention is drawn to the fact that a comprehensive and complex study of a scientific problem requires the introduction into scientific circulation, first of all, of unpublished documents that are stored in the historical archives of Belarus, Lithuania and Russia. The informational possibilities and content richness of these materials are determined, which are mostly written from the standpoint of the official ideology and contain a kind of stamp of the era.

Key words: historical sources, legislative acts, office materials, statistics, educational journalism, diaries and memoirs.

For citation: Ostroga V. M. Socio-political movement of teaching in Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries: source base. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 28–32 (In Russian).

Введение. Во второй половине XIX в. во всех сферах жизни Российской империи наблюдаются модернизационные процессы. Самодержавие, несмотря на осознание отсталости страны от передовых государств Запада и неизбежность реформ, в своем правлении демонстрировало приверженность к консервативно-патриархальным методам, стремилось всячески сохранить

старый режим и его социально-экономическую базу, постоянно запаздывая с назревшими в обществе преобразованиями. Социально-политические противоречия стремительно обострялись и грозили вылиться в революционный взрыв. В этих условиях интеллигенция, включая педагогическую, достаточно органично вписывалась в новую объективную реальность: раз-

вернулось широкое общественно-педагогическое движение за демократизацию народного образования, началось активное дискуссионное обсуждение острых проблем общественно-политической жизни на страницах печатных изданий, наблюдался процесс роста оппозиционности среди учительства, которое включалось и в «революционно-освободительное движение».

В современной историографии проблема общественно-политического движения учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. является малоизученной, комплексные исследования и вовсе отсутствуют. В этой связи неисчерпаемым ресурсом новой информации являются исторические источники, созданные людьми в процессе осознанной, целенаправленной деятельности. Общая совокупность их составляет «проекции культуры во времени, сокровищницу человеческого знания и мирового опыта» [1, с. 5]. Понимание особенностей и условий их возникновения, критическая оценка и объективная интерпретация создают основу для успешного решения научной проблемы.

Основная часть. Несомненно, фундамент исследования данной проблемы создают письменные источники. По отношению к истории общественно-политического движения второй половины XIX – начала XX в. они достаточно многочисленные, в определенной степени уже обработанные и опубликованные. Среди них в первую очередь следует отметить фундаментальные издания, такие как «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917)» [2], «Хрестоматия по истории БССР» [3], «Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917 г.» [4], «Хрестоматия по истории Беларуси. Часть 1. С древнейших времен до 1917 г.» [5]. Интересная документальная информация содержится в хрестоматийных изданиях «Антологии педагогической мысли Белорусской ССР» [6] и «Антологии по истории педагогики в России (первая половина XX века)» [7], а также в «Отчетах о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа» [8] (по годам), «Календарях для учителей» [9], «Памятных книжках губерний» [10], законодательных актах [11] и официальных документах центральной и местной власти (Полное собрание законов Российской империи, Свод законов российской империи, Сборник узаконений и правительственных распоряжений и др.), сборниках постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения [12], «Программах политических партий России. Конец XIX – начало XX в.» [13], «Стенографических отчетах Государственной Думы», материалах учительских съездов по народному образованию и др.

Вместе с тем комплексное изучение темы требует введения в научный оборот новых источников, и прежде всего архивных. Так как спектр исследования достаточно объемный и широкий, для решения научной проблемы необходимо привлечение архивных дел, которые хранятся в фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) в Минске (458, 705, 2254, 2261, 2416, 2496, 2499, 2507) и Гродно (ф. 38, 39, 84, 839, 842, 1186), Национальном историческом архиве Минской области (НГАМО) (ф. 323, 324), Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИИ) (ф. 3), Литовском государственном историческом архиве (ЛГИА) в Вильнюсе (ф. 567, 568, 569, 574, 719), Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, (ЦГИА СПб) (ф. 44, 53, 139, 218, 412).

Определяя информационные возможности и содержательность документов и материалов, использование которых дает возможность исследовать общественно-политическое движение учителей Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., можно выделить несколько групп: законодательные акты Российской империи, материалы делопроизводства, статистические документы, периодическая печать и документы личного происхождения.

К первой группе исторических источников относятся законодательные акты, которые отражают официальную сторону государственной политики в сфере народного просвещения и учительской интеллигенции. Их комплексное использование и сравнительный анализ дает возможность проследить эволюцию школьной политики правительства (включая кадровую политику), а также ее новые тенденции и направления под влиянием исторических реалий второй половины XIX – начала XX в. в первую очередь революционно-освободительного движения. К этому типу нормативно-правовых актов относятся Устав о гражданской службе по определению от правительства, уставы учебных заведений и учреждений ведомства Министерства народного просвещения, а также Указы правительствующего сената и др. Они являются фундаментальным правовым основанием изучения социально-правового статуса учительства, круга их прав и обязанностей.

Вторую группу исторических источников составляют документы официального делопроизводства, которые отличаются высоким уровнем информативности. Они представлены организационно-распорядительной документацией (циркулярами, инструкциями, правилами, протоколами, программами, распоряжениями, предписаниями, приказами), деловой перепиской (рапортами, записками, донесениями,

прошениями, докладами) и информационно-отчетными документами (справками, докладами, отчетами, сведениями). Особое место среди них занимают приказы, постановления и распоряжения Министерства народного просвещения, циркуляры управления Виленского учебного округа, отчеты и донесения о состоянии учебных заведений, которые содержали различные указания по организации учебно-воспитательного процесса в различных типах учебных заведений. В инструкциях определялись полномочия педагогических советов учебных заведений, инспекторов и наблюдателей, обязанности учителей по отношению к «учебному начальству», священникам, родителям учеников, а также правила, которыми должны были руководствоваться учителя не только осуществляя учебно-воспитательный процесс, но и в повседневной жизни. Этими документами также устанавливались определенные нормы и границы в коммуникации как с различными группами местной общественности, так и с представителями социально-политических сил и течений. Рапорты и донесения училищным и окружным органам содержат информацию учителей не только о состоянии учебного дела, но и о визитах инспекторов и высокопоставленных лиц, о деятельности «тайных школ», настроениях местного общества и др. Особую ценность представляет сохранившаяся переписка (иногда с грифом «секретно») с губернскими жандармскими управлениями и директорами (инспекторами) о политической и нравственной «неблагонадежности» учителей и учащихся, различных «случаях и происшествиях», включая распространение «крамольной и политической» литературы и прокламаций, открытые призывы и агитацию к протестным антиправительственным выступлениям против самодержавия, за демократические преобразования в стране, в том числе в сфере народного образования. Переписка (рапорты, донесения, отчеты, прошения, ходатайства и др.) дает представление о сложившейся общественно-политической ситуации в стране в целом и различных уездах губерний в частности, степени активности региональных политических объединений и организаций, а также позволяет в определенной степени проследить настроения и динамику политических воззрений педагогической интеллигенции, ее реакцию на происходящие события, особенно в начале XX в.

Значимым источником исследования проблемы являются статистические материалы, которые представлены в первую очередь материалами однодневной переписи начальных школ в империи 1911 г., адрес-календарями, памятными книжками губерний и дирекций народных

училищ, многочисленными и разнообразными отчетами по годам всех типов учебных заведений и по управлению Виленским учебным округом в целом, а также отчеты педагогических обществ взаимопомощи. Они дают возможность более точно и полно оценить динамику состояния народного образования используя конкретные данные о численности учебных заведений, количестве «учащих» и учащихся и их взаимоотношениях, включая кадровые изменения, статистику знаменательных событий, формы поддержки и взаимопомощи учительства и конкретные результаты. Важную информацию содержит и земская статистика: не только количество учителей, уровень образования, социальное происхождение, семейное положение, уровень зарплаты и др., но и конкретные данные по организации учебного процесса и внеклассной деятельности, организации быта и повседневной жизни. Стенографические отчеты заседаний Государственных Дум позволяют выяснить не только конкретные цифры и данные по итогам голосования, но и выявить позиции представителей педагогического мира по различным актуальным вопросам социально-политического и экономического развития государства, т. е. используя информацию, содержащуюся в материалах статистики, можно провести не только количественный, но и качественный анализ изменения ключевых аспектов проблемы.

Богатый и разнообразный материал содержится в периодической печати, которая составляет самостоятельную группу источников по изучению общественно-политического движения учительства Беларуси. Дореволюционные периодические издания (Губернские и Епархиальные ведомости, «Минский листок», «Наша доля», «Наша нива» и др.) на фоне освещения основных направлений общественно-политической и социально-экономической жизни содержали публикации о состоянии народного образования, включая проблему подготовки учителей, его социально-правового статуса и участия в общественной жизни. Ценные материалы для изучения темы содержит непосредственно отраслевая журналистика – педагогическая. В конце XIX – начале XX в. в России выходило большое количество периодических изданий, посвященных вопросам преподавания и воспитания: «Народный учитель», «Русская школа», «Педагогический листок», «Русский начальный учитель», «Учительский вестник» и др. Кроме этого, в Беларуси распространялись официальные журналы: «Циркуляр по Виленскому учебному округу» и «Народное образование в Виленском учебном округе». Педагогические общества взаимопомощи учреждали и свои печатные органы: «Голос учителя», «Бе-

лорусский учитель», «Белорусский учительский вестник», «Педагогическое дело». Следует отметить, что они имели различную общественно-политическую и национально-культурную ориентацию. Это отразилось на их дальнейшей судьбе: те, которые отражали прогрессивные настроения белорусского учительства, были запрещены после выхода первых же номеров в связи с антиправительственным характером публикаций, а «Педагогическое дело» как журнал либерально-просветительного направления смог издать 12 номеров, но также был закрыт. Данные периодической печати отражают широкое разнообразие идей и взглядов авторов по различным проблемам тогдашней действительности, включая вопросы развития народного образования, содержат важную информацию о культурно-просветительной и общественной деятельности педагогов, фотографические материалы и др.

Значительный материал, который не отражен в официальных документах и периодике, содержится в источниках личного происхождения (мемуары, воспоминания, дневники, письма, эссе). Чаще всего их предметом является жизнь самого автора или близких, знакомых ему людей на фоне определенной исторической эпохи со всеми ее сложностями и противоречиями. Именно такой и была во второй половине XIX – начале XX в. Российская империя. Не будучи связанными формальными канонами, авторы приводят сведения, которые нельзя найти в официальных документах. Эти материалы, в том числе и безымянных авторов, как правило, носят достоверный, откровенный и правдивый ха-

рактер, помогают проникнуть в неповторимую атмосферу изучаемых событий, в определенной степени понять и почувствовать «дух времени», оценить степень внимания и активность участия в общественно-политической жизни [14, 15]. В этой связи ценность представляют литературно-художественные произведения и воспоминания Я. Колоса и И. Д. Горбачевского, письма товарищей по организации «Народная Воля» А. Е. Богдановичу и др. Авторский субъективизм, в данном случае учительства, к которому до недавнего времени исследователи-историки относились настороженно и весьма скептически, теперь осознается и воспринимается как способ более разностороннего и правдивого осмысления исторической действительности.

Заключение. Таким образом, всесторонний анализ и обобщение опубликованных и неопубликованных (архивных) исторических источников позволяют восстановить основные тенденции и направления общественно-политического движения учительства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Вместе с тем следует иметь в виду, что определенная часть документов и материалов рассматриваемого периода содержит своеобразную печать эпохи, которая в условиях самодержавия характеризовалась наличием политической цензуры, официальной идеологии и попытками унификации общественного сознания. Использование корпуса разнообразных по характеру и содержанию исторических источников, их критическое осмысление и сравнение позволят обеспечить решение научной проблемы, репрезентативность и объективность выводов.

Список литературы

1. Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие. М.: Изд. Центр РГГУ, 2000. 701 с.
2. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917): в 3 т. / под ред. В. Н. Перцева. Минск: Изд-во АН БССР, 1953. Т. 3. 1018 с.
3. Хрестоматия по истории БССР : в 2 ч. / под ред. И. С. Кравченко. Минск: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения БССР, 1961. Ч. 1. 156 с.
4. Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917 г. / под ред. А. П. Игнатенко, В. Н. Сидорцова. Минск: БГУ, 1977. 472 с.
5. Хрестоматия по истории Беларуси: в 2 ч. С древнейших времен до 1917 г. / сост. Я. И. Трещенок, К. М. Бондаренко. Минск: БГУ, 2008. Ч. 1. 610 с.
6. Антологии педагогической мысли Белорусской ССР / сост. Э. К. Дорошевич [и др.]. М.: Педагогика, 1986. 462 с.
7. Антология по истории педагогики в России (первая половина XX века) / сост. А. В. Овчинников, Л. Н. Беленчук, С. В. Лыков. М.: Академия, 2000. 384 с.
8. Отчет о состоянии учебных заведений и учреждений Виленского учебного округа за 1914 год. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1914. 787 с.
9. Календарь для учителей / сост. Ф. Гельбке. СПб.: Изд-во Отто Кирхнер, 1905. 280 с.
10. Памятная книжка Витебской дирекции народных училищ за 1902/1903 уч. год. Витебск: Губ. тип., 1903. 69 с.
11. Полное собрание Законов Российской империи: в 33 т. Собр. 3-е. СПб., 1910. Т. 17. 732 с.

12. Сборник распоряжений по МНП. СПб.: Тип. «Север», 1907. 1904 с.
13. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. / сост. В. В. Кривенький, Н. Н. Тарасова, В. В. Журавлев, отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
14. В. К. Тяжелая доля. Орывки из «Дневника» учительницы (работавшей в Белоруссии). Витебск, 1903. 42 с.
15. Из школьной жизни. Письмо учительницы // Народное образование в Виленском учебном округе. 1908. № 4. С. 177–178.

References

1. Danilevskiy I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. *Istochnikovedeniye: Teoriya. Istoriya. Metod. istochniki rossiyskoy istorii* [Source Study: Theory. Story. Method. Sources of Russian history]. Moscow, Izd. Tsentr RGGU Publ., 2000. 701 p.
2. Pertsev V. N. *Dokumenty i materialy po istorii Belorussii (1900–1917)* [Documents and materials on the history of Belarus (1900–1917)]. Minsk, Izd-vo AN BSSR Publ., 1953, vol. 3. 1018 p.
3. Kravchenko I. S. *Khrestomatiya po istorii BSSR* [Reader on the history of the BSSR]. Minsk, Gos. ucheb. ped. izd-vo Ministerstva prosveshcheniya BSSR Publ., 1961. 156 p.
4. Ignatenko A. P., Sidortsova V. N. *Khrestomatiya po istorii Belorussii. S drevneyshikh vremen do 1917 g.* [Reader on the history of Belarus. From ancient times to 1917]. Minsk, BGU Publ., 1977. 472 p.
5. Treshchenok Ya. I., Bondarenko K. M. *Khrestomatiya po istorii Belarusi. S drevneyshikh vremen do 1917 g.* [Reader on the history of Belarus: From ancient times to 1917]. Minsk, BGU Publ., 1977, 610 p.
6. Doroshevich E. K., Myatel'skiy M. S., Solntsev P. S. *Antologii pedagogicheskoy mysli Belorusskoy SSR* [Anthologies of pedagogical thought of the Byelorussian SSR]. Moscow, Pedagogika Publ., 2000. 701 p.
7. Ovchinnikov A. V., Belenchuk L. N., Lykov S. V. *Antologiya po istorii pedagogiki v Rossii (pervaya polovina XX veka)* [Anthology on the history of pedagogy in Russia (first half of the twentieth century)]. Moscow, Akademiya Publ., 2000. 384 p.
8. *Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedeniy i uchrezhdeniy Vilenskogo uchebnogo okruga za 1914 god* [Report on the state of educational institutions and institutions of the Vil'na educational district for 1914]. Vil'na, Tip. A. G. Syrkina Publ., 1914. 787 p.
9. Gel'bke F. *Kalendar' dlya uchiteley* [Calendar for teachers]. St. Petersburg, Izd. Otto Kirkhner Publ., 1905. 280 p.
10. *Pamyatnaya knizhka Vitebskoy direksii narodnykh uchilishch za 1902/1903 ucheb. god* [Commemorative book of the Vitebsk directorate of public schools for 1902/1903 academic year. year]. Vitebsk, Gub. tip. Publ., 1903. 69 p.
11. *Polnoye sobraniye Zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete collection of the Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1910, vol. 17. 732 p.
12. *Sbornik rasporyazheniy po MNP* [Collection of orders for MNE]. St. Petersburg, Tip. "Sever" Publ., 1907. 1904 p.
13. Kriven'kiy V. V., Tarasova N. N., Zhuravlev V. V. *Programmy politicheskikh partiy Rossii. Konets XIX – nachalo XX v.* [Programs of political parties in Russia. Late 19th – early 20th centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1995. 464 p.
14. В. К. Тяжелая доля. Орывки из «Дневника» учительницы (работавшей в Белоруссии) [Heavy share. Excerpts from the "Diary" of a teacher (who worked in Belarus)]. Vitebsk, 1903. 42 p.
15. From school life. Teacher's letter. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1908, no. 4, pp. 177–178 (In Russian).

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 14.03.2021

УДК 94(476)

В. А. Карпівіч

Універсітэт грамадзянскай абароны МНС Беларусі

**УРАДАВАЯ ПАЛІТЫКА НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ
У ПЕРЫЯД СТАНАЎЛЕННЯ ІНДУСТРЫЯЛЬНАГА ГРАМАДСТВА
(ДРУГАЯ ПАЛОВА XIX СТ.)**

Артыкул прысвечаны праблеме станаўлення індустрыяльнага грамадства на беларускіх землях у другой палове XIX ст. і палітыцы, якую праводзіў царскі ўрад на гэтых землях. Улады сваёй галоўнай апорай бачылі дваранства і праводзілі палітыку ў абарону яго інтарэсаў. Аднак на працягу XIX ст. царызм з недаверам ставіўся да мясцовых памешчыкаў, якія былі ў большасці паланізаванымі і прытрымваліся антырускай пазіцыі, што неаднаразова выяўлялася пад час паўстанняў у Заходніх губернях. Улады абмяжоўвалі дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў, земства ўзніклі тут толькі ў пачатку XX ст. Чыгуначнае будаўніцтва, а затым і ўвядзенне дыферэнцаванага тaryфу на перавозку грузаў таксама не ў поўнай меры адпавядала інтарэсам мясцовых памешчыкаў. Разглядаецца палітыка ўлады ў адносінах да яўрэйскага насельніцтва. Асобна разглядаецца палітыка ўрада ў галіне адукацыі. Яна не садзейнічала развіццю сістэмы адукацыі, якая адпавядала б фармаванню буржуазнага грамадства.

Ключавыя словы: урадавая палітыка, індустрыяльнае грамадства, рыса аседласці, буржуазныя рэформы, адукацыя.

Для цытавання: Карпівіч В. А. Урадавая палітыка на беларускіх землях у перыяд станаўлення індустрыяльнага грамадства (другая палова XIX ст.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 33–37.

V. A. KarpivichUniversity of Civil Protection of the Ministry
of Emergency Situations of Belarus**GOVERNMENT POLICY IN THE BELARUSIAN LANDS
DURING THE FORMATION OF INDUSTRIAL SOCIETY
(THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY)**

The article is devoted to the problem of the formation of an industrial society in the Belarusian lands in the second half of the XIX century and the policy pursued by the Government's in these lands. The authorities saw the nobility as their main support and pursued a policy to protect its interests. Yet throughout the XIX century tsarism treated the local landowners with distrust. Most of them were polonized and supported anti-Russian sentiments. This was repeatedly demonstrated during the uprisings in the Western provinces. The authorities limited the activities of public organizations, zemstvos emerged here only at the beginning of the XX century. Railway construction, and then the introduction of a differentiated tariff for the carriage of goods, also did not fully meet the interests of local landowners. The policy of the authorities in relation to the Jewish population is considered. The Government's education policy is considered separately. It did not contribute to the development of an education system that would correspond to the formation of a bourgeois society.

Key words: government policy, industrial society, Pale of Settlement, bourgeois reforms, education

For citation: Karpivich V. A. Government policy in the Belarusian lands during the formation of industrial society (the second half of the XIX century). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 33–37 (In Belarusian).

Уводзіны. У другой палове XIX ст. на беларускіх землях пачаўся працэс пераходу да індустрыяльнага грамадства. Ён ахапіў, па сутнасці, усю тэрыторыю Расійскай імперыі ў першую чаргу дзякуючы буржуазным рэформам, якія адбыліся ў імперыі пасля адмены прыгону. Чакалася, што дзякуючы гэтым рэформам краіна стане на колы буржуазнага развіцця, пачнуцца значныя змены ў жыцці грамадства, а вялікая колькасць вызваленых

ад прыгону працоўных рук будзе накіравана на развіццё прамысловасці. Тым не менш працэс станаўлення індустрыяльнага грамадства будзе адбывацца не аднолькава ў розных рэгіёнах Расійскай імперыі. Свае асаблівасці былі і на землях. Працэс грамадскай мадэрнізацыі адбываўся тут інакш, чым у другіх рэгіёнах Еўрапейскай Расіі. І для гэтага былі свае прычыны. Адной з асаблівасцей беларускіх зямель у XIX – пачатку XX ст. стала тое, што тут быў

даволі стракаты склад насельніцтва. Значная частка памешчыкаў і шляхты былі паланізаванымі і прылічвалі сябе да польскай нацыі. Частка сельскага і гарадскога насельніцтва былі католікамі, іх таксама імкнуліся залічваць у палякі. На гэтай тэрыторыі жыла шмат яўрэйскага насельніцтва. За паўстагоддзе пасля далучэння беларускіх зямель да Расійскай імперыі сюды стала пераязджаць даволі шмат рускіх, асабліва чыноўнікаў і святароў, а таксама вайскоўцаў. Усё гэта накладвала свой прыкметны адбітак на сацыяльна-эканамічныя і палітычныя працэсы беларускіх зямель у XIX – пачатку XX ст.

Асноўная частка. У перыяд правядзення ў імперыі буржуазных рэформ (60–70-я гг. XIX ст.) беларускія землі аказаліся ў складаным палітычным становішчы. Паўстанне 1863–1864 гг. прадэманстравала царскім уладам, што не ўсё мясцовае насельніцтва прыхільна ставіцца да імперыі. Значная частка мясцовай шляхты і памешчыкаў па-ранейшаму маюць сепаратысцкі настрой і жадаюць аднаўлення Рэчы Паспалітай. І яны ў сваіх жаданнях знаходзяць падтрымку ў часткі насельніцтва беларускіх зямель. Таму ўрад, баючыся прапольскага ўплыву ў органах грамадскага кіравання, а таксама праз сістэму навучання праводзіць на беларускіх землях буржуазныя пераўтварэнні з вялікай асцярогай. Нежаданне царскіх улад праводзіць на гэтых землях паўнавартасныя пераўтварэнні прывяло да таго, што працэс стварэння на беларускіх землях інстытутаў буржуазнага грамадства будзе адбывацца марудна, са значным адставаннем ад іншых рэгіёнаў Еўрапейскай Расіі, дзе, адзначым, улады таксама не будуць імкнуцца ствараць гэтыя інстытуцыі ў поўным аб'ёме.

Пасля падаўлення паўстання на чале з К. Каліноўскім у беларускіх губернях дзейнічала забарона на стварэнне рознага роду аб'яднанняў і таварыстваў, нават тых, якія мелі мэту аказання дапамогі сельскагаспадарчым вытворцам. І толькі ў канцы 70-х гг. XIX ст. урад даў дазвол стварыць на Беларусі таварыствы сельскіх гаспадароў, дзейнасць якіх была абмежавана толькі аграрнай сферай. Аднак і гэтыя таварыствы знаходзіліся пад пільным кантролем улад. Недавер з боку царызму да мясцовых памешчыкаў і шляхты, значная частка якіх прылічвала сябе да польскай нацыі, знайшоў свой выраз у адмове ад правядзення на беларускіх землях земскай рэформы 1864 г. Улады баяліся, што праз земствы польскія элементы зноў пачнуць агітаваць насельніцтва да паўстання, таму яны ў беларускіх губернях з'явіліся толькі ў пачатку XX ст.

Асабліва палітыка царызму ў заходніх губернях назіралася і ў дачыненні да яўрэйскага насельніцтва. Яшчэ Кацярынай II у 1791 г. бы-

ла вызначана рыса яўрэйскай аселасці, у якую ўвайшлі і беларускія губерні. Існаванне дадзенай рысы вызначыла нацыянальны склад мясцовага насельніцтва. Менавіта тут была даволі высокая канцэнтрацыя яўрэйскага насельніцтва, якое пражывала не толькі ў гарадах, але і ў мястэчках ды вёсках. Многія з іх набывалі зямлю ці бралі яе ў арэнду ў мясцовых памешчыкаў. У сваю чаргу асобныя адносінны да яўрэйскага насельніцтва аказалі ўплыў і на правядзенне гарадской рэформы 1870 г. царскія ўлады не жадалі, каб у органах гарадскога самакіравання дамінавалі прадстаўнікі яўрэйскага насельніцтва, а яны ў большасці беларускіх гарадоў і мястэчак складалі звыш 50% жыхароў. Органы гарадскога самакіравання ў беларускіх губернях былі створаны толькі праз 5 гадоў.

У 1882 г. царскі ўрад выдаў новы ўказ, паводле якога яўрэям забаранялася сяліцца па-за гарадамі і мястэчкамі, а таксама арандаваць або набываць зямлю. Пэўныя абмежаванні былі і ў арэндзе нерухомай маёмасці. Таксама яўрэям забаранялася гандляваць віном у нядзелю і царкоўныя святы [1, с. 181].

Перанаселенасць гарадоў і мястэчак Беларусі яўрэямі прывяла да таго, што многія з іх былі вымушаны займацца прамысловай дзейнасцю ці гандлем. Гэта вызначыла нацыянальны склад гандлёвага саслоўя ў Беларусі, пераважная большасць якога была яўрэямі. Яны таксама складалі і пераважную большасць гільдзейскага купецтва. Іх адносная колькасць сярод купцоў 1-й і 2-й гільдыі складала ад 80 да 90% і больш. Так, у 1868 г. з 85 купцоў 1-й гільдыі ў 5 губернях 69 былі яўрэі [2, с. 762–764]. Згодна з перапісам 1897 г., да купецкага саслоўя ў Беларусі адносілася 12 045 чалавек, з іх – 10 536 (або 87,5%) – яўрэі. Тое, што амаль увесь гандаль у губернях знаходзіўся ў руках яўрэяў, неаднаразова адзначалі ў сваіх справаздачах і губернатары.

З мэтай узмацнення купецкага саслоўя ўрад правёў у 1863 г. гільдзейскую рэформу. Згодна з новым палажэннем скасоўвалася 3-я гільдыя. Нанава вызначаліся правы і абавязкі гільдзейскіх купцоў. За купецкае пасведчанне 1-й гільдыі збіралася паўсюды адна і тая ж пошліна. Яна была ўстаноўлена ў памеры 265 руб. [3, отдел II, с. 5]. У той жа час гэтае пасведчанне давала права займацца аптовым гандлем рускім і замежным таварам па ўсёй імперыі, а таксама займацца ў тых месцах, дзе яны набылі пасведчанні, рознічным гандлем і трымаць там прамысловыя прадпрыемствы [4, отдел I, с. 162].

Кошт пасведчання купца 1-й гільдыі быў даваў высокім, таму ў гэты перыяд колькасць купцоў гэтай гільдыі ў беларускіх губернях была невялікай. Доля пасведчанняў 1-й гільдыі ад-

носна агульнага ліку гадавых дакументаў на гандаль вагалася ў другой палове 60-х гг. XIX ст. ад 0,1% у беларускіх паветах Віцебскай губерні да 0,3% у Магілёўскай, а ў беларускіх паветах Віленскай губерні не было выкуплена ніводнага. І толькі ў канцы XIX ст. доля пасведчанняў 1-й гільдыі складала ад 0,2% у Віленскай губерні да 0,6% у Магілёўскай [5, с. 69].

Тое, што царскія ўлады не ўлічвалі асаблівасцей сацыяльна-эканамічнага развіцця беларускіх зямель, знайшло сваё адлюстраванне і пад час будаўніцтва чыгунак. Чыгуначныя лініі пракладваліся згодна стратэгічным планам урада, часта яны праводзіліся ў баку ад важных гандлёвых цэнтраў, якія, як напрыклад Шклоў, паступова страчвалі сваё значэнне. Пры гэтым улады ігнаравалі і звароты мясцовых памешчыкаў з прашэннямі аб будаўніцтве новых чыгунак. Так, у 1862 г. яны пакінулі без увагі просьбу памешчыкаў Валынскай, Мінскай, Гродзенскай, Віленскай і Ковенскай губерняў аб будаўніцтве чыгункі ад Беластока праз Пружаны да Пінска і далей да Валыні [6, л. 1].

Чыгункі аказалі значны ўплыў на развіццё гандлёвай дзейнасці. Раней перавоз грузаў залежаў ад рэк і стану дарог. Цяпер шмат грузаў магло перавозіцца хутка і ў вялікай колькасці. Аднак не ва ўсіх была магчымасць выкарыстоўваць чыгуначныя перавозкі ў поўнай меры. Асабліва гэта закранула сельгасвытворцаў беларускіх губерняў.

Сведчаннем таму, што царскі ўрад не бачыў памешчыкаў заходніх губерняў сваёй надзейнай апорай, было ўвядзенне дыферэнцаванага чыгуначнага тарыфу. Дадзеная палітыка праводзілася выключна ў інтарэсах памешчыкаў-зерневытворцаў цэнтральных расійскіх губерняў. Згодна з гэтым тарыфам было больш выгадна адпраўляць хлеб па чыгунках за мяжу, чым перавозіць для продажу ў межах губерняў. Так, перавоз груза на адлегласць 567 км каштаваў 6,1 кап. за пуд. У той жа час перавоз такога ж груза на адлегласць да 300 км каштаваў 7,46 кап. за пуд [7, с. 202]. Выкарыстанне дадзенага тарыфу прывяло да таго, што рынак Беларусі быў запоўнены танным хлебам з расійскіх губерняў. Так, напрыклад, жыта, прывезенае ў заходнія губерні з Тулы на адлегласць у 1650–1750 вёрст, абыходзілася пры перавозцы ў 50,02 кап. за пуд, а мясцовае пры перавозцы на адлегласць да 150 вёрстаў – 58,51 кап. за пуд [8, с. 43]. І толькі пасля шматлікіх зваротаў мясцовых памешчыкаў і прадстаўнікоў улад чыгуначны тарыф быў паменшаны. У 1893 г. быў паніжаны тарыф для грузавых перавозак на адлегласць да 320 вёрст, а ў 1896 г. дадзеная лгота была распаўсюджана да 450 вёрст [9, с. 90–92, 181–186].

Немалаважнае значэнне для развіцця эканомікі мелі фінансавыя ўстановы. Фактычна да канца 60-х гг. XIX ст. у Беларусі не існавала ніводнай крэдытнай установы. Беларускія губернатары неаднаразова звярталі ў сваіх справаздачах увагу на тое, што мясцовы крэдыт развіты тут вельмі слаба і не можа задавальняць патрэбы насельніцтва. Першай мясцовай крэдытнай установай у Беларусі стаў Гомельскі гарадскі банк, які пачаў сваю дзейнасць у 1870 г. Услед за ім у 1873 г. быў заснаваны Мінскі камерцыйны банк.

Усяго напрыканцы XIX ст. у Беларусі дзейнічала 26 банкаўскіх устаноў. Сярод іх, акрамя ўжо названых, былі 7 таварыстваў узаемнага крэдыту, а з 1897 г. у г. Мінску стала працаваць гарадское крэдытнае таварыства.

Акрамя банкаў, у Беларусі дзейнічалі розныя банкірскія канторы і дамы. Напрыканцы 1890-х гг. буйных кантор налічвалася: у Мінскай і Магілёўскай губернях – па 7, Гродзенскай – 11, Віцебскай – 4. У Ашмянскім павеце Віленскай губерні дзейнічала адна кантора [10, с. 163]. Іх пазыкамі актыўна карысталіся дробныя і сярэднія гандляры, для якіх крэдыт у камерцыйных банках быў недасягальны.

На працягу 1881–1884 гг. свае аддзяленні ва ўсіх губернскіх гарадах Беларусі адчыніў Дзяржаўны банк. Купцы першапачаткова неахвотна карысталіся яго паслугамі. Так, у 1883 г. Мінскае аддзяленне Дзяржбанка выдала крэдытаў 18 купцам, якія займаліся продажам сельгаспадарчай прадукцыі. А на 1 студзеня 1890 г. тут атрымаў крэдыт 51 купец. На працягу 90-х гг. XIX ст. дзейнасць аддзяленняў Дзяржбанка ў заходніх губернях узрасла. У 1898 г. 5 яго аддзяленняў выдалі 465 крэдытаў на гандаль сельгаставарамі ў памеры 1,9 млн руб. У сярэднім кошт аднаго крэдыту ў Беларусі складаў каля 5,5 тыс. руб. [10, с. 162]. Наогул дзейнасць у Беларусі аддзяленняў Дзяржбанка была даволі паспяховай. Па падліках Н. Л. Яснапольскага, Дзяржбанк меў больш даўгоў перад сваімі беларускімі аддзяленнямі, чым яны перад банкам. У 1888 г. даўгі Дзяржбанка перад 4 беларускімі аддзяленнямі склалі 1682 тыс. руб., у 1890 г. – 531 тыс. руб., а ў 1893 г. – ужо 2803 тыс. руб. [11, дадат. да табл. 55]. Гэта сведчыць аб тым, што Дзяржбанк выкачваў сродкі з беларускіх губерняў.

Своеасаблівае палітыка царскіх улад назіралася і ў галіне народнай асветы. У пачатку XIX ст. усё навучанне на беларускіх землях вялося на польскай мове. Але пасля паўстання 1830–1831 гг. улады перагледзелі сваю палітыку ў гэтай справе. У 1832 г. быў зачынены Віленскі ўніверсітэт. Таксама польская мова была забаронена для выкарыстання ў навучальным працэсе, згодна з указам 1836 г., ва ўсіх

навучальных установах забаранялася выкарыстанне і выкладанне польскай мовы, а мовай навучання абіралася руская [12, с. 426].

Буржуазныя рэформы 60-х гг. XIX ст. закранулі і сістэму адукацыі. У 1864 г. было зацверджана Палажэнне аб пачатковых народных вучылішчах і Статут гімназій і прагімназій. Народныя вучылішчы ўтрымліваліся за кошт казны, у іх маглі вучыцца прадстаўнікі ўсіх саслоўяў. У сваю чаргу гімназіі падзяляліся на класічныя і рэальныя. Аднак толькі пасля заканчэння класічнай гімназіі можна было далей працягваць навучанне ва ўніверсітэце. У 1871 г. прымаецца новы Статут гімназій, згодна з якім усе рэальныя гімназіі ператвараюцца ў класічныя. Аднак ужо ў 80-я гг. XIX ст. пачынаецца адыход ад буржуазных рэформ, у тым ліку і ў галіне адукацыі. У 1884 г. было прынята палажэнне аб царкоўнапрыходскіх школах, згодна з якім народныя пачатковыя школы зачыняліся. На іх месцы ствараліся царкоўнапрыходскія, якія падпарадкоўваліся сіноду і мясцоваму духавенству. Да 1889 г. такіх школ дзейнічала на тэрыторыі Беларусі амаль 6 тыс. А ў 1887 г. адбываецца скасаванне прагрэсіўных працэсаў у адукацыйнай сістэме. У гэтым годзе Міністэрства народнай асветы прыняла цыркуляр, згодна з якім уведзілася абмежаванне па прыёму ў навучальныя ўстановы дзяцей ніжніх саслоўяў.

У 1868 г. у Беларусі дзейнічала 18 сярэдніх навучальных устаноў, 10 мужчынскіх і жаночых гімназій, 2 прагімназіі, 4 духоўныя семінарыі і земляробскія вучылішчы, а таксама Полацкі кадэцкі корпус. Да 1899 г. тут з'явіліся яшчэ толькі дзве новыя сярэднія навучальныя ўстановы. Колькасць навучэнцаў у іх павялічылася за гэты перыяд з 3 да 5 тыс. чалавек.

Аднак вышэйшых навучальных устаноў на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX ст. не існавала. Адзіная з такіх устаноў, Горыцкі земляробчы інстытут, заснаваны ў мястэчку Горкі Магілёўскай губерні ў 1839 г. як земляробчая школа, а затым ператвораная ў 1848 г. у вышэйшую навучальную ўстанову, была зачыненая пасля паўстання 1863–1864 гг.

Такім чынам, палітыка царскіх улад на беларускіх землях у галіне адукацыі не адпавя-

дала патрэбам індустрыяльнага грамадства, якое толькі фармавалася. Развіццё фабрык і заводаў патрабавала новыя працоўныя кадры, якія б мелі не толькі пачатковую адукацыю, але і нават агульную сярэдняю, не гаворачы ўжо пра прафесійную і вышэйшую. Нежаданне адчыняць навучальныя ўстановы, якія задавальняюць патрэбы індустрыяльнага развіцця, не садзейнічала хуткаму капіталістычнаму развіццю беларускіх зямель. Згодна з перапісам насельніцтва 1897 г., пісьменныя складалі ў Мінскай губерні толькі 17,8% ад усяго насельніцтва (сярод гарадскога – 45,2%), у Магілёўскай – 16,% (сярод гарадскога – 45,3%), у беларускіх паветах Віцебскай – каля 16% (сярод гарадскога – каля 40%), Гродзенскай – каля 20% (сярод гарадскога – каля 50%), Віленскай – каля 25% (сярод гарадскога – каля 45%) [13, с. 23–25].

Заклучэнне. Такім чынам, можна вызначыць, што палітыка царскіх улад на Беларусі была неадназначнай. З аднаго боку, царызм не бачыў мясцовае насельніцтва, у тым ліку і памешчыкаў, сваёй надзейнай апоры ў краі. Гэта праяўлялася ў абмежаванні пры стварэнні рознага роду таварыстваў ці аб'яднанняў, з другога – улады вымушаны былі праводзіць значныя пераўтварэнні, якія ў пэўнай ступені павінны былі б садзейнічаць развіццю Беларусі. Аднак царызм у першую чаргу абараняў інтарэсы памешчыкаў. Гэтаму ў значнай ступені адпавядалі абмежаванні купляць зямлю за межамі гарадоў Беларусі прадстаўнікам іншых саслоўяў і іншаземцам. Акрамя таго, царскія ўлады не рабілі спецыяльных захадаў па развіцці прамысловасці ў беларускіх губернях. Аднак яны і не перашкаджалі развіццю пэўных галін прамысловасці. У асноўным прамысловыя прадпрыемствы Беларусі былі звязаны з перапрацоўкай мясцовай сыравіны.

Улады не звярталі сабаістай увагі і на пашырэнне адукацыі на беларускіх землях, стрымлівалі ўсе намаганні ў гэтым накірунку, што не магло не аказаць негатыўны ўплыў на фармаванне мясцовай інтэлігенцыі. Але станаўленне індустрыяльнага грамадства патрабавала павышэння яго адукацыйнага і культурнага ўзроўню.

Спіс літаратуры

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3: в 48 т. СПб.: Гос. тип., 1882. Т. 2. 1139 с.
2. Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства на 1868 г. / сост. А. Сементовский. Вильна: Тип. К. Вульфа, 1868. 246 с.
3. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: Тип. 2 отд-ния Е. И. В. Канцелярии, 1866. Т. 38. 941 с.
4. ПСЗРИ. Собр. 2. СПб.: Тип. 2 отде-ния Е. И. В. Канцелярии, 1867. Т. 40. 991 с.
5. Карпіевіч В. А. Развіццё гандлю ў Беларусі (1861–1900): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. А. Карпіевіч; Бел. дзярж. пед. ун-т. Мінск, 2003. 138 с.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1458.

7. Экономика Белоруссии в эпоху империализма. 1900–1917 / под ред. Г. Т. Ковалевского [и др.]. Минск: Академия наук БССР, 1963. 420 с.
8. Кожушков А. И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии во второй половине XIX в. Минск: Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1963. 87 с.
9. Китанина Т. М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг.: Очерки правительственной политики / под ред. С. И. Потолева. Л.: Наука, 1978. 287 с.
10. Бейлькин Х. Ю. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии. 1861–1914. Минск: Наука и техника, 1989. 288 с.
11. Приложение к исследованию Н. П. Яснопольского «О географическом распределении государственных доходов и расходов в России». Киев: Тип. ун-та Св. Владимира, 1897. 119 с.
12. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII– первая половина XIX в. / отв. ред. М. Ф. Шабаева. М.: Педагогика, 1973. 608 с.
13. Документы и материалы по истории Белоруссии: в 3 т. Минск: Академия наук БССР, Ин-т истории, 1953. Т. 3: 1900–1917 гг. 1020 с.

References

1. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCLRE)]. St. Petersburg, Gos. tip. Publ., 1882, vol. 2. 1139 p.
2. Sementovskiy A. *Adres-kalendar' Vilenskogo general-gubernatorstva na 1868 g.* [Address calendar of the Vilnius Governor General for 1868]. Vil'na, Tip. K. Vul'fa Publ., 1868. 246 p.
3. *PSZRI* [CCLRE]. St. Petersburg, Tip. 2 branches of H. I. M. the Chancellery, 1866, vol. 38. 941 p.
4. *PSZRI* [CCLRE]. St. Petersburg, Tip. 2 branches of H. I. M. the Chancellery, 1867, vol. 40. 991 p.
5. Karpievich V. A. *Razvitstse gandlyu u Belarusi (1861–1900). Dis. kand. gist. navuk* [Development of trade in Belarus (1861–1900). Kand. Diss.]. Minsk, 2003. 138 p.
6. National historical archive of belarus. Fund 295. I. 1. F. 1458.
7. Kovalevskiy G. T. *Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma. 1900–1917* [The economy of Belarus in the era of imperialism. 1900–1917]. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1963. 420 p.
8. Kozhushkov A. I. *Razvitiye kapitalizma v sel'skom khozyaystve Belorussii vo vtoroy polovine XIX v.* [The development of capitalism in the agriculture of Belarus in the second half of the nineteenth century]. Minsk, Izd-vo Ministerstva vysshego, srednego spetsial'nogo i professional'nogo obrazovaniya BSSR Publ., 1963. 87 p.
9. Kitaniina T. M. *Khlebnaya torgovlya Rossii v 1875–1914 gg.: Ocherki pravitel'stvennoy politiki* [Grain trade in Russia in 1875–1914: Essays on government Policy]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 287 p.
10. Beyl'kin Kh. Yu. *Sel'skokhozyaystvennyy rynek Belorussii. 1861–1914* [Agricultural market of Belarus. 1861–1914]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1989. 288 p.
11. *Prilozheniye k issledovaniyu N. P. Yasnopol'skogo "O geograficheskoy raspredelenii gosudarstvennykh dokhodov i raskhodov v Rossii"* [Appendix to the study by N. P. Yasnopolsky "On the geographical distribution of state revenues and expenses in Russia"]. Kiev, Tip. un-ta Sv. Vladimira Publ., 1897. 119 p.
12. Shabayeva M. F. *Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR. XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Essays on the history of school and pedagogical thought of the peoples of the USSR. XVIII– the first half of the XIX century]. Moscow, Pedagogika Publ., 1973. 608 p.
13. *Dokumenty i materialy po istorii Belorussii* [Documents and materials on the history of Belarus]. Minsk, Akademiya nauk BSSR, Institut istorii Publ., 1953, vol. 3: 1900–1917. 1020 p.

Інфармацыя пра аўтара

Карпівіч Віктар Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных навук. Універсітэт грамадзянскай абароны МНС Беларусі (220118, г. Мінск, вул. Машынабудаўнікоў, 25, Рэспубліка Беларусь). E-mail: karpievich68@yandex.by

Information about the author

Karpiyevich Viktor Aliyaksandravich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Humanities. University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Belarus (25, Mashinostroiteley str., 220118, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: karpievich68@yandex.by

Паступіў 05.03.2021

УДК 351.77(476-25)(091)"18/19"

Т. В. Воронич

Белорусский государственный экономический университет

**САНИТАРИЯ И ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ
ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА МИНСКА
(ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX В.)**

В соответствии с законодательством Российской империи городские органы самоуправления имели право издавать по различным вопросам городского хозяйства, в том числе санитарии, обязательные постановления, подлежащие исполнению всеми горожанами. Первые выявленные обязательные постановления, принятые в Минске в 1883 г., были направлены на охрану воды. Правила регламентировали устройство плотин и других сооружений на реке. В начале XX в. постановления были расширены и дополнены новыми правилами, которые регламентировали хозяйственно-бытовую деятельность горожан на реке, в том числе запрещали спуск сточных вод в реку, а также ограничивали рыбную ловлю в Свислочи. Обязательные постановления, принятые в 1885 г., которые регулировали санитарное положение города, состояли из трех пунктов: устройство отхожих мест, вывоз и свалка бытовых отходов. К 1913 г. обязательные постановления значительно изменились. Появился ряд новых документов, которые регулировали отдельно вопросы очистки и уборки городских улиц, ужесточились требования к содержанию выгребных и помойных ям, был установлен ряд технических требований к конструкции самих выгребов. Также отдельными параграфами постановлений регламентировались организация и деятельность ассенизационных обозов. На протяжении рассматриваемого периода происходит совершенствование городского законодательства в сфере санитарии и охраны воды, закладываются основы природоохранных и санитарных норм городского права в Минске.

Ключевые слова: город, обязательные постановления, городские органы самоуправления, санитария, Минск, последняя треть XIX – начало XX в.

Для цитирования: Воронич Т. В. Санитария и обязательные постановления губернского города Минска (последняя треть XIX – начало XX в.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 38–41.

T. V. Voronich

Belarus State Economic University

**SANITATION AND OBLIGATORY REGULATIONS
OF THE GOVERNMENT CITY OF MINSK
(LAST THIRD OF THE 19th – BEGINNING OF 20th CENTURIES)**

In accordance with Russian imperial law, city governments had the right to issue compulsory ordinances on various city issues, including sanitation, to be enforced by all citizens. The first found binding regulations, adopted in Minsk in 1883, were aimed at protection of water. The rules regulated the construction of dams and other structures on the river. At the beginning of the 20th century the regulations were broadened and supplemented by new rules that regulated household activities of citizens on the river, including the prohibition of wastewater discharge into the river and limited fishing in the Svisloch. The city sanitary regulations which were enacted in 1885 and consisted of three sections - arrangement of refuse places, removal and dumping of garbage. By 1913, the compulsory regulations had changed considerably. A number of new documents appeared that regulated separately the issues of clearing and cleaning of city streets, the requirements to maintenance of cesspools and pit latrines were toughened and a number of technical requirements to the construction of pit latrines were set. Separate paragraphs regulated organisation and activity of sewage trucks. During the period under consideration, the city legislation in the field of sanitation and water protection was modernized and the foundations of the environmental and sanitary norms of the city law in Minsk were laid.

Key words: city, compulsory ordinances, city authorities, sanitation, Minsk, second half of the 19th – beginning of the 20th centuries.

For citation: T. V. Voronich. Sanitation and obligatory regulations of the government city of Minsk (last third of the XIX – beginning of XX centuries). *Proceedings of BSTU, issue. 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 38–41 (In Russian).

Введение. Права на чистую воду и санитария являются неотъемлемыми правами каждого человека. В последней трети XIX – начале XX в. в условиях быстрой урбанизации, развития промышленности вопросы обеспечения горожан водой и санитарией приобрели особую актуальность. В соответствии с Городовым положением городские органы самоуправления имели право издавать по различным вопросам городского хозяйства, в том числе санитарии, нормативные правовые городские акты – обязательные постановления, подлежащие исполнению всеми горожанами.

Основная часть. Первые обязательные постановления «О мерах предосторожности против порчи воды» были утверждены городской думой 7 апреля 1883 г. Постановления состояли из трех пунктов и содержали требования к устройству плотин и других видов технических сооружений на реке Свислочь.

Плотины, переходы при водяных мельницах представляли особую проблему для городской экологии. Для их устройства горожане использовали наем, «грязь и прочие нечистоты». Нередко добавляли землю, смешанную с мусором, фашинник. Положениями принятого обязательного постановления это строго запрещалось. При строительстве разрешалось использовать исключительно деревянные материалы с укреплением плотины и других сооружений камнями и кирпичом. Все вновь возводимые укрепления необходимо было строить только из разрешенных материалов, а уже существующие и построенные с нарушениями, должны были быть перестроены в месячный срок [1, л. 17].

В начале XX в. требования к строительным материалам остались теми же. Но в обязательных постановлениях «О мерах против порчи воды» появился целый ряд новых пунктов. Прежде всего строительство «всякого рода запруд» было возможно только с разрешения городских властей и в соответствии с утвержденным планом [2, с. 33–34]. Обязательные постановления в новой редакции также затронули и другие виды деятельности горожан на реке. В центральной части города было строго запрещено устраивать на реке портомойни, купальни, а также промывать «зелень и огородные овощи», купать лошадей и другой домашний скот. В этом районе была запрещена рубка льда и пользование им.

Купаться в Свислочи можно было только в специально предназначенных для этого местах – в купальнях, устройство которых также согласовывалось с городскими властями. Отдельно оговаривались требования к их содержанию в «полной чистоте и опрятности» [2, с. 33–34].

Обращает на себя внимание пункт, который ограничивал рыбную ловлю в Свислочи. Разрешалась ловля рыбы исключительно удочкой. Все остальные способы были строго запрещены.

Также появился новый параграф, который запрещал спуск сточных вод в реку по подземным трубам. В начале XX в. отдельными обязательными постановлениями «О фабричных и ремесленных заведениях» и «Об устройстве и порядке содержания бань» был также запрещен спуск в реку по канавам или подземным трубам неочищенных отработанных вод [2, с. 21, 24].

Городские власти изданием обязательных постановлений взяли под контроль общественно значимый для экологии Минска и непосредственно для здоровья горожан объект – главную водную артерию города – реку Свислочь. Деятельность горожан на реке начала регулироваться первыми нормами природоохранного законодательства.

Если первоначально главная задача в охране воды состояла в правильном устройстве сооружений через реку, в начале XX в. городские органы власти уже фиксируют и другие факторы, которые наносили вред экологии реки и города, и берут их под свой контроль. Это не только плотины и различные переправы, которые загромождали реку, загрязняли ее дно, препятствовали свободному течению реки, но и другие виды хозяйственно-бытовой и производственной деятельности человека – стирка белья, купание домашнего скота, работа промышленных предприятий и т. д. Важно отметить появление параграфа, который запрещал спуск городских сточных вод в реку. Кроме того, появляются первые правила промыслового рыболовства.

Обращает на себя внимание тот факт, что первые санитарные правила были приняты для охраны водных источников. Правила, которые регулировали другие аспекты санитарии города, такие как устройство отхожих мест и вывозка мусора из города, были приняты несколькими годами позже – 28 февраля 1885 г. и регламентировали несколько вопросов: устройство отхожих мест, вывоз и свалка бытовых отходов [3, л. 32–32 об.].

В соответствии с обязательными постановлениями 1885 г. все домовладельцы обязывались иметь при своих домах отхожие места (туалеты), оснащенные выгребными ящиками. Эти ящики должны были плотно закрываться, находиться вдали от улиц и иметь трубы. Также требовалась регулярная их очистка «по мере надобности». Очистка выгребных ящиков могла производиться и по требованиям санитарных попечителей. Если домовладелец уклонялся от исполнения требований, то он

мог быть привлечен к уголовной ответственности, а очистка производилась за счет виновного при содействии полиции.

В сентябре 1905 г. в Минске вступают в силу новые обязательные постановления «Об устройстве и очистке помойных ям и отхожих мест» [2, с. 44–47]. В соответствии с ними уже было детализировано местоположение выгребных ям – исключительно во дворах, устройство под жилыми зданиями – в подвалах домов строго запрещалось. Был установлен ряд технических требований к конструкции самих выгребов. Стены выгребов должны были быть водонепроницаемыми, для этого разрешалось использовать плотные осмоленные брусья. Также вокруг стен и под дном требовался слой глины толщиной в $\frac{1}{4}$ аршина.

Отдельно оговаривалось и устройство помойных ям, предназначенных для сбора твердых и жидких бытовых отходов. В постановлениях 1885 г. помойные ямы лишь упоминались. Требования об обязательном их устройстве не было. В соответствии с новыми постановлениями помойные ямы должны были иметь сверху решетку для отдельного сбора твердых отходов.

При уничтожении старые выгреба должны были тщательно очищаться, засыпаться негашеной известью и только после этого можно было их засыпать землей. Как выгребные, так и помойные ямы должны были иметь вытяжные трубы. Их очистку нужно было производить своевременно, не допуская переполнения. Выбрасывать какие-либо отходы во двор было запрещено.

Отдельным параграфом подтверждалась обязанность домовладельцев своевременной очистки выгребных ям. В противном случае очистка производилась городскими властями, но за счет домовладельцев.

Постановлениями 1885 г. для вывоза содержимого отхожих мест предусматривалось использование герметичных и простых ассенизационных бочек. Вывоз нечистот в герметичных бочках был разрешен в любое время суток, в то время как в простых только в ночное – летом с 12 часов, а зимой с 11 часов. Более никаких норм и требований к вывозу отходов установлено не было [2, л. 32 об.].

В начале XX в. нормативные правовые городские акты уже более детально регламентировали деятельность и устройство ассенизационного обоза. Каждый, желающий заниматься этим видом промысла, должен был представить для осмотра городскими властями свое оборудование, уплатить установленный сбор за ломовой извозный промысел в зависимости от количества лошадей в обозе. Управа имела право осматривать ассенизационные обозы для

контроля за их состоянием. Оборудование ассенизационных обозов должно было быть всегда исправным, содержаться в чистоте. После каждого использования бочки должны были дезинфицироваться в соответствии с указаниями городской управы [2, с. 45–47].

Горожане имели право использовать и так называемую «сухую ассенизацию», когда обработка содержимого выгребов производилась с помощью торфа.

В соответствии с новыми постановлениями изменилось и время вывоза отходов из города. В связи увеличением нагрузки на ассенизаторов временной интервал был увеличен – в зимний период с 1 ноября по 1 апреля с 9 часов вечера до 7 часов утра, в летний период с 11 часов вечера до 6 утра. К этому моменту в Минске появились уже и пневматические бочки, работа которых разрешалась в любое время суток при условии использования особого «аппарата для сжигания газа».

По правилам постановления 1885 г. вывоз коммунально-бытовых отходов должен был производиться строго на места, выбранные для этого городскими властями. Свалка мусора в реку или на берега реки была строго запрещена. Постановлениями 1905 г. также регламентировалась свалка отходов и вывоз «палых животных» в строго обозначенных городскими властями местах. Произвольный вывоз мусора и сваливание в неустановленных местах были строго запрещены.

К 1913 г. появляются обязательные постановления «О содержании мостовых и тротуаров в чистоте» [2, с. 5–7]. Уборка улиц и мостовых была натуральной повинностью горожан. Горожане своими силами должны были очищать территории тротуаров и улиц, прилегающих к их домам. Уборка улиц должна была производиться ежедневно и заканчиваться в летнее время к 7 часам утра, в зимнее время – к 8 часам утра. После сильных дождей, когда потоки воды на улицы приносило много мусора, а также в торговые дни, когда в Минске проходили базары, очищать улицы необходимо было в течение всего дня.

Наблюдение за своевременной очисткой улиц осуществляла полиция, и, если делалось замечание о необходимости уборки улицы, требование это должно было быть исполнено в тот же день. Если домовладелец игнорировал требования полиции, то очистка производилась городским управлением, но за счет этого домовладельца.

Заключение. За рассматриваемый период структура обязательных постановлений усложнилась, произошла детализация и дифференциация отдельных норм городского права. Появи-

лись отдельные разделы, регулировавшие такие вопросы, как санитарное состояние улиц, контроль над стоками отработанных вод из промышленных предприятий и заведений сферы услуг, пользование речными водными ресурса-

ми города. На протяжении рассматриваемого периода происходит совершенствование городского законодательства, закладываются основы природоохранных и санитарных норм городского права в Минске.

Список литературы

1. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 566.
2. Обязательные постановления Минской городской думы. Минск: Типография В. и И. Тасьман, 1910. 32 с.
3. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1198.

References

1. National Historical Archive of Belarus. Fund. 1. I 1. F. 566.
2. *Obyazatel'nyye postanovleniya Minskoy gorodskoy dumy* [Mandatory resolutions of the Minsk City Duma]. Minsk, Tipografiya V. i I. Tas'man Publ., 1910. 32 p.
3. National Historical Archive of Belarus. Fund. 1. I 1. F. 1198.

Информация об авторе

Воронич Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: vtv1@mail.ru

Information about the author

Voronich Tatyana Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic History. Belarus State Economic University (26, Partizanskiy Ave., Minsk, 220070, Republic of Belarus). E-mail: vtv1@mail.ru

Поступила 01.03.2021

УДК 947.6.«1917»

І. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**АГРАРНЫ РУХ У БЕЛАРУСІ Ў ПЕРСПЕКТЫВЕ
ВЫРАШЭННЯ ЗЯМЕЛЬНАГА ПЫТАННЯ
(верасень – кастрычнік 1917 г.)**

У артыкуле асвятляецца аграрны рух у беларускіх губернях на этапе абвастрэння рэвалюцыйных падзей, якія ахапілі Расію восенню 1917 г. Аўтар адзначае, што з верасня па кастрычнік павялічваецца колькасць сялянскіх выступленняў. Шэраг зямельных, харчовых і нават урадавых (валасных) камітэты спрыялі сялянам у паляпшэнні іх маёмаснага стану за кошт памешчыцкай і казённай уласнасці. Канфлікты, якія ўзніклі ў выніку іх дзейнасці паміж зацікаўленымі бакамі, як правіла, завяршаліся на карысць мясцовых сялянскіх грамадстваў. У параўнанні з іншымі рэгіёнамі Расіі, сялян беларускіх губерняў задавальняў легальны, паўлегальны і часам стыхійны характар руху супраць уласнікаў, памешчыкаў, арандатараў у барацьбе за паляпшэнне свайго маёмаснага стану. Пагромны рух на Беларусі не набыў дастатковай моцы і самае галоўнае не займаў антыўрадавы характар. Крымінальныя выступленні з рабаваннем ініцыяваліся, як правіла, дэзерцірамі і дадзеныя факты падлягалі расследаванню. Сяляне не лічылі пагромы маёнткаў асноўным сродкам вырашэння сваіх гаспадарчых патрэб. Невыпадкова ўсе яны прынялі актыўны ўдзел у выбарах дэпутатаў Устаноўчага сходу, спадзеючыся на вырашэнне аграрнага пытання законным, а не гвалтоўным шляхам.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, захоп зямлі, аграрнае пытанне.

Для цытавання: Рыжанкоў І. М. Аграрны рух у Беларусі ў перспектыве вырашэння зямельнага пытання (верасень – кастрычнік 1917 г.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 42–46.

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**AGRARIAN MOVEMENT IN BELARUS IN THE FUTURE
SOLVING THE LAND ISSUE
(september – october 1917)**

The article highlights the agrarian movement in the Belarusian provinces at the stage of aggravation of the revolutionary events that swept Russia in the autumn of 1917. The author notes that from September to October, the number of peasant demonstrations increases. A number of land, food, and even government – volost committees helped the peasants to improve their property status at the expense of landlords and state property. The conflicts that arose as a result of their activities between the interested parties, as a rule, ended in favor of the local peasant societies. In comparison with other regions of Russia, the peasants of the Belarusian provinces were satisfied with the legal, semi-legal and sometimes spontaneous nature of the movement Against owners, landlords, tenants in the struggle for improving their property condition. The pogrom movement in Belarus has not acquired sufficient strength and, most importantly, has not acquired an anti-violent character. Criminal acts of robbery were usually initiated by deserters and these facts were subject to investigation. The peasants did not consider the pogroms of the estates as the main means of solving their economic needs. It is no coincidence that all of them took an active part in the election of deputies to the Constituent Assembly, hoping for a solution to the agrarian issue legally, and not by force.

Key words: revolution, the seizure of land, the agrarian question.

For citation: Ryzhankou I. M. Agrarian movement in Belarus in the future solving the land issue (september – october 1917). *Proceeding of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 1 (245), pp. 42–46 (In Belarusian).*

Уводзіны. Летам 1917 г. сярод аграрных парухэнняў значную частку займала дзейнасць зямельных камітэтаў на задавальненні за кошт памешчыцкай і казённай уласнасці патрэб вясковага (абшчыннага) сялянства ў сенакосах, пашы, лесе і паліве [1]. Канфлікты, якія ўзні-

клі ў выніку іх працы паміж зацікаўленымі бакамі, як правіла, завяршаліся на карысць мясцовых сялянскіх грамадстваў. Як вынікае з ліста А. С. Поснікава на адрас Часовага ўрада ад 23 жніўня, захопны рух сялянства ў найбольшай ступені выявіў сябе не на Беларусі, а ў

Пензенскай, Казанскай і Курскай губернях. У параўнанні з ліпенем, колькасць паведаў Расіі, ахопленых аграрнымі хваляваннямі, скарацілася на 11,4% [2, с. 7].

Асноўная частка. З пачаткам восені, калі збор ураджаю і нарыхтоўка фуражу сталі надыходзіць у завяршальную стадыю, калі пры неабходнасці правядзення пасеву азімых у земляробаў не дадалося ўпэўненасці адносна Устаноўчага сходу і лёсу аграрнага пытання, калі стала ўзрастаць патрэба ў паліве на зіму і г. д., гаспадарчая актыўнасць вясковага насельніцтва, у тым ліку яе захопныя праявы, набылі далейшае развіццё і новыя асаблівасці. Да гэтага варта дадаць, што распрацаванае адмысловай камісіяй Галоўнага зямельнага камітэта «Палажэнне аб ліквідацыі прыватнага землеўладання» ператварала заможныя сялянскія гаспадаркі, у тым ліку хутары, у аб'ект захопніцкіх інтарэсаў вяскоўцаў-абшчыннікаў.

Да гэтага часу на Беларусі (акрамя Віленскай губ.) дзейнічалі 544 зямельныя камітэты. Найбольшая іх колькасць – 202 – існавала ў Мінскай губ. Па прычыне эвакуацыі ў Ніжні Ноўгарад мясцовага ўпраўлення земляробства і дзяржаўных маёмасцей усе казённыя лясы і землі Барысаўскага павета перайшлі ў веданне зямельных камітэтаў [3]. Невыпадкова, на яго тэрыторыі выявіла сябе бескантрольная сялянская актыўнасць, скіраваная на выкарыстанне панскай, казённай або чужой абшчыннай маёмасці. Былі выпадкі, калі ў пагоні за чужым дабром сяляне нават пакідалі свае палі няўбранымі. У прыватнасці, у тэлеграме на імя Часовага ўрада ад групы лесапрамысловай паведамлялася, што сяляне Барысаўскага павета пад уздзеяннем «дзэрціраў і камітэтаў увозілі хлеб, сена і лес». Пачасціліся парубкі лесу ў Рэчыцкім, Навагрудскім і Слуцкім паветах.

З цягам часу актывізавалася разбуральная дзейнасць зямельных камітэтаў Віленшчыны. Так, сяляне вёсак Струкава і Каляч Вілейскага павета «адабралі сенакосы, сякуць і раскрадаюць лес у маёнтку Анкудава. У Дзісенскім павеце сяляне пад уплывам мясцовых камітэтаў адмовіліся плаціць гаспадару маёнтка Дрыгучы Каржанеўскаму за арэнду зямлі. 9 верасня ў Люцынскім павеце Звірдзінскі валасны зямельны камітэт дазволіў сялянам пасвіць жывёлу ў прыватнаўласніцкіх лясах, на палях і лугах. А сяляне вёскі, размешчаныя паблізу маёнтка Астроўшчына Лепельскага павета, па ўласнай ініцыятыве паставілі «секчы лес як для ўласных патрэб, так і на продаж у горад», а грошы (па 2–3 руб. за сажань бярозавых дроў) уносіць у сельскі камітэт.

Як адзначала газета «Народнае слова» ад 3 верасня 1917 г., на Магілёўшчыне новая хваля

аграрнага руху пачыналася лакальна, «на глебе патраў і захопаў». Так, жыхары вёскі Усушка Быхаўскага павета «гвалтоўна захапілі яравы ўраджай эканоміі Зарэсце, якая належала пану Вішнеўскаму. У Гомельскім павеце 14 верасня сяляне ў адпаведнасці з пастановамі сваіх камітэтаў падзялілі азімыя пасевы ў фальварку Антонаўка, які належаў І. Брытаву. «Народнае слова» ад 20 верасня паведамляла, што ў Сенненскім павеце «падвергся разгрому» маёнтак Дэкань пана Бялкоўскага. Акрамя таго, менавіта ў Сенненскім павеце было па-драпежніцку вынішчана шмат лясоў. І наогул да канца верасня самавольна распачатыя парубкі прыватных і іншых лясоў набылі стыхійны характар. У Гомельскім павеце сяляне мястэчка Уваравічы «збіралі па некалькі соцен падвод, здзяйснялі суцэльную парубку леса» і, што характэрна, насуперак мясцоваму зямельнаму камітэту.

Трэба адзначыць узрастанне колькасці паведамленняў аб няздольнасці ўрадавых органаў прыпыніць захопны рух у Мінскай губерні. Тых, хто пярэчыў гвалту, члены камітэтаў пагражалі арыштаваць. У той самы час аграрныя беспарадкі ў Аршанскім павеце яшчэ не ўяўлялі для Савета рабочых, салдацкіх і сялянскіх дэпутатаў асобых хваляванняў і таму 28 верасня на пасяджэнні выканкама было вырашана адхіліць прапанову аб выкарыстанні вайскоўцаў і арганізаваць агітацыйныя паездкі па павеце. Характэрна і тое, што і самі вайскоўцы не ўяўлялі сабою прыклад для паводзін. Паводле звестак Ваеннага міністэрства, у верасні салдаты дзвюх (Мінскай і Дзвінскай) з чатырох прыфрантавых акруг бралі ўдзел «у аграрных беспарадках» [4, с. 234].

7 кастрычніка люцынскі камісар паведамляў, што дзейнасць міліцыі абмяжоўваецца толькі складаннем пратаколаў і адсылкай іх адпаведным установам. На старонках газеты «День» ад 8 кастрычніка адзначалася, што на Случынне «насельніцтва ваража сустракае казачыя раз'езды. Міліцыя пакідае службу...».

Першай небяспекай для дзяржавы Часовы ўрад лічыў пагрозу голаду ў арміі і горадзе. Так, «Могілевская жизнь» ад 24 верасня паведамляе, што Міністэрства земляробства прадпісала губернскім і павятовым зямельным камітэтам прыняць захады, «каб валасныя камітэты не перашкаджалі збору хлябоў». Разам з тым рабіліся адпаведныя ўладныя намаганні і для таго, каб паскорыць працэс падрыхтоўкі да аграрнай рэформы. У гэтым сэнсе праца зямельных камітэтаў па збіранні падрабязных і дакладных матэрыялаў аб пасяўных плошчах і г. д. не вызначалася асаблівымі поспехамі.

Рэальнымі з пункту гледжання ўладных структур задачамі зямельных камітэтаў з'яўляліся

прадухіленне вяскоўцаў ад неарганізаванай дзейнасці ў адносінах да памешчыцкай, казённай і іншай маёмасці; фармаванне ў іх устойлівага пераканання ў шкоднасці захопнага руху, упэўненасці ў абавязковай рэалізацыі аграрнай рэформы Устаноўчым сходам.

Між тым у саміх членаў зямельных камітэтаў, а таксама іх арганізатараў і ідэйных натхніцеляў склалася ўласныя перакананні адносна функцый, задач і ролі ў грамадскім жыцці. Варта адзначыць, што ўжо ў з пачаткам восені асноўная маса партыйных арганізацый левай і левацэнтрэсцкай арыентацыі Беларусі выказвалася за заканадаўчую перадачу ўсёй зямлі зямельным камітэтам да склікання Устаноўчага сходу. Нават пасля адстаўкі «сялянскага міністра» Чарнова палітыка Часовага ўрада з большасцю міністраў-сацыялістаў у дачыненні аграрнага пытання працягвала заставацца спрыяльнай для сялянства. Дзяржава пазбягала выкарыстання сілавых сродкаў у падаўленні захопнага руху.

Невыпадкова адміністрацыя, харчовыя і зямельныя камітэты, Саветы рабочых, салдацкіх, сялянскіх дэпутатаў, іншыя арганізацыі прыкладалі намаганні для прадухілення стыхійных выступленняў на вёсцы: ладзілі асветніцка-тлумачальныя гутаркі, сходы ў сялянскіх грамадствах – аб шкоднасці самавольнай рубкі лясоў, асабліва прызначаных для абароны краіны. Улады спрыялі пошуку ўзаемапаразумення паміж вяскоўцамі з аднаго боку, і ўласнікамі, арандатарамі, лесапрамыславікамі, ваеннымі і земскімі нарыхтоўчымі службаў – з другога. Але станоўчыя вынікі ўдавалася дасягнуць далёка не паўсюдна.

Па меры завяршэння восеньскіх сельскагаспадарчых работ узрасла ўвага насельніцтва да праблемы нарыхтоўкі паліва. У шэрагу месцаў працягваліся парубкі лесу санкцыянаваныя камітэтам. «Народное слово» ад 3 кастрычніка паведамляла, што ў маёнтку Альшанікі Полацкага павета сяляне па распараджэнні мясцовых выканаўчых камітэтаў секлі памешчыцкія лясы. 7 кастрычніка люцынскі камісар паведамляў губернскаму, што ўзмоцненае высяканне прыватнаўласніцкіх лясоў назіралася ў 20 маёнтках [5]. Масавыя парубкі лесу адзначаліся таксама ў Лепельскім Невельскім, Дрысенскім паветах.

Да гэтага часу ў шэрагу месцаў Беларусі зямельнымі камітэтамі былі выпрацаваны нормы водпуску дроў. Карэспандэнт газеты «Могилевская жизнь» В-віч І. 27 кастрычніка паведамляў: у кастрычніку для сялян Чэрыкаўскага павета гэта каштавала ад 2 да 12 руб. за кубічны сажань. Не пазней 8 кастрычніка Віцебскі губернскі зямельны камітэт распрацаваў нормы продажу лесу гаспадаркам: «на

адну печ...1 саж. дроў і 1 саж. хворасту са змешанага лесу і 1 куб. саж. дроў на надзел зямлі ў 20 дзес. для сушкі хлеба» [6]. Мінскі губернскі зямельны камітэт сумесна з саюзам лесаводаў і прадстаўнікамі лесапрамыславікоў распрацавалі «ў выглядзе таксы» часовыя цэны на нарыхтоўку дроў у прыватнаўласніцкіх лясах. У адпаведнасці з імі, Астрашыцка-Гарадоцкі зямельны камітэт стаў выдаваць сялянам запіскі на нарыхтоўку 2 сажаняў дроў [7, с. 793]. Але ў іншых мясцінах, як паведамляла газета, «землеўладальнікі не падпарадкаваліся гэтай пастанове і тым узмацняюць узбуджэнне сялян» [8].

Невыпадкова слупкі камісар тэлеграфавалі ў Мінск аб «самачынных суцэльных парубках лясоў». У шэрагу месцаў самі ж сяляне не прытрымліваліся заключанай з памешчыкам дамовы. Так, уладальнікі маёнтка Церабоўша, Гомельскага павета па патрабаванні валасных камітэтаў адвялі ўчастак лесу для задавальнення сялян «таннымі дрывамі», але так і не ўратавалі астатнія лясныя ўгоддзі ад іх (вяскоўцаў) «масавай драпежніцкай парубкі» і таму мусілі падаць скаргу на адрас Часовага ўрада [9].

Такім чынам, у ліку асноўных прычын, якія выклікалі процізаконныя парубкі, заставалася нявырашанасць аграрнага пытання, неўпарадкаванасць функцый рознага кшталту камітэтаў і іх узаемаадносін з землеўладальнікамі. Наступленне халадоў і ўзрастанне попыту на паліва абвастралі і без таго складанае становішча ў краіне. Пэўную дапамогу ў вырашэнні гэтай праблемы мусілі аказаць «Правілы аб ахове лясоў і іх рубкі» ад 10 кастрычніка, паводле якіх толькі на зямельныя камітэты ўскладаліся функцыі забеспячэння насельніцтва палівам і лесамагэрыяламі, аховы лясоў ад раскідання і іх драпежніцкай эксплуатацыі ўладальнікамі.

Але карэнных станоўчых змен не адбылося. Мала таго, забеспячэнне вяскоўцаў дрывамі ажыццяўлялася з выкарыстаннем як казённых, так і прыватнаўласніцкіх, у тым ліку сялянскіх уладанняў. Пры гэтым, як адзначалася 15 кастрычніка на нарадзе па барацьбе з анархіяй пры Гомельскім павятовым камісарыяце, сяляне секлі лес ў мэтах продажу на высокіх цэнах.

Другая акалічнасць заключалася ў тым, што сяляне асобных вёсак і грамадстваў з дапамогай зямельных камітэтаў імкнуліся прадухіліць лесанарыхтоўкі ў тых маёнтках, якія павінны былі перайсці да іх. У шэрагу выпадкаў прычынай сутыкненняў з'яўлялася агітацыя салдат-адпускікоў «аб меўшай адбыцца дзяльбе паміж сялянамі ўсіх зямель і лясоў» [10]. Так, у верасні ў Жыцінскай воласці Бабруйскага павета адбыўся канфлікт з пагрозай самасуду з-за памешчыцкага лесу, на які прэтэндавалі жыха-

ры сяла Крынкі і навакольных вёсак. У кастрычніку сяляне пяці вёсак Коханаўскай воласці Аршанскага павета склалі пратэст і вымусілі валасны зямельны камітэт забараніць валку лесу ў маёнтку Лосі. А затым «трыста часткова ўзброенных сялян» прагналі рабочых-кітайцаў з лесасекі [11].

У сваіх дзеяннях вясцоўцы з варожасцю ставіліся не толькі да «іншародцаў», а і да сялян, якія не ўваходзілі ў іх грамадства. У прыватнасці, 23 кастрычніка атраду казакоў ледзь удалося прыпыніць сутыкненне сялян Трасцянца з жыхарамі Шабаноў і Абчака за лес памешчыцы Юрловай. Прычым кожны з названых бакоў быў упэўнены ў сваіх правах на яго. У выніку сутыкнення 4 сялян было забіта і шмат паранена.

Заклучэнне. Такім чынам, нявырашанаць аграрнага пытання ў краіне і зацягванне выбараў на Устаноўчы сход з'яўлялася адной з вызначальных падстаў для крытыкі кабінета Керанскага. Восенню 1917 г. аграрны рух не набыў палітычны змест адпаведна супраць Часовага ўрада [2, с. 10]. Палітычных выступленняў з патрабаваннямі адстаўкі ўрада або паскоранай змены існуючага дзяржаўнага ладу не вядома. Сялян задавальняў легальны, паўлегальны і стыхійны характар руху супраць уласнікаў, памешчыкаў, арандатараў у барацьбе за паляпшэнне свайго маёмаснага стану. Крымінальныя выступленні з рабаваннем або забойствамі арганізаваліся, як правіла, дэзерцірамі і дадзеныя факты падлягалі расследаванню.

Адным з першых вынікаў Кастрычніцкай рэвалюцыі з'явілася выданне Дэкрэту аб зямлі. Варта адзначыць, што спецыяльнага абвешчэння сялян аб перамене ўлады, як у сакавіку –

сакавіку, не адбывалася. Асобныя ўрывачныя звесткі аб скасаванні памешчыцкага землеўладання ў лепшым выпадку не паспрыялі ні ўтаймаванню аграрнага руху, ні падрыхтоўцы да зямельнай рэформы.

Старыя органы ўлады былі скасаваны, а новыя знаходзіліся ў стадыі фармавання і не здольныя былі перапыніць ўзнікшыя пагромы. Значную (калі не вызначальную) ролю ў тым адыгрывалі салдаты, пазбаўленыя цэнтралізаванага харчовага забеспячэння. Паводле звестак гарадоцкага земскага дзеяча Карпава У. М., «салдаты зараз наводзяць паніку і на сялянскія масы» [12]. Натуральна, што ў мясцовасцях, пазбаўленых прысутнасці вайсковых часцей, рабаўніцтва сялян не насіла суцэльна знішчальнага характару. Мала таго, каб пазбегнуць магчымага пакарання, вясцоўцы рабавалі панскую маёмасць «скопам», гэта значыць усёй грамадой, ускладаючы штраф на тых, хто не хацеў у тым удзельнічаць [7, с. 14].

У лістападзе «пагромны рух» назіраўся ва ўсіх частках Беларусі, асабліва ў Барысаўскім, Быхаўскім, Віцебскім, Гарадоцкім, Дрысенскім, Ігуменскім, Чэрыкаўскім і іншых паветах. Так, у Ракаўскай воласці былі разрабаваны ўсе маёнткі, у Гарадоцкім павеце ацалелі толькі 2. Характэрна, што захопныя дзеянні сялян былі скіраваны не на зямельную або лясную ўласнасць памешчыкаў, а на прадукты, жывёлу і інвентар.

Важна адзначыць тую акалічнасць, што сяляне не лічылі пагромы маёнткаў асноўным сродкам вырашэння сваіх гаспадарчых патрэб. Невыпадкава ўсе яны прынялі актыўны ўдзел у выбарах дэпутатаў Устаноўчага сходу, спадзеючыся на вырашэнне аграрнага пытання законным, а не гвалтоўным шляхам.

Спіс літаратуры

1. Рыжанкоў І. М. Аграрны рух у Беларусі ў перспектыве вырашэння зямельнага пытання (чэрвень – жнівень 1917 г.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2020. № 1 (233). С. 27–31.
2. Крестьянское движение в 1917 г. / под ред.: М. Н. Покровского, Я. А. Яковлева. М. – Л.: Госиздат, 1927. 442 с.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь (НГАРБ). Ф. 1534. Воп. 1. Спр. 2. Л. 185.
4. Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: Наука, 1975. 343 с.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Воп. 4. Спр. 188. Л. 295.
6. Местная хроника. О порубках // Витебское слово. 1917. 8 окт. С. 3.
7. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы: В 2-х т. Белоруссия в период подготовки социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.) / редкол.: Г. С. Горбунов, Ф. А. Новиков, М. С. Кравченко [и др.]. Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 1. 1008 с.
8. Провинциальная хроника // Народное слово. 1917. 5 окт. С. 4.
9. Дзяржаўны архіў Расійскай федэрацыі (ДАРФ). Ф. 1779. Воп. 1. Спр. 296. Л. 76
10. Местная жизнь. Эксцессы в Могилевском уезде // Могилевская жизнь. 1917. 25 окт. С. 3–4.
11. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 243. Л. 421.
12. НАРБ. Ф. 628. Воп. 1. Спр. 3. Л. 62.

References

1. Ryzhankou I. M. Agrarian movement in Belarus in the perspective of solving the land issue (September – October 1917). *Trudy BGTU* [Proceeding of BGTU], issue 6, History, Philosophy, 2020, no. 1 (233), pp. 27–31 (In Belarusian).
2. Pokrovsky M. N., Yakovlev Ya. A. *Krest'yanskoye dvizheniye* [Peasant movement in 1917]. Moscow; Leningrad, Gosizdat Publ., 1927. 442 p.
3. National historic archive of Belarus (NHARB). Fund 1534. I. 1. F. 1. P. 185.
4. Andreev A. M. *Soldatskiye massy garnizonov russkoy armii v Oktyabr'skoy revolyutsii* [The mass of soldiers of the garrisons of the Russian army in the October Revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1975. P. 234.
5. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 4. F. 188. P. 295
6. Local chronicle. About felling. *Vitebskoye slovo* [Vitebsk word]. 1917. October 8. P. 3 (In Russian).
7. Gorbunov G. S., Novikov F. A., Kravchenko M. S. *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Belorussii. Dokumenty i materialy. Belorussiya v period podgotovki sotsialisticheskoy revolyutsii (fevral' – oktyabr' 1917 g.)* [The Great October Socialist Revolution in Belarus. Documents and materials: In 2 volumes. Belarus in the period of preparation for the socialist revolution (February – October 1917)]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1957, vol. 1. 1008 p.
8. Provincial chronicle. *Narodnoye slovo* [Popular word]. 1917. October 5. P. 4 (In Russian).
9. State archive of the Russian Federation (SARF). Fund 1779. I. 1. F. 296. P. 76.
10. Local life. Excesses in the Mogilev district. *Mogilevskaya zhizn'* [Mogilev life]. 1917. October 25. P. 3–4 (In Russian).
11. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242.
12. NARB. Fund 628. I. 1. F. 3. P. 62.

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Ihar Mikhaylavich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Пасмыніў 23.03.2021

УДК 323.2(476)

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

ПОСЛЕДСТВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕКРЕТА О МИРЕ В БЕЛАРУСИ

В статье указывается на неоправданно высокую позитивную значимость Декрета о мире, отраженную отечественными историками, которые неправомерно выдают факт заключения большевиками сепаратного перемирия с германскими войсками в Брест-Литовске за результат борьбы трудящихся Беларуси и солдат Западного фронта за осуществление ленинского Декрета о мире. Обозначена позиция Временного правительства и основных политических сил России в продолжавшейся войне. Показаны пути и методы большевиков Западного фронта по установлению контроля над вооруженными силами. Акцентировано внимание на беспрецедентной демонизации большевиками воинских командиров, а также военнослужащих национальных формирований как явных и тайных контрреволюционеров. Сделана попытка определения реального предназначения Декрета о мире как средства борьбы большевиков за власть. Обращено внимание на возможность альтернативного пути выхода России из мировой войны после созыва Учредительного собрания и консультаций с союзниками по Антанте. Обобщены последствия осуществления Декрета о мире, которые нашли отражение в возникновении гражданской войны, развале большевиками еще достаточно боеспособного Западного фронта, оккупации кайзеровской армией большей части Беларуси и вынужденном подписании Советской Россией в Брест-Литовске «похабного» мира с Германией.

Ключевые слова: большевики, Октябрьский переворот, Декрет о мире, Западный фронт, Беларусь, солдаты, военное командование, сепаратные переговоры, перемирие, национальные формирования, демократизация, демобилизация, гражданская война, германское наступление, оккупация, Брест-Литовск.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Последствия осуществления Декрета о мире в Беларуси // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 47–52.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

CONSEQUENCES OF IMPLEMENTING THE DECREE ON PEACE IN BELARUS

The article highlights the overhyped significance of the Decree on Peace which is present in the works by the country's historians who misrepresent the fact of the Bolsheviks' cutting a separate truce with the German troops in Brest-Litovsk as the result of the struggle of the working people of Belarus and the soldiers of the Western Front for the implementation of Lenin's Decree on Peace. The position of the Provisional Government and Russia's main political forces in the ongoing war is outlined. The ways and methods of the Bolsheviks of the Western Front for establishing control over the armed forces are shown. The focus is put on the Bolsheviks' unprecedentedly demonising military commanders and servicemen of national formations as overt and secret counter-revolutionaries.

The author makes an attempt to define the real purpose of the decree on peace as a tool in the Bolsheviks' push for power. The probability of Russia's having an alternative way to withdraw from the First World War after convening the Constituent Assembly and holding consultations with the Entente allies is brought into view. The author summarizes the consequences of the implementation of the Decree on Peace which were reflected in the outbreak of the civil war; the Bolsheviks' tearing down the Western Front which was then rather combat-effective; the occupation of the best part of Belarus by the Kaiser army; the forced signing of the 'shameful' peace treaty with Germany by Soviet Russia in Brest-Litovsk.

Key words: Bolsheviks, October Revolution, Decree on Peace, Western Front, Belarus, soldiers, military command, separate negotiations, armistice, national formations, democratisation, demobilisation, civil war, German offensive, occupation, Brest-Litovsk.

For citation: Semenchyk N. Ye. Consequences of implementing the Decree on Peace in Belarus. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 45–52 (In Russian).

Введение. С крахом всевластия КПСС все связанные с ней события утратили сакральный смысл. В их числе главное, как когда-то счита-

лось, событие XX века – Великая Октябрьская социалистическая революция. Как известно, ее величие связывалось не только с установлением

Советской власти, но и с выходом России из мировой войны. По этой причине Декрету о мире придавалось «всемирно-историческое значение» (см.: Ивашин В. Г. Борьба трудящихся Белоруссии и солдат Западного фронта за осуществление ленинского Декрета о мире. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д-ра ист. наук. Минск. 1973. С. 19).

До наших дней в научной литературе бытует безосновательное утверждение, будто «Октябрьская революция вырвала Россию из войны, сделала ее продолжение невозможным» (см.: «Гісторыя Беларусі. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. Мінск: Экаперспектыва, 2006. С. 61). Его ошибочность наиболее ярко видна хотя бы на примере большей части Беларуси, завоеванной немцами уже после Октября. Тем не менее неразрывная связь этих завоеваний большевиков – Советской власти и мира – до сих пор четко прослеживается в исторической литературе. Между тем изменившаяся научная парадигма, приток новых источников и литературы позволяют рассмотреть эту взаимосвязь не только с партийно-классовых позиций, но и объективно на примере прифронтовой Беларуси.

Основная часть. В партийно-исторической литературе большевики периода Первой мировой войны изображаются как борцы за мир. Но также известно, что они выступали за превращение войны, по их мнению, империалистической в войну гражданскую, и снискали себе прозвище «пораженцев». С возвращением В. Ленина из-за границы их антивоенная деятельность в конечном счете нацеливалась на захват власти и интересов всего общества не отвечала. Более притягательной для масс являлась внешняя политика Временного правительства, разделявшего выдвинутую Петроградским Советом идею продолжения войны в целях обороны революции вплоть до заключения демократического мира.

Попытка русской Действующей армии осуществить победоносное наступление в июне – июле 1917 г. и тем принудить противника к мирным переговорам закончилась неудачей. Основной причиной ее провала послужили неисполнение наступавшими боевых приказов, а также подрывная деятельность большевиков. Мероприятия нового кабинета министров и Верховного главнокомандования, направленные на укрепление воинской дисциплины в конце августа 1917 г., были восприняты «революционной демократией» как попытка установления военной диктатуры и также провалились. В результате авторитет Временного правительства еще более снизился, командиры и офицеры огулом стали причисляться к контрреволю-

ции, а «революционные оборонцы» и сторонники силового пути достижения мира были окончательно дискредитированы.

Осенью 1917 г. Временное правительство и всероссийская общественность видели выход из очередного политического кризиса в созыве Учредительного собрания. Ему же ставилось в обязанность совместная с союзными странами выработка условий выхода России из войны. Характерно, что все левые партии в своих избирательных программах выдвинули требование заключения демократического, т. е. без аннексий и контрибуций, мира.

Несмотря на возрастание на фронтах анархических процессов, солдаты все еще удерживали свои позиции, благо на фронтах, в том числе и в Беларуси, наступательных действий со стороны противника не наблюдалось. Должная дисциплина и подчинение командирам сохранялись в кавалерии, артиллерии, летных и автомобильных частях. Уважительное отношение к воинским уставам демонстрировали формирования поляков, украинцев и латышей, созданные в целях защиты интересов их государств, долженствовавших возникнуть после окончания войны.

С начала революции проблема создания своих частей в рамках общероссийских войск обсуждалась и в белорусских организациях. Вместе с тем белорусы не требовали немедленного окончания войны, признавая необходимым освобождение из-под германской оккупации своих территорий. В 20-х числах октября 1917 г. Ставка дала разрешение на формирование белорусских частей в составе российских вооруженных сил.

Выборы в парламент должны были произойти к середине ноября 1917 г. и мало кто сомневался в победе умеренных социалистов, доминировавших среди трудящихся и в солдатских массах. Их усилиями все проблемы страны должны были решаться демократически, мирным путем реформ. Подобный сценарий формирования новой власти не устраивал большевиков, поскольку он не оставлял им шансов на руководящую роль в этом процессе. Не случайно незадолго до начала выборов в парламент они приступили к подготовке восстания с тем, чтобы перехватить власть у своих соратников по «революционной демократии».

Начальным этапом переворота стал захват отрядами солдат, матросов и Красной гвардии стратегических узлов столицы (вокзалы, мосты, телеграф, телефон и др.), а также блокирование резиденции Временного правительства. В звании Петроградского ВРК от 25 октября гражданам России гарантировались немедленное предложение демократического мира, отмена

помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством и создание Советского правительства. 26 октября 1917 г. на заседании II Всероссийского съезда Советов вождь большевиков В. Ленин озвучил Декрет о мире. Формально в нем содержалось обращение ко всем воюющим народам и их правительствам с призывом о немедленном заключении перемирия с последующими переговорами о справедливом демократическом мире без аннексий и контрибуций.

Декрет о мире был опубликован в столичной прессе. 1 ноября первой в Беларуси об этом сообщила «Минская газета» в заметке «Речь Ленина о мире». На Западном фронте и в его тылу Декреты о мире и о земле разошлись в виде листовок за подписями бюро Северо-Западного областного комитета РСДРП(б) и Исполкома Минского Совета [1]. Сами по себе воззвания Петроградского ВРК, ленинские декреты и иные сообщения заметного воздействия на население не оказали. По словам современника, «в Октябрьские дни ни в Минске, ни на фронте не было никаких демонстраций, никаких митингов – ни «за», ни «против» того, что произошло в Петрограде» [1, с. 166].

Как и повсюду, местная общественность восприняла весть о восстании в столице как очередную попытку большевистского переворота, угрожавшую стране срывом Учредительного собрания и гражданской войной. Даже те, кто не считал себя сторонниками А. Керенского, полагали, что новое, социалистическое правительство должно быть сформировано из всех представителей «революционной демократии», а не только большевиков. Причем последователи и левых, и правых партий не считали вопрос о власти решенным, а относили его ко времени созыва Учредительного собрания. В этом смысле легитимность принятых ленинским СНК декретов выглядела достаточно сомнительной. Не случайно, что в подтверждение их силы большевики призвали рядовых солдат к устранению власти не только армейских командиров и комиссаров, но и военных комитетов, не признавших новую власть.

Следует отметить, что поначалу солдатская масса связывала свержение Временного правительства и победу большевиков с окончанием войны. Не случайно часть окопников отреагировала на переворот выходом на братания с противником. Высший солдатский орган Западного фронта был против таких акций, считая что они не приближают к миру, а отдаляют от него [2]. О наличии подобных настроений в солдатских комитетах свидетельствовали их постановления по этому поводу и даже случаи обстрела братавшихся со своих позиций [3].

7 ноября Совет Народных Комиссаров, не получив отзывов на Декрет о мире, потребовал от исполнявшего обязанности главнокомандующего вооруженными силами генерала Н. Духонина приступить к переговорам с противником о заключении перемирия. Генерал отказался выполнять распоряжения большевистского правительства, за что 9 ноября получил отставку и предписание передать должность прапорщику Н. Крыленко [4, с. 127–128].

По словам минских большевиков, поскольку «в вопросе о начале неотложных переговоров о перемирии народное рабочее и крестьянское правительство вступило в конфликт с помещичье-капиталистическим генералитетом, со всем высшим командным составом», то следует бороться за мир «отдельно от генералов» [5].

12 ноября главнокомандующий Западным фронтом генерал Балувев также был уволен ВРК Западного фронта за нежелание «вступать в переговоры о перемирии с немцами». Его место занял большевик Каменщиков [4, с. 160]. ВРК, объявивший себя единственным органом народной власти и народной воли на Западном фронте, обратился к солдатам за поддержкой в заключении перемирия. Для обеспечения успеха дела ВКР рекомендовал «взять всю истинную полноту власти в руки комитетов повсюду» и подчинить им весь командный состав [4, с. 207]. Н. Крыленко писал впоследствии, что участие солдат в мирных переговорах на местах было разработано не только для непосредственных практических результатов переговоров, но и для установления полного и бесспорного господства нового правительства на фронте [6, с. 58].

Новый главнокомандующий Каменщиков В. распространил «инструкцию по подготовке перемирия на фронте» и отдал приказ о безотлагательных переговорах с немцами [4, с. 184]. Одним из первых на Западном фронте договор о перемирии был подписан 15 ноября между Гренадерским корпусом II армии и германской армией Воерша [4, с. 188]. В тот же день заключения перемирия дождались солдаты Сибирской дивизии [4, с. 207].

ВРК Западного фронта предписал всем солдатским комитетам, что впредь для обеспечения успешных переговоров необходимо подчинить себе командный состав [7]. В тех условиях основным препятствием на пути к упрочению власти большевиков оставалась Ставка в Могилеве как действующая структура свергнутого правительства. Новый Верховный главнокомандующий Крыленко Н. в своем «Приказе об армии и флоте № 2» от 13 ноября за неповиновение и «преступные действия, приведшие к новой вспышке гражданской войны», объявил Н. Духонина «врагом народа» [7, с. 249].

Это заявление, вкупе с предыдущей большевистской пропагандой, возымело свое воздействие на борцов с «контрреволюцией», в том числе и участников штурма Ставки, служащие которой продолжали исполнять свой воинский и гражданский долг. 20 ноября в результате жестокого самосуда генерал Духонин Н. был убит. По сообщению Н. Крыленко, «последнее препятствие делу мира пало» [9].

Характерно, что в этот же день в Брест-Литовске начались переговоры России и Германии, а с 21 ноября на Западном фронте вступило в силу двухмесячное перемирие [4, с. 254]. Большевики использовали его прежде всего для борьбы с командованием всех рангов, все еще представлявших для них определенную опасность. В соответствии с решениями II Фронтного съезда, власть в войсках окончательно переходила к солдатским комитетам, которые получили право избирать, утверждать и смещать с должностей командиров. Съездом было учреждено выборное начало в армии, когда командиры стали избираться на собраниях. Воинские звания и знаки отличия, в том числе погоны, упразднились [10, с. 169].

30 ноября ВРК при Ставке принял «Положение о демократизации армии», основной документ, направленный на окончательное разрушение структуры и системы управления вооруженными войсками [10, с. 170]. В ходе «борьбы за мир» российские вооруженные силы были окончательно лишены прежнего командования и получили коллегиальную, а по сути чисто большевистскую власть в виде ВРК, а затем Советов.

2 декабря в Брест-Литовске было подписано перемирие между Россией и австро-германским блоком. «Теперь наша задача, – говорил Н. Крыленко, – это расправиться с врагами мира внутри своей страны» [11]. С его точки зрения, к таковым принадлежали все, кто не признавал «Советской власти» и «рабоче-крестьянского правительства». В числе реальных «врагов мира» оказались сторонники Антанты, как либералы, так и социалисты, а также профессиональные военные. На борьбу с ними были переброшены боеспособные части, в том числе полк имени Минского Совета. Но основная часть действующей армии, включая части тыловых гарнизонов, из-за нежелания воевать не могла быть использована для этой цели. Более того, эта масса представляла потенциальную опасность для самих большевиков в случае, если бы ленинское правительство не выполнило провозглашенного Декрета о мире.

Приход к власти большевиков и инициированные ими миротворческие действия вызвали существенные изменения в поведении нацио-

нальных формирований. Так, украинизированные воинские части по приказу Центральной Рады с Западного фронта стали отправляться на Родину. Латышские части, оставшиеся без занятой немцами Родины, средств к существованию, но разделявшие большевистскую идеологию, пошли на службу Советской власти. В таких же условиях оказались польские солдаты, но лишь часть их записалась в пробольшевистские «революционные батальоны при республиканских полках России». Основная же масса их соотечественников с участием белорусов-католиков оставалась легионерами I Польского корпуса под началом генерала Довбор-Мусницкого Ю. 27-тысячный корпус, несмотря на объявленное Главным польским штабом (Начполь) невмешательство в российские дела, представлял собой военную угрозу большевикам фронта и тыла. Кроме того, легионеры, рассредоточенные по всей Беларуси, взяли под защиту имущество своих соотечественников, чем мешали осуществлению Декрета о земле. М. Крыленко, А. Мясникову и другим большевикам ничего не оставалось, как спровоцировать корпус на «войну против русского народа» [4, с. 166, 270]. В результате польские войска были вынуждены просить поддержки у германских войск для совместной борьбы с Красной армией.

Восстание в Петрограде вызвало тревогу белорусских организаций, в первую очередь Великой Белорусской Рады и Центральной Войсковой Белорусской Рады, которые, помимо прочего, опасались окончательной потери оккупированной Беларуси. И не зря, поскольку на начавшихся в декабре 1917 г. в Брест-Литовске переговорах о мире эта проблема не обсуждалась. К этому времени на фронтах усилилось движение солдат-белорусов за создание своих национальных частей. Это не преминули отметить издатели газеты «Звезда», опубликовав резолюцию «против создания национальных полков, служащих опорой хищнической буржуазии, объединенной вокруг Белорусской Рады» [12]. 2 декабря они же юродствовали по поводу того, будто «белорусские сепаратисты настолько прониклись идеей создания своей нации, что восхищаются возможностью сформировать свои национальные полки» [13].

2 декабря на заседании Областного исполнительного комитета Западной области и фронта В. Муха просил «поддержать белорусов в организации их полков для защиты интересов белорусской земли, которая, по его словам, «уже находится в опасности со стороны поляков, включивших белорусские земли на карту Польши» [4, с. 356]. Очевидно, что этот вопрос возник в связи с возможностью использования

белорусских частей против легионеров, но далее обсуждения не продвинулся.

Между тем на Всебелорусском съезде для узаконения этой работы был создан отдел «организации национальной армии». К открытию съезда 7 декабря пока только в Минске возникла одна белорусская часть на базе 289-го полка. Но присутствие на съезде большого количества делегатов-военнослужащих говорило о хороших перспективах роста национальных частей, вследствие чего в резолюции записали о том, что Совет съезда «приступает к немедленной организации территориальных войск Беларуси на широкой демократической основе, не нанося ущерба фронту» [13, с. 61].

В ночь на 18 декабря по указанию Облискомзапа Всебелорусский съезд был разогнан за попытку «создать отдельное параллельное националистическое правительство и неповиновение существующей советской власти» [14]. После разгона съезда ЦБВР «как буржуазно-помещичья креатура» подверглась особым нападкам со стороны местных большевиков [15]. «Советская правда» в статье «Националистический угар» писала, что «помещикам нужны белорусские солдаты, которых, обманув национальными лоскутами, можно было бы отправить в свои войска» [16].

Более того, белорусские военнослужащие, дислоцированные в Минске, были обвинены А. Мясниковым в организации массовых беспорядков 2 января 1918 г. [17] и выведены из города. В ночь с 26 на 27 января члены ЦБВР Езовитов К. и Захарко В. были задержаны, а документы организации изъяты. Издание газеты «Белорусская рада» было остановлено. В конце января СНК Западной области издал постановление о роспуске ЦБВР и аресте его руководителей. В результате белорусские организации и их вооруженные формирования прекратили легальную деятельность вплоть до нового германского наступления. После этого большевики

Облискомзапа и СНК Западной области и фронта могли быть уверены, что со всеми «контрреволюционными» и «буржуазно-помещичьими» формированиями на подконтрольной им территории покончено. Как покончено было с полуторамиллионным войском Западного фронта, от которого осталось несколько десятков тысяч «сознательных» красноармейцев. Борьба за власть Советов и осуществление Декрета о мире казались им пройденным этапом. Теперь взоры местных большевиков были прикованы к Брест-Литовску, в котором советская делегация во главе с Л. Троцким заняла выжидательную позицию типа «ни войны, ни мира» в надежде на скорую мировую революцию.

Заключение. Таким образом, осуществление Декрета о мире в Беларуси имело для нее тяжелые последствия. Это нашло свое выражение в умышленном и неоправданном разрушении большевиками системы ее обороны, ныне глумливо названного «реорганизацией старой армии путем полной демократизации командного состава и постепенной ее демобилизации» [18, с. 2]. В результате развала Западного фронта край превратился в очаг социальной политической напряженности и гражданской войны, завершившейся новой волной германской оккупации.

Первые декреты (о мире, земле, печати и др.) с момента их провозглашения большевиками являлись не столько целью, сколько средством завоевания, удержания и упрочения своей власти. Вопреки утверждениям партийно-советских историков, Декрет о мире вовсе не отвечал «коренным интересам всех национальностей» [19, с. 127] и местные трудящиеся никоим образом не участвовали в его осуществлении [20]. Как и другие жители страны, они ожидали не мимолетного перемирия, а прочного мира, причем добытого законной властью в лице Учредительного собрания.

Список литературы

1. Солский В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте Минск: Тесей, 2004. 224 с.
2. Фронт. 1917. 25 окт.
3. Минская газета. 1917. 14 нояб.
4. Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии: док. и материалы. Победа социалистической революции и упрочение Советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 г. – март 1918 г.): в 2 т. Минск: Госиздат БССР, 1957. Т. 2. 1096 с.
5. Бюллетень ВРК Западного фронта. 1917. 11 нояб.
6. Воено-исторический журнал. 1964. № 11. С. 58.
7. Звезда. 1917. 18 нояб.
8. Октябрьский переворот / сост. А. Л. Попов. Петроград: Новая эпоха, 1918. 415 с.
9. Минская газета. 1917. 23 нояб.
10. Гапоненко Л. Солдатские массы Западного фронта в борьбе за власть Советов (1917). М.: Гос. изд-во полит. литературы. 1953. 196 с.
11. Минская газета. 1917. 17 дек.

12. Звезда. 1917. 5 нояб.
13. Звезда. 1917. 2 дек.
14. Советская правда. 1918. 19 янв.
15. Советская правда. 1917. 6 дек.
16. Советская правда. 1917. 23 дек.
17. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 338. Л. 61.
18. Смольянинов М. М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 г. Минск: Белорус. наука, 2008. 259 с.
19. Сташкевич Н. С. Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925). Минск: Университетское, 1985. 304 с.
20. Ивашин В. Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск: БГУ, 1972. 416 с.

References

1. Solskiy V. *1917 god v Zapadnoy oblasti i na Zapadnom fronte* [1917 in Western region and Western Front]. Minsk, Tesey Publ., 224 p.
2. *Front* [Front]. 1917. October, 25.
3. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper]. November, 14.
4. *Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya v Belorussii. Doklady i materialy* ("Pobeda sotsialisticheskoy revolyutsii i uprocheniye Sovetskoy vlasti v Belorussii (oktyabr' 1917 g. – mart 1918 g.)") [The great October socialist revolution in Belarus: Doc. and materials ("The victory of the socialist revolution and the consolidation of Soviet power in Belarus (October 1917 – March 1918)"]]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1957, vol. 2. 1096 p.
5. *Byulleten' VRK Zapadnogo fronta* [VRK of Western front Bulletin]. November, 11.
6. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military history journal]. 1964, no. 11.
7. *Zvezda* [Star]. 1917. November, 18.
8. Popov A. L. *Oktyabr'skiy perevorot* [October coup]. Petrograd, Novaya epokha Publ., 1918. 415 p.
9. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper]. 1917. November, 23.
10. Gaponenko L. *Soldatskiye massy Zapadnogo fronta v bor'be za vlast' Sovetov (1917)* [Soldier masses of the Western Front in the struggle for Soviet power]. Moscow, Gosizdatel'stvo Publ., 1953. 196 p.
11. *Minskaya gazeta* [Minsk newspaper]. 1917. December, 17.
12. *Zvezda* [Star]. 1917. November, 5.
13. *Zvezda* [Star]. 1917. December, 2.
14. *Sovetskaya Pravda* [Soviet truth]. 1918. January, 19.
15. *Sovetskaya Pravda* [Soviet truth]. 1917. December, 6.
16. *Sovetskaya Pravda* [Soviet truth]. 1917. December, 23.
17. Natsional Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund. 60. I. 3. F. 338. L. 61.
18. Smol'yaninov M. M. *Moral'no-boevoye sostoyaniye rossiyskikh voysk Zapadnogo fronta v 1917 g.* [The morale and combat state of the Russian troops of the Western Front in 1917]. Minsk, Belorus. nauka Publ., 2008. 259 p.
19. Stashkevich N. S. *Prigovor revolyutsii: Krusheniye antisovetskogo dvizheniya v Belorussii (1917–1925)* [The verdict of the revolution: The collapse of the anti-Soviet movement in Belarus (1917–1925)]. Minsk, Universitetskoye Publ., 1985. 304 p.
20. Ivashin V. G. *Bol'sheviki Belorussii i Zapadnogo fronta v bor'be za osushchestvleniye leninskogo Dekreta o mire* [Bolsheviks of Belarus and the Western Front in the struggle for the implementation of Lenin's Decree on Peace]. Minsk, BGU Publ., 1972. 416 p.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolay Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 18.03.2021

УДК 314.15–026.49

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ПРАБЛЕМЫ САЦЫЯЛЬНА-ПСІХАЛАГІЧНАЙ АДАПТАЦЫІ
БЕЛАРУСКІХ ЭМІГРАНТАЎ У КРАІНАХ ЛАЦІНСКАЙ АМЕРЫКІ (1918–1939 ГГ.)**

У артыкуле аналізуюцца адметнасці сацыяльна-псіхалагічных адаптацыйных працэсаў беларускіх эмігрантаў у краінах Лацінскай Амерыкі. Асабліва ўвага надаецца эканамічнай эміграцыйнай хвалі ў Аргенціну, Бразілію, Парагвай, Уругвай. Даследаванне абапіраецца на заканадаўчую базу дзяржаў-рэцыпіентаў, што дазваляе зрабіць высновы пра ўзаемасувязі прававой і псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў. У матэрыяле падкрэсліваецца, што моўны бар'ер, фізіялагічны і псіхалагічны стрэс негатыўна ўплывалі на акультурацыю і першапачатковую адаптацыю эмігрантаў. Сусветны эканамічны крызіс павысіў узровень беспрацоўя, што адразу негатыўна адлюстравалася на працоўнай занятасці эмігрантаў.

Асноўная частка беларускіх эмігрантаў у міжваенны перыяд паходзіла з тэрыторыі Заходняй Беларусі. Аналіз эміграцыйных працэсаў займаўся спецыяльны дзяржаўны орган Міністэрства працы і сацыяльнай апекі. Эміграцыйнае ўпраўленне актыўна праводзіла інфармацыйную працу сярод насельніцтва пра краіны Лацінскай Амерыкі, каб паспрыць працэсу сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, эміграцыя, сацыяльна-псіхалагічная адаптацыя, прававая адаптацыя, Лацінская Амерыка, Аргенціна, Бразілія.

Для цытавання: Коваль В. У. Праблемы сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі беларускіх эмігрантаў у краінах Лацінскай Амерыкі (1918–1939 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 51–57.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**THE PROBLEMS OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION
OF THE BELARUSIAN EMIGRANTS IN LATIN AMERICA (1918–1939th)**

The article analyzes the problems of social and psychological adaptation processes of the Belarusian emigrants in Latin America. Particular attention is paid to the economic emigration wave to Argentina, Brazil, Paraguay, Uruguay. The study is based on the law of the recipient states. The author comes to the conclusion about the influence the legal adaptation over the psychological adaptation. This paper deals with the problems of the negative impact of the language barrier, physiological and psychological stress to acculturation and the individual adaptation of the emigrants. The global economic crisis has raised the unemployment rate, which negatively affected to the employment of emigrants.

Many Belarusian emigrants were from Western Belarus during the interwar period. The analysis of the emigration processes was carried out by a special state organization of the Ministry of Labor and Social Protection. The Emigration office carried out the information work among the population about the countries of Latin America for the process of the socio-psychological adaptation of the emigrants.

Key words: Belarusian diaspora, emigration, social-psychological adaptation, law adaptation, Latin America, Argentina, Brazil.

For citation: Koval V. U. The problems of socio-psychological adaptation of the Belarusian emigrants in Latin America (1918–1939th). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 51–57 (In Belarusian).

Уводзіны. Праблема сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі асобы – новы аспект даследавання сучаснага эмігрантазнаўства. Вывучэннем адаптацыйных працэсаў займаюцца не толькі гісторыкі, але і спецыялісты ў галіне крос-культурнай псіхалогіі, этнічнай і сацыяльнай псіхалогіі. Адаптацыйныя навуковы кірунак беларускага замежжа стаў адным з найбольш складаных і запатрабаваных у шматпланавым комплексе праблем дыяспары.

Асноўная частка. Паўднёваамерыканскі кантынент у 1920–1930-я гг. быў адным з цэнтраў эканамічнай эміграцыі беларусаў з тэрыторыі Заходняй Беларусі. Асноўная частка беларускага насельніцтва перасялялася з Другой Рэчы Паспалітай у Аргенціну, эмігранты таксама ехалі ў Бразілію, Парагвай і Уругвай. Аналіз эміграцыйных плыняў займаўся спецыяльнымі дзяржаўнымі органамі Міністэрства працы і сацыяльнай абароны. У 1930-я гг. праблемы

эміграцыі ў Польшчы рэгулярна разглядала Міжміністраўская камісія. Асаблівасці сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі прадстаўнікоў беларускай міжкантынентальнай эміграцыі адрозніваліся ад адаптацыйных працэсаў тых беларусаў, якія выехалі ў краіны Еўропы.

На пачатку XX ст. урад Аргенціны быў зацікаўлены ў эмігрантах як у патэнцыяльнай працоўнай сіле. Краіна мела значны зямельны фонд пры нізкай шчыльнасці насельніцтва, таму праблема недахопу сельскагаспадарчых рабочых магла быць вырашана спрыяльнай дзяржаўнай эміграцыйнай палітыкай. Аргенціна ў дачыненні эміграцыі праводзіла палітыку «адчыненых дзвярэй». Кіраўніцтва краіны разлічвала, што фізічна моцныя людзі з ліку эмігрантаў паспрыяюць працэсу мадэрнізацыі сельскагаспадарчых рэгіёнаў. Адрозненне эміграцыйнага заканадаўства Аргенціны ў тым, што дзяржава фактычна не займалася жорсткім мэтанакіраваным адборам эмігрантаў, а гэта прыцягвала жыхароў Паўднёвай і Усходняй Еўропы.

Аднак у 1923 г. адбыўся пікавы рост колькасці эмігрантаў, прыбыўшых у Аргенціну, што прымусіла ўлады на заканадаўчым узроўні аформіць меры па стрымліванню росту эміграцыйнай хвалі. Прынятыя мясцовыя пастановы давалі магчымасць Дэпартаменту эміграцыі Аргенціны абмяжоўваць непрацаздольную частку эмігрантаў. Сусветны эканамічны крызіс таксама прымусіў улады абараняць інтарэсы дамінуючага этнасу пры працаўладкаванні. Выканаўчыя ўлады правінцыі Буэнас-Айрэс прынялі шэраг указаў у 1930 г., 1932 г., 1936 г., якія ўзмацнялі бюракратычныя патрабаванні для эміграцыі: уводзіліся консульскія візы, прыпынялася высадка эмігрантаў у партовых гарадах без дакладнага пункта прызначэння ў дакументах, забараняўся ўезд асоб з інфекцыйнымі хваробамі [1, с. 92]. Забаранялася прымаць каланістаў, узрост якіх быў старэйшы за 60 гадоў. Мінімальная фінансавая плацежаздольнасць для эмігрантаў афіцыйна была ўсталяваная толькі ў 1932 г. [2, с. 236]. Аналізам эканамічнай карысці і сацыяльнай запатрабаванасці асоб займалася Галоўнае эміграцыйнае ўпраўленне Аргенціны.

Павелічэнне колькасці эмігрантаў з тэрыторыі Другой Рэчы Паспалітай у Аргенціну можна таксама патлумачыць увядзеннем эміграцыйных квот у ЗША. У 1921 г. быў прыняты Закон «Аб лімітаванні колькасці замежнікаў у ЗША», які атрымаў назву «Закон Дзілінгхема» (сенатра Дзілінгхем выступіў з прапановай абмежаваць колькасць эмігрантаў). Першапачаткова абмежаванні для замежнікаў прымаўся толькі на 1 год, аднак дзеянне заканадаўчага акта працягнулі яшчэ на 2 гады. У 1924 г. быў

прыняты больш радыкальны дакумент, які набыў назву «Закон Джонсана». У заканадаўчым акце было прапісана, што кантынгент эмігрантаў адной нацыянальнасці не мог перавышаць 2% ад колькасці асоб пэўнай нацыі, зарэгістраванай у ЗША падчас перапісу 1890 г. Увядзенне квот значна знізіла маштабы эміграцыйных працэсаў. Квота для Польшчы складала каля 6000 чалавек у год.

Складана вызначыць колькасць беларусаў, якія эмігравалі ў Лацінскую Амерыку ў міжваенны перыяд. Праблема нацыянальнай ідэнтыфікацыі жыхароў Заходняй Беларусі працягвае выклікаць дыскусіі спецыялістаў. Беларускае насельніцтва было як праваслаўнымі, так і каталікамі па веравызнанні. Значная частка беларусаў у перапісах пазначала сваю нацыянальную этнічнасць як «тутэйшыя», што таксама ўскладняе даследаванне. Нават польскія гісторыкі вынікі дзяржаўных перапісаў Другой Рэчы Паспалітай 1921 г. і 1931 г. у дачыненні беларусаў не лічаць аб'ектыўнымі, падкрэсліваючы, што колькасць беларускага насельніцтва як мінімум ў два разы перавышала афіцыйныя лічбы [3, с. 92]. Дакументы эмігрантаў аналізуюцца на аснове месца нараджэння і веравызнання, таму можна толькі прыблізна ацаніць маштабы беларускай эміграцыйнай хвалі ў міжваенны час. Колькасць беларускіх эмігрантаў у краінах Лацінскай Амерыкі складала ад 25 000 да 30 000 чалавек.

Вывучэнне адаптацыйных працэсаў эканамічных эмігрантаў павінна абавязваць на даследаванні пра ролю мікрасацыяльнага акружэння асоб у працэсе фарміравання іх псіхалагічнай устойлівасці і стрэсаўстойлівасці. Неабходна вылучаць асобныя фактары, якія ўплывалі на псіхалагічную адаптацыю да новых сацыякультурных умоў. Спецыялісты ў галіне этнічнай псіхалогіі адаптацыйныя працэсы звязваюць з вынікамі акультурацыі. Пры паспяховым засваенні сацыяльных каштоўнасцей дамінуючага этнасу эмігранты прымалі ўмовы новага сацыяльнага асяроддзя. Акультурацыя – гэта ўплыў культурных стандартаў прымаючага грамадства на індывідуальную мадэль паводзін асобы.

Далёка не ўсе грамадзяне Аргенціны пазітыўна ўспрымалі прадстаўнікоў іншых культур з ліку эмігрантаў. Пасля Першай сусветнай вайны ў прымаючым грамадстве панавала атмасфера сацыяльнай канфрантацыі. Некаторыя грамадзяне ў эмігрантах бачылі замежных агітатараў, якія імкнуліся разбурыць сфарміраваныя сацыяльныя парадкі. Псіхалагічная напружанасць грамадства перашкаджала працэсам акультурацыі і першапачатковай адаптацыі эмігрантаў. Мясцовыя ўлады былі вымушаны павялічыць дэпартацыю з краіны анархістаў,

сацыялістаў і іншых груп, якія выказвалі небяспечныя палітычныя ідэі.

Фізіялагічны і псіхалагічны стрэс, з якім першапачаткова сутыкаліся эмігранты, быў звязаны з цяжкім падарожжам на паўднёваамерыканскі кантынент, якое працягвалася ад 6 да 8 дзён. Санітарныя ўмовы для асоб, набыўшых самыя танныя квіткі 3-га класа, былі кепскія, што прыводзіла да гібель людзей. Сваё падарожжа праз акіян дастаткова драматычна апісаў селянін-эмігрант: «Шмат дзяцей і старэйшых асоб на караблі памерла. А хрысціянскага пахавання тут няма. Памерлага завязваюць у мяшок, прывязваюць да яго кусок жалеза і кідаюць у мора. Жах і смутак матуль, якія бачаць, як іх дзяцей паглынае вада, чалавек можа адчуць, аднак апісаць гэтага не ў стане» [4, с. 73]. Звычайна караблі ў краіны Лацінскай Амерыкі адпраўляліся з такіх еўрапейскіх партовых гарадоў, як Гдыня, Гданьск, Гамбург, Амстэрдам, Антверпен.

Часам агенты карабельных кампаній замаўлялі беларускамоўным перыядычным выданням публікацыі лістоў эмігрантаў са словамі ўдзячнасці за камфортнае падарожжа, аднак падобныя матэрыялы мелі выключна рэкламны характар. Рэкламу карабельных кампаній і таварыстваў рэгулярна размяшчалі на сваіх старонках віленскія газеты «Змаганьне» і «Беларуская крыніца». Прыкладам агітацыі да міжкантынентальнай эміграцыі з'яўляецца апублікаваны ў газеце «Змаганьне» ліст беларускі Рыўкі Мускат, у якім дзяўчына выключна пазітыўна апісвае сваё падарожжа праз акіян: «Увесь час на параходзе я чулася дужа добра і зусім здаровай. Есці давалі пад дастаткам колькі і чаго хто хацеў. ... Можаш зайсці ў кантору "Red Star Line" і падзякаваць іх за тое, што я вельмі задаволена падарожжам» [5]. Падманутыя чаканні эмігрантаў, расчараванне ў замежных заробках негатыўна ўплывалі на псіхалагічны і маральны стан асоб.

Стымулявалі міжкантынентальную эміграцыю таксама працоўныя ўмовы, калі кампаніі бралі на сябе ўсе выдаткі на падарожжа ў якасці пазыкі. Рэкламныя матэрыялы маршрута праз Галандыю падкрэслівалі, што эмігранты ў Амстэрдаме засяляліся ў спецыяльны гатэль, а караблі кампаніі «Каралеўскі галандскі Ллойд» вылучала кур'ерская хуткасць [6]. Найбольш папулярны маршрут для эміграцыі ў Аргенціну ці Бразілію быў праз галандскі партовы горад Амстэрдам.

У перыяд першапачатковай адаптацыі на паўднёваамерыканскім кантыненте асобам складана было справіцца з фізіялагічным стрэсам, выкліканым спякотным кліматам і высокай вільготнасцю, пужала таксама незнаёмая флора і фаўна. Сяляне займаліся вырошчваннем нетрадыцыйных для Еўропы сельскагаспадарчых культур: чай, рыс, бавоўна, кава, тытунь.

Відавочнай праблемай для эмігрантаў у краінах Лацінскай Амерыкі быў моўны бар'ер. Эміграцыйнае ўпраўленне намагалася праз свае мясцовыя прадстаўніцтвы праводзіць інфармацыйную работу, якая б дазволіла падрыхтаваць асоб да найбольш складаных побытовых сітуацый. Дакументы ўпраўлення пра Аргенціну ад 25 лістапада 1926 г. сведчылі: «Няведанне іспанскай мовы з'яўляецца важнай перашкодай пры ўладкаванні, таму эмігранты павінны перад выездам закупіць польска-іспанскія размоўнікі і вывучыць найбольш карысныя выразы» [7]. Падобныя меры мелі рэкамендацыйны характар, урад Аргенціны не кантраляваў узровень адукацыі эмігрантаў, таму з моўным бар'ерам большасць асоб сустрэлася ў працэсе сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі.

Як вядома, эфектыўная міжкультурная камунікацыя спрыяе дасягненню псіхалагічнага камфорту асобы. Моўны бар'ер прымушаў эмігрантаў кантактаваць толькі ў сваім асяроддзі, што на працяглы час пакідала культурную дыстанцыю з дамінуючым этнасам. Паспяхова псіхалагічныя рэакцыі, якія сведчылі пра інтэграцыю асоб у іншую сістэму культурна-дэтэрмінаваных каштоўнасцей, назіраліся паступова.

З павелічэннем колькасці эмігрантаў у Аргенціне дзяржаўныя органы і дыпламатычныя прадстаўніцтвы вымушаны былі вырашыць праблемы каланістаў. Цэнтральнае эміграцыйнае ўпраўленне было пераканана, што пачынаць патрэбна з інфармацыйнай работы. Дзяржаўны орган звярнуўся ў афіцыйным лісце ад 30 мая 1930 г. да навукова-інфармацыйнага бюро з прапановай распрацаваць памятку для 15 000 чалавек, якія ўжо прыехалі ў Аргенціну [8]. Ідэя была рэалізаваная, аднак складана ацаніць яе эфектыўнасць у перыяд сусветнага эканамічнага крызісу. Эміграцыйны апарат намагаўся стварыць сістэму сацыяльнай абароны сваіх грамадзян, актыўна працавалі прадстаўніцтвы ў Брэсце і Пінску.

Аддзяленне эміграцыйнага ўпраўлення ў Брэсце таксама рабіла ўхвіл на інфармацыйную работу пра ўмовы жыцця ў Аргенціне. Асабліва ўвага надавалася ўмовам каланізацыі, звесткам пра клімат, культуру, камунікацыі. Чыноўнікі спрабавалі прымусіць патэнцыяльных эмігрантаў прачытаць кнігу «Земляробства субтрапічных краін» [9], якую ведамства распрацавала спецыяльна для каланістаў. Інфармацыя пра вырошчванне экзатычных раслін ва ўмовах Лацінскай Амерыкі павінна была развенчаць міф пра лёгкія заробкі эмігрантаў, аднак «эміграцыйную ліхаманку» спыніць было дастаткова складана, бо яе стымулявалі агенты карабельных кампаній.

Сусветны эканамічны крызіс, які пачаўся ў ЗША у кастрычніку 1929 г. з падзення фондавага рынку, дастаткова хутка адчулі краіны Лацінскай Амерыкі. Калі дзяржаўныя эканомікі траплялі ў рэцэсію, рэзка павялічвалася беспрацоўе, што адразу адлюстроўвалася на працоўнай занятасці эмігрантаў.

Адсутнасць гарантаванай працы, частковая занятасць, недахоп матэрыяльных сродкаў прыводзілі эмігрантаў да канфліктнага эмацыйнага стану фрустрацыі. Эмігранты без працы не маглі справіцца з акультурацыйным стрэсам, фінансавыя праблемы выклікалі супярэчнасці духоўна-псіхалагічнага характару. Умовы пражывання нават тых эмігрантаў, якія мелі заробак, былі кепскімі, бо людзі туліліся ў маленькіх пакойчыках, на якія яшчэ хапала сродкаў, пры спякотным клімаце. Шэф паліцыі аргенцінскага партовага горада Авельянеда адзначаў: «Большасць тых, хто жыве ў перанаселеных кварталах, эмігранты з Усходняй Еўропы, якія атрымоўваюць матэрыяльную дапамогу, аднак аргенцінцы ніколі б не трывалі такіх умоў пражывання» [10, с. 141]. Асобы месяцамі, а ў некаторых выпадках гадамі не маглі знайсці сабе працу.

Найбольш складаны перыяд сусветнага эканамічнага крызісу працягваўся з 1929 г. па 1933 г. Урады краін намагаліся ажыццявіць шэраг мерапрыемстваў, накіраваных на фінансавую і маральную падтрымку тым асобам, хто згубіў працу. У Аргенціне ствараліся лагеры беспрацоўных у Буэнас-Айрэсе, Мар-дэль-Плата, Расарыа, дзе траціну жыхароў складалі эмігранты з Усходняй Еўропы [10, с. 142]. На жаль, дзяржаўныя ініцыятывы не маглі ў поўнай ступені ахапіць усіх эмігрантаў. Нярэдкай з'явай была сітуацыя, калі чалавек пераплываў акіян, аднак не мог знайсці сабе працы ў эміграцыі. Праблема асабе здавалася безвыходнай, бо сродкаў на зваротны квіток ужо не было.

Для найбольш моцных і фізічна вынослівых рабочых з ліку эмігрантаў працаўладкаванне на фабрыку г. Авельянеда выглядала наступным чынам: «Для эмігрантаў, якія трохі ведаюць іспанскую мову, для рабочых, якія прыехалі з унутраных раёнаў краіны, для маладых мужчын і жанчын, працэдура працаўладкавання была жахлівым пачаткам цяжкага працоўнага жыцця. Перспектыўныя работнікі прыходзілі месяцамі кожны дзень тыдня, пакуль менеджэр па персоналу не выбіраў іх. Значна павялічвалі магчымасці атрымання працы рэкамендацыйны ліст і фізічная сіла» [10, с. 140]. Для эмігрантаў, якія вытрымалі падобную працэдуру, працоўнае месца давала стабільны заробак, што дазваляла ім усталяваць сацыяльныя і камунікацыйныя сувязі, прыняць новыя ўмовы жыцця дамінуючага этнасу, справіцца з псіхалагічным бар'ерам.

Сярод краін Лацінскай Амерыкі галоўным канкурэнтам Аргенціны ў стымуляванні эканамічнай эміграцыйнай плыні стала Бразілія. Яскравы прыклад ўплыву эміграцыйных мер адной краіны на іншую ў тым, што бразільскія кампаніі ў пачатку XX ст. пачалі аплачваць карабельныя квіткі эмігрантаў з Еўропы, а Аргенціна была вымушана паўтарыць падобны ход, каб застацца канкурэнтаздольнай на рынку працы.

Звестак пра грамадскую дзейнасць беларускай супольнасці ў Бразіліі засталася няшмат. Вядома, што ў 1933 г. сваёй актыўнай працай вызначылася таварыства «Асвета», створанае беларусамі ў Порта-Алегрэ, пра што размясціла матэрыял на сваіх старонках віленская газета «Родны край» [11, с. 6]. Беларусы ў Бразіліі кансалідаваліся ў саюзы і таварыствы з мэтай вывучэння мовы і культуры прымаючага грамадства, а таксама для захавання сваіх нацыянальных традыцый.

Даследаванне прававога статусу і праблем прававой інтэграцыі ажыццяўляецца на аснове аналізу інстытуцыянальных форм беларускай дзейнасці. Асноўнай мэтай грамадскіх арганізацый эмігрантаў была кансалідацыя дыяспары. Варта падкрэсліць, што нягледзячы на патрэбнасць у самаарганізацыі, грамадская актыўнасць прадстаўнікоў эканамічнай эміграцыі была невысокай. Ліст беларускага эмігранта В. Бялушы з Аргенціны ў рэдакцыю газеты «Беларуская крыніца» адлюстроўвае праблему: «Нямала ёсць у Аргенціне і нас, эмігрантаў-беларусаў. Толькі на чужыне сярод рознанацыянальных людзей мы, беларусы, губляемся. Усе іншыя эмігранты маюць свае нацыянальныя арганізацыі, а мы, беларусы, на вялікі жаль, такой не маем» [12, с. 3]. Арганізацыі, якія аб'ядноўвалі асобныя групы эмігрантаў на аснове этнакультурнай ідэнтычнасці, не мелі прававых механізмаў абароны асоб у асяроддзі сацыяльнай дыскрымінацыі. Улады краін-рэцыпіентаў не імкнуліся стварыць спрыяльную прававую атмасферу для эмігрантаў.

Беларусы Аргенціны далучаліся да мерапрыемстваў культурна-асветніцкіх таварыстваў «Беларуская грамада» і «Культура», удзельнічалі ў рабоце Саюза ўкраінскіх і беларускіх рабочых арганізацый. Таварыства «Культура» займалася аматарскімі тэатральнымі пастапоўкамі, былі арганізаваны спектаклі ў Буэнас-Айрэсе на беларускай мове.

Беларускія эмігранты ва Уругваі ў 1927 г. прымалі ўдзел у арганізацыі Культурнага цэнтра імя Т. Шаўчэнкі ў Монтэвідэа [13, с. 131]. Цэнтр абараняў інтарэсы эканамічных эмігрантаў, падтрымліваў актыўныя кантакты з дыпламатычнымі службамі СССР.

Заклучэнне. Большасць беларускіх эмігрантаў у краінах Лацінскай Амерыкі не была падрыхтавана да новых умоў жыцця. Эміграцыйны апарат намагаўся праводзіць інфармацыйную работу ся-

род насельніцтва. Негатыўны ўплыў на сацыяльна-псіхалагічную адаптацыю эканамічных эмігрантаў аказала слабая грамадская актыўнасць дыяспары, беспрацоўе і сусветны эканамічны крызіс.

Спіс літаратуры

1. De Cristóforis N. *Inmigrantes y colonos en la provincia de Buenos Aires: una mirada de largo plazo (siglos XIX–XXI)*. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 2016. 136 p.
2. Sanchez Alonso B. La racionalidad de las políticas migratorias en la primera globalización: en caso Argentino // *Revista de Instituciones, Ideas y Mercados*. 2007. No. 46. P. 233–264.
3. Sadowski A. *Narody wielki i małe. Białorusini w Polsce*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1991. 184 s.
4. Качараба С., Рожик М. *Українська еміграція. Еміграційний рух зі Східної Галіччини та Півночної Буковини у 1890–1914 рр.* Львів: Рівненська друкарня, 1995. 124 с.
5. Вытрымка з п'яма Рыўкі Мускат // *Змаганьне*. 1923. № 18. С. 4.
6. ЦДГА Украіны ў Львове (Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў Украіны ў Львове). Ф. 422. Воп. 1. Спр. 845. Арк. 6.
7. ЦДГА Украіны ў Львове. Ф. 422. Воп. 1. Спр. 575. Арк. 9.
8. ЦДГА Украіны ў Львове. Ф. 422. Воп. 1. Спр. 591. Арк. 1.
9. ДАБВ (Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці). Ф. 377. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 36.
10. Cipko S. *Ukrainians in Argentina, 1897–1950. The making of a community*. Edmonton-Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2011. 282 p.
11. У Бразіліі // *Родны край*. 1933. № 6. С. 6.
12. Bieľuš W. *Písmo s Arhientynu* // *Bielaruskaja Krynica*. 1928. № 55. S. 3.
13. Мосейкина М. Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. 384 с.

References

1. De Cristoforis N. *Immigranty i poselentsy v provintsii Buenos-Ayres: dolgosrochnyy vzglyad (XIX–XXI vv.)* [Emigrants and displaced persons in the province of Buenos Aires: a long-term perspective]. Buenos Aires, University of Buenos Aires Publ., 2016. 136 p.
2. Sanches Alonso B. Rationality of migration policy in the context of the first globalization: the example of Argentina. *Revista de Instituciones ideas y mercados*. 2007, no. 46, pp. 233–264 (In English).
3. Sadowski A. *Narody velikiye i малыye: belorusy v Pol'she* [Nations great and small: the Belarusians in Poland]. Krakow, Uniwersitet Jagiellonski Publ., 1991. 184 p.
4. Kacharaba S., Rozik M. *Ukrainskaya emigratsiya. Emigratsionnoye dvizheniye iz Vostochnoy Galichchiny i Severnoy Bukoviny v 1890–1914 gg.* [Ukrainian emigration. Emigration movement from Eastern Galicia and Northern Bukovina in 1890–1914]. Lviv, Rivnen'ska drukarnya Publ., 1995. 124 p.
5. Excerpt of the letter of Ryvka Muskat. *Zmagan'ne* [Struggle], 1923, no. 18. P. 4 (In Belarusian).
6. CSHA of Ukraine in Lviv (Central State Historical Archives of Ukraine in Lviv). Fund 422. I. 1. F. 845. L. 6.
7. CSHA of Ukraine in Lviv. Fund 422. I. 1. F. 575. L. 9.
8. CSHA of Ukraine in Lviv. Fund 422. I. 1. F. 591. L. 1.
9. SABR (State Archives of Brest Region). Fund 377. I. 1. F. 1. L. 36.
10. Sirko S. *Ukraintsy v Argentine, 1897–1950. Sozdaniye obshchosti* [Ukrainians in Argentina, 1897–1950. The making of a community]. Edmonton-Toronto, Canadian Institute of Ukrainian Studies Press Publ., 2011. 282 p.
11. In Brazil. *Rodny kray* [The Native Land], 1933, no. 6. P. 6 (In Belarusian).
12. Bialush V. Letter from Argentina. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1928, no. 55. P. 3 (In Belarusian).
13. Moseikina M. N. “*Rasseyany, no ne rastorgnuty*”: *russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoy Ameriki* [“Dispersed but not disunited”: Russian emigration in Latin America]. Moscow, RUDN Publ., 2011. 384 p.

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Сьвярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Паступіў 12.03.2021

УДК 947.6

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**РАСПРАЦОЎКА КАНЦЭПЦЫІ НАЦЫЯНАЛЬнай
ПАЛІТЫКІ НА БЕЛАРУСІ ў 1920-я ГГ.**

У артыкуле разглядаюцца пытанні распрацоўкі на Беларусі нацыянальнай палітыкі – беларусізацыі, якая стала вызначальнай рысай усяго грамадскага развіцця БССР 1920-х гг. Для ажыццяўлення гэтай палітыкі інсавалі пэўныя перадумовы – ідэі і практыка беларускага нацыянальнага руху, утварэнне беларускай дзяржавы і ўзбуйненне яе тэрыторыі, лібералізацыя эканамічнага жыцця, адступленне ад імкнення фарсіраваць сусветную рэвалюцыю. Характар і змест нацыянальнай палітыкі шмат у чым прадвызначаліся тымі пераменамі, што пачаліся ў краіне ў цэлым. У праграме беларусізацыі ўлічваўся шматнацыянальны склад насельніцтва, яго своеасаблівае рассяленне на тэрыторыі рэспублікі, нізкі ўзровень эканамічнага развіцця краіны, непарцыянальна нізкая доля беларусаў у партыйных, савецкіх, гаспадарчых органах улады і кіравання. Пры распрацоўцы палітыкі беларусізацыі асабліва ўвага была звернута на развіццё беларускай мовы, нацыянальнай адукацыі і навукі, культурнае адраджэнне рэспублікі, кадравае пытанне. Не засталіся без увагі інтарэсы тых нацыянальных меншасцей, якія жылі на тэрыторыі Беларусі.

Палітыка беларусізацыі была ўзнята на ўзровень дзяржаўнай з дакладным замацаваннем у адпаведных законах, аказала выключнае ўздзеянне на насельніцтва краіны, дала вялікую надзею на рэалізацыю ідэй нацыянальна-культурнага будаўніцтва, якія ў другой палове 1920-х гг. знайшлі сваё ўвасабленне на практыцы.

Ключавыя словы: нацыянальная палітыка, перадумовы, мова, падрыхтоўка, дзяржава, праграма, насельніцтва, культура, асаблівасці, беларусізацыя.

Для цытавання: Каляда І. У. Распрацоўка канцэпцыі нацыянальнай палітыкі на Беларусі ў 1920-я гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 58–62.

I. U. Kolyada

Belarusian State Technological University

**DEVELOPMENT OF THE NATIONAL CONCEPT
POLITICIANS IN BELARUS IN THE 1920s**

The article considers the issues of developing a national policy in Belarus – Belarusianization, which became a defining feature of the entire social development of the BSSR in the 1920s. There were certain preconditions for the implementation of this policy – the ideas and practices of the Belarusian national movement, the formation of the Belarusian state and the expansion of its territory, the liberalization of economic life, the retreat from the desire to force the world revolution. The nature and content of national policy was largely determined by the changes that began in the country as a whole. The program of Belarusianization took into account the multinational composition of the population, its peculiar settlement in the country, the low level of economic development of the country, the disproportionately low share of Belarusians in party, Soviet, economic authorities and government. During the development of the policy of Belarusianization, special attention was paid to the development of the Belarusian language, national education and science, the cultural revival of the republic, and the personnel issue. The interests of those national minorities living in Belarus were not ignored.

The policy of Belarusianization was raised to the level of the state with a clear enshrinement in the relevant laws, had an exceptional impact on the population, gave great hope for the implementation of the ideas of national and cultural construction, which in the second half of the 1920s. found their embodiment in practice.

Key words: national policy, preconditions, language, training, state, program, population, culture, features, Belarusianization.

For citation: Kolyada I. U. Development of the national concept politicians in Belarus in the 1920s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 58–62 (In Belarusian).

Уводзіны. Беларусізацыя – палітыка нацыянальна-дзяржаўнага і нацыянальна-культурнага будаўніцтва ў БССР у 1920-я гг., для паспяховага ажыццяўлення якой інсавалі пэўныя духоўныя і сацыяльна-палітычныя перадумовы.

Ідэі і практыка беларусізацыі былі закладзены беларускім нацыянальным рухам, які нараджаўся і развіваўся пад знакам ідэй нацыянальнага адраджэння. Ідэя адраджэння, па сутнасці, уяўляла сабой цэласную нацыяналь-

ную праграму ў палітычнай і культурнай сферах і была звязана з утварэннем незалежнай Беларускай дзяржавы, вяртаннем дзяржаўнага статусу беларускай мове, аднаўленнем культурных, гістарычных традыцый беларускага народа. У выніку ўтварэння Беларускай дзяржавы ў форме БССР, а таксама далейшага яе ўзбуйнення адна з асноватворных ідэй нацыянальнага самавызначэння атрымала практычнае ўвасабленне, што адкрыла шырокае магчымасці для самастойнага развіцця народа.

Адступленне ад імкнення фарсіраваць светную рэвалюцыю і лібералізацыя эканамічнага жыцця паклалі пачатак паступоваму перагляду палітыкі ў нацыянальным пытанні. Права нацый на самавызначэнне, абвешчанае «Дэкларацыяй правоў народаў Расіі» (лістапад 1917 г.), стала асновай ідэі федэратыўнага саюзу савецкіх рэспублік. З гэтага часу нацыянальная палітыка РКП(б) набывае новыя рысы, у многім ідзе ад інтарэсаў народаў рэспублік.

Характар і змест нацыянальнай палітыкі шмат у чым прадвызначаліся тымі пераменамі, што пачаліся ў краіне ў цэлым. У сваім агульным змесце яна не была ўласціва толькі БССР, а праводзілася ва ўсіх нацыянальных рэспубліках і рэгіёнах СССР з улікам іх асаблівасцей (палітыка ўкраінізацыі, татарызацыі, цюркізацыі ў Сярэдняй Азіі).

Асноўная частка. Беларусізацыя, несумненна, адпавядала нацыянальным імкненням беларускага народа, але ж яе ажыццяўленне не было вынікам мясцовай ініцыятывы, а з'яўлялася часткаю агульнасаюзнай дзяржаўнай палітыкі, якая ў гістарычнай літаратуры атрымала назву нацыянал-нэп і заключалася ў пашырэнні правоў усіх без выключэння народаў і народнасцей СССР.

Асноўныя палажэнні гэтай палітыкі былі распрацаваны на X (сакавік 1921 г.) і XII (красавік 1923 г.) з'ездах РКП(б), дзе была абгрунтавана ідэя федэратыўнага саюзу рэспублік і вызначаны меры па ліквідацыі фактычнай няроўнасці народаў СССР у галіне эканамічнага, сацыяльна-палітычнага і культурнага развіцця.

У рашэннях X з'езда РКП(б) праблема нацыянальнага і культурнага будаўніцтва разглядалася як частка ўсяго комплексу праблем новай эканамічнай палітыкі, якая была скіравана на рэарганізацыю палітычнага і эканамічнага жыцця Беларусі, што, у сваю чаргу, прывяло б да істотных змен у нацыянальным і культурным жыцці [1, с. 360–369].

Рашэнні XII з'езда РКП(б) па нацыянальным пытанні былі ўжо больш канкрэтызаваны і прадугледжвалі выданне спецыяльных законаў, якія б забяспечвалі ўжыванне роднай мовы ва ўсіх дзяржаўных органах і ўстановах, мера-

прыемствы па рэарганізацыі нацыянальных вайсковых часцей, роўнасць правоў ва ўзаемаадносінах цэнтральных і рэспубліканскіх улад і інш. [2, с. 79–87].

Азначаныя рашэнні спрыялі таму, што палітыка беларусізацыі была ўзнята на ўзровень дзяржаўнай з дакладным замацаваннем у адпаведных законах. Асноўныя канцэптэуальныя падыходы і накірункі гэтай палітыкі былі вызначаны яшчэ беларускім нацыянальным рухам, і многія з ідэй беларусізацыі ўжо тады пачалі ажыццяўляцца (напрыклад, стварэнне беларускіх школ і адначасова школ для народаў іншых нацыянальнасцей, перавод справаводства на беларускую мову).

Фактычна прыныцыпы палітыкі беларусізацыі былі сфармуляваны на VII з'ездзе КП(б)Б (сакавік 1923 г.) у пастанове «Канкрэтызацыя платформы ЦК РКП(б) ва ўмовах БССР Рэспублікі», дзе вызначаўся комплекс мер па гаспадарчым адраджэнні краю, тэрытарыяльным самавызначэнні беларускага народа, развіцці беларускай мовы і нацыянальнай культуры, вылучэнні і выхаванні кадраў партыйнага, дзяржаўнага, прафсаюзнага, кааператыўнага апаратаў [3, с. 94–102].

Вызначаныя ў пастанове меры па беларусізацыі адкрывалі шырокае магчымасці для ажыццяўлення ідэй беларускага адраджэння з улікам такіх асаблівасцей, як нацыянальны і сацыяльны склад насельніцтва Беларусі, нізкі ўзровень эканамічнага развіцця краіны і інш.

Шматнацыянальны склад насельніцтва, яго своеасаблівае рассяленне на тэрыторыі рэспублікі неабходна было ўлічваць пры рапрацоўцы і ажыццяўленні беларусізацыі. Так, па перапісу 1926 г., пасля другога ўзбуйнення БССР доля беларусаў складала 80,6%, яўрэяў – 8,2, рускіх – 7,7, палякаў – 2, украінцаў – 0,7, латышоў – 0,3, літоўцаў, немцаў, татараў – па 0,1, усіх іншых – 0,2% [4, с. 60]. Улічваць трэба было і тое, што беларусы галоўным чынам пражывалі ў вёсках, яўрэі, у сілу існаваўшай пры царызме рысы аселасці, сканцэнтраваліся ў мястэчках і гарадах, складаючы часам да 40–60% колькасці іх жыхароў. У гарадах большай часткай пражывалі і рускія, хаця нямала іх было і ў сёлах. Астатнія нацыянальныя меншасці жылі як у гарадах, так і ў вёсках, утвараючы нярэдка даволі кампактныя групы. Такое рассяленне стварала свайго роду нацыянальны разрыў паміж горадамі і вёскай, а таксама ўносіла спецыфіку ў моўнае становішча – рускамоўны горад і беларускамоўная вёска.

Правядзенне нацыянальнай палітыкі ўскладнялася яшчэ і тым, што нацыянальныя і сацыяльныя адметнасці ў сілу гістарычных, гаспадарчых і палітычных умоў цесна перапляталіся

паміж сабою. Яўрэй разглядаліся беларускім сялянствам галоўным чынам як насельніцтва ў большай меры гандлёвае, няздольнае да прадукцыйнай працы (хаця значная частка яўрэйў займалася саматужнымі рамёствамі і працавала на фабрыках і заводах у якасці рабочых).

Неабходна адзначыць таксама нізкі эканамічны ўзровень развіцця Беларусі, павялічаны вайной і разрухай, якому спадарожнічаў жабрацкі ўзровень дабрабыту народа. Гаспадарчая адсталасць Беларусі і русіфікатарская палітыка царскага ўрада адбіліся на культурным развіцці беларусаў. Падняць культурны ўзровень жыцця, а тым самым павысіць сацыяльную актыўнасць насельніцтва было адной з асноўных задач нацыянальнай палітыкі.

Ускладняла выпрацоўку і правядзенне нацыянальнай палітыкі і непрапарцыянальна нізкая доля беларусаў у партыйных, савецкіх, гаспадарчых органах улады і кіравання. Беларусізацыя пачыналася тады, калі гэтая доля не дасягала і паловы. Назіралася такая з'ява, калі беларусы – большасць насельніцтва рэспублікі – засталіся ў відавочнай меншасці ў партыйным і дзяржаўным апаратах. Зразумела, што падобнае становішча не садзейнічала нармальнаму развіццю нацыянальных адносін і мела ў далейшым самую негатыўную вынікі.

Такія суадносіны ў кіруючых органах тлумачацца ў першую чаргу тым, што яўрэй і рускія, якія пражывалі ў асноўным у гарадах і мястэчках, нават і да Кастрычніцкай рэвалюцыі мелі больш магчымасцей атрымліваць добрую адукацыю. Невыпадкова самая значная колькасць пісьменных сярод розных нацыянальнасцей на Беларусі была ў яўрэйў – 70%, трохі менш у палякаў і рускіх – 50 і 49 адпаведна, у беларусаў – 36% (па перапісу 1926 г.) [5, с. 60–61].

Пры распрацоўцы палітыкі беларусізацыі на кадравае пытанне была звернута асабліва ўвага.

Афіцыйны статус дзяржаўнай палітыкі беларусізацыя атрымала з прыняццем на II сесіі ЦВК БССР (ліпень 1924 г.) пастановы «Аб практычных мерапрыемствах па правядзенні нацыянальнай палітыкі» [6, с. 7–9] і рэзалюцыі пленуму ЦК КП(б)Б (ліпень 1924 г.) «Аб праграме работ па правядзенні нацыянальнай палітыкі партыі ў Беларусі» [3, с. 115–120]. Згодна з гэтымі пастановамі раўнапраўнымі на тэрыторыі Беларусі аб'яшчаліся беларуская, руская, яўрэйская і польская мовы.

Да гэтага часу на Беларусі ўжывалася пераважна руская мова. Беларуская мова выконвала мізэрны аб'ём сацыяльных функцый, нягледзячы на тое, што карэннае насельніцтва складала 80%. Для ўжывання яўрэйскай і польскай моў таксама не знаходзілася месца ў грамад-

скім жыцці, хаця на іх носбітаў падаў значны працэнт у агульным складзе насельніцтва Беларусі.

Беларуская мова (з прычыны значнай перавагі ў БССР насельніцтва беларускай нацыянальнасці) выбіралася як пераважная для зносін паміж дзяржаўнымі, прафесійнымі і грамадскімі ўстановамі і арганізацыямі. Разам з тым за кожным грамадзянінам рэспублікі, да якой бы нацыянальнасці ён не належыў, заставалася права карыстацца сваёй роднай мовай у зносінах з арганізацыямі і ўстановамі.

Вызначаліся канкрэтныя тэрміны пераводу справаводства дзяржаўных і грамадскіх арганізацый, прадпрыемстваў і кааператываў аб'яднанняў на беларускую мову. На працягу аднаго года на беларускую мову павінны былі перайсці СНК, ЦВК, Наркаматы асветы і земляробства. Наркаматы ўнутраных спраў, юстыцыі, сацыяльнага забеспячэння атрымалі двухгадовы тэрмін, камісарыяты аховы здароўя, фінансаў і ваенных спраў – тры гады [6, с. 39–44].

Ад кожнага супрацоўніка савецкіх, прафсаюзных і грамадскіх арганізацый патрабавалася веданне беларускай і рускай моў, а для некаторых дадаткова яшчэ і веданне яўрэйскай або польскай. Калі гэтыя ўмовы не выконваліся, то асобы, якія прэтэндавалі на адказныя пасады, не маглі быць прыняты на службу ў дзяржаўныя, грамадскія і прафсаюзныя ўстановы.

Замацоўвалася абавязковае вывучэнне беларускай і рускай моў ва ўсіх навучальных установах БССР.

У ліпені 1924 г. была ўтворана спецыяльная Камісія па ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі на чале з вядомым дзяржаўным дзеячам Хацкевічам А. І., у руках якой была сканцэнтравана практычна ўся работа па беларусізацыі. Аналагічныя камісіі былі створаны і пры акадэмічных выканаўчых камітэтах. Пры агітпрапагандзе ЦК КП(б)Б працавалі спецыяльныя бюро прапаганды і агітацыі сярод працоўных яўрэйскай, польскай, латышскай і літоўскай нацыянальнасцей на іх родных мовах.

Самая сур'ёзная ўвага звярталася на культурнае адраджэнне рэспублікі. Пры падаўляючай большасці беларусаў у агульнай колькасці насельніцтва развіццё беларускай нацыянальнай культуры (мовы, літаратуры, школы) адсталася ў параўнанні з другімі нацыянальнасцямі. У рашэннях студзенскага (1925 г.) пленума ЦК КП(б)Б адзначалася, што лозунг, які неабходна прыняць у культурнай працы, – гэта лозунг «беларусізацыі». «Пры раўнапраўі ўсіх нацый, пры абавязковасці з боку ўрада забеспячэння развіцця культуры кожнай з іх, пры прызнанні дзяржаўнымі мовамі чатырох, – пры ўсім гэтым, аднак, справа развіцця мовы, літа-

ратуры, школы, усёй культуры на беларускай мове прызнаецца першай і асноўнай справай» [6, с. 46–47].

Такім чынам, можна казаць пра беларусізацыю ў шырокім сэнсе – як нацыянальную палітыку ў цэлым, так і ў больш вузкім – як нацыянальна-культурнае будаўніцтва.

На працягу 1924–1925 гг. распрацоўка праграмы беларусізацыі ў цэлым была завершана. У далейшым яна неаднаразова ўдакладнялася і дапаўнялася. Але асновы беларусізацыі, яе галоўныя напрамкі былі расрацаваны да 1925 г. Гэта быў першы этап беларусізацыі, які амаль цалкам быў адданы ідэалагічнай падрыхтоўцы, тлумачэнню ў шырокіх колах насельніцтва мэт і задач беларусізацыі.

Палітыка беларусізацыі складалася з дзвюх узаемазалежных частак – нацыяналізацыі і карэнізацыі. Першая азначала шырокае развіццё беларускай культуры (школы, ВНУ на беларускай мове, выданне кніг, навукова-даследчая работа па ўсебаковым вывучэнні Беларусі і г. д.), увядзенне беларускай мовы практычна ў кожную галіну грамадска-палітычнага і эканамічнага жыцця (перавод на беларускую мову партыйнага, дзяржаўнага, прафесійнага, кааператыва апарата і часцей Чырвонай арміі). Другая – вылучэнне прадстаўнікоў карэннага насельніцтва на партыйную, савецкую, прафсаюзную і грамадскую работу. Азначалі, што такое вылучэнне адбывалася не па нацыянальнай прыкмеце (беларус – не беларус), а па дзелавых якасцях, веданні ўмоў і асаблівасцей Беларусі, дасканальным валоданні беларускай і рускай мовамі. Адсюль і назва гэтага накірунку – карэнізацыя, якая тычылася не толькі беларусаў, але і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей.

Беларусізацыя была падтрымана шырокімі коламі насельніцтва Беларусі. Дзякуючы шырокай тлумачальнай працы, што вялася ў друку, на прадпрыемствах, у людзей з’явілася заканамернае жаданне аддаць свае сілы і энергію адраджэнню роднай краіны. Пашыралася ўсведамленне таго, што беларусы ўступаюць у культурным развіцці суседнім народам толькі з прычыны вялікіх несправядлівасцей гістарычнага лёсу і што ў мінулым яны ні ў чым не адставалі ад суседніх этнасаў.

Галоўнай апорай у гэтым адраджэнні павінна была стаць інтэлігенцыя як найбольш адукаваны і свядомы пласт беларускага народа. І сапраўды, інтэлігенцыя актыўна ўключылася ў вывучэнне духоўнай спадчыны, каб паставіць яе на службу нацыянальна-культурнаму адраджэнню.

Згуртаванню творчых сіл народа садзейнічала амністыя ўсім удзельнікам антысавецкіх

нацыянальных фарміраванняў і арганізацый перыяду 1918–1920 гг., якая была аб’яўлена ў ліпені 1923 г.: выхадцам з працоўных слаёў насельніцтва, беларускім палітычным і культурным дзеячам, членам беларускіх нацыянальных урадаў (Вялікай беларускай рады, Найвышэйшай рады і інш.), былым членам БПС-Р, якія не прымалі актыўнага ўдзелу ва ўзброенай барацьбе супраць савецкай улады і заявілі аб лаяльных да яе адносінах [7, л. 9–11].

Гэта пастанова ставіла мэту аб’яднаць разведзеную па розных палітычных лагерах інтэлігенцыю на стваральную прафесійную працу на карысць свайму народу. Было зразумела, што без вопытных спецыялістаў нельга весці гаворку пра беларускае адраджэнне.

Заклучэнне. Больш за год ішла ідэалагічная падрыхтоўка да ажыццяўлення палітыкі беларусізацыі, калі праз газеты і часопісы абгрунтавана і канкрэтна тлумачылася яе неабходнасць. Каб лепей падрыхтаваць рознамоўных людзей да гэтай падзеі, у рускамоўных перыядычных выданнях, якія павінны былі перайсці на беларускую мову, загадзя пачалі друкаваць на ёй матэрыялы, каб людзі паступова авалодвалі родным словам карэннага насельніцтва. Такія дзеянні дазволілі практычна без ускладненняў прыступіць у далейшым да актыўнай рэалізацыі намечанай праграмы.

Не засталіся без увагі інтарэсы тых нацыянальных меншасцей, якія жылі на тэрыторыі Беларусі, што стала яшчэ адной характэрнай рысай беларусізацыі. У пастановах і рашэннях адносна гэтай палітыкі іх інтарэсам адводзілася значнае месца. Было разуменне, што поспехі на шляху нацыянальнага адраджэння будуць залежаць ад таго, як успрымуць беларусізацыю іншыя этнічныя супольнасці Беларусі: не можа быць свабоднай і паважанай нацыя, якая сама не паважае правоў іншых народаў, тым больш, калі апошнія з’яўляюцца нацыянальнымі меншасцямі. Адносіны да іх мовы і культуры былі аналагічнымі адносінам да беларускай мовы і культуры. Іх развіццё падтрымлівалася, забяспечвалася матэрыяльна і арганізацыйна. І дзякуючы гэтаму, некарэннае насельніцтва ў аснове сваёй прыхільна ставілася да беларусізацыі і з гэтага боку не назіралася якіх-небудзь сур’ёзных пярэчанняў, супраціўлення такой палітыцы. Больш таго, беларусізацыя 1920-х гг. дала багата прыкладаў плённай працы прадстаўнікоў рускай, польскай, яўрэйскай, украінскай і іншых нацыянальнасцей на ніве беларускай культуры.

Такім чынам, палітыка беларусізацыі, разлічаная на доўгі перыяд і меўшая сваёй мэтай развіццё нацыянальнай культуры, адраджэнне беларускай мовы, стала вызначальнай рысай

усяго грамадскага развіцця БССР 1920-х гг. Яна была добра распрацавана, у яе ажыццяўленні ўдзельнічалі тысячы людзей – партыйных, камсамольскіх, прафсаюзных дзеячаў, настаўнікаў, прадстаўнікоў інтэлігенцыі.

Беларусізацыя аказала выключнае ўздзеянне на насельніцтва краіны, дала вялікую надзею на рэалізацыю ідэй нацыянальна-культурнага будаўніцтва, якія ў другой палове 1920-х гг. знайшлі сваё ўвасабленне на практыцы.

Спіс літаратуры

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1983. Т. 2. 606 с.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 510 с.
3. КПБ в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Минск: Беларусь, 1983. Т. 1. 527 с.
4. Будзін Ш. А. Нацыянальнае пытанне. Менск: Дзяржаўнае выд-ва Беларусі, 1932. 392 с.
5. Два гады нацыянальнай работы ў БССР: збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальнаму пытанню. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР, 1929. 167 с.
6. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР: у 2 ч. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР. Ч. 1. 1928. 152 с.
7. НАРБ. Ф. 4. Воп. 1. Спр. 703.

References

1. *KPSS v rezolyutsyyakh i resheniyakh s'eyzdov, konferentsiy i plenumov TsK* [KPSS in resolutions and solutions congresses, conferences and plenums CK]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. Vol. 2. 606 p.
2. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'eyzdov, konferentsiy i plenumov TsK* [KPSS in resolutions and solutions congresses, conferences and plenums CK]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. Vol. 3. 510 p.
3. *KPB v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'eyzdov i plenumov TsK* [KPB in resolutions and solutions congresses and plenums CK]. Minsk, Belarus Publ., 1983. Vol. 1. 527 p.
4. Budzin Sh. A. *Natsyyanal'naye pytanne* [The national question]. Minsk, Dzyarzhhaunaye vydavetstva Belarusi Publ., 1932. 392 p.
5. *Dva gady natsyyanal'nay raboty u BSSR: zbor pramou, artykulau i rezalyutsyy pa natsyyanal'namu pytannyyu* [Two years of national work in BSSR: the collection of speeches, articles and resolutions on the national question]. Minsk, Vydavetstva Natskamisii TsVK BSSR Publ., 1929. 167 p.
6. *Praktychnaye vyrashenne natsyyanal'naga pytannyya u BSSR* [The practical solution of the national question in the Byelorussian SSR]. Minsk, Vydavetstva Natskamisii TsVK BSSR Publ., 1928. 152 p.
7. NARB. Fund 4. I. 1. F.

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koleda@belstu.by

Information about the author

Kolyada Ina Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koleda@belstu.by

Паступіў 05. 03. 2021

УДК 9:331.105 (476)

А. А. Дубовік

Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт

**ДЕЙНАСЦЬ РАСЦЭНАЧНА-КАНФЛІКТНЫХ КАМІСІЙ
НА ПРАДПРЫЕМСТВАХ БССР У 1920-Я ГГ.**

У артыкуле разглядаецца вырашэнне працоўных спрэчак на прадпрыемствах Беларускай ССР у перыяд новай эканамічнай палітыкі шляхам стварэння і працы расцэначна-канфліктных камісій (РКК). Іх дзейнасць шырока разгарнулася з 1922 г. і накіроўвалася Наркаматам працы і прафсаюзамі. РКК стваралася на парытэтных пачатках з прадстаўнікоў адміністрацыі і фаб-заўкама і з'яўлялася першай інстанцыяй вырашэння канфліктаў на прадпрыемстве і ва ўстанове. Ад таго, наколькі своєчасова і правільна яна вырашала працоўныя канфлікты, залежалі прадукцыйнасць працы, агульны настрой рабочых і служачых. У дзейнасці РКК можна выдзеліць два этапы. У першай палове 1920-х гг. яны праводзілі значную працу ў інтарэсах працоўных. У канцы 20-х гг. XX ст. адбывалася аслабленне дзейнасці РКК, прымірыцельных камер і іншых інстытутаў парытэтна-трацейскага вырашэння працоўных канфліктаў па прычыне перадачы часткі іх паўнамоцтваў судовым органам, што звужала магчымасці ўдзелу прафсаюзаў у вырашэнні пытанняў рэгулявання працоўных адносін.

Ключавыя словы: новая эканамічная палітыка (НЭП), тарыфна-эканамічная работа, Наркамат працы (НКП), прафсаюзы, працоўныя спрэчкі, парытэтна-трацейскае вырашэнне працоўных канфліктаў, расцэначна-канфліктныя камісіі (РКК), прымірыцельныя камеры.

Для цытавання: Дубовік А. А. Дзейнасць расцэначна-канфліктных камісій на прадпрыемствах БССР у 1920-я гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 63–67.

A. A. Dubovik

Belarusian National Technical University

**ACTIVITY OF RATE AND CONFLICT COMMISSIONS
AT THE ENTERPRISES OF THE BSSR IN THE 1920s**

The article deals with the solution of labour disputes at enterprises of the Belarusian SSR in the period of new economic policy through the creation and work of rate and conflict commissions (RCC). Their activity has expanded widely since 1922 and was directed by the People's Commissariat of Labour and trade unions. RCC was created on a parity basis from representatives of the administration and factory committee and was the first instance for resolving conflicts at enterprise and institution. Labour productivity and general mood of workers depended on how timely and correctly RCC resolved labour conflicts. The activity of RCC can be divided into two stages. In the first half of the 1920s they did a lot in the interests of the workers. At the end of 1920s there was a weakening of activities of RCC, conciliation chambers and other institutions of parity-arbitration settlement of labour conflicts due to the transfer of part of their powers to the judicial authorities. This narrowed the opportunities for trade unions to participate in resolving issues of labour relations regulation.

Key words: new economic policy (NEP), tariff economic work, People's Commissariat of Labour, trade unions, labour disputes, parity-arbitration settlement of labour conflicts, rate and conflict commissions (RCC), conciliation chambers.

For citation: Dubovik A. A. Activity of rate and conflict commissions at the enterprises of the BSSR in the 1920s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 63–67 (In Belarusian).

Уводзіны. Адным з важнейшых шляхоў рэгулявання працоўных адносін у гады НЭПа з'яўлялася тарыфна-эканамічная работа, якая ўключала ў сябе не толькі нарміраванне працы і рэгуляванне заробтнай платы, але і вырашэнне канфліктных сітуацый на вытворчасці. Для ажыццяўлення гэтага кірунку дзейнасці на прадпрыемствах і ва ўстановах савецкай краіны ствараліся расцэначна-канфліктныя камісіі (РКК) з аднолькавай колькасці прадстаўнікоў праф-

саюзнай арганізацыі і адміністрацыі, якія мелі роўныя правы. Дзейнасць РКК на прадпрыемствах Беларусі пакуль не стала прадметам спецыяльнага навуковага даследавання.

Асноўная частка. У першыя гады НЭПа было шмат працоўных канфліктаў, якія патрабавалі неадкладнага вырашэння. У чэрвені 1922 г. усім павятовым аддзелам працы БССР, якая ў той час складалася з 6 павеатаў былой Мінскай губерні, быў разасланы цыркуляр Наркамата

працы (НКП) рэспублікі, якім прадугледжвалася, што ўсе канфлікты на глебе прымянення наёмнай працы павінны быць абавязкова разгледжаны на прадпрыемствах і ва ўстановах расцэнна-канфліктнай камісіяй згодна з палажэннем, надрукаваным у цэнтральнай газеце «Труд» ад 19 красавіка 1922 г. Канфлікты, якія не атрымалі вырашэння ў РКК, трэба было перадаць на разгляд канфліктнай камісіі галіновага саюзу [1, арк. 2].

9 лістапада 1922 г. на IV сесіі Усерасійскага ЦВК IX склікання быў прыняты новы КЗаП РСФСР, які дзейнічаў і на тэрыторыі БССР. Вялікая ўвага ў КЗаПе надавалася падрабязнай рэгламентацыі парадку вырашэння працоўных канфліктаў (глава XVI). Прадугледжвалася, што ўсе працоўныя спрэчкі павінны вырашацца ці ў прымусовым парадку – у спецыяльных сесіях народных судоў, ці ў парадку прымірыцельнага разбору – у расцэнна-канфліктных камісіях, прымірыцельных камерах і трацейскіх судах, якія ствараліся на пачатках парытэтнага прадстаўніцтва бакоў. РКК разглядалі толькі спрэчкі, што ўзніклі на глебе прымянення калектыўных і працоўных дагавораў, а таксама пытанні, спецыяльна абумоўленыя ў КЗаПе. Справы вырашаліся па згодзе бакоў, а пры яе адсутнасці маглі быць перанесены ў вышэйшую інстанцыю. Спрэчкі супраць сутнасці калектыўнага дагавора, патрабаванні адмены асобных частак яго або ўключэння дадатковых умоў у калектыўны дагавор разгляду ў РКК не падлягалі [2].

У лістападзе 1922 г. Прэзідыум УсеЦСПС зацвердзіў Палажэнне аб расцэнна-канфліктных камісіях, распрацаванае НКП. Перад РКК ставіліся наступныя задачы: правядзенне ў жыццё ўсіх абавязацельстваў калектыўнага дагавора і тарыфнага пагаднення; вырашэнне спрэчак і канфліктаў, што ўзніклі на прадпрыемствах; распрацоўка праектаў правілаў унутранага распарадку [3, с. 146]. 23 лістапада 1922 г. Саўпрафбел прыняў мясцовае Палажэнне аб РКК. Да пастаянных функцый РКК адносіліся: разгляд і зацвярджэнне разбіўкі рабочых і служачых па тарыфных разрадах; устанавленне ў адпаведнасці з калектыўным дагаворам або тарыфным пагадненнем норм прадукцыйнасці працы ці здзельных расцэнак; правядзенне іспытаў на адпаведны вышэйшы разрад; устанавленне парадку чарговых адпачынкаў; праверка па заяве правільнасці разлікаў па зарплатце; разгляд і вырашэнне канфліктных сітуацый і г. д. [4, арк. 5]. Але галоўным накірункам дзейнасці РКК з'яўлялася вырашэнне канфліктаў на прадпрыемствах і ва ўстановах.

РКК былі створаны на буйных і сярэдніх (больш за 30 рабочых) прадпрыемствах БССР.

Прадстаўнікі прафсаюза ў камісіі прызначаліся фабзаўкамамі. На прадпрыемствах з колькасцю працуючых ад 50 да 500 чалавек у склад РКК уваходзіў член фабзаўкама і яшчэ адзін прафактывіст і два прадстаўнікі адміністрацыі. Тэрмін паўнамоцтваў РКК супадаў з тэрмінам паўнамоцтваў фабзаўкама (спачатку 6 месяцаў, потым адзін год). Спрэчкі вырашаліся па згодзе бакоў. Пры адсутнасці згоды спрэчка магла быць перанесена ў прымірыцельную камеру і ў трацейскі суд ці перададзена на разгляд працоўнай сесіі народнага суда. У адрозненне ад РКК, прымірыцельныя камеры і трацейскія суды не з'яўляліся пастаянна дзеючымі і арганізаваліся для кожнага асобнага выпадку [5, с. 4].

Пра якасны склад рабочай часткі РКК можна ў пэўнай ступені гаварыць па звестках прафсаюзных органаў БССР. Так, на сярэдзіну 1924 г. з 717 членаў РКК (без членаў фабзаўкамаў) мужчын было 683 (95,3%), жанчын – 34 (4,7%). Пераважалі рабочыя – 402 (56,1%), служачых было 315 чалавек. Члены кампартыі складалі 21,1% (151 чалавек). Па нацыянальным складзе пераважалі беларусы – 461 чалавек [6, арк. 51, 54]. Але часам, як адзначаў старшыня ЦСПСБ Ендакоў М. Я., «у РКК выбіраюцца розныя Міцюхі (разывакі – А. Д.), якія не могуць абараняць рабочых. Гэтага быць не павінна» [7, арк. 7]. Здараліся і выпадкі, калі прафсаюз вылучаў сваіх прадстаўнікоў у РКК, аднак гэтага не рабіла адміністрацыя і таму камісія, якая павінна была працаваць на парытэтнай аснове, работу не пачынала.

РКК дзейнічалі на аснове палажэння НКП ад 3 лістапада 1922 г. Існавала і палажэнне аб РКК, зацверджанае УсеЦСПС 17 лютага 1925 г., якое прымянялася ў тым выпадку, калі гэта агаворвалася ў калектыўным дагаворы. Асноўная розніца заключалася ў тым, як прымалася рашэнне РКК – большасцю галасоў прысутных згодна з першым палажэннем ці кансэнсусам па палажэнні 1925 г. [8, арк. 9].

У працы РКК мелі месца недахопы, буйнейшым з якіх была зацяжка ў вырашэнні канфліктаў. Патрабавалася прыступіць да іх разгляду не пазней чым 24 гадзіны з моманту паступлення заявы. Але часам гэта рабілася толькі праз некалькі дзён, а то і тыдзень. Некаторыя прафсаюзныя і гаспадарчыя органы разглядалі РКК як арганізацыю, што знаходзіцца пад іх кіраўніцтвам. Такі погляд супярэчыў сутнасці і структуры РКК як парытэтнага органа. Прафсаюзныя арганізацыі з'яўляліся адным з бакоў працоўных адносін і сваё кіраўніцтва РКК маглі працягваць толькі ў дачыненні да яе рабочай часткі. У шэрагу выпадкаў у РКК разглядаліся пытанні, якія не ўваходзілі ў іх кампетэнцыю, што ператварала РКК у адміністрацыйны орган.

Напрыклад, РКК пры Магілёўскім цэнтральным рабочым кааператыве займалася перакідкай служачых з аднаго прадпрыемства на другое. Па ініцыятыве рабочай часткі РКК завода «Звезда» ў Магілёве зніжаліся разрады работнікаў, што прыніжала аўтарытэт РКК як органа абароны інтарэсаў працоўных. Мелі месца непасрэдняы звароты працоўных у РКК без папярэдняга звароту ў адміністрацыю, як таго патрабала заканадаўства, і тым самым заводзілася справа аб канфлікце, хаця яго магло і не быць [8, арк. 10]. Здаралася, што адміністрацыя ставіла на пасяджэнні РКК пытанне аб звальненні па скарачэнні штатаў і ў рабочых складалася ўражанне, што скарачае РКК, тым болей, што скарачаныя не маглі абскардзіць рашэнне ў РКК, якая ўжо вынесла рашэнне [9, арк. 29].

Меркаваць аб колькасці і характары канфліктаў, якія праходзілі праз РКК, таксама як аб удзельнай вазе правільных рашэнняў РКК, немагчыма ў поўнай меры, паколькі адпаведнага ўліку не вялося. Разам з тым аб апошнім можна часткова ўяўляць па рашэннях РКК, якія траплялі ў інспекцыю працы ў парадку нагляду. Па дадзеным за 1925–1926 г., інспекцыя працы НКПБ было разгледжана 1251 рашэнне РКК. Адменена было 335 рашэнняў РКК, ці 26%. З 10 акруг БССР найменшы працэнт адмененых рашэнняў прыходзіўся на Бабруйскую акругу – толькі 6%, найбольшы – на Аршанскую і Барысаўскую акругі [8, арк. 10].

У цэлым у дзейнасці расцэначна-канфліктных камісій можна выдзеліць два этапы: работа на пачатковым этапе НЭПа і ў другой палове 1920-х гг., калі прасочваецца ўстойлівая тэндэнцыя адыходу ад нэпаўскіх прынцыпаў гаспадарання. З поўнай падставой можна сцвярджаць, што нягледзячы на памылкі ў дзейнасці РКК, да сярэдзіны 1920-х гг. яны праводзілі вялікую працу ў інтарэсах працоўных. Канфлікты вырашаліся пераважна на месцах і часта на карысць рабочых. Пачынаючы з 1926–1927 г., у СССР было ўведзена дзяржаўнае нарміраванне зарплат, якое ставіла мэтай вызначэнне цвёрдых акладаў па бюджэце без прымянення разраднай сеткі. Яно фактычна ліквідавала значэнне РКК як расцэначнага органа, зводзіла яе функцыі толькі да вырашэння канфліктаў [10, арк. 184]. Прафсаюзы былі пазбаўлены магчымасці вызначаць нормы выпрацоўкі і расцэнкі шляхам іх узгаднення з адміністрацыяй прадпрыемстваў, паколькі вырашэнне гэтага пытання перадавалася з вядзення РКК да заводакіраванняў. Зарплата перастала ўвязвацца з прадукцыйнасцю працы, саступала росту апошняй. Рабіўся акцэнт на рэжыме эканоміі.

З другой паловы 1920-х гг. у дзейнасці РКК праявіўся адміністрацыйны ўхіл, які выразіўся

ў неапраўданым зацягванні працоўных спрэчак, адсутнасці справяднасці, нізкай кваліфікацыі рабочай часткі РКК. У якасці асноўнай прычыны працоўных спрэчак на вытворчасці ўсё часцей выступала самавольства адміністрацыі, якое праяўлялася ва ўстанаўленні расцэнак без згоды з РКК, нявыплаце сярэдняга заробку пры невыкананні вытворчых праграм не па віне рабочых. Перманентныя парушэнні гаспадарчымі органамі пунктаў заключаных калектыўных дагавораў сведчылі аб дэкларатыўнасці дагаворных адносін ва ўмовах самапраўства гаспадарнікаў. Так, рабочы дэпо Заходняй чыгункі, член Прэзідыума ЦСПСБ Латакурскі П. К. у выступленні на VI Усебеларускім з'ездзе прафсаюзаў (кастрычнік 1927 г.) прывёў факт, што Упраўленне чыгункі змяніла расцэнкі і прыслала ў РКК на зацвярджэнне. «Мы разгледзелі і да згоды не прыйшлі. А ўсяроўна праз 2 тыдні прыйшлі гэтыя расцэнкі і ніякімі сіламі мы не маглі прыпыніць правядзенне іх у жыццё» [11, арк. 142]. Такім чынам, ажыццяўляўся перагляд працоўных норм у бок іх павышэння. Кантроль вышэйшастаячых органаў за складам РКК, работа якіх дагэтуль здзяйснялася ў адкрытым парадку для членаў прафсаюзаў, быў дапоўнены абмежаваннем галаснасці. Па стане на 1 мая 1928 г., рабочая частка РКК на 1188 прадпрыемствах БССР уключала 2134 чалавекі (без уліку членаў прафкамаў). З іх упершыню было выбрана 1275 чалавек (59,7%), у тым ліку 980 рабочых (68,2%). Жанчыны складалі 13,7%, моладзь да 22 гадоў – 5% членаў РКК. Сярод членаў рабочай часткі РКК былі 664 камуністы (31,8%) і 97 камсамольцаў (4,7%). Беларусы складалі больш паловы (51,4%), яўрэі – 34,4, рускія – 7,2, палякі – 2,8% членаў РКК [12, арк. 10].

У снежні 1928 г. Наркаматам працы СССР, у адпаведнасці з пастановай ЦВК і СНК СССР ад 29 жніўня 1928 г. «Аб зацвярджэнні правілаў аб прымірэнча-трацейскім і судовым разглядзе працоўных канфліктаў» (падпісанай адным з старшынёў ЦВК СССР А. Р. Чарвяковым), былі зацверджаны новыя Палажэнні аб РКК і іншых прымірэнчальных органах, якія ў асноўным захавалі парадак іх арганізацыі і дзейнасці. На рабочую частку РКК былі распаўсюджаны гарантыі, якія раней устаноўлены для членаў ФЗМК. Разам з тым пашыралася практыка разгляду працоўных канфліктаў у судовых органах [13; 14, с. 3].

У сувязі з выданнем законаў аб новым парадку разбору працоўных канфліктаў прафсаюзнымі органамі БССР былі скліканы нарады членаў рабочай часткі РКК, дзе абмеркаваны шляхі ўдасканалення работы РКК, а таксама правядзення тлумачальнай кампаніі сярод працоўных, паколькі яны не былі знаёмы з дэталямі

новага закона, у прыватнасці, са скарачэннем тэрмінаў для ўзбуджэння справы (напрыклад, 14 дзён замест трох гадоў па справах аб звальненні) [15, арк. 175]. Прэзідыум ЦСПСБ 21 сакавіка 1929 г. прыняў пастанову «Аб семінарыях для рабочай часткі РКК», дзе прызнаў мэтазгодным прапусціць увесь склад рабочай часткі РКК па Мінску праз «6-гадзінны семінарый». Для гэтага стварыць два працуючыя семінары пры ЦСПСБ, ахапіўшы ўсе саюзы за выключэннем будаўнікоў, саўгандльскаслужачых, медсанпрацы, працасветы і харчавікоў, якім прапанаваць арганізаваць пры саюзах такія ж семінары па праграме ЦСПСБ. Гэтую работу планавалася закончыць да 15 мая 1929 г. [16, арк. 310].

Нельга адназначна ацаніць дзейнасць РКК і ў цэлым прафсаюзных органаў у канфліктных сітуацыях у гэты час. З аднаго боку, прафсаюзы адзначалі самавольства гаспадарчых органаў і адміністрацыі прадпрыемстваў у адносінах рабочых, з другога – на этапе згортвання НЭПа назіралася імкненне прафсаюзаўнага кіраўніцтва ацэньваць працоўныя канфлікты як палітычныя і вырашаць іх на карысць адміністрацыі. Поўнацю падтрымліваючы палітыку кіруючай партыі, прафсаюзы ўжо не маглі выступаць у ролі безумоўных абаронцаў паўсядзённых патрэб рабочых, паколькі стараліся ўвязаць патрабаванні працоўных з доўгатэрміновымі патрэбамі дзяржаўнай прамысловасці. Гэтым тлумачыцца своеасаблівы характар пазіцыі прафсаюзаў па працоўных канфліктах, якая вынікала са спецыфікі савецкага прафсаюзаўнага руху, цесна звязанага з усім дзяржаўна-палітычным укладам краіны. У выніку, выступаючы абаронцам эканамічных інтарэсаў сваіх членаў,

прафсаюз разам з тым павінен быў стаяць на варце агульнадзяржаўных інтарэсаў. Дадзеную супярэчнасць у паводзінах прафсаюзаў дакладна перадаў саветолаг Э. Кар: «калі адміністрацыя і партыя заўсёды знаходзілі агульную мову, дык пазіцыя прадстаўніка прафсаюза была больш уразлівай, і таму прафсаюзы часам абвінавачвалі ў тым, што яны ідуць на повадзе ў адміністрацыі» [17, с. 147].

Заклучэнне. Такім чынам, расцэнна-канфліктныя камісіі, пачынаючы з 1922 г., з'яўляліся першай інстанцыяй вырашэння працоўных канфліктаў на прадпрыемствах і ва ўстановах савецкай краіны. Яны выступалі парытэтнымі органамі наймальнікаў і прафсаюзаў, складаліся з аднолькавай колькасці прадстаўнікоў адміністрацыі і прафсаюза. Рабочая частка РКК падбіралася фабзаўкамамі і накіроўвалася вышэйстаячымі прафсаюзнымі органамі. Ад своечасовага і правільнага вырашэння канфліктаў у значнай ступені залежалі прадукцыйнасць працы і настрой рабочых. Нявырашаныя ў РКК пытанні разглядаліся ў прымерыцельных камерах і трацейскіх судах.

Нягледзячы на памылкі і недахопы ў дзейнасці РКК, да сярэдзіны 1920-х гг. яны праводзілі нямалую працу ў інтарэсах працоўных. Канфлікты вырашаліся пераважна на месцах і часта на карысць рабочых. Аднак у канцы 1920-х гг. у сувязі з узмацненнем адміністрацыйных метадаў кіравання эканомікай назіралася аслабленне дзейнасці органаў парытэтна-трацейскага вырашэння працоўных канфліктаў, перадача часткі іх паўнамоцтваў судовым органам, што паменшыла магчымасці ўдзелу прафесійных саюзаў у рэгуляванні працоўных адносін.

Спіс літаратуры

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 265. Воп. 1. Спр. 952.
2. Кодекс законов о труде РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903.
3. Хлебников Д. Н. РКК (местные расценочные конфликтные комиссии). М.: Труд и книга, 1926. 175 с.
4. НАРБ. Ф. 265. Воп. 1. Спр. 950.
5. Жаров С. Примирительно-третейский порядок разрешения трудовых конфликтов. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 68 с.
6. НАРБ. Ф. 265. Воп. 1. Спр. 1680.
7. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці. Ф. 489. Воп. 1. Спр. 10.
8. НАРБ. Ф. 265. Воп. 1. Спр. 2275.
9. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці. Ф. 249. Воп. 1. Спр. 4.
10. НАРБ. Ф. 265. Воп. 1. Спр. 2267.
11. НАРБ. Ф. 265. Воп. 1. Спр. 2303.
12. НАРБ. Ф. 265. Воп. 1. Спр. 2523.
13. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1928. № 56. Ст. 494.
14. Авдеев П. Н. Новые законы о порядке разрешения трудовых конфликтов (текст с комментариями). 2-е изд., испр. и доп. М.: Вопр. труда, 1929. 171 с.
15. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці. Ф. 249. Воп. 1. Спр. 134.
16. НАРБ. Ф. 265. Воп. 1. Спр. 2436.
17. Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929. М.: Интер-Версо, 1990. 208 с.

References

1. National archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 265. Inv. 1. Case 952.
2. Labor Code of the RSFSR. *Sobraniye uzakoneniy i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR* [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR], 1922, no. 70, art. 903 (In Russian).
3. Khlebnikov D. N. *RKK (mestnyye rastsenochnyye konfliktnyye komissii)* [RCC (local rate and conflict commissions)]. Moscow, Trud i kniga Publ., 1926. 175 p.
4. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 950.
5. Zharov S. *Primiritel'no-treteyskiy poryadok razresheniya trudovykh konfliktov* [Conciliation and arbitration procedure for resolving labour conflicts]. Moscow, Izd-vo NKYu Publ., 1926. 68 p.
6. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 1680.
7. State archive of the Minsk region. Fund 489. Inv. 1. Case 10.
8. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 2275.
9. State archive of the Gomel region. Fund 249. Inv. 1. Case 4.
10. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 2267.
11. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 2303.
12. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 2523.
13. *Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR* [Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR], 1928, no. 56, art. 494 (In Russian).
14. Avdeyev A. N. *Novyye zakony o poryadke razresheniya trudovykh konfliktov (tekst s kommentariyami)* [New laws on the procedure for resolving labour conflicts (text with comments)]. Moscow, Vopr. truda Publ., 1929. 171 p.
15. State archive of the Gomel region. Fund 249. Inv. 1. Case 134.
16. NARB. Fund 265. Inv. 1. Case 2436.
17. Karr E. Kh. *Russkaya revolyutsiya ot Lenina do Stalina, 1917–1929* [The Russian revolution from Lenin to Stalin. 1917–1929]. Moscow, Inter-Verso Publ., 1990. 208 p.

Інфармацыя пра аўтара

Дубовік Алена Аляксандраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі беларускай дзяржаўнасці. Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт (220013, г. Мінск, пр. Незалежнасці, 65, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Dubovik.elena@inbox.ru

Information about the author

Dubovik Alena Aliksandravna – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of the Belarusian Statehood. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Dubovik.elena@inbox.ru

Пасмыніў 15.02.2021

УДК 930(476)''19''

В. А. Белозорович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

**БОРЬБА С НАЦИОНАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ТЕЧЕНИЕМ
В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье раскрывается процесс утверждения марксистско-ленинской методологии в исторической науке БССР в 1920-е – 1930-е гг. под влиянием общественно-политических изменений в советском обществе. Проведен историографический анализ научных работ, подготовленных национально-ориентированными белорусскими историками. Показана роль Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б как методологического центра по борьбе за «чистоту» исторических взглядов. Раскрыт отход ряда исследователей, в частности А. Г. Червякова, Д. Ф. Жилуновича, от национальных позиций в оценке истории Беларуси.

Исследование базируется на историографических источниках литературного характера, представленных в форме книжной продукции и публикаций в периодических изданиях. Среди них – работы И. Ю. Лёсика, А. Л. Бурбиса, Ф. Ф. Турука, П. В. Тремповича, С. Я. Вольфсона, Д. М. Василевского и др. Также изучена научно-популярная литература идейной направленности – публикации С. Х. Агурского, А. И. Столевича, А. А. Сенкевича и др.

Сделан вывод о радикальной смене методологической парадигмы в историческом познании, проявившейся в переходе от исследовательского плюрализма 1920-х гг. к единомыслию 1930-х гг.

Ключевые слова: историография, национал-демократизм, Институт истории партии, методологический плюрализм, марксистско-ленинская методология.

Для цитирования: Белозорович В. А. Борьба с национал-демократическим течением в белорусской историографии // Труды БГТУ. Сер 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 68–73.

V. A. Belazarovich

Yanka Kupala State University of Grodno

**THE STRUGGLE WITH THE NATIONAL-DEMOCRATIC OVER
IN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY**

The article reveals the process of approval of Marxist-Leninist methodology in the historical science of the BSSR in the 1920s – 1930s under the influence of socio-political changes in Soviet society. The historiographical analysis of scientific works prepared by national-oriented Belarusian historians is carried out. The role of the Institute of party history and the October revolution under the Central Committee of CP(b)B as a methodological center for the struggle for “purity” of historical views is shown. The departure of a number of researchers, in particular, A. G. Chervyakov and D. F. Zhilunovich, from national positions in assessing the history of Belarus is revealed.

The research is based on historiographical sources of literary character, presented in the form of book production and publications in periodicals. Among them are works by Y. I. Lesik, A. L. Bourbis, F. F. Turuk, P. V. Tremповich, C. J. Wolfson, D. M. Vasilevsky and others. Also studied non-fiction ideological orientation – publications S. H. Agurskogo, A. I. Stalevicha, A. Sienkiewiczza, and others.

The conclusion is made about the radical change of the methodological paradigm in historical cognition, manifested in the transition from the research pluralism of the 1920s to the unanimity of the 1930s.

Key words: historiography, national democracy, Institute of party history, methodological pluralism, Marxist-Leninist methodology.

For citation: Belazarovich V. A. The struggle with the national-democratic over in Belarussian historiography. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 68–73 (In Russian).

Введение. Институт истории партии и Октябрьской революции, созданный при Центральном комитете Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, развернул борьбу с белорусскими национальными историками, взгляды которых трактовались как национал-демократические.

Основная часть. В ходе белорусизации в БССР вернулись из эмиграции многие деятели белорусского национального движения, среди них – Цвикевич А. И., Ластовский В. Ю., Смолич А. И. и др. Их взгляды на историю белорусского народа обладали определенной спецификой. Подходы белорусской национальной

историографии 1920-х гг. можно представить следующими концептуальными положениями: теория «единого потока», теория незрелости классовых противоречий в белорусской нации, теория «двухкоренности» образования КП(б)Б, теория четырех общественных групп, положение о ведущей роли интеллигенции в революционных процессах, понимание национального самосознания народа как главного фактора исторического процесса.

Эти положения нашли отражение в статьях сборника «Беларусь: очерки истории, экономики, культурного и революционного движения» (1924) [1]. И. Ю. Лёсик в статье «Культурное положение Беларуси к моменту Февральской революции» [1, с. 100–118] утверждал, что крестьянский характер белорусской нации сложился исторически. Буржуазные слои общества экономически и культурно были оторваны от народных масс. Обособленность крестьянства стала проявляться в XVI в., когда часть крестьян-слуг приняла польский язык и польскую культуру [1, с. 100]. Автор статьи доказывал наличие «белорусской шляхты». Он утверждал, что «белорусское шляхетство – самое типичное белорусское население. Шляхтичи сохранили белорусские культурно-национальные традиции [1, с. 101]. Корни белорусской шляхты И. А. Лёсик видел в панцирных и путных боярах, которые эволюционировали в т. н. «застенковую» и «околичную» шляхту. К XX в. они сохранили свою обособленность от крестьянства, но самостоятельно вели земледельческое хозяйство и поголовно сохранили белорусский дедовский уклад жизни [1, с. 103].

А. Л. Бурбис в статье «Белорусская Социалистическая Громада в первый период ее деятельности (1903–1907)» [1, с. 177–181] проанализировал предысторию белорусского национального движения до образования БСГ, осветил организационное становление партии, акцентировав внимание на социалистическом характере программных документов [1, с. 179].

В 1923 г. была опубликована монография Ф. Ф. Турука «Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов» [2]. Книга представляет собой первый научный анализ белорусского национального движения как явления общественно-политической жизни Беларуси. Автор лаконично охарактеризовал истоки белорусского национального движения, его развитие в начале XX в. Корни белорусского движения автор видел в ВКЛ и повторил идею М. В. Довнар-Запольского о цивилизационном влиянии Запада и Востока на белорусов [2, с. 6]. Историк выделил этапы белорусского движения: 1) «пробуждение интереса к ... местному народ-

ному творчеству и быту» студентов Виленского университета; 2) попытки восстановления белорусской письменности писателями и учеными польского происхождения; 3) призыв к совместной борьбе с царизмом польских повстанцев; 4) деятельность народников; 5) кружковый период студенческой молодежи; 6) оформление белорусской политической партии [2, с. 8–18].

Революционные события 1917 г. историк проанализировал на основе теории четырех классово-национальных групп. По его мнению, у белорусов совпадали национальные и классовые интересы [2, с. 29–32]. Ф. Ф. Турук назвал ошибки, допущенные национальным движением: избрание Р. А. Скирмунта главой БНК, раскол на два течения белорусского движения [2, с. 36–37]. Историк не одобрил разгон Всебелорусского съезда 1917 г. [2, с. 40], считал неудачной попытку белорусских «незалежников» создать БНР в условиях немецкой оккупации. Образование БССР было для него «подлинно новым годом в жизни белорусских трудящихся масс» [2, с. 49].

В 1925 г. ассистент БГУ Тремпович П. В. в статье «Пути белорусской интеллигенции» поставил вопрос о сотрудничестве белорусской интеллигенции с КП(б)Б. По его мнению, старая белорусская интеллигенция, которая сформировалась в период «Нашей нивы», положила начало белорусскому возрожденческому движению, заложила основы белорусской государственности и культуры [3, с. 2–3].

Белорусские национальные историки разрабатывали проблематику истории революционного движения в Беларуси. С. Я. Вольфсон в статье «“Чорны перадзел” у Менску» подробно раскрыл деятельность данной организации [4]. В журнале «Польмя» были опубликованы воспоминания о событиях 1905–1907 гг. известного народовольца Бонч-Осмоловского А. И. [5]. Д. М. Василевский в статье «Беларускі нацыянальна-рэвалюцыйны рух на Віцебшчыне ў XIX стагоддзі» [6] впервые отнес Яна Борщевського и Яна Чечота к представителям белорусской литературы, осудил ликвидацию униатской церкви, которая сохраняла элементы белорусской культуры. Местная интеллигенция лишь во второй половине XIX в. проявила интерес к белорусскому народу [6, с. 125–131].

Событиям революции 1905–1907 гг. посвящены воспоминания А. А. Сенкевича. Автор доказывал наличие революционного аграрного движения на территории Беларуси, привел пример забастовки батраков в имениях Щорсы и Мир [7, с. 106], обратил внимание на деятельность «белорусского сознательного учительства», которое сформировало свой первый профессиональный союз в 1906 г. на съезде, состоявшемся у д. Николаевщина [7, с. 107].

Сотрудник Инбелкульта Шлюбский А. О. на материалах из Рукописного отдела Белорусской государственной библиотеки описал случаи конфискации полицией номеров газеты «Наша нива» в 1907 и 1915 гг. Автор составил хронологический перечень первых белорусских газет и журналов [8, с. 185], проанализировал программу БСГ 1906 г., текст которой сохранился в Гродненском губернском жандармском управлении, и указал на ее близость к позиции большевиков [9]. А. О. Шлюбский дал ответ на вопрос, кто был инициатором издания «Нашей доли» – И. Луцкевич и А. Пашкевич [10]. Выпускник Дерптского университета Имшеник Ф. П. обозначил значение «Нашей нивы» для развития белорусского национального движения [11, с. 63]. Ход революционных событий 1917 г. исследовал Л. Коган. По его мнению, социальный состав населения Беларуси в начале XX в. включал четыре общественные группы [12, с. 84–85]. БСГ являлась левой партией, близкой по программе к большевикам, а КП(б)Б создали «заброшенные» случаи, войной и революцией, труженики из старой большевистской гвардии Москвы, Ленинграда, Иваново-Вознесенска [12, с. 86–88]. Вопросы национальной политики затронул В. И. Пичета. Историк показал нетрадиционный подход к освещению предыстории белорусского национального движения, считал польское восстание 1863 г. толчком «хождения в народ». Изучение белорусского языка, этнографии и народной литературы позволило сделать вывод о самостоятельности белорусского народа [13, с. 144]. Большинство публикаций Д. Ф. Жилуновича было посвящено становлению белорусской советской государственности. В статье «Два бакі беларускага руху» [14] проводится идея ведущей роли БСГ в белорусском национальном движении [14, с. 69], теория двухкоренности КП(б)Б [14, с. 72]. Статья «Уступамі да Акцябра» посвящена формированию БСГ в Петрограде в период февраля – июня 1917 г. [15]. Д. Ф. Жилунович подробно описал первый день Съезда белорусских национальных организаций в Минске 25–27 марта 1917 г. [16].

С конца 1920-х гг. к национальной интеллигенции стали применяться репрессивные меры. Начинается кампания по борьбе с «нацдемовщиной». С. Х. Агурский в феврале 1929 г. выступил на XII съезде КП(б)Б с критикой оценки, данной В. М. Игнатовским восстанию 1863 г., доказывая, что восстание носило помещичье-клерикальный характер. В статье «Национал-демократические тенденции на историческом фронте Беларуси» («Пролетарская революция», № 8) позиция В. М. Игнатовского и Д. Ф. Жилуновича была определена как националистическая [17, с. 204–205].

Первостепенная роль в борьбе с национал-демократизмом на историческом фронте принадлежала журналу «Большевик Беларуси». В № 3 за 1928 г. была опубликована статья А. Киржница «В неволе буржуазного национализма». В предисловии автор обозначил свое отношение к белорусскому национальному движению – «националистическое движение», «соглашательская интеллигенция». Белорусское национальное движение А. Киржница рассматривал на примерах Октябрьской революции и Всебелорусского съезда [17, с. 205].

В этом номере журнала представлена статья А. И. Столевича (Родевича) «Аб вытоках беларускага нацыянал-дэмакратызму і нацыянал-фашызму». Автор отметил, что главной опасностью в БССР является белорусский национал-демократизм, представители которого, будучи «агентурой польского фашизма», ведут работу среди крестьян и мелкой буржуазии [18, с. 17]. Истоки национал-демократизма А. Столевич видел в БСГ и «Нашей ниве» [18, с. 19–21].

А. Некрашевич в статье «Белорусский национал-фашизм и его собрат белорусский национал-демократизм» поставил на одну ступень «польский фашизм и белорусский национал-фашизм». Белорусское национальное движение возникло не на классовой, а на национальной основе. Фактором, активизировавшим национал-демократизм, стала аграрная политика наркома земледелия Д. Ф. Прищепова. Автор заострил внимание на основных положениях национал-фашизма: отрицание классовой борьбы в деревне и признание самобытности Беларуси.

На XII съезде КП(б)Б было заявлено, что белорусская национальная интеллигенция проводит националистический курс и растет за счет кулачества. Представители белорусского национального движения подвергли себя самокритике. Д. Ф. Жилунович направил в бюро ЦК КП(б)Б письмо «Мае памылкі і іх карэньні» (1929), в котором назвал БСГ «неоформленной и политически неопределенной полусектантской группой», а Всебелорусский съезд – «враждебной демонстрацией к рабоче-крестьянской власти». Историк себя критиковал за игнорирование классового принципа.

Член ЦК КП(б)Б Червяков А. Г. признал ошибочными свои взгляды на процесс построения социализма в БССР, осудил Д. Ф. Жилуновича за допущенные «ошибки», в частности за положительную оценку деятельности А. И. Луцкевича. А. Г. Червяков стремился лично отмежеваться от содержания статьи «Пяец барацьбы і барацьбіт за Савецкую Беларусь» (1928), посвященной 20-летию литературной деятельности Д. Ф. Жилуновича, в которой он представил Тишку Гартного «старым нашенивцем»

возрожденцем», разбившим единый национальный антисоветский фронт.

Автор отказался от ранее предложенной им оценки «Нашей нивы» и Всебелорусского съезда 1917 г. Газета была названа идеологической трибуной белорусской буржуазии, а съезд признан контрреволюционным. Так как Д. Ф. Жилунович пропагандировал Октябрьскую революцию как крестьянскую («прышла ад цяжкіх сох»), А. Г. Червяков настаивал на пролетарском, социалистическом характере событий октября 1917 г. [19].

Идеологическая составляющая общественной жизни в БССР активно нарастала. К XIII съезду КП(б)Б (1930) официально объявили о ликвидации «прищеповщины» как проявления правой опасности. Сопrotивление классовых врагов процессу социалистического строительства было представлено выступлением белорусских национал-демократов – «агентов белорусских национал-фашистов» [20, с. 116]. Они пропагандировали теорию самобытности белорусской культуры и чистоты родного языка. Второй опасностью назвали великодержавный русский шовинизм, препятствовавший осуществлению «пролетарского руководства широкими крестьянскими массами в БССР» [20, с. 117]. Объектом широкомасштабной критики стало выступление доцента БГУ И. В. Волк-Леоновича – автора языковой теории, согласно которой приоритетным является наречие, присущее доминирующей в обществе группе. Поскольку в БССР социальным гегемоном выступал пролетариат, то основу белорусского языка должен был составить язык горожан («испорченный белорусизмами русский язык»). Подобное заявление воспринималось как выступление против партийной национальной политики [20, с. 118].

В конце того же года заведующий агитационно-пропагандистским отделом ЦК КП(б)Б Сенкевич А. А. в статье «За ленинскую лінію ў нацполітыцы» [21] проанализировал все имеющиеся «искажения» партийной политики в национальном вопросе, которые прямо или косвенно затрагивали представления о прошлом белорусского народа. Тем самым общественному мнению предлагались готовые формы восприятия действительности. Отказ в признании самостоятельности белорусского языка со стороны ряда преподавателей БГУ и Белорусской сельскохозяйственной академии, уже известная позиция И. В. Волк-Леоновича воспринимались как антипартийное выступление [21, с. 160–161].

А. А. Сенкевич обратил внимание на активизацию еврейского и польского шовинизма. Он перечислил «ошибочные» теории, проповедуемые среди еврейского населения. Это поло-

жение о единой, но угнетаемой еврейской нации; о еврейском национализме как реакции на антисемитскую политику русского самодержавия; о стремлении «очистить» еврейский язык от советизмов и интернационализмов; об отрицании классовых противоречий среди евреев; о идеализации Бунда и др. Синагоги воспринимались как «центры шовинистической деятельности среди еврейских трудящихся». Польские шовинисты были обвинены в национальной ограниченности, в ориентации на «фашистскую Варшаву» [21, с. 163].

В статье повторяется официальная позиция по делу «Союза освобождения Беларуси»: его участники стремились возродить буржуазную государственность в форме БНР, планировали соединить ее с Литвой и Украиной под властью «фашистской Польши». Прозвучало обвинение в идеализации истории: белорусскую культуру сформировали не «средневековые монахи» (Ф. Скорина и др.), а Октябрьская революция 1917 г.; XVI в. Нельзя считать Белорусским Ренессансом; не следует возносить в ранг национальных героев К. Калиновского и Ф. Богушевича. Автор статьи четко обозначил направление исторического развития Беларуси – в сторону «красной» Москвы, а не «культурного» Запада [21, с. 164–165].

Национал-демократы, выступавшие «за реставрацию капитализма в БССР», представляли собой в основном беспартийную массу. Но примкнувших к ним членов КП(б)Б А. А. Сенкевич отнес к национал-оппортунистическому направлению. Их идеология базировалась на ряде теоретических положений, схожих с нацдемовскими: единство белорусской нации, идеализация отечественной истории, преувеличение значения мелкобуржуазных партий, признание за интеллигенцией ведущей роли в революционных процессах, игнорирование пролетарского содержания национальной культуры, та же ориентация на «культурный» Запад [21, с. 166–169].

Сотрудник Института истории партии Зюзьков А. И. в брошюре «Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі» (1931) дал характеристику «белорусской контрреволюции» в 1917–1921 гг., эволюции национал-демократизма в национал-фашизм [22, с. 3]. Автор использовал источники, поступившие на хранение в партийный архив республики – документы из архива БНР. Историк первым из белорусских советских исследователей написал о действиях С. Н. Булак-Булаховича [22, с. 39–40]. В итоге А. И. Зюзьков сформулировал три вывода: 1) национал-демократы никогда не стремились к самостоятельной БНР; 2) национал-демократы «грешили» политическим авантюризмом; 3) только пролетарская революция под руководством

коммунистической партии могла решить национальный вопрос [22, с. 52–53].

Заключение. Таким образом, в 1920-е – 1930-е гг. происходят радикальные изменения в развитии белорусской историографии. Завершился период методологического плюрализма,

когда историческое познание осуществлялось представителями различных дореволюционных центров и направлений. Утратила значение национальная историография. Утвердилась марксистско-ленинская концепция отечественной истории.

Список литературы

1. Беларусь: нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / пад агульнай рэд. А. Сташэўскага [і інш.]. Менск: ЦВК БССР, 1924. 322 с.
2. Турук Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. Минск: Картогр. ф-ка Белгеодезии, 1994. 144 с.
3. Трамповіч П. Шляхі беларускае інтэлігэнцыі // Савецкая Беларусь. 1925. 21 окт. (№ 239). С. 2–3.
4. Вальфсон С. «Чорны перадзел» у Менску // Польшыя. 1925. № 4. С. 75–81.
5. Бонч-Асмалоўскі А. Эпоха 1905 г. Мае ўспаміны // Польшыя. 1925. № 6. С. 176–201; № 7. С. 115–137.
6. Васілеўскі Д. Беларускі нацыянальна-рэвалюцыйны рух на Віцебшчыне ў XIX стагоддзі // Польшыя. 1925. № 5. С. 121–131.
7. Сянкевіч А. Успаміны з рэвалюцыі 1905–1906 г. // Польшыя. 1923. № 3–4. С. 106–108.
8. Шлюбскі А. Да гісторыі конфіскацыі «Нашай Нівы» // Польшыя. 1925. № 4. С. 185–189.
9. Шлюбскі А. Да гісторыі БСГ // Польшыя. 1925. № 5. С. 157–163.
10. Шлюбскі А. Новыя матэрыялы да гісторыі «Нашае долі» // Польшыя. 1927. № 3. С. 199–205.
11. Імшэньнік Хв. «Наша Ніва» і дваццацігадовы юбілей беларускае пэрыодычнае прэсы // Польшыя. 1926. № 7. С. 51–64.
12. Каган Л. Люты – кастрычнік на Беларусі // Польшыя. 1925. № 7. С. 82–93.
13. Пічэта У. Формы нацыянальнага й опозыцыйнага руху на Беларусі // Польшыя. 1924. № 2. С. 142–162.
14. Жылуновіч З. Два бакі беларускага руху // Польшыя. 1923. № 3–4. С. 69–71.
15. Жылуновіч З. Уступамі да Акцябра // Польшыя. 1923. № 5–6. С. 141–148.
16. Жылуновіч З. Зъезд беларускіх нацыянальных арганізацый. 25 сакавіка 1917 г. // Польшыя. 1925. № 6. С. 202–206.
17. Белазааровіч В. А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: дапаможнік па аднайменным курсе для студэнтаў. Гродна: ГрДУ, 2006. 345 с.
18. Сталевіч А. Аб вытоках беларускага нацыянал-дэмакратызму і нацыянал-фашызму // Бальшавік Беларусі. 1929. № 10–12 (кастрычнік – снежань). С. 17–32.
19. Чарвякоў А. Бальшавіцкай самакрытыкай выкрыем свае памылкі і яшчэ больш загартуем свае рады для барацьбы за сацыялізм // Звезда. 1929. 27 снеж. (№ 296). С. 2.
20. Беднарскі С. На гістарычным павароце (Аб ітогах XVI зьезду ЎсеКП(б) і XIII зьезду КП(б)Б) // Польшыя. 1930. № 8. С. 103–135.
21. Сянькевіч А. За ленінскую лінію ў нацполітыцы // Польшыя. 1930. № 11–12. С. 159–175.
22. Зюзькоў А. Крыжавы шлях беларускай нацдэмакратыі / Ін-т гісторыі партыі і Кастрычніцкай рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б. Менск: Белдзяржвыд., 1931. 86 с.

References

1. Stasheuski A., Zhilunovich Z., Ignatouski V. *Belarus': narysy gistoryi, ekanomiki, kul'turnaga i revalyutsyynaga rukhu* [Belarus: essays on the history, economy, culture and the revolutionary movement]. Minsk, TsVK Publ., 1924. 322 p.
2. Turuk F. *Belorusskoye dvizheniye: Ocherk istorii natsional'nogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov* [Belarusian movement: an essay on the history of the national and revolutionary movement of Belarusians]. Minsk, Kartogr. f-ka Belgeodezii Publ., 1994. 144 p.
3. Trampovich P. Ways of the Belarusian intelligentsia. *Savetskaya Belarus'* [Soviet Belarus], 1925, no. 239, pp. 2–3 (In Belarusian).
4. Val'fson S. "Black Redistribution" in Minsk. *Polymya* [Flame], 1925, no. 4, pp. 75–81 (In Belarusian).
5. Bonch-Asmalouski A. The epoch of 1905 in my memoirs. *Polymya* [Flame], 1925, no. 6, pp. 176–201; no. 7, pp. 115–137 (In Belarusian).
6. Vasileuski D. Belarusian national revolutionary movement in Vitebsk region in the 19th century *Polymya* [Flame], 1925, no. 5, pp. 121–131 (In Belarusian).

7. Stankevich A. Memories of the revolution of 1905–1906 years. *Polymya* [Flame], 1923, no. 3–4, pp. 106–108 (In Belarusian).
8. Shlubski A. To the history of confiscation of “Our Field”. *Polymya* [Flame], 1925, no. 4, pp. 185–189 (In Belarusian).
9. Shlyubski A. On the history of the Belarusian socialist community. *Polymya* [Flame], 1925, no. 5, pp. 157–163 (In Belarusian).
10. Shlyubski A. New materials for the history of “Our Share”. *Polymya* [Flame], 1927, no. 3, pp. 199–205 (In Belarusian).
11. Imshen’nik F. Nasha Niva and the twentieth anniversary of the Belarusian periodical press. *Polymya* [Flame], 1926, no. 7, pp. 51–64 (In Belarusian).
12. Kagan L. February-October in Belarus. *Polymya* [Flame], 1925, no. 7, pp. 82–93 (In Belarusian).
13. Picheta V. Forms of national and opposition movement in Belarus. *Polymya* [Flame], 1924, no. 2, pp. 142–162 (In Belarusian).
14. Zhylunovich, Z. Two sides of the Belarusian movement. *Polymya* [Flame], 1923, no. 3–4, pp. 69–71 (In Belarusian).
15. Zhylunovich Z. Steps to October. *Polymya* [Flame], 1923, no. 5–6, pp. 141–148 (In Belarusian).
16. Zhylunovich Z. Congress of Belarusian national organizations. March 25, 1917. *Polymya* [Flame], 1925, no. 6, pp. 202–206 (In Belarusian).
17. Belazarovich V. A. *Istoriografiya istorii Belarusi* [Historiography of the history of Belarus: manual for students]. Grodno, State University of Grodno Publ., 2006. 345 p.
18. Stalevich A. About the origins of Belarusian national-democracy and national-fascism. *Bal’shavik Belarusi* [Bolshevik of Belarus], 1929, no. 10–12, pp. 17–32 (In Belarusian).
19. Bednarski S. At a historical turn. *Polymya* [Flame], 1930, no. 8, pp. 103–135 (In Belarusian).
20. Stankevich A. For the Leninist line in national politics. *Polymya* [Flame], 1930, no. 11–12, pp. 159–175 (In Belarusian).
21. Zyuz’kov A. *Kryvavy shlyakh belaruskay natsdemokratyi* [The bloody path of the Belarusian national democracy]. Mensk, Beldzyarzhvyd. state Publ., 1931. 86 p.

Информация об авторе

Белозорович Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории, коммуникации и туризма. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, Республика Беларусь). E-mail: vbelozorovich@mail.ru

Information about the author

Belazarovich Viktor Aleksandrovich – PhD (History), Associate Professor, Dean Faculty of History, Communication and Tourism. Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: vbelozorovich@mail.ru

Поступила 15.02.2021

УДК 341.222(476)«1922/1939»

Л. И. Шанец

Институт пограничной службы Республики Беларусь

**СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЫ
В БССР 1922–1939: СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

В статье дается обзор существующей историографии по вопросам охраны государственной границы на территории БССР на основе изучения научно-исследовательской, научно-публицистической и публицистической литературы. Автор отмечает, что проблема формирования и деятельности пограничной охраны на территории Беларуси с 1922 по 1939 гг. является актуальной и малоизученной. Историография разделена на два периода: советский и постсоветский и дан анализ содержания и отличительных особенностей каждого из них. Подчернуто, что историография в основном носит фрагментарный характер. Она представлена историко-мемуарными сборниками, очерками истории пограничных войск советского государства, монографиями, статьями в ведомственных журналах и другими источниками, которые в своем большинстве приведены без научно-справочного аппарата и могут носить противоречивый характер. Сделан вывод о том, что публикации того времени по истории пограничной охраны были направлены на пропаганду героических подвигов пограничников с целью воспитания качеств для службы на границе и преданности правящей партии.

Ключевые слова: пограничная охрана, государственная граница, историография, советский период, сборник документов, межвоенный период, издание, белорусский участок границы.

Для цитирования: Шанец Л. И. Создание и деятельность пограничной охраны в БССР 1922–1939: советская историография // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 74–78.

L. I. Shanets

Institute of Border Guard Service of the Republic of Belarus

**ESTABLISHMENT AND ACTIVITIES OF THE BORDER GUARD
IN THE BSSR 1922–1939: SOVIET HISTORIOGRAPHY**

The article reviews the existing historiography on the protection of the state border in the territory of the BSSR on the basis of the study of scientific research, scientific-journalistic and journalistic literature. The author notes that the problem of the formation and activity of the border guard on the territory of Belarus in the period from 1922 to 1939. is relevant and poorly understood. Historiography is divided into two periods: Soviet and post-Soviet, and an analysis of the content and distinctive features of each of them is given. It is emphasized that historiography is mostly fragmented. It is represented by historical and memoir collections, essays on the history of the border troops of the Soviet state, monographs, articles in departmental journals, etc., which for the most part are presented without a scientific reference apparatus and can be contradictory. It is concluded that the publications of that time on the history of the border guard were aimed at promoting the heroic exploits of border guards, with the aim of educating the qualities for service on the border and loyalty to the ruling party.

Key words: Border Guard, state border, historiography, soviet period, collection of documents, interwar period, edition, Belarusian section of the border.

For citation: Shanets L. I. Establishment and activities of the border guard in the BSSR 1922–1939: Soviet historiography. *Proceedings of BST, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 1 (245), pp. 74–78 (In Russian).*

Введение. История создания и деятельности советской пограничной охраны и пограничных войск в довоенный период нашла отражение в многочисленных научных и научно-публицистических публикациях советского и постсоветского периодов. В советский период, как правило, публикационная активность становилась наиболее интенсивной по мере наступления каких-либо юбилейных дат. Недостаточность историографической базы или по некоторым

моментам ее отсутствие в то время можно объяснить спецификой задач и режимностью пограничной охраны, которая находилась в составе органов государственной безопасности. Так, первая диссертация по истории пограничных войск «Мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства по созданию и укреплению пограничных войск. 1918–1925» была защищена Г. Ф. Афанасьевым в 1960 г., а первая книга по данной проблеме появилась в 1962 г. [1].

1990-е гг. стали новым этапом в изучении истории охраны государственной границы. Это было обусловлено различными факторами, главный из которых связан с распадом Советского Союза. Новым государствам в условиях трансформации границ пришлось их обустроить, создавать свою пограничную охрану, искать иные подходы в организации и функционировании системы охраны государственной границы. Это возможно было сделать только путем глубокой теоретической проработки предстоящих преобразований, в том числе и всестороннего исследования исторических проблем обеспечения пограничной безопасности государства. Поэтому исследовательская деятельность по этой проблеме возобновилась. В Российской Федерации после 1991 г. в среде историков пограничной службы сложились и функционируют в настоящее время как минимум три научных центра – московский, хабаровский и санкт-петербургский, в которых появились значимые, содержательные работы по истории пограничной службы. Исследования в этих центрах проводятся в рамках территорий границ, которые сохранились в России с 1918 г. Это в основном по Северо-Западу, Дальнему Востоку и Забайкалью или по общей проблематике, затрагивающей отдельные стороны в деятельности пограничной охраны. Вопросы же формирования и деятельности пограничной охраны на территории Беларуси в межвоенный период в историографии освещались значительно реже.

Основная часть. Историографию настоящей проблемы целесообразно разделить на два крупных периода: советский (1918–1991 гг.) и постсоветский (1992 г. – настоящее время). Каждый из них имеет свои отличительные особенности. В статье будет рассмотрена историография советского периода как начального в истории советской пограничной охраны в БССР.

Первый труд, не носивший грифа секретности, в котором раскрывались некоторые моменты истории создания и деятельности пограничной охраны на белорусском участке границы, вышел в 1962 г. [1]. Он является кратким очерком, показывающим в исторической последовательности службу и боевую деятельность войск с момента их создания до 1961 г. В 1967 г. этот сборник был переиздан. Данные издания были рассчитаны на массового читателя, что не могло сказаться на их научном уровне.

Представляет определенный интерес историко-мемуарный сборник, изданный в 1968 г. под общим названием «50 лет на страже границ Советского государства» [2]. Здесь опубликованы воспоминания ветеранов Красовского Ф. Г., Спрогиса А. К., Банных С. А. об истории становления и первых шагах пограничной охраны

на белорусской границе. Воспоминания существенно дополняют сведения о создании и служебно-боевой деятельности пограничной охраны, особенно в интересующий нас период.

В 1970 г. к 100-летию В. И. Ленина был издан сборник документов и статей под общим названием «В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР» [3]. В нем представлены общие документы по охране границы и созданию пограничной охраны с 7 декабря 1917 г. по 15 ноября 1923 г., изложены основные вопросы по практической деятельности войск.

В начале 1970-х гг. были выпущены сборники документов, в которых опубликованы документы по истории охраны государственной границы Союза Советских Социалистических Республик [4, 5]. Документы в сборниках распределены по разделам, каждый из которых посвящен отдельному участку советской границы. Значительную часть документов «Западная граница» составляют документы и материалы, показывающие обстановку, сложившуюся на белорусско-польской и белорусско-латвийской границах в 1920–1930-х гг. Наиболее ценными из них являются документы, затрагивающие проблемы формирования частей и подразделений, жизни и быта, боевой учебы красноармейцев, борьбы с бандитизмом и контрабандой, а также применения служебных собак на белорусском участке границы.

Ввиду того, что Себежский пограничный отряд с момента образования и до 1924 г. находился в составе Западного пограничного округа, документы по истории его боевой деятельности, находящиеся в разделе «Северная и Северо-западная граница», также представляют интерес для исследователя. Однако публикуемые документы не имеют ссылок на источники и иногда выхолощены до такой степени, что невозможно определить местность, подразделение или пограничный отряд, в которых происходили те или иные события.

Вопросы организации связи в пограничной охране БССР в 1920-х гг. представлены воспоминаниями П. Ф. Угловских в историко-мемориальном сборнике [6], который является продолжением сборника, изданного в двух книгах в 1968 и 1969 гг. под названием «50 лет на страже границ Советского государства».

Значительный вклад в освещение становления и деятельности пограничной охраны на белорусском участке границы внес сборник очерков по истории западной границы [7]. Однако в нем более раскрыты особенности охраны государственной границы на украинском участке, возможно, ввиду подготовки издания в Украине. В 1984 г. данное издание было переиздано.

По причине того, что пограничная охрана в межвоенный период находилась в составе

ВЧК-ОГПУ-НКВД, естественный интерес представляют труды по истории данных органов. Так, сборники документов и материалов по истории внутренних войск [8, 9], хоть и политизированы, но существенно раскрывают моменты организационного строительства, боевой и оперативной деятельности пограничной охраны на белорусском участке границы на начальном этапе их деятельности. Данные сборники подготовлены качественно, имеют ссылки на источники и по некоторым вопросам даже больше раскрывают организационные документы по созданию пограничной охраны, чем сборники «Пограничные войска СССР 1918–1928, 1929–1938».

К 100-летию Ф. Э. Дзержинского был выпущен сборник документов и статей [10], которые охватывают период 1917–1926 гг. Документы сборника показывают особенности формирования пограничной охраны, в том числе и на белорусском участке границы после окончания гражданской войны, а также ее деятельность по борьбе с контрабандой и другими нарушениями на государственной границе.

В советское время строительство пограничных войск как войск специального значения рассматривалось в тесной связи со строительством армии и флота, поэтому в сборнике «Советские Вооруженные силы. История строительства», изданном военным издательством Министерства обороны СССР в 1978 г., вопросы строительства пограничной охраны отражены на фоне международной и внутренней обстановки в стране наряду со строительством Красной Армией и представляют интерес для изучения.

В 1979 г. был издан краткий очерк истории пограничных войск советского государства [11]. В нем показана их роль в защите государственной границы с первых лет существования и до 1979 г. Межвоенный период на белорусском участке границы представлен весьма кратко, подчас схематично, лишь отдельными фрагментами. В издании в основном использованы материалы вышедших ранее публикаций по истории пограничных войск. В 1983 г. вышло второе дополненное издание.

Вопросы участия пограничников Белоруссии в борьбе с антисоветским бандитизмом в 1918–1925 гг. рассмотрены в книге А. Г. Хохлова [12], которая освещает причины возникновения бандитизма в БССР и совместную деятельность правоохранительных органов по его уничтожению. В 1922 г. в Минске был издан сборник «Советская Белоруссия», назначение которого – настольная книга и справочник для советского работника Белоруссии. В нем подробно раскрывалась структура и деятельность народных комиссариатов и правоохранительных органов.

Представляют определенный интерес популярные монографии А. И. Чугунова «Борьба на границе 1917–1928», «На страже советских рубежей (1929–1938 гг.)». Автор рассматривает обстановку на различных участках границы в эти годы, мероприятия советского правительства по укреплению государственной границы, предотвращению и срыву провокаций и конфликтов на советской границе, основные формы и методы борьбы с нарушителями границы, дает примеры героизма воинов-пограничников. Эти труды основаны на глубоком исследовании предшествующих литературных источников, а также значительного количества архивных документов, многие из которых ранее не публиковались.

Деятельность комсомольских организаций в пограничной охране в хронологической последовательности представлена в работе И. Ю. Кисловского «Летопись мужества и героизма (хроника, факты, события из истории комсомольских организаций пограничных войск)». Все факты, приведенные в книге, имеют ссылки на источники. Также с участием И. Ю. Кисловского специалистами-историками пограничных войск подготовлен коллективный труд, который раскрывает участие комсомола в укреплении границы [13].

Деятельность пограничной охраны широко освещалась, помимо ведомственной литературы, имевшей, как правило, ограничительные грифы, в художественно-публицистической. Десятки очерков, статей, книг о пограничниках были изданы массовым тиражом [14, 15]. В Бресте с 15 по 21 июля 1968 г. прошло первое Всесоюзное совещание по художественной литературе о пограничниках, на котором были обсуждены состояние литературы о пограничниках и проблемы, над которыми писательский корпус должен был работать. Список художественной литературы, приведенный в стенографическом отчете данного совещания, может представлять исследовательский интерес [16].

Из периодических изданий необходимо обратить внимание на ведомственный журнал «Пограничник», который вновь начал издаваться с сентября 1939 г. по решению ЦК ВКП(б) и в соответствии с приказом НКВД от 15 июня 1939 г, а также на многотиражные газеты в ряде пограничных отрядов [17]. На страницах периодических изданий печатались материалы, которые историческими можно назвать с большой оговоркой. Но благодаря их усилиям с истории пограничной охраны начала спадать завеса секретности, подвиги пограничников стали известны широкому кругу читателей. Вместе с тем эта литература не опиралась на документальные источники, что нередко вело к искажению фактов действительных событий. Писате-

ли и журналисты не всегда соблюдали чувство меры в идеализации советских пограничников.

В 1920-е гг. после восстановления Белорусской ССР ее территория состояла только из 6 уездов бывшей Минской губернии (Бобруйского, Борисовского, Игуменского (с 1923 г. Червенского), Мозырского, Минского и Слуцкого), так как Витебская, Могилевская и западные уезды Смоленской губернии в 1919 г. были включены в состав РСФСР, а территория Западной Белоруссии на основе Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. отошла к Польше. В результате первого укрупнения территории БССР в 1924 г. в состав республики были возвращены Витебский, Полоцкий, Сенненский, Суражский, Городокский, Дриссенский, Лепельский и Оршанский уезды от Витебской губернии (в РСФСР остались Себежский, Невельский и Велижский уезды). В декабре 1926 г. состоялось второе укрупнение территории Белорусской ССР, в результате которого в состав республики были возвращены Речицкий и Гомельский уезды. Соответственно менялись и участки ответственности государственной границы для пограничной охраны БССР. Административно-территориальное деление и изменение границ БССР показано в труде В. А. Круталевича «Административно-территориальное устройство БССР» 1966 г. издания.

С первых дней существования советской власти борьба с контрабандой на границе стала важнейшей составной частью мер, принимаемых государством по укреплению национальной экономики, обеспечению общественной

безопасности в стране. В первые годы контрабандой занимались одиночки и вооруженные банды, формировавшиеся частично на советской территории, а главным образом в пограничных районах сопредельных государств. Контрабандисты занимались не только незаконной переброской товаров в спекулятивных целях, но и шпионажем по заданию разведывательных органов Польши и Латвии. В июне 1921 г. непосредственная борьба с контрабандой на границе возлагалась только на пограничную охрану. Сборник, подготовленный под общей редакцией начальника Главного таможенного управления 1922–1927 гг. Потяева А. И., раскрывает деятельность белорусских пограничников и таможенников по борьбе с контрабандой и подводит трехлетний итог этой деятельности.

Заключение. Таким образом, исследуя историографию советского периода, можно утверждать, что подавляющее большинство документов не имеют ссылок на источники, по которым они составлены, а отсутствие научно-справочного аппарата, который мог бы прокомментировать неверные и противоречивые данные, встречающиеся в первоисточниках, значительно снижает научную ценность этих изданий. Публикации того времени по истории пограничной охраны были насыщены материалом, основной упор в котором был сделан на пропаганду героических подвигов пограничников с конкретной заданной целью – воспитывать качества, необходимые для службы на границе, и беззаветную преданность правящей партии.

Список литературы

1. Боевой путь советских пограничных войск: краткий очерк. М.: Изд.-во полит. управления погран. войск КГБ при Совете министров СССР, 1962. 342 с.
2. 50 лет на страже границ Советского государства. Историко-мемуарный сборник: в 2 кн. М.: Воениздат, 1968. Кн. 1. 408 с.
3. В. И. Ленин и охрана государственной границы СССР: сборник документов и статей / [ред. коллегия: ген.-полк. П. И. Зырянов (отв. ред.) [и др.]: предисл. ген.-полк. П. И. Зырянова]. М.: Воениздат, 1970. 392 с.
4. Пограничные войска СССР 1918–1928: сборник документов и материалов. М.: Наука, 1973. 927 с.
5. Пограничные войска СССР. 1929–1938: сборник документов и материалов. М.: Наука, 1972. 775 с.
6. На страже границ советского государства / сост. Г. В. Регуш, Н. И. Афанасьев; ред. комиссия: П. И. Зырянов [и др.]: в 3 кн. М.: Воениздат, 1971. Кн. 3. 406 с.
7. Дозорные западных рубежей: Докум. очерки по истории войск Краснознам. Западного пограничного окр. Киев: Политиздат Украины, 1972. 443 с.
8. Внутренние войска Советской республики. 1917–1922 гг.: документы и материалы. М.: Юрид. лит., 1972. 709 с.
9. Внутренние войска в годы мирного социалистического строительства. 1922–1941 гг.: Документы и материалы. М.: Юрид. лит., 1977. 640 с.
10. Ф. Э. Дзержинский и охрана границ Советского государства: сб. документов и ст. М.: Воениздат, 1977. 343 с.
11. Иванчишин П. А., Кисловский Ю. Г., Афанасьев Н. И. Часовые советских границ: Крат. очерк истории погранич. войск СССР. М.: Политиздат, 1979. 285 с.
12. Хохлов А. Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1924 годах. Минск: Беларусь, 1981. 173 с.

13. Кисловский Ю. Г. Молодые дозорные Родины: Крат. очерк истории комс. организации погран. войск (1918–1987 гг.). М.: Молодая гвардия, 1988. 270 с.
14. Шаповалов И. Большевики границы: повесть. Минск: Госиздат Белоруссии, 1937. 149 с.
15. Шаповалов И. Ненадуманные рассказы. Минск: Госиздат Белоруссии, 1939. 95 с.
16. Первое всесоюзное совещание по художественной литературе о пограничниках 15–21 июля 1969 г. Стенографический отчет. М.: Политуправление ПВ КГБ при СМ СССР, 1969. 150 с.
17. Красный пограничник: газета погранохраны и войск ОГПУ Западного округа. Минск, 1924–1926.

References

1. *Boyevoy put' sovetskikh pogranichnykh voysk: kratkiy ocherk* [The combat path of the Soviet border troops: a brief essay]. Moscow, Izd-vo polituprvleniya pogran. voysk KGB pri Sovete ministrov SSSR Publ., 1962. 342 p.
2. *50 let na strazhe granits Sovetskogo gosudarstva. Istoriko-memuarnyy sbornik* [50 years on guard of the borders of the Soviet state. Historical and memoir collection]. Moscow, Voenizdat Publ., 1968. Buk 1. 408 p.
3. Zyryanov P. I. *V. I. Lenin i okhrana gosudarstvennoy granitsy SSSR* [Lenin and the protection of the state border of the USSR]. Moscow, Voenizdat Publ., 1970, 392 p.
4. *Pogranichnyye voyska SSSR 1918–1928* [Border Troops of the USSR 1918–1928]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 927 p.
5. *Pogranichnyye voyska SSSR 1929–1938* [Border Troops of the USSR 1929–1938]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 775 p.
6. Regush G. V., Afanas'yev N. I., Zyryanov P. I. *Na strazhe granits sovetskogo gosudarstva* [On the guard of the borders of the Soviet state]. Moscow, Voenizdat Publ., 1971. Buk. 3. 406 p.
7. *Dozornyye zapadnykh rubezhey: dokum. ocherki po istorii voysk Krasnoznam. Zapadnogo pogranichnogo okr.* [Watchmens of the Western borders: Docum. essays on the history of the troops of the Red Army. West. border dist.]. Kiev, Politizdat Ukraine Publ., 1972. 443 p.
8. *Vnutrenniye voyska sovetskoy respubliki. 1917–1922: dokumenty i materialy* [Internal Troops of the Soviet Republic. 1917–1922: Documents and materials]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1972. 709 p.
9. *Vnutrenniye voyska v gody mirnogo sotsialisticheskogo stroitel'stva. 1922–1941 gg.: dokumenty i materialy* [Internal troops in the years of peaceful socialist construction. 1922–1941: Documents and materials]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1977. 640 p.
10. *F. E. Dzerzhinskiy i okhrana granits sovetskogo gosudarstva: sb. dokumentov i st.* [F. E. Dzerzhinsky and the protection of the borders of the Soviet State: Collection of documents and articles]. Moscow, Voenizdat Publ., 1977. 343 p.
11. Ivanchishin P. A., Kislovsky Yu. G., Afanas'yev N. I. *Chasovyye sovetskikh granits: kratkiy ocherk istorii pogranichnykh voysk SSSR* [Sentries of the Soviet borders: Krat. an essay on the history of the borderlands. troops of the USSR]. Moscow, Politizdat Publ., 1979. 285 p.
12. Khokhlov A. G. *Krakh antisovetskogo banditizma v Belorussii v 1918–1925 godakh* [The collapse of anti-Soviet banditry in Belarus in 1918–1924]. Minsk, Belarus' Publ., 1981. 173 p.
13. Kislovskiy Yu. G. *Molodyye dozornyye Rodiny: Krat. ocherk istorii koms. organizatsii pogran. voysk (1918–1987 gg.)* [Young patrollers of the Motherland: A short story. an essay on the history of the coms. organizations of the border troops (1918–1987)]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1988. 270 p.
14. Shapovalov I. *Bol'sheviki granitsy* [The Bolsheviks of the Frontier]. Minsk, Gosizdat Belorussii Publ., 1937. 149 p.
15. Shapovalov I. *Nenadumannyye rasskazy* [Unreal stories]. Minsk, Gosizdat Belorussii Publ., 1939. 95 p.
16. *Pervoye vsesoyuznoye soveshchaniye po khudozhestvennoy literature o pogranichnikakh 15–21 iyulya 1969 g.: Stenograficheskiy otchet* [The first All-Union meeting on fiction about border guards on July 15–21, 1969. Verbatim report]. Moscow, Polituprauleniye PV KGB pri SM SSSR Publ., 1969. 150 p.
17. *Krasnyy pogranichnik* [Red Border Guard: newspaper of the Border Guard]. Minsk, 1924–1926.

Информация об авторе

Шанец Леонид Игоревич – доцент кафедры управления органами пограничной службы. Институт пограничной службы Республики Беларусь (220103, г. Минск, ул. Славинского, 4, Республика Беларусь). E-mail: shanes@tut.by

Information about the author

Shanets Leonid Igorevich – Assistant Professor, the Department of Border Guard Management. Institute of Border Guard Service of Republic of Belarus (4, Slavinskogo str., 220103, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: shanes@tut.by

Поступила 04.03.2021

УДК 94(476)1921/1939

А. С. Горны

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы

**БЕЛАРУСКІ СЯЛЯНСКІ САЮЗ Ў МІЖВАЕННАЙ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ:
СТРУКТУРА І ДЗЕЙНАСЦЬ**

У артыкуле на аснове здабыткаў айчынай і замежнай гістарыяграфіі, апублікаваных і архіўных крыніц аналізуецца дзейнасць малавядомай палітычнай структуры ў міжваеннай Заходняй Беларусі – Беларускага сялянскага саюза. Аўтар разглядае дзейнасць гэтай арганізацыі ў кантэксце агульнаеўрапейскіх працэсаў росквіту аграрных партый і ідэалогіі аграрызму ў міжваенны перыяд. Беларускі сялянскі саюз быў утвораны ў 1925 г. у выніку расколу ў Беларускам пасольскім клубе. Арганізацыя аб'ядноўвала вакол сябе прыхільнікаў нацыянальна-дэмакратычнай плыні беларускага руху і разглядалася як альтэрнатыва леварадыкальнай Беларускай сялянска-работніцкай грамадзе. Эканамічны блок праграмы Беларускага сялянскага саюза меў дастаткова левы накірунак, аднак у палітычным плане партыя выступала за ўтварэнне незалежнай беларускай дзяржавы па ўзоры Беларускай народнай рэспублікі. У артыкуле таксама раскрываюцца магчымы колькасны склад партыі, геаграфічны арэал яе дзейнасці, тыя асноўныя палітычныя праекты, у якіх актывісты партыі прынялі значны ўдзел.

У заключэнні робіцца выснова, што Беларускі сялянскі саюз меў дастаткова сціплую колькасць сваіх прыхільнікаў, нягледзячы на арыентацыю ў сялянскае асяроддзе Заходняй Беларусі. Партыя не змагла канкураваць з разгалінаванай сеткай актывістаў Беларускай сялянска-работніцкай грамады і яе леварадыкальнай рыторыкай.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, Польшча, міжваенны перыяд, беларускі нацыянальны рух, палітычная партыя, Беларускі сялянскі саюз.

Для цытавання: Горны А. С. Беларускі сялянскі саюз ў міжваеннай Заходняй Беларусі: структура і дзейнасць // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 79–84.

A. S. Gorny

Yanka Kupala State University of Grodno

**THE BELARUSIAN PEASANTS' UNION
IN THE INTERWAR WESTERN BELARUS: STRUCTURE AND ACTIVITY**

The article analyzes the activities of a little-known political structure in interwar Western Belarus – the Belarusian Peasants' Union, based on the achievements of domestic and foreign historiography, archival sources. The author considers the activities of this organization in the context of European processes of prosperity of agrarian parties and the ideology of agrarianism in the interwar period. The Union was formed in 1925 as a result of a split in the Belarusian Deputies' Club. The organization united supporters of the national-democracy current of the Belarusian movement and was seen as an alternative to the left-wing Belarusian Peasants' and Workers' Hramada. The economic bloc of the program of the Belarusian Peasants' and Workers' Union was left-wing political spectrum, but stand up for the formation of an independent Belarusian state on the model of the Belarusian People's Republic. The article reveals the possible number of its members, the geographical area of its activities, the main political projects in which party activists took a significant part.

In conclusion, it is concluded that the Belarusian Peasants' Union had a small number of supporters, despite the orientation to the peasant environment of Western Belarus. The Union could not compete with the branched structure of activists of the Belarusian Peasants' and Workers' Hramada and its left-wing political spectrum.

Key words: Western Belarus, Poland, the interwar period, the Belarusian national movement, the political party, the Belarusian Peasants' Union.

For citation: Gorny A. S. The Belarusian Peasants' Union in the interwar Western Belarus: structure and activity. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 79–84 (In Belarusian).

Уводзіны. Беларускі сялянскі саюз (БСС) у гісторыі Заходняй Беларусі міжваеннага перыяду – сапраўднае terra incognita, нягледзячы на дастаткова добрую распрацаванасць

праблемы партыйнай гісторыі ў гэты перыяд. На сённяшні час у беларускай гістарыяграфіі ўвогуле няма асобнага даследавання, прысвечанага дзейнасці гэтай палітычнай структуры.

Дадзены артыкул – першая спроба комплексна асэнсаваць ролю БСС у грамадска-палітычным жыцці міжваеннай Заходняй Беларусі і вызначыць ступень яго ўплыву на беларускае насельніцтва тагачаснай Польшчы.

У савецкім гістарычным дыскурсе БСС як нацыянальна-дэмакратычная і «непралетарская» арганізацыя мела апырэры негатыўную ацэнку. Пачатак такога стаўлення можна знайсці ўжо ў аналітычных працах аб грамадска-палітычным жыцці Заходняй Беларусі, якія выходзілі ў БССР у міжваенны перыяд. У прыватнасці, савецкі беларускі публіцыст Сянкевіч А. у 1928 г. называў БСС «арганізацыяй з чыста кулацкім тварам» [1, с. 16]. Падобныя негатыўныя характарыстыкі перайшлі і ў пасляваенную савецкую гістарыяграфію па гісторыі Заходняй Беларусі, дзе асноўная ўвага надавалася леварадыкальным палітычным сілам [2, с. 107]. Той факт, што арганізацыя дастаткова паслядоўна крытыкавала палітыку польскага ўлад у Заходняй Беларусі, а некаторыя з яе актывістаў пераследваліся гэтымі ўладамі, цалкам ігнараваўся савецкімі гісторыкамі. Адным з галоўных пунктаў крытыкі была «аграрная» сутнасць партыі, якая не адпавядала некаторым «спралетарскім» прынцыпам марксізму-ленінізму.

Адным з першых гісторыкаў, хто паспрабаваў аб'ектыўна ахарактарызаваць дзейнасць БСС, быў польскі даследчык Ежы Хольцер. У манаграфіі «Палітычная мазаіка Другой Рэчы Паспалітай», выдадзенай ў 1974 г. у сацыялістычнай Польшчы, аўтар, нягледзячы на марксісцкую метадалогію, указваў на падабенства БСС да іншых еўрапейскіх сялянскіх партый, падкрэсліў яго апазіцыйнасць да польскага ўлад і вызначыў некаторыя агульныя рысы праграмы саюза з праграмай Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ) [3, с. 260]. У працах сучасных беларускіх і замежных даследчыкаў БСС разглядаецца толькі фрагментарна, у агульным кантэксце дзейнасці беларускіх палітычных арганізацый міжваеннай Польшчы або ўвогуле ігнаруецца [4, с. 84].

Асноўная частка. Міжваеннае дваццацігоддзе было перыядам росквіту дзейнасці аграрных партый у Цэнтральна-Усходняй Еўропе і ідэалогіі аграрызму ў цэлым. Правядзенне шырокіх аграрных рэформ у гэтым рэгіёне, распад трох імперый пасля Першай сусветнай вайны выклікалі неабходнасць інтэграцыі сялянства ў сферу палітычнага жыцця і спалучэння нацыянальных, дэмакратычных інстытутаў з патрабаваннямі вёскі. Таму ад Эстоніі да Югаславіі сялянскія партыі ў міжваенны перыяд сталі часткай урадавых кааліцый ці адыгрывалі істотную ролю ў дзяржаўнай палітыцы. Паводле гісторыкаў Мюлера Д. і Харр А., сялянская

ідэалогія ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе ўяўляла сабой своеасаблівы «трэці шлях» паміж нарастаючым фашызмам і калектывізмам у выглядзе камуністычнай дактрыны. Пры гэтым прадстаўнікі аграрызму не былі простымі рамантыкамі-традыцыяналістамі. Яны выступалі за захаванне вёскі і сялянскай сям'і як важнага элемента нацыянальнай будучыні і дзяржаўнай структуры, папярэджвалі грамадства аб небяспецы татальнай урбанізацыі, бачылі эканамічную перавагу ў захаванні прыватнай ўласнасці і пашырэнні кааператыўнай вытворчасці [5, р. 8–9]. З агульнаеўрапейскімі працэсамі таго часу была звязана і заходне-беларуская вёска, дзе ідэалогія аграрызму таксама знаходзіла сваіх прыхільнікаў.

Утварэнне БСС стала магчымым дзякуючы расколу, які адбыўся ў Беларускай фракцыі польскага парламента (Беларускі пасольскі клуб) у чэрвені 1925 г. У гэты перыяд з клуба выйшлі 4 дэпутаты – Тарашкевіч Б., Рак-Міхайлоўскі С., Мятла П., Валашын П., якія ўтварылі асобную пасольскую фракцыю – Беларуска-сялянска-работніцкую грамаду. Дадзеная фракцыя прытрымлівалася леварадыкальнай ідэалогіі ў сваёй дзейнасці і дзеля гэтага мела моцную падтрымку з боку савецкіх структур. У 1926 г. на аснове фракцыі пачалося фарміраванне партыйнай сеткі БСРГ у Заходняй Беларусі [4, с. 82]. Частка дэпутатаў Беларускага пасольскага клуба, у прыватнасці Ярэмч Ф. і Рагуля В., якія былі нязгодныя на збліжэнне з камуністамі, вырашылі ўтварыць уласны палітычны праект цэнтрэскай арыентацыі. Такім чынам, у лістападзе 1925 г. узнікла арганізацыя Беларуска-сялянскі саюз, якая разглядалася ў шмат чым як альтэрнатыва прасавецкаму БСРГ [6, с. 277].

Спачатку дзейнасць новай структуры была накіравана на пошук патэнцыйных саюзнікаў у барацьбе з прадстаўнікамі леварадыкальнай плыні беларускага нацыянальнага руху ў Польшчы. У прыватнасці, у студзені 1926 г. была заключана дамова з лідарам беларускіх хрысціянскіх дэмакратаў кс. Станкевічам А. [6, с. 279]. Былі ўстаноўлены кантакты з прадстаўнікамі беларускай эміграцыі, у першую чаргу з беларускімі ээрамі і дзеячамі БНР у Празе. Паступова вакол БСС фарміраваўся адзін з першых антыкамуністычных беларускіх блокаў у міжваеннай Заходняй Беларусі, які прэтэндаваў на значнае месца ў грамадска-палітычным жыцці і арыентаваўся на парламенцкія формы дзейнасці. Каб мець моцны інфармацыйны фон, у снежні 1925 г. пачаў выходзіць друкаваны орган БСС – газета «Сялянская Ніва». У першым рэдакцыйным артыкуле былі падкрэслены не толькі памкненні падтрымліваць аграрызм у беларускім грамадстве,

але і ў завуляванай форме незалежніцкія погляды [7].

Каб канчаткова выбудаваць сваю арганізацыйную структуру, лідары БСС 24 сакавіка 1926 г. арганізавалі ў Вільні канферэнцыю сваіх прыхільнікаў, якая павінна была адыгрываць ролю «ўстанавачнай» партыйнай канферэнцыі. На мерапрыемстве прысутнічалі 24 удзельнікі з розных заходнебеларускіх мясцовасцей. Пасля дакладаў В. Рагулі аб зямельным пытанні і Ф. Ярэміча аб палітычнай сітуацыі былі абраны сталыя кіраўнічыя органы арганізацыі. У Цэнтральны камітэт БСС увайшлі В. Рагуля (старшыня), Ф. Ярэміч (віцэ-старшыня), І. Куніцкі (віцэ-старшыня), А. Більдзюкевіч (сакратар), Б. Туронак (сакратар) [8]. Акрамя выбараў кіраўніцтва, яшчэ адным пытаннем, што стаяла на парадку дня віленскай канферэнцыі, была распрацоўка партыйнай праграмы і арганізацыйнага статута БСС. Пасля непрацяглай дыскусіі абодва дакумента былі прынятыя большасцю прысутных [9].

У сваёй праграме БСС выразна пазіцыянаваў сябе як нацыянальна-дэмакратычную партыю з аграрнай ідэалогіяй. У рамках дзяржаўнага будаўніцтва саюз выступаў за незалежнасць аб'яднаных беларускіх зямель, не адмаўляючыся пры гэтым ад гіпатэтычнай федэрацыі з суседнімі народамі [10, с. 1]. Падобны пункт праграмы вельмі цесна збліжаў арганізацыю з БХД і іншымі беларускімі нацыянальна-дэмакратычнымі структурамі ў Заходняй Беларусі.

Адным з галоўных праграмных пастулатаў БСС была абарона інтарэсаў сялянства як дамінуючай часткі беларускага насельніцтва. Прадстаўнікі партыі сыходзілі з той думкі, што каля 90% беларусаў складаюць сяляне, якія практычна ніяк не прадстаўлены ў грамадскім жыцці, у адрозненне, напрыклад, ад рабочых. Апошнія, паводле праграмы БСС, маюць у гарадах свае прафесійныя саюзы, сацыялістычныя партыі, якія забяспечваюць абарону іх сацыяльных і палітычных інтарэсаў [10, с. 8]. У гэтым плане праграма БСС значна разыходзілася з праграмнымі ўстаноўкамі БСРГ ці іншых леварадыкальных арганізацый Заходняй Беларусі, якія прытрымліваліся ленінскіх поглядаў на саюз сялян і рабочых у барацьбе з капіталізмам. Калі БСС бачыла сябе выключна як сялянскую партыю, то БСРГ імкнулася дзейнічаць не толькі ў сялянскім асяроддзі, але выходзіць і на гарадскі ўзровень. Разам з гэтым у тагачасных гарадах міжваеннай Польшчы палітычны рэй вялі агульнапольскія і яўрэйскія палітычныя партыі, што прымушала некаторыя беларускія левыя структуры «вяртацца» ў вясковую мясцовасць. Парадаксальна, але БСС і БСРГ крытыкавалі адзін аднаго за ідэалагічныя разыхо-

джанні на конт рабочых, аднак абедзве партыі дзейнічалі ў адным і тым жа сялянскім асяроддзі. У цэлым праграма БСС па шмат якіх пунктах адпавядала праграме БСРГ. У ёй прысутнічалі патрабаванні перадачы абшарніцкіх, дзяржаўных, царкоўных зямель і перадачы іх сялянам без выкупу, скасавання асуднасці, перадачы лясных зямель і прыродных багаццяў у карыстанне беларускага насельніцтва, аддзялення рэлігіі ад дзяржавы і інш. [10, с. 1–7].

На «ўстаноўчай» канферэнцыі 24 сакавіка 1926 г. быў таксама зацверджаны статут партыі, у якім быў распрацаваны яе арганізацыйны лад. Нізавой структурнай адзінкай БСС лічыўся гурток, які складаўся мінімум з трох сяброў партыі. Некалькі гурткоў на пэўнай тэрыторыі аб'ядноўваюцца і ствараюць акружны партыйны камітэт. На з'ездзе акружных камітэтаў было прадугледжана ўтварыць Цэнтральны камітэт БСС з сямі чалавек. Вышэйшым партыйным органам кіраўніцтва лічыўся Кангрэс, які павінен быў праходзіць штогод. На справе, аднак, уся гэтая структура не функцыянавала ў поўным аб'ёме – за ўвесь перыяд дзейнасці партыі, напрыклад, так і не быў скліканы Кангрэс БСС або з'езд акружных камітэтаў [10, с. 9–16].

Найвышэйшай формай арганізацыйнай дзейнасці БСС былі толькі партыйныя канферэнцыі, якіх за ўвесь перыяд існавання партыі адбылося ўсяго дзве. Другая партыйная канферэнцыя была арганізавана 24 ліпеня 1927 г. у Вільні. На ёй прысутнічалі 27 актывістаў з розных паведаў Заходняй Беларусі. На мерапрыемстве быў перабраны Цэнтральны камітэт арганізацыі, які стаў складацца з наступных асоб: В. Рагуля (старшыня), Ф. Ярэміч (віцэ-старшыня), К. Юхневіч (віцэ-старшыня), А. Більдзюкевіч (сакратар), Б. Туронак (сакратар). Былі прыняты рэзалюцыі па палітычным, зямельным і асветніцкім пытаннях, дзе, сярод іншага, партыя падкрэслівала сваю апазіцыйнасць да існуючага польскага ўраду [11, с. 2].

Адной з першых значных палітычных кампаній, у якой прыняў удзел БСС, былі выбары ў органы мясцовага самакіравання 1927 г. Кіраўніцтва партыі арганізавала выбарчую кампанію ў двух значных гарадскіх асяродках Заходняй Беларусі – Вільні і Гродна. Была зроблена стаўка на перамовы з іншымі нацыянальнымі меншасцямі і ў выніку БСС змагло знайсці паразуменне толькі з рускімі. У прыватнасці, у Вільні 22 мая 1927 г. быў створаны аб'яднаны руска-беларускі выбарчы камітэт, у якімі дзейнічалі актывісты БСС Ярэміч Ф. і Більдзюкевіч А. [12, арк. 53]. Падобная стратэгія была рэалізавана і ў Гродна: там таксама быў утвораны аб'яднаны руска-беларускі блок, а на першым месцы ў выбарчым спісе блока

стаяў прыхільнік БСС настаўнік Федарук У. Тым не менш вынікі выбараў для партыі аказаліся больш чым сціплыя. У Вільні агульнымі намаганнямі руска-беларускі камітэт правёў у гарадскую Раду толькі аднаго дэпутата, а па ўсім Віленскім ваяводстве ў органы самакіравання прайшлі 10 прыхільнікаў БСС [13].

Другой палітычнай кампаніяй, у якой БСС прыняў значны ўдзел, былі парламенцкія выбары ў Польшчы ў 1928 г. Адзін з лідараў партыі Ярэміч Ф. прапанаваў утварыць адзіны беларускі выбарчы фронт, аднак цэнтрабежніцкія тэндэнцыі ў беларускім руху на той час былі настолькі моцнымі, што гэтая ідэя не атрымала падтрымкі. На заклік Ярэміча адгукнуліся толькі ідэалагічна блізкія да БСС арганізацыі: БХД і Праваслаўнае беларускае дэмакратычнае аб'яднанне на чале з В. Багдановічам. У снежні 1927 г. яны ўтварылі Беларускі цэнтральны аб'яднаны выбарчы камітэт, які неўзабаве пачаў весці перамовы з іншымі нацыянальнымі меншасцямі Польшчы. У выніку быў утвораны Блок нацыянальных меншасцей, куды, акрамя беларусаў, увайшлі прадстаўнікі некаторых украінскіх, нямецкіх і яўрэйскіх арганізацый. Дзякуючы добраму агітацыйнай кампаніі, удзел у блоку дапамог БСС правесці ў польскім парламенце 3 сваіх сяброў: у сейм Ф. Ярэміча і К. Юхневіча, у сенат – В. Рагулю [14, с. 71, 72, 79].

Асобным аспектам гісторыі Беларускага сялянскага саюза з'яўляецца вызначэнне колькасці яго актыву і прыхільнікаў. Фактычна можна абапірацца толькі на другасныя даныя, якія дазваляюць скласці, прынамсі, прыблізную карціну колькаснага складу БСС у 1920-я гг. Так, у ліпені 1927 г. на канферэнцыі БСС прысутнічалі 27 удзельнікаў: 5 – з Вільні, 22 – з розных паветаў Заходняй Беларусі [11, с. 1]. Падчас муніцыпальных выбараў 1927 г. кіраўніцтва БСС разлічвала прыцягнуць да выбарчых урнаў у Вільні каля 100 сваіх прыхільнікаў [12, арк. 53]. Увогуле ў 1927 г. колькасць сяброў партыі павялічылася за кошт пераходу ў структуры БСС былых актывістаў БСРГ. Пасля ліквідацыі Грамады польскімі ўладамі частка яе сяброў хутка далучылася да легальных беларускіх арганізацый, каб пазбегнуць пераследвання з боку паліцыі [15, арк. 1]. У цэлым тэарэтычна можна вызначыць, што колькасць партыйнага актыву БСС у Заходняй Беларусі магла даходзіць да 100 чалавек, агульная колькасць сябраў партыі магла дасягаць лічбы 1000 чалавек. Яшчэ каля 1000 чалавек з'яўляліся пасіўнымі прыхільнікамі БСС – уся іх прыхільнасць выяўлялася ў выпісванні і распаўсюджванні партыйнай газеты «Сялянская ніва».

Цяжка таксама вызначыць тыя мясцовасці ў Заходняй Беларусі, дзе БСС стварала сталыя

ачагі сваёй актыўнасці. Ёсць сведчанні, што пэўны асяродак прыхільнікаў партыі быў у Браслаўскім павеце, дзе нават існаваў акружны камітэт БСС на чале з беларускім актывістам і дэпутатам польскага сейма ў 1928–1930 гг. К. Юхневічам [16, с. 214]. Як узгадвалася вышэй, каля 10 прадстаўнікоў БСС прайшлі ў органы мясцовага самакіравання ў Дзісенскім павеце падчас выбараў 1927 г. [13]. Значны асяродак прыхільнікаў БСС сфарміраваўся ў Нягневіцкай гміне Навагрудскага павета, дзе праводзіў частыя агітацыйныя кампаніі старшыня партыі Рагуля В. [17].

Крытыка, якой падвяргаўся БСС з розных бакоў, а таксама немагчымасць лідараў партыі выпрацаваць моцныя рухавікі кіравання партыйнымі структурамі, выклікалі ўнутраныя супярэчнасці і цэнтрабежніцкія тэндэнцыі. У прыватнасці, у чэрвені 1927 г. у БСС адбыўся раскол і з яго складу выйшла частка дзеячаў на чале з доктарам філалогіі Я. Станкевічам. Неўзабаве была ўтворана новая палітычная структура з той жа самай назвай – Беларускі сялянскі саюз (пасля – Беларуска-сялянская партыя), на чале якой знаходзіўся Часовы камітэт пад кіраўніцтвам Я. Станкевіча [18, с. 284]. У праграмным плане гэтая партыя цалкам імкнулася адпавядаць ідэалагічным устаноўкам былых беларускіх эсэраў з іх левым радыкалізмам, але насамрэч ёй належала дастаткова маргінальнае месца на палітычнай сцэне Заходняй Беларусі, займалася фактычна толькі выданнем сваёй газеты «Народ». Аднак дзякуючы польскім паліцэйскім крыніцам можна ўсталяваць, што за расколам у БСС стаяла іншая асоба – Антон Луцкевіч. Ён лічыў аднымі са сваіх галоўных палітычных апанентаў Ф. Ярэміча і В. Рагулю, таму і рабіў захады па расколу іх арганізацыі. Выхад групы Станкевіча быў ні чым іншым як добра падрыхтаванай акцыяй пад кіраўніцтвам Луцкевіча [19, арк. 44].

Істотнымі праблемамі у дзейнасці БСС, якія ўрэшце і прывялі да заняпаду партыі, былі адсутнасць сталых фінансавых сродкаў і немагчымасць кіраўніцтва партыі выбудаваць моцную арганізацыйную структуру згодна са статутам. Заходнебеларуская вёска была разагітавана структурамі БСРГ або камуністамі і леварадыкальная рыторыка набывала першае месца ў заходнебеларускім палітычным дыскурсе. Фінансаванне арганізацыі, якое складалася з асабістых ахвяраванняў лідараў партыі – дэпутатаў польскага сейма Ярэміча Ф. і Рагулі В., было адносна невялікім, бо яго хапала фактычна толькі на выданне партыйнай газеты «Сялянская ніва» [20, арк. 53]. У канцы 1920-х гг. БСС як палітычная арганізацыя паступова

знікла з палітычнай сцэны Заходняй Беларусі, аднак афіцыйнай інфармацыі аб яе ліквідацыі пакуль не выяўлена.

Заклучэнне. Такім чынам, у 1925–1929 гг. у Заходняй Беларусі дзейнічала палітычная партыя Беларуска-сялянскі саюз, якая ўзнікла ў кантэксце еўрапейскіх працэсаў развіцця аграрызму і аграрнай ідэалогіі ў міжваенны перыяд. Таксама яна разглядалася як альтэрнатыва пра-савецкай БСРГ, якая з 1926 г. пачала рабіцца найбольш масавай палітычнай сілай у заходне-беларускай вёсцы. Нягледзячы на некаторыя падабенствы праграмы, БСС займаў прынцыповую антыкамуністычную пазіцыю і агітаваў за стварэнне незалежнай беларускай дзяржавы,

што набліжала яго да іншых арганізацый нацыянальна-дэмакратычнай плыні беларускага нацыянальнага руху. За перыяд свайго існавання саюз меў дастаткова сціплую колькасць сваіх прыхільнікаў, нягледзячы на арыентацыю ў сялянскае асяроддзе, якое ў міжваенны перыяд у Заходняй Беларусі вылучалася сваёй палітызаванасцю. Арганізацыя не змагла ў палітычнай гонцы абысці БСРГ і яе леварадыкальны дыскурс, які быў вельмі прыхільна сустрэты ў заходнебеларускай вёсцы, што прывяло да паступовага яе заняпаду. Адсутнасць сталай крыніцы фінансавання паставіла канчатковую кропку ў гісторыі Беларускага сялянскага саюза.

Спіс літаратуры

1. Сянкевіч А. Палітычныя групы ў Заходняй Беларусі перад выбарамі ў Польскі сойм // *Большавік Беларусі*. 1928. № 1. С. 15–19.
2. Полуян В., Полуян И. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. Минск: Госиздат БССР, 1962. 224 с.
3. Holzer J. *Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1974. 664 s.
4. Gomółka K. Białorusini w II Rzeczypospolitej // *Zeszyty naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia*. 1992. Nr. XXXI. S. 3–179.
5. Muller D., Harre A. Introduction: Agrarianism as Third Way // *Transforming rural societies* / ed.: Dietmar Muller, Angela Harre. Innsbruck: Studienverlag, 2011. P. 7–13.
6. Кароткі нарыс беларускага пытання. Мінск: Логвінаў, 2009. 396 с.
7. Ад рэдакцыі // *Сялянская ніва*. 1925. № 1. С. 1.
8. З арганізацыйнага жыцця Беларускага сялянскага саюза // *Сялянская ніва*. 1926. № 11. С. 2.
9. Більдзюкевіч А. Конфэрэнцыя Беларускага сялянскага саюза // *Сялянская ніва*. 1926. № 14. С. 2.
10. Праграма і статут Беларускага сялянскага саюза. Вільня: Друкарня Н. Левіна, 1926. 16 с.
11. Справаздача з канфэрэнцыі Беларускага сялянскага саюза // *Сялянская ніва*. 1927. № 58. С. 1–2.
12. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). F. 15. Ap. 2. B. 386.
13. Разгром польскай палітыкі ў Заходняй Беларусі (вынікі выбараў у Віленскім ваяводстве) // *Савецкая Беларусь*. 1927. № 183. С. 2.
14. Пашкевіч А. В. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2006. 162 с.
15. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). Ф. 551. Воп. 1. Спр. 1028.
16. Базарэвіч Г. Х. Беларускі культурна-асветніцкі рух на Браслаўшчыне ў 1925–1930 гг. // *Браслаўскія чытанні* / навук. рэд. В. М. Ляўко. Мінск: Беларуская навука, 2016. С. 208–217.
17. Наднёманец. Дзеяч Сялянскага саюза // *Наш голас*. 1927. № 3. С. 4.
18. Białorusini // *Sprawy Narodowościowe*. 1927. Nr. 3. S. 283–288.
19. LCVA. F. 53. Ap. 23. B. 1784.
20. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). Ф. 67. Воп. 1. Спр. 1232.

References

1. Siankievich A. Political groups in Western Belarus before the elections to the Polish Sejm. *Bal'shavik Belarusi* [The Bolshevik of Belarus], 1928, no. 1, pp. 15–19 (In Belarusian).
2. Poluyan V., Poluyan I. *Revolutsionnoye i natsional'no-osvoboditel'noye dvizheniye v Zapadnoy Belorussii v 1920–1939 gg.* [The revolutionary and national liberation movement in Western Belarus in 1920–1939]. Minsk, Gosizdat BSSR Publ., 1962. 224 p.
3. Holzer J. *Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej* [Political mosaic of the Second Polish Republic]. Warszawa, Książka i Wiedza Publ., 1974. 664 p.
4. Gomółka K. Belarusians in the Second Polish Republic. *Zeszyty naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia* [Scientific journals of the Gdańsk University of Technology. Economy], 1992, no. XXXI, pp. 3–179 (In Poland).

5. Muller D., Harre A. Introduction: Agrarianism as Third Way. *Transforming rural societies*. Innsbruck, Studienverlag, 2011, pp. 7–13 (In English).
6. *Karotki narys belaruskaga pytannya* [A short essay on the Belarusian question]. Minsk, Logvinau Publ., 2009. 396 p.
7. From the editors. *Syalyanskaya niva* [Peasant field], 1925, no. 1. P. 1.
8. From the organizational life of the Belarusian Peasants' Union. *Syalyanskaya niva* [Peasant field], 1926, no. 11. P. 2 (In Belarusian).
9. Bildziukievich A. Conference of the Belarusian Peasants' Union. *Syalyanskaya niva* [Peasant field], 1926, no. 14. P. 2 (In Belarusian).
10. *Pragrama i statut Belaruskaga syalyanskaga sayuza* [Program and charter of the Belarusian Peasants' Union]. Vil'nya, N. Levin Publ., 1926. 16 p.
11. Report from the conference of the Belarusian Peasants' Union. *Syalyanskaya niva* [Peasant field], 1927, no. 58. pp. 1–2 (In Belarusian).
12. Central State Archives of Lithuania (CSAL). Fund 15. Ap. 2. B. 386.
13. Defeat of Polish policy in Western Belarus (election results in Vilnius voivodeship). *Savetskaya Belarus'* [Soviet Belarus], 1927, no. 183. P. 2 (In Belarusian).
14. Pashkievich A. V. *Parlamentskiya formy zmagannya za natsyyanal'nyya i satsyyal'nyya pravy belaruskaga naroda u mizhvayennay Pol'shchy (1921–1930 gg.)*. *Dys. kand. gist. navuk* [Parliamentary forms of struggle for national and social rights of the Belarusian people in interwar Poland (1921–1930). PhD Diss.]. Minsk, 2006. 162 p.
15. State Archives of Hrodna Region (SAHR). Fund 551. L. 1. F. 1028.
16. Bazarevich G. Kh. Belarusian cultural and educational movement in the Braslav region in 1925–1930. *Braslauskiya chytanni* [Braslav readings]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2016, pp. 208–217 (In Belarusian).
17. Nadniomaniec. An activist of the Peasants' Union. *Nash golos* [Our voice], 1927, no. 3. P. 4 (In Belarusian).
18. Belarusians. *Sprawy Narodowościowe* [National Affairs], 1927, no. 3, pp. 283–288 (In Poland).
19. CSAL. Fund 53. Ap. 23. B. 1784.
20. State Archives of Brest Region (SABR). Fund 67. L. 1. F. 1232.

Інфармацыя пра аўтара

Горны Аляксандр Сяргеєвіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі, археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін. Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы (230023, г. Гродна, вул. Ажэшка, 22, Рэспубліка Беларусь). E-mail: litvin.gorny@gmail.com

Information about the author

Gorny Aliaksandr Syargeyevich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus, Archeology and Special Historical Disciplines. Yanka Kupala State University of Grodno (22, Azheshka str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). Email: litvin.gorny@gmail.com

Пасмуніў 15.02.2021

УДК 94(476)

І. А. Андарала

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**СЯРЭДНЯЯ НАВУЧАЛЬНАЯ ШКОЛА БЕЛАРУСІ
Ў ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ**

Вайна і акупацыя тэрыторыі Беларусі нямецкімі захопнікамі нанеслі вялікі ўрон сістэме агульнай сярэдняй адукацыі рэспублікі. Каб падняць з руін і попелу разбураную вайной агульнаадукацыйную школу, патрэбны былі істотныя намаганні партыйна-савецкага кіраўніцтва ўсіх узроўняў, органаў адукацыі і усяго насельніцтва рэспублікі. У дадзеным артыкуле аўтар на аснове вывучэння архіўных крыніц, пераважна раней не апублікаваных, у рэчышчы комплекснага падыходу аналізуе стан агульнаадукацыйнай школы рэспублікі ў першыя пасляваенныя гады, акцэнтуючы ўвагу на праблемах будаўніцтва і рамонту школьных будынкаў, аднаўлення сеткі школ, росту вучнёўскага кантынгенту, забеспячэння школ настаўніцкімі кадрамі, выканання закону аб усянавуцы.

Аналіз архіўных матэрыялаў дае падставу канстатаваць, што аднаўленне сярэдняй агульнаадукацыйнай школы ў першыя пасляваенныя гады разглядалася партыйна-савецкім кіраўніцтвам рэспублікі як найважнейшая дзяржаўная задача палітычнага, гаспадарчага і культурнага значэння. Гістарычныя факты сведчаць, што ў першыя пасляваенныя гады раённымі партыйна-савецкімі органамі, раённымі і гарадскімі аддзелаў народнай адукацыі, грамадскасцю, настаўнікамі і вучнямі было шмат зроблена для аднаўлення нармальнай работы агульнаадукацыйных школ рэспублікі, але пытанні будаўніцтва і рамонту школ, іх матэрыяльна-тэхнічнага аснашчэння, усянавуца, забеспячэння школ настаўніцкімі кадрамі заставаліся актуальнымі і патрабавалі свайго вырашэння.

Ключавыя словы: адукацыя, школа, вучэбна-матэрыяльная база, педагагічныя кадры, усянавуч.

Для цитирования: Андарала І. А. Сярэдняя навучальная школа Беларусі ў першыя пасляваенныя гады // Труды БДТУ. Сер. 6, Гісторыя, філасофія. 2021. № 1 (245). С. 85–90.

I. A. Andarala

Belarusian State Technological University

**SECONDARY EDUCATIONAL SCHOOL OF BELARUS
IN THE FIRST POST-WAR YEARS**

The war and the occupation of the territory of Belarus by the German invaders caused great damage to the system of general secondary education of the republic. Significant efforts of the party-Soviet leadership of all levels, educational bodies and the entire population of the republic were needed to raise the war-torn secondary school from ruins and ashes. In this article, the author analyzes the state of secondary schools in the first postwar years, focusing on the problems of construction and repair of school buildings, restoration of the school network, growth of the student body, provision of schools personnel compliance with the law on omniscience.

The analysis of archival materials gives grounds to state that the restoration of the secondary school in the first postwar years was considered by the party-Soviet leadership of the republic as the most important state task of political, economic and cultural significance. Historical facts show that in the first postwar years the district party-Soviet bodies, district and city departments of public education, the public, teachers and students did much to restore the normal operation of secondary schools, but the construction and repair of schools, their logistics, universally, the provision of schools with teaching staff remained relevant and demanded a solution.

Key words: education, school, educational and material base, teaching staff, general education.

For citation: Andarala I. A. Secondary educational school of Belarus the first post-war years. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 85–90 (In Belarusian).

Уводзіны. Ва ўмовах інавацыйнага развіцця нацыянальнай сістэмы агульнай сярэдняй адукацыі актуалізавалася праблема даследавання яе гістарычнага мінулага з мэтай усебаковага вывучэння і аб'ектыўнай ацэнкі пазітыўнага і

негатыўнага вопыту рэалізацыі школьнай палітыкі ў рэспубліцы ў савецкі перыяд.

Гістарыяграфічны пошук сведчыць аб тым, што праблема развіцця агульнаадукацыйнай школы Беларусі ў пасляваенны савецкі перыяд заўсёды

была ў полі зроку навукоўцаў. Даследаванню генезісу школьнай адукацыі БССР прысвечаны працы Н. М. Ганушчанкі, І. М. Ільюшына, М. С. Крата, М. Г. Мінкевіча, В. П. Паўлоўскай і інш. Аднак стан школьнай адукацыі рэспублікі ў першыя пасляваенныя гады айчыннымі навукоўцамі асвятляецца фрагментарна з мэтай паказу дасягненняў рэспублікі ў культурнай рэвалюцыі пад кіраўніцтвам КПСС.

Аналіз складанага і супярэчлівага працэсу пасляваеннага аднаўлення школьнай адукацыі БССР з сучасных пазіцый патрабуе асэнсаваных яго крытычна, аб'ектыўна, без ідэалагічнай занегажыраванасці, на аснове існуючых архіўных крыніц.

Асноўная частка. Вайна і акупацыя тэрыторыі Беларусі нямецкімі захопнікамі нанеслі вялікі ўрон сістэме агульнай сярэдняй адукацыі рэспублікі. Сетка школ, што функцыянавала ў даваенныя гады, была фактычна знішчана. У такіх раёнах, як Бягомльскі і Плешчаніцкі Мінскай вобласці, Лельчыцкі і Капаткевіцкі Палескай вобласці, Суражскі і Лёзненскі Віцебскай вобласці, акупанты спалілі ўсе школьныя будынкі [1, с. 12].

Аднаўленне школьнай гаспадаркі і ўзнаўленне вучэбных заняткаў у школах пачалося ўжо восенню 1943 г., калі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў былі вызвалены толькі ўсходнія раёны рэспублікі.

Дзякуючы вялікаму энтузіязму грамадскасці, настаўнікаў, вучняў і іх бацькоў, у асноўным праз рамонт і прыстасаванне ўцалелых памяшканняў, а ў сельскай мясцовасці нават праз выкарыстанне зямлянак і бліндажоў у вызваленыя раёнах на працягу першага пасляакупацыйнага вучэбнага года атрымалася аднавіць дзейнасць значнай колькасці агульнаадукацыйных школ, у асноўным пачатковых.

У наступным 1944/1945 вучэбным годзе аднаўленне школьнага навучання ў рэспубліцы ажыццяўлялася па трох асноўных накірунках: пашырэнне сеткі школ; выкананне закону аб усянавуччы; забеспячэнне школ настаўнікамі кадрамі.

Аднак, як вынікае з сакрэтнай пастанова СНК БССР і ЦК КП(б)Б № 1163-292с «Аб мерапрыемствах па падрыхтоўцы школ да 1945/1946 вучэбнага года», прынятай у жніўні 1945 г., нягледзячы на ўсе намаганні партыйна-дзяржаўных структур, абласных, раённых аддзелаў народнай адукацыі, удзел шырокіх слаёў грамадскасці, вырашыць усе задачы па аднаўленні школьнай адукацыі рэспублікі ва ўмовах вострага дэфіцыту фінансавых, матэрыяльных і людскіх рэсурсаў да пераможнага завяршэння Вялікай Айчыннай вайны так і не атрымалася [2, л. 157–160].

Менавіта таму СНК БССР і ЦК КП(б)Б напярэдадні першага пасляваеннага вучэбнага года быў распрацаваны і прыняты шырокамаштабны комплекс мерапрыемстваў па падрыхтоўцы школ да пачатку 1945/1946 вучэбнага года. Пастанова прадугледжвала канкрэтныя даручэнні наркамасветы, іншым наркаматам і ведамствам, абласным і раённым выканкамам Саветаў дэпутатаў працоўных па выкананні прынятага плана мерапрыемстваў [2, л. 157–160].

Трэба адзначыць, што ўжо ў летнія месяцы 1945 г. мясцовыя органы ўлады і народнай адукацыі здолелі правесці некаторую работу па падрыхтоўцы школ рэспублікі да пачатку першага пасляваеннага вучэбнага года.

Як адзначалася ў пастанове калегіі Народнага Камісарыята асветы рэспублікі «Аб выніках работы школ і органаў народнай асветы за першае паўгоддзе 1945/1946 вучэбнага года і задачах на другое паўгоддзе», прынятай 26 лютага 1946 г., да 1 верасня 1945 г. была перагледжана, упарадкавана і значна пашырана сетка школ, праведзена пэўная работа па рамоне і абсталяванні школьных будынкаў і памяшканняў, павелічэнні фонду школьных падручнікаў, вучэбна-наглядных дапаможнікаў і пісьмовых прылад, паляпшэнні колькасці і якасці складу настаўніцкіх кадраў [3, л. 30].

Як вынікала з прынятага дакумента, найбольш істотныя поспехі пры падрыхтоўцы школьнай адукацыі рэспублікі да пачатку першага пасляваеннага вучэбнага года былі дасягнуты ў пашырэнні сеткі школ, павелічэнні кантынгенту навучэнцаў у іх, асабліва ў сямігадовых і сярэдніх школах, і ў паляпшэнні забеспечанасці школ настаўнікамі.

Сапраўды, колькасць агульнаадукацыйных школ на пачатак 1945/1946 вучэбнага года ў параўнанні з папярэднім годам павялічылася з 10 251 да 10 965, або на 714 школ (на 7%), у тым ліку: пачатковых – з 8470 да 9001 (на 531, або 6,3%), сямігадовых – з 1518 да 1640 (на 122, або на 8%) і сярэдніх – з 263 да 324 (на 61, або на 23%) [4, л. 50]. Аднак неабходна адзначыць, што план пашырэння сеткі школ, даведзены рэспубліцы сакрэтнай пастановай СНК СССР № 400-120 с.с. ад 25 сакавіка 1945 г. «Аб дзяржаўным плане аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі на 1945 г.» [4, л. 15], аказаўся выкананым толькі ў частцы агульнай колькасці школьных вучэбных устаноў, прычым за кошт адкрыцця звышпланавай колькасці пачатковых школ. Што тычыцца сямігадак, то, у адпаведнасці з адзначаным дзяржаўным планам, неабходна было стварыць 1990 такіх школ, а было адкрыта толькі 1640. Сетку сярэдніх школ рэспублікі планавалася давесці да 350, а было адкрыта 324 школы [4, л. 15]. Такім чынам,

дзяржаўны план па адкрыцці ў рэспубліцы да пачатку 1945/1946 вучэбнага года колькасці сямігадовых і сярэдніх школ аказаўся істотна недавыкананы. Гэта можна патлумачыць тым, што раённыя аддзелы народнай адукацыі, вымушаныя выконваць даведзеныя колькасныя паказчыкі па адкрыцці новых школ, аддавалі перавагу пачатковым, якія было зручней адкрыць. Што да выканання планавых заданняў па адкрыцці новых сямігадовых і сярэдніх школ, то ў многіх раёнах да гэтага падыходзілі фармальна, без уліку іх рэальнай неабходнасці. У выніку сямігодкі часта знаходзіліся ў блізкай адлегласці адна ад другой пры напаяўняльнасці класаў у іх толькі па 5–11 чалавек [3, л. 51].

Кантынгент навучэнцаў, якія наведвалі ўсе тыпы агульнаадукацыйных школ рэспублікі ў 1945/1946 вучэбным годзе, у параўнанні з папярэднім вучэбным годам павялічыўся з 1 052 735 да 1 328 819, або на 276 084 чалавекі (на 26,2%), у тым ліку: у 1–4 класах – з 936 163 да 1 145 634 чалавек (на 209 466 чалавек, або на 22,3%), у 5–7 класах – з 108 044 да 165 825 чалавек (на 77 781 чалавек, або на 72%) і ў 8–10 класах – з 8 523 да 17 360 чалавек (на 8837 чалавек, або на 103%). [3, л. 50]. Зноў трэба падкрэсліць, што ўстаноўлены раней адзначанай сакрэтнай пастановай СНК СССР [4, л. 15] план па вучнёўскім кантынгенце адукацыйная сістэма рэспублікі ў цэлым выканала і нават крыху перавыканала. Як і ў выпадку з сеткай школ, гэта ўдалося вырашыць за кошт колькасці навучэнцаў 1–4 класаў. Даведзеныя планы ж па колькасці навучэнцаў у 5–7 і 8–10 класах аказаліся істотна недавыкананымі. У 5–7 класах, згодна з планам, павінна было вучыцца 205 000 чалавек, а на 1 верасня 1945 г. села за парты толькі 165 825 (менш на 39 175 чалавек, або на 20%). У 8–10 класы планавалася прыняць 22 000 вучняў, а да вучобы прыступілі толькі 17 360 чалавек, што складала 78,5% ад плана [4, л. 15]. Галоўнай прычынай невыканання планавых паказчыкаў, як вынікае з архіўных дакументаў, з’яўлялася недавальняючая работа мясцовых улад, органаў народнай адукацыі, школ па выкананні закона аб усянавуцы. Паводле афіцыйных даных, прыведзеных НКА рэспублікі, неахопленымі вучобай у школах засталася звыш 85 000 дзяцей школьнага ўзросту [3, л. 30].

На пачатак 1945/1946 вучэбнага года ў параўнанні з папярэднім узрасла і колькасць настаўнікаў, працуючых у агульнаадукацыйных школах. Калі ў канцы 1944/1945 вучэбнага года іх налічвалася 35 036 чалавек, то ў пачатку 1945/1946 вучэбнага года ў школах працавалі 41 443 настаўнікі. Такім чынам, колькасны склад педагогічных кадраў, якія забяспечвалі

вучэбны працэс у школах, узрос на 6407 чалавек, або на 18,2%. Трэба адзначыць, што павелічэнне ў асноўным адбылося за лік асоб, якія не толькі не мелі педагогічнай адукацыі, а нават сярэдняй. З агульнай колькасці працуючых настаўнікаў не мелі педагогічнай адукацыі 16 936 чалавек, або 40%. Як правіла, гэта былі настаўнікі сельскіх пачатковых школ. Якасны склад педагогічных кадраў палепшыўся за лік настаўнікаў, дэмабілізаваных з Чырвонай Арміі, і выпускнікоў сярэдніх і вышэйшых педагогічных вучэбных устаноў. Калі ў канцы 1944/1945 вучэбнага года ў школах рэспублікі працавалі 2414 настаўнікаў з вышэйшай педагогічнай адукацыяй і 18 113 – з сярэдняй педагогічнай адукацыяй, то ў 1945/1946 навучальным годзе колькасць першых складала 2940, другіх – 21 567 чалавек. Павелічэнне колькасці настаўнікаў з вышэйшай адукацыяй складала 526 чалавек, або 22%, з сярэдняй педагогічнай адукацыяй – 3454 чалавекі, або 19% [3, л. 70]. Тым не менш школы рэспублікі адчувалі вострую патрэбу ў настаўніках. У Мінскай вобласці не хапала 322 настаўнікаў пачатковых класаў, 20 – рускай літаратуры, 16 – матэматыкі і фізікі, 9 – геаграфіі, 6 – хіміі і прыродазнаўства і інш. [5, л. 32]. Асабліва востры недахоп педагогічных кадраў адчуваўся ў школах заходніх абласцей. Так, у Пастаўскім, Юрацінскім, Ашмянскім раёнах Маладзечанскай вобласці не хапала адпаведна 76, 113 і 96 настаўнікаў [3, л. 71]. Па гэтай прычыне ў шэрагу школ вучэбныя заняткі пачаліся са спазненнем на 2–3 месяцы [3, л. 30].

Падводзячы вынікі работы школ і органаў народнай адукацыі за першае паўгоддзе 1945/1946 вучэбнага года, калегія НКА прызнала недавальняючым і стан школьнага будаўніцтва ў 1945 г. З выдзеленых урадам на ўзвядзенне школьных аб’ектаў рэспублікі 28 млн 350 тыс. руб. за год было асвоена толькі 10 млн руб., што складала 36% ад агульнай колькасці выдаткаваных бюджэтных сродкаў. «З зацверджаных планам 132 аб’ектаў у эксплуатацыю было здадзена толькі 22 будоўлі, па 41 будоўлі работы былі выкананы на 40–80%, па 28 будоўлях работы выкананы толькі на 20–40%, а па 41 будоўлі будаўнічыя работы зусім не пачаты», – адзначалася ў пастанове калегіі НКА БССР [3, л. 21].

Не лепш ішлі справы ў рэспубліцы ў 1945 г. і з рамонтам школьных будынкаў і памяшканняў. Праз адсутнасць будаўнічых матэрыялаў (фарбы, вапны, шкла), рабочых рук у многіх школах праводзіўся не капітальны, а толькі касметычны рамонт, прычым не ў поўным аб’ёме і нізкай якасці. Практычна ва ўсіх абласцях па прычыне затрымкі рамонтных работ

школы пачалі вучэбны працэс значна пазней за 1 верасня. Так, у Гродзенскай вобласці 42 школы адкрыліся толькі на працягу кастрычніка і лістапада [5, л. 2].

У выніку дрэннай пастаноўкі будаўнічых і рамонтных работ большасць агульнаадукацыйных школ рэспублікі вымушана была ў 1945/1946 вучэбным годзе выкарыстоўваць галоўным чынам прыстасаваныя прыватныя, наёмныя, як правіла, без належнага рамонту памяшканні, а падчас нават зямлянкі. У Полацкай вобласці толькі 177 школ (21,5%) з 825 пачалі вучэбны год ва ўласных будынках. 281 школа размяшчалася ў прыстасаваных памяшканнях, 336 – у наёмных, 31 школа ў якасці вучэбнага памяшкання выкарыстоўвала зямлянкі (Полацкі раён – 3, Асвейскі – 21, Расонскі – 6, Ушацкі – 1) [5, л. 174]. У Мінскай вобласці з 1186 дзеючых школ 213 размяшчаліся ў прыстасаваных памяшканнях, 443 – у наёмных і 3 школы ў Бягомльскім раёне працавалі ў зямлянках [5, л. 27].

У першы пасляваенны вучэбны год агульнаадукацыйныя школы рэспублікі адчувалі вострую патрэбу ў школьнай мэблі і абсталяванні, падручніках, наглядных дапаможніках, школьна-пісьмовых прыналежнасцях, не хапала сшыткаў, алоўкаў, пёраў, без якіх было складана правесці ўрок. Глобус, геаграфічныя або гістарычныя карты былі вельмі рэдкімі. Настаўніку часта даводзілася ісці на ўрок толькі з крэйдай.

Трэба адзначыць, што партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва рэспублікі ў паслякупацыйныя гады неаднаразова прымала пастановы, якія прадугледжвалі шэраг мерапрыемстваў па паляпшэнні вучэбна-матэрыяльнага забеспячэння школ, выкананне якіх даручалася адпаведным камісарыятам. Аднак, як сведчаць архіўныя матэрыялы, прынятыя пастановы выконваліся не ў поўнай меры або не выконваліся зусім. Так, школы Палескай вобласці ў пачатку 1945/1946 вучэбнага года, маючы патрэбу ў 43 592 стандартных партах, не атрымалі ніводнай і вымушаны былі абыходзіцца прыстасаванай нестандартнай мэбляй [5, л. 71]. Школам Гродзенскай вобласці на пачатку 1945/1946 вучэбнага года патрабавалася 12 008 парт, а было атрымана імі толькі 2735, патрабавалася 1042 класныя дошкі, было атрымана – 278 [5, л. 3].

У гэтых умовах пэўная колькасць школьнай мэблі і абсталявання ў 1945 г. была выраблена гаспадарчым спосабам. У прыватнасці, такім спосабам для агульнаадукацыйных школ Мінскай вобласці было змайстравана 5080 стандартных парт, 746 класных дошак, 1560 столікаў, 713 табурэтак. Аднак гэта толькі ў нязначнай меры вырашала існуючую праблему [5, л. 28].

Забяспечанасць школ падручнікамі ў першы пасляваенны год была выключна незадавальняючая. Так, школам Мінскай вобласці ў першым паўгоддзі было атрымана 28 найменняў падручнікаў агульнай колькасцю 130 271 экзэмпляр. На ўвесь Бягомльскі раён былі толькі 2 падручнікі па геаграфіі для 7-га класа, 1 буквар прыходзіўся на двух вучняў [5, л. 28].

Крайне незадавальняюча былі забяспечаны школы і пісьмова-канцэлярыскімі прыналежнасцямі. На школы Палескай вобласці ў першым паўгоддзі было выдзелена 621 580 сшыткаў, па адным алоўку і пяру на вучня [5, л. 72]. Мінскай вобласцю ў першым паўгоддзі было атрымана 1056 тыс. сшыткаў, што дазволіла выдаць у сельскай мясцовасці па 6 сшыткаў кожнаму вучню [5, л. 29].

Па прычыне дрэннай забяспечанасці школ дровамі для ацяплення ў класных пакоях было холадна. Дзеці на ўроках падчас працавалі ў вопратцы ў рукавіцах. У вялікія марозы заняткі ў школах наогул прыпыняліся [5, л. 127].

У большасці школ (а ў сельскай мясцовасці практычна ва ўсіх) у якасці крыніцы асвятлення выкарыстоўваліся газавыя лямпы. Так, у Гродзенскай вобласці з 823 школ толькі 23 асвятляліся электрычным святлом, астатнія 800 працавалі пры лямпавым асвятленні [5, л. 3]. Па прычыне адсутнасці лямп, газы апошнія ўрокі ў сельскіх школах сістэматычна зрываліся.

Дрэннае вучэбна-матэрыяльнае становішча школ, незадавальняючыя ўмовы навучання, нізкі прафесійны ўзровень настаўнікаў негатыўна сказваліся на арганізацыі вучэбнага працэсу і, як вынік, на паспяховасці навучэнцаў. Аб гэтым сведчаць адзнакі апошніх, атрыманых па выніках першага паўгоддзя 1945/1946 вучэбнага года. У Гомельскай вобласці з 2066 навучэнцаў 8–10 класаў адзнакі «4» і «5» атрымалі толькі 24 вучні, адзнаку «3» – 762, адзнаку «2» атрымалі 1280 вучняў, або 57% ад агульнай колькасці навучэнцаў. У Баранавіцкай вобласці з 2090 навучэнцаў 8–10 класаў адзнакі «4» і «5» не атрымаў ніхто [3, л. 53].

Задача па ахопе навучаннем усіх дзяцей школьнага ўзросту, якая ставілася перад агульнаадукацыйнай школай «сталінскім законам аб усянавучы» ў 1945/1946 вучэбным годзе, таксама аказалася нявыкананай. Згодна са статыстыкай, прадстаўленай ў НКА рэспублікі абласнымі аддзеламі адукацыі, у Віцебскай, Пінскай, Гродзенскай абласцях адпаведна не былі ахоплены вучобай 4141, 4010 і 3097 дзяцей школьнага ўзросту [3, л. 30]. Праведзеная камісіяй НКА праверка стану выканання школам рэспублікі закону аб усянавучы выявіла, што даныя, прадстаўленыя абласнымі аддзеламі адукацыі, заніжаныя ў некалькі разоў. Так, у Гродзенскай вобласці дзяцей школьнага ўзросту, не ахоп-

лених вучобай, аказалася не 3097, а каля 13 000 [3, л. 51]. Скажэнне статыстыкі па ўсянавучы тлумачыцца тым, што дырэктары школ, баючыся рэпрэсій з боку вышэй стаячых структур, утойвалі сапраўднае становішча з ахопам навучаннем дзяцей школьнага ўзросту і паказвалі ў справаздачах значна заніжаныя даныя.

Істотным стымулюючым фактарам актывізацыі працэсу пасляваеннага аднаўлення і далейшага развіцця сістэмы агульнай сярэдняй адукацыі рэспублікі павінен быў стаць Закон аб пяцігадовым плане аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі БССР на 1946–1950 гг., зацверджаны Вярхоўным Саветам БССР 11 верасня 1946 г. У ім, у прыватнасці, прадугледжвалася значна пашырыць і аптымізаваць сетку агульнаадукацыйных школ; удасканаліць іх вучэбна-матэрыяльную базу; завяршыць усеагульнае абавязковае пачатковае і прыступіць да ўсеагульнага сямігадовага навучання дзяцей як у горадзе, так і на сяле.

Фактычна прыняты закон ставіў перад школьнай адукацыяй рэспублікі тры ж задачы, якія яна не здолела вырашыць у адпаведнасці з прынятымі пастановамі СНК БССР і ЦК КП(б)Б па падрыхтоўцы школ да 1944/1945 і 1945/1946 вучэбных гадоў.

У наступным 1946/1947 вучэбным годзе сетка школ рэспублікі прадоўжыла свой рост, у параўнанні з 1945/1946 вучэбным годам яна павялічылася на 403 адзінкі. Усяго ў рэспубліцы працавала 11 365 агульнаадукацыйных устаноў. З іх пачатковых 9200, сямігадовых – 1792 і сярэдніх – 373 [6, л. 2]. Перад пачаткам 1946/1947 вучэбнага года пэўная работа была праведзена і па паляпшэнні матэрыяльна-гаспадарчай і вучэбнай базы школ. На працягу летніх месяцаў метадам народнай будоўлі было пабудавана 765 і адрамантавана 9145 школьных будынкаў, выраблена і перададзена школам 47 000 парт, 3500 класных дошак, 6000 класных сталоў і іншага гаспадарчага і вучэбнага інвентару [6, л. 3]. Аднак тэмпы школьнага будаўніцтва ў рэспубліцы нельга было прызнаць здавальняючымі. Толькі 4056 школ з 11 365, або 35% ад агульнай колькасці, размяшчаліся ў тыповых школьных будынках. У той жа час каля 4500 школ працягвалі працаваць у сялянскіх хатах і звыш 2800 – у іншых непрыстасаваных памяшканнях [6, л. 8].

Кантынгент навучэнцаў агульнаадукацыйных школ у 1946/1947 вучэбным годзе таксама ўзрос і дасягнуў 1 402 358 чалавек. Пры гэтым

не ахопленымі навучаннем засталіся 40 170 дзяцей школьнага ўзросту. З іх 12 606 дзяцей, якія павінны былі ўпершыню пайсці ў школу [6, л. 8]. Рост кантынгенту навучэнцаў перавышаў тэмпы росту сеткі школ. Па гэтай прычыне толькі 1347 школ (12% ад агульнай колькасці) працавалі ў адну змену, 9957 школ (амаль 88%) з ахопам 812 906 навучэнцаў працавалі ў дзве змены, а 61 школа вымушана была працаваць у тры змены [6, л. 8].

Пэўныя станоўчыя змены адбыліся і ў настаўніцкім складзе школ. Кантынгент педагагічных кадраў агульнаадукацыйных школ у параўнанні з папярэднім годам павялічыўся на 2168 чалавек. Агульная колькасць працуючых у школе настаўнікаў склала 47 699 чалавек. Якасць склад палепшыўся ў асноўным за кошт выпускнікоў педагагічных вучылішчаў, настаўніцкіх і педагагічных інстытутаў [6, л. 79].

На працягу вучэбнага года школам было атрымана 4 502 000 экзэмпляраў падручнікаў. Агульны іх фонд дасягнуў 7 822 832 экзэмпляраў. Аднак такая колькасць ні ў якім разе не задавальняла патрэбы школ [6, л. 4].

Некалькі лепш у 1946/1947 вучэбным годзе былі справы з забеспячэннем школ пісьмова-канцэлярыскімі прыналежнасцямі. Школы атрымалі 36 490 сшыткаў, 7200 алоўкаў, 11 200 штук пёраў, 1170 вучнёўскіх ручак і інш.

Пашырэнне сеткі школ, паляпшэнне матэрыяльна-гаспадарчай і вучэбнай базы, павелічэнне колькаснага і якаснага настаўніцкага складу безумоўна станоўча сказаліся на якасці вучэбна-выхаваўчай работы агульнаадукацыйных школ. Так, 200 выпускнікоў па выніках выпускных экзаменаў былі ўзнагароджаны залатымі і сярэбранымі медалямі. У папярэднім 1945/1946 вучэбным годзе ўзнагароджаных медалямі было толькі 76 чалавек [6, л. 18].

Заклучэнне. Аналіз архіўных матэрыялаў дае падставу канстатаваць, што ў першыя пасляваенныя гады раённымі партыйна-савецкімі органамі, раённымі і гарадскімі аддзеламі народнай адукацыі, грамадскасцю, настаўнікамі і вучнямі было шмат зроблена для аднаўлення нармальнай работы агульнаадукацыйных школ рэспублікі, але пытанні будаўніцтва і рамонту школ, іх матэрыяльна-тэхнічнага забеспячэння, усянавуча, забеспячэння школ настаўніцкімі кадрамі, вучэбнай літаратурай і вучэбна-нагляднымі дапаможнікамі, школьна-пісьмовымі прыналежнасцямі заставаліся актуальнымі і патрабавалі свайго вырашэння.

Спіс літаратуры

1. Андарала І. А. Аднаўленне школьнай адукацыі ў Беларусі ў 1943–1945 гг. // Весці БДПУ. Сер. 2. 2020. № 2. С. 12–17.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 42сч. Воп. 6. Спр. 6.

3. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 43.
4. НАРБ. Ф. 42сч. Воп. 6. Спр. 5.
5. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 40.
6. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 17. Спр. 102.

References

1. Andarala I. A. Restoration of school education in Belarus in 1943–1945. *Vesti BDPU* [Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University], series 2, 2020, no. 2, pp. 12–17 (In Belarusian).
2. National Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 42п. I. 6. F. 5.
3. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 43.
4. NARB. Fund 42п. I. 6. F. 5.
5. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 40.
6. NARB. Fund 4п. I. 17. F. 102.

Інфармацыя пра аўтара

Андарала Ігар Аляксандравіч – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: aia1106@mail.ru

Information about the author

Andarala Igar Alexandrovich – PhD (Pedagogics), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic Belarus). E-mail: aia1106@mail.ru

Паступіў 10.03.2021

УДК 338.482:316(476)«1960–1980»

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА
В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1960–1980-Е ГГ.)**

В статье рассматриваются вопросы качественных и количественных перемен в нормативно-плановом туризме в Белорусской ССР в период социальной переориентации советской экономики. Раскрыта взаимосвязь туристско-экскурсионного движения с общими тенденциями социально-экономического развития, выявлены изменения в социологии туризма и его функциональном назначении, обозначены новые формы материально-технического обеспечения, структурной организации и видовой классификации. Определены основы экскурсионной работы среди школьников и молодежи с позиций усиления ее образовательной, научно-познавательной, воспитательной цели. Выделены направления системного научного изучения всех основных форм рекреационной деятельности человека, которые актуализировали географические проблемы отдыха и туризма в республике. В их числе: определение районов туризма и оптимальных туристских маршрутов, сезонности туристских потоков; перспективная география рекреационных систем; оптимизация туристского использования природных ресурсов; методы охраны природы в туристских районах. Рассмотрены плановые этапы реализации антропоцентрического подхода в сфере организации отдыха и туризма в БССР с учетом проектного их развития в длительной перспективе. Сделаны выводы об усилении рекреационной составляющей, массовом характере туризма и новом подходе к пространственному зонированию туризма в БССР.

Ключевые слова: социальная политика, районирование, территориальные рекреационные системы, материально-техническая база, массовость, туристская отрасль.

Для цитирования: Якуш Н. М. Социальная политика и развитие туризма в Белорусской ССР (1960–1980-е гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 91–95.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

**SOCIAL POLICY AND TOURISM DEVELOPMENT
IN THE BELARUSIAN SSR (1960s – 1980s)**

The article examines the issues of qualitative and quantitative changes in the normative-planned tourism in the Byelorussian SSR during the period of social reorientation of the Soviet economy. The interrelation of tourist and excursion movement with general trends of socio-economic development is revealed, changes in the sociology of tourism and its functional purpose are revealed, new forms of material and technical support, structural organization and species classification are indicated. The basics of excursion work among schoolchildren and young people have been determined from the standpoint of strengthening its educational, scientific, cognitive, educational goals. The directions of the systemic scientific study of all the main forms of human recreational activity are highlighted, which actualized the geographical problems of recreation and tourism in the republic. These include: useful tourism and optimal tourist routes; determination of the seasonality of tourist flows; prospective geography of recreational systems; optimization of tourist use of natural resources; methods of nature protection in tourist areas. The planned stages of the implementation of the anthropocentric approach in the field of organizing recreation and tourism in the BSSR are considered, taking into account their project development in the long term. Conclusions are made about the strengthening of the recreational component, the mass nature of tourism and a new approach to the spatial zoning of tourism in the BSSR.

Key words: social policy, zoning, territorial recreational systems, material and technical base, mass character, tourism industry.

For citation: Yakush N. M. Social policy and tourism development in the Belarusian SSR (1960s – 1980s). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 91–95 (In Russian).

Введение. История советского туризма непосредственно связана с идеологией и практикой построения социалистического общества в СССР. Соответственно, развитие туризма в Белорусской ССР представляет собою историю

особого общественно-политического движения. Оно разворачивалось на плановой и самостоятельной организационных основах, подчинялось идеологическим установкам, было частью культурной работы и патриотического воспи-

тания молодежи в духе любви к Социалистическому Отечеству. В то же время формы и направления деятельности, видовая структура основных классификаций, система управления в туризме претерпевали определенные изменения в различные политические и социально-экономические периоды советской эпохи. Особенно отчетливо это проявилось в 1960–1980-е гг., когда советская тоталитарная система перешла в бюрократическую стадию своего развития и туризм уже не имел того принудительно идеологизированного характера, как в довоенные годы. Определяющими факторами изменений в советском туризме становятся экономические характеристики общественного развития и направления социально-культурной политики государства.

Основная часть. В рассматриваемый период советской истории социальная политика Белорусской ССР определялась программной стратегией Компартии Беларуси по повышению народного благосостояния, стиранию классовых различий в обществе и укреплению его социального единства и однородности. Она актуализировала вопросы изменения условий труда, быта и отдыха населения республики, привлекла внимание к проблемам социально-культурной инфраструктуры села, сферы отдыха и оздоровления, к задаче формирования комфортной городской среды. При этом заметное влияние на развитие туризма оказывали введение на производстве принципов хозяйственного расчета, позволившее эффективно работающим промышленным предприятиям включиться в строительство учреждений санаторного и оздоровительного типа и развернуть материальное стимулирование отдыха своих работников; рост материального благосостояния людей; увеличение продолжительности оплачиваемых трудовых отпусков, что активизировало путешествия на длительные расстояния; введение четко контролируемых норм чередования режимов труда и отдыха в течение рабочей недели, способствующее повсеместному распространению туристско-экскурсионного отдыха в выходные и праздничные дни; развитие системы авиа-, авто- и железнодорожного транспортного сообщения между всеми регионами СССР; быстрый рост численности городского населения и усиление давления урбанизационной нагрузки на городского жителя.

Приоритетами советского туризма постепенно становится усиление рекреационной составляющей, превращение туристско-экскурсионного дела в крупную отрасль обслуживания населения. В Советском Союзе была сформирована самая крупная и самая дешевая в мире база социального и самодеятельного туризма. В общих рамках этой базы рабочие всех круп-

ных предприятий БССР могли покупать путевки через свои профсоюзы за 30% их стоимости, а иногда со скидкой 90–95%. Остальную сумму доплачивали профсоюзы и государство. В менее выигрышном положении находились крестьянство и интеллигенция. Но категория советских служащих могла получить путевки для детей в пионерские лагеря и детские сады по цене 10–20% их действительной стоимости. Таким образом, слои интеллигенции также входили в сферу социального туризма. Путевки в престижные санатории, дома отдыха и круизные путешествия использовались как средство премирования передовиков производства. Сложилась ситуация, позволявшая рабочим, в меньшей степени крестьянам и интеллигенции, легко включаться самим и включать своих детей в организованную рекреационную систему. В 1970–1980-е гг. социальный туризм получает огромное развитие, что заметно отразилось на его географии и материальной базе. Белорусский Совет по туризму получил широкие возможности проектирования и строительства фундаментальных комплексов турбаз, что дало возможность совершенно обновить комплекс турбазы «Озеро Нарочь» и увеличить ее мощности до 2 тыс. мест, построить туристскую базу «Днепр», рассчитанную на 400 мест, гостиницы «Турист» в Минске и Бресте по 600 мест [1]. Перспективу создания собственных благоустроенных мест туристского отдыха имели все области и крупные промышленные центры. Рост экскурсионно-туристской деятельности сопровождался становлением межотраслевого управления. К участию в развитии туризма привлекались различные республиканские министерства и ведомства, комитеты профсоюзов и спортивные общества, военные организации. Интерес к этому движению и формам его организации проявили городские дома культуры и крупные предприятия. Показательным стал опыт организации работы с детьми в области туризма и экскурсий Минского автомобильного завода. Силами коллектива предприятия на берегу реки Волмы был организован туристский лагерь «Юность» для старшеклассников четырех минских школ, в которых преимущественно учились дети автозаводцев. План работы лагеря, утверждаемый председателем заводского профсоюзного комитета, включал комплекс мероприятий спортивного, культурно-познавательного, оздоровительного характера. Инструкторы по туризму, возглавляющие отряды отдыхающих школьников, одновременно выполняли свои профессиональные функции и роль воспитателя.

К концу 1960-х гг. в связи с быстрым ростом туризма и усилением его давления на естественную среду встает вопрос сохранения и

защиты природы. Проблема усугублялась тем, что крупное индустриально-промышленное строительство, химизация производства, мелиорация земель вызывали нарушения экологического равновесия природных биосистем. Ощущалась необходимость системного научного изучения всех направлений рекреационной деятельности человека, привлекавшая внимание к географическим проблемам отдыха и туризма. В их числе: определение районов туризма и оптимальных туристских маршрутов; определение сезонности туристских потоков; перспективная география рекреационных систем; оптимизация туристского использования природных ресурсов; средства и методы охраны природы в туристских районах. В советской рекреационной географии и географии туризма получила обоснование теория территориальных рекреационных систем (ТРС) как предмета научного исследования и одной из основных форм организации туристского отдыха. Система понятий данного научного направления базировалась на антропоцентрическом подходе, означающем замыкание всех связей на потребности туриста. На такой методологической основе были разработаны принципы оценки рекреационного спроса, природных и культурно-исторических рекреационных ресурсов, инфраструктуры, обеспечивающей функционирование и развитие рекреационных районов.

В практической деятельности ТРС как форма организации туристско-рекреационной деятельности – явление крайне редкое, представляющее высший уровень туристского освоения территории. Но территориальная организация рекреации, утвердив в практике советского рекреационного членения территорий комплексность их оценки и иерархичность таксономических единиц, сыграла исключительно важную роль в туристском районировании и зонировании.

Антропоцентрический подход в сфере организации отдыха и туризма фиксируется в постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» (30 мая 1969 г.), в котором была дана оценка туристского движения и определены конкретные мероприятия на будущее. Соответствующее постановление ЦК КПБ, Совета Министров БССР и Белсовпрофа от 28 июня 1969 г. определило конкретные направления совершенствования туристской деятельности в республике. Указывалось на необходимость:

- создания пригородных зон отдыха, оздоровительных лагерей, домов рыбаков и охотников, детских туристских станций;
- широкого развития пунктов проката туристского инвентаря и снаряжения;

- организации и пропаганды маршрутов туристских походов, рассчитанных на дни отдыха, время отпусков и каникул;

- привлечения туристов к активному участию в охране природных богатств, исторических и культурных памятников и других достопримечательностей. Предлагался «Проект» развития туризма республики в перспективе до 2000 г., который предусматривал создание 10 районов познавательного и 8 – оздоровительного профилей. Реализация проекта планировалась в три этапа, с выделением 1971–1975, 1976–1980, 1981–2000 гг. Предполагалось довести вместимость сети туристских учреждений к 1980 г. до 81 тыс. мест, в т. ч. на 31 тыс. мест круглогодичного пользования, а к 2000 г. увеличить ее соответственно до 296 и 85 тыс. мест [2, с. 84].

Во исполнение решения была проведена значительная работа по строительству, благоустройству, расширению туристских объектов. При этом реализовались и принципы рекреационного районирования республики, положенные в основу проектирования «Схемы развития и размещения зон отдыха и туризма» (Белгоспроект, 1969 г.) и «Схемы развития и размещения туристской сети БССР» (Минский филиал ЦНИИП и градостроительства, 1971 г.). В 1976–1980 гг. в сфере белорусского туризма освоено около 20 млн руб. капиталовложений, вводятся в эксплуатацию турбазы «Неман», «Нарочанка», гостиничный комплекс «Горизонт» в Барановичах. Всего в 1980 г. действовало 15 туристских учреждений, способных одновременно принять 7 тыс. человек, в т. ч. на 3 тыс. мест круглогодичного действия. Расширилась сеть предприятий общественного питания туристских хозяйств. В областных советах по туризму появились специализированные автохозяйства, насчитывающие 300 единиц подвижного состава. В республике вели работу 26 бюро путешествий и экскурсий [3]. Помимо туристского отдыха в пределах Беларуси, свыше 50 тыс. жителей республики ежегодно отдыхали на 140 арендованных базах Черноморского побережья Кавказа, Крыма, Азовского и Балтийского морей, Украины, Молдовы, Прибалтики.

В середине 1980-х гг. проводится первое комплексное туристское районирование Беларуси, территория которой рассматривалась в целом в качестве макрорайона СССР. В свою очередь он делился на Центральный, Северный, Восточный, Юго-Восточный и Западный мезорайоны и 17 микрорайонов. Пространственная картина рекреационного районного деления свидетельствовала о достаточно широком туристском освоении белорусских территорий. В 1964 г. по территории Белорусской ССР пролегли первые всесоюзные маршруты.

Это были маршруты № 369, 370 – «По Белоруссии и Литве», «По Литве и Белоруссии», охватывающие города Брест, Вильнюс, Минск и турбазу «Озеро Нарочь», а также маршрут «Беларусь озерная», который включал турбазы «Беларусь» – «Озеро Нарочь» – «Браславские озера». Появились и два длительных туристских местных маршрута – «По партизанским местам Белоруссии» и «По Западу Белоруссии» продолжительностью 20 дней.

Наблюдается стремительный рост экскурсионного движения. В 1965 г. Белорусский Совет по туризму решил вопрос о переходе в его ведение Минского городского экскурсионного бюро общества «Знание». Вслед за этим началось создание областных и городских экскурсионных бюро, которые к концу 1960-х гг. уже действовали во всех областных городах, а также Бобруйске, Барановичах, Лиде, Мозыре, Орше, Полоцке, Солигорске. При бюро работали методические советы с участием в них ветеранов революции, войны и труда, ученых и преподавателей, работников музеев. Постоянно действовали семинары по подготовке экскурсоводов. В итоге объем экскурсионного обслуживания в республике с 1965 по 1969 г. увеличился в 5,3 раза [4, с. 23].

Изменение социологии и транспортной организации помогло развивать на местных маршрутах нетрадиционные для планового туризма формы и виды путешествий. В Белорусской ССР наиболее стремительно развивалась сеть и расширялась география железнодорожных туристских маршрутов, включающих путешествия и экскурсионные поездки выходного дня. Если в 1962 г. в этих целях был задействован лишь один туристский поезд, то в 1969 г. – уже 49. Быстро увеличивался спрос и на теплоходные маршруты.

Качественно новые организационные моменты происходили в развитии детского, молодежного, самодеятельного туризма. Основой школьно-детского туризма выступала кружковая работа. На станциях, в школах, во дворцах пионеров складывалась сеть туристских клубов и кружков юных путешественников, имеющих целью гражданско-патриотическое воспитание подрастающего поколения через массовое вовлечение учащихся в изучение края, их широкое ознакомление с революционными и историко-военными событиями в Беларуси, достижениями советского народа в области культуры и народного хозяйства. Походы пионеров и школьников стали частью работы пионерских отрядов и дружин. Как правило, участие в турпоходах сопровождалось наблюдениями в природе, ориентированием на местности и было связано с подготовкой к сдаче норм на значки

«Юный турист», «Смелые и ловкие» (10–13 лет), «Спортивная смена» (14–15 лет), «Сила и мужество» (16–18 лет). Определяющим моментом совершенствования организационной структуры детского туризма в изучаемые годы стало создание центров многофункционального типа. Показательным в этом отношении было открытие в 1978 г. Минского городского центра детско-юношеского туризма и экскурсий (МГЦ ДЮТЭ). В состав центра входили отделы спортивного туризма, оргмассовой работы и информации, краеведения, а также туристские базы, тренировочный зал, водный бассейн, музей боевой славы 31-й армии, библиотека, пункт проката инвентаря, совет ветеранов, маршрутно-квалификационная комиссия по присвоению разрядов, комиссия общественных туристских кадров. Можно сказать, что детский туризм в Белорусской ССР в 1960–1980-е гг. прошел интересный путь развития от кружков до центров туризма и краеведения, от единичных путешествий и походов, возглавляемых энтузиастами дела, до массового движения, комплексно управляемого организационными структурами с профессиональным кадровым составом.

С начала 1960-х гг. формируются предпосылки для превращения молодежного туризма в республике в массовое движение. Так, в июне 1964 г. принимается постановление Министерства высшего и среднего специального и профессионального образования БССР, на основании которого во всех вузах и техникумах были созданы туристские секции, а в крупных – клубы туристов. В это время в четырех вузах республики велась подготовка инструкторов туризма и экскурсоводов, а кафедра физвоспитания и спорта Минского пединститута имени А. М. Горького приняла решение о введении спортивной специализации по туризму для студентов института. Ускоренному развитию молодежного туризма в Беларуси способствовало также создание в СССР Бюро международного молодежного туризма (БММТ) «Спутник» и становление его базы. Бюро развивало внутрисоюзные связи и международный безвалютный туристский обмен студенчества и учащейся молодежи стран социалистического лагеря. В начале 1960-х гг. прием и обслуживание туристов, в т. ч. из ГДР, Польской Народной Республики, Франции и Англии начинает Минская турбаза БММТ «Спутник» [5]. В 1962 г. для студентов вузов республики было создано 13 молодежных туристских лагерей. В итоге принимаемых мер определилась спортивная составляющая молодежного туризма, укреплялись его самодеятельные начала.

С 1960-х – до середины 1980-х гг. самодеятельный туризм развивался по восходящей. Ор-

ганизацией туристско-оздоровительной работы среди населения занимались, во-первых, секции туризма при коллективах физкультуры; во-вторых, районные и городские туристские клубы; в-третьих, комиссии и секции по самодеятельному туризму при областных и республиканских советах по туризму и экскурсиям. Квалифицированный уровень и содержание общественного туристского движения определялись комплексом значков «Будь готов к труду и обороне» (БГТО) и «Готов к труду и обороне» (ГТО). В начале 1970-х гг. были разработаны и рекомендованы для самостоятельных путешествий по территории Беларуси эталонные маршруты. Предложенный перечень включал в себя 42 маршрута первой и второй категории сложности. В том числе пешеходных первой категории – 3, второй – 6; лыжных также соответственно 3 и 6; водных первой категории – 17, а второй – 7 [6, с. 101–130]. Большую роль в его подъеме сыграла система «Автостоп», которая обеспечивала перевозку путешествующих туристов республики попутным автотранспортом и организацию об-

щего контроля за этим процессом со стороны ГАИ и администрации автомобильных хозяйств. Количество воспользовавшихся этой системой в середине 1960-х гг. исчислялось десятками тысяч человек.

Заключение. Таким образом, в 1960–1980-е гг. туристское движение в БССР прошло интересный этап организационного оформления и интенсивного развития материально-технической базы. В 1960–1970-х гг. туризм в республике приобрел массовый и ярко выраженный социальный характер. В 1970–1980-х гг. в туристское движение была вовлечена значительная часть взрослого трудящегося населения страны, заметно усилилась его рекреационная функция, туризм стал частью быта. В целом развитие туризма в Белорусской ССР в означенный период характеризовалось нарастанием спроса на туристские услуги со стороны населения, формированием рекреационной системы, значительным расширением внутрисоюзных туристских связей, вовлечением в туристско-оздоровительную и туристско-спортивную деятельность общественных организаций и объединений.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1134. Оп. 1. Д. 92. Л. 21.
2. Шаповал Г. Ф. История туризма Беларуси: монография. Минск: РИВШ, 2006. 166 с.
3. НАРБ. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 388. Л. 8–9.
4. Ефременко Е. В. Туризм в БССР: История, проблемы, перспективы. Минск: БГУ, 1981. 89 с.
5. НАРБ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 209. Л. 10.
6. Методические указания по самодеятельному туризму / Отд. нар. образования исполкома Минской обл. совета депутатов трудящихся, Детская экскурсионно-туристическая станция / ред. В. М. Геллер, Е. К. Самцов. Минск, 1974. 133 с.

References

1. National Archives of the Republic of Belarus (NARB). Fund 1134. I. 1. F. 92. L. 21.
2. Shapoval G. F. *Istoriya turizma Belarusi* [History of tourism in Belarus]. Minsk, RIVSh Publ., 2006. 166 p.
3. NARB. Fund 1134. I. 1. F. 388. L. 8–9.
4. Efremenko E. V. *Turizm v BSSR: Istoriya, problemy, perspektivy* [Tourism in the BSSR: History, problems, prospects]. Minsk, BGU Publ., 1981. 89 p.
5. NARB. Fund 100. I. 1. F. 209. L. 10.
6. Geller V. M., Samtsov E. K. *Metodicheskiye ukazaniya po samodeyatel'nomu turizmu* [Methodological guidelines for amateur tourism]. Minsk, 1974. 133 p.

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzhezhdha Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iackush@yandex.ru

Поступила 01.03.2021

УДК 94(47):172.15-053.5

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

ИСТОРИЯ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ БЕЛОРУССКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ПО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

В статье на примере учебников для средних школ Республики Беларусь по всемирной истории, изданных в 1993–2019 гг., рассматриваются особенности отражения истории России XVI–начала XXI вв. Анализируется содержание учебных тем, в которых идет речь о различных сюжетах российской истории. Автором в хронологической последовательности сделан сравнительный анализ содержания и информационной насыщенности учебных изданий для средней школы и определены особенности подачи и тональность материала непосредственно по истории России. Отмечается, что со второй половины 1990-х гг. учебники характеризуют высокий дидактический и полиграфический уровень исполнения, большое количество иллюстраций, значительное количество вспомогательных дидактических элементов. Делается вывод, что перед учеником и учителем на страницах учебных книг встает научно-объективный и в целом положительный образ российской истории на протяжении XVI–начала XXI вв. Подчеркивается, что за относительно короткий период суверенной Республики Беларусь благодаря усилиям известных ученых, методистов и учителей была сформирована и продолжает динамично развиваться национальная система школьного исторического образования.

Ключевые слова всемирная история, история России, учебник, средняя школа, дидактика, имидж.

Для цитирования: Острога В. А. История России на страницах белорусских школьных учебников по всемирной истории // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 96–101.

V. A. Astroha

Belarusian state university

THE HISTORY OF RUSSIA ON THE PAGES OF BELARUSIAN SCHOOL TEXTBOOKS ON WORLD HISTORY

The article uses the example of textbooks for secondary schools of the Republic of Belarus on world history, published in 1993–2019, to consider the features of reflecting the history of Russia in the XVI–early XXI centuries. The content of educational topics, which deal with various subjects of Russian history, is analyzed. In chronological order, the author has made a comparative analysis of the content and information richness of educational publications for secondary schools and determined the peculiarities of presentation and tonality of material directly on the history of Russia. In chronological order, the author has made a comparative analysis of the content and information richness of educational publications for secondary schools and determined the peculiarities of presentation and tonality of material directly on the history of Russia. It is noted that since the second half of the 1990s, textbooks have been characterized by a high didactic and printing level of execution, a large number of illustrations, and a significant number of auxiliary didactic elements. It is concluded that the student and teacher on the pages of educational books face a scientifically objective, and generally positive image of Russian history during the XVI–early XXI centuries. It is emphasized that in a relatively short period of the sovereign Republic of Belarus, thanks to the efforts of famous scientists, methodologists and teachers, the national system of school history education was formed and continues to develop dynamically.

Key words: world history, history of Russia, textbook, secondary school, didactics, image.

For citation: Astroha V. A. The history of Russia on the pages of Belarusian school textbooks on world history. *Proceedings of BST, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 96–101 (In Russian).

Введение. После обретения Беларусью государственной независимости в 1991 г. среди многих давно назревших и нерешенных вопросов в сфере исторической науки и образования было формирование собственного белорусского концептуального видения событий всемирной истории. Как отметил в феврале 1993 г. на

Всебелорусской конференции историков декан исторического факультета Белорусского государственного университета (БГУ) Шупляк П. А., «белорусским историкам, исследователям и педагогам необходим свой белорусский взгляд на всеобщую историю. Это совсем не попытка ее ревизии, это только стремление посмотреть

на всемирную историю глазами белоруса, определить, кто и как в этой истории оказывал влияние на судьбу белорусского народа» [1, с. 6].

Новый белорусский взгляд стал формироваться и на историческое прошлое крупнейшей соседней страны России, история которой теснейшим образом связана с Беларусью. Естественно, инновационных подходов потребовали и школьные учебники истории. Сегодня, по прошествии без малого тридцати лет, можно сделать сравнительный анализ содержания этого рода учебных изданий и определить особенности подачи и тональность материала по истории России.

Поднятая проблема, несомненно, чрезвычайно важна и позволяет нам понять, как особенности проводимой государством исторической политики, так и специфику массового восприятия гражданами Беларуси прошлого той или иной страны. Как справедливо отмечал крупнейший эксперт в области школьного исторического образования французский историк и педагог Ферро М., «не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории. Это запечатлевается на всю жизнь» [2, с. 8].

К рассматриваемой нами теме зарубежные и отечественные исследователи обращались достаточно часто. Есть, как упоминалось выше, и эксперты международного уровня. Среди белорусских специалистов в первую очередь необходимо отметить работы А. А. Корзюка об эволюции учебных пособий для средней школы по истории Беларуси. Этот ученый, указывая на появившиеся после 1991 г. новые возможности развития школьного образования, справедливо отмечает, что «процесс формирования собственно белорусских представлений о своем прошлом, который начался с момента приобретения Республикой Беларусь государственного суверенитета, нашел свою закономерную реализацию в содержании исторического образования. За относительно короткое время усилиями ведущих ученых-историков, методистов и педагогов в нашей стране была создана национальная система школьного исторического образования, которая получила определенное признание за пределами Беларуси и продолжает свое динамичное развитие» [3, с. 56].

Основная часть. Процесс создания национальных школьных учебников по истории в первые годы существования Республики Беларусь был непростым. В условиях начавшейся интенсивной работы белорусских специалистов над новой учебной литературой в средние школы еще в 1992 г. был направлен российский учебник «переходного периода», задачей кото-

рого было наискорейшим образом дать обновленные исторические знания белорусским школьникам. Это был учебник педагогов-практиков из г. Херсона Мишиной И. А. и Жаровой Л. Н. «История России и СССР. 1900–1940». Особенность его заключалась в том, что он был утвержден одновременно Министерствами образования Республики Беларуси и Российской Федерации. Отметим и то, что в 1993 г. этот учебник был переиздан. Авторы подошли к преподнесению событий в достаточно критическом жанре, стараясь представить различные точки зрения на события российского прошлого в контексте всемирной истории и рассчитывали на «дискуссионный» характер работы учителя и учеников на уроке. Особое внимание они уделили раскрытию понятия «прогресс» применительно к прошлому этой страны. Так, например, раздел 1 «Россия в поиске путей развития в новых исторических условиях (конец XIX–1905 г.)» начинается с параграфа «Спор о судьбах России». Во втором разделе «По пути буржуазного прогресса (1905 – июнь 1917 г.)» авторы, в частности, рассматривают феномен «российского бонапартизма» и особенности российского империализма. А наименования глав раздела 3 практически все носят проблемный характер. «На крутом исторически повороте. Перерастание психологического противостояния в обществе в открытую гражданскую войну и установление диктатуры пролетариата в России (июль 1917–1920 г.)»; «НЭП – путь к демократическому социализму?»; «Свертывание НЭПа и демократических начал в жизни общества»; «Тоталитаризм. Культ личности» [4, с. 3].

Но самым первым белорусским школьным учебником, в котором по-новому была отражена российская история, был «Всемирная история нового времени» (XIX– начало XX вв.), авторами которого выступили представители БГУ, профессора Кошелев В. С., Оржеховский И. В. и доцент Сеница В. И. Издание было выпущено крупнейшим специализированным издательством страны «Народная асвета» в 1993 г. Внешне издание было достаточно скромным, без иллюстраций, схем и карт, но по своему содержанию это был новый взгляд на события. Объем представленного материала по российской истории был самым большим и занимал четверть книги. Вместе с тем, на фоне противоборства идей и исторических концепций начала 1990-х гг. автору раздела «Российская империя» профессору Оржеховскому И. В. удалось найти некую «золотую середину» в изложении учебного материала для учеников 8-го класса. Он, в то время заведующий кафедрой российской и славянской истории с древнейших времен

до начала XX века исторического факультета БГУ, был прекрасным педагогом и методистом, умел продемонстрировать самое важное и интересное в истории. Автор поделил раздел на 4 блока: «Россия перед выбором – конституция или абсолютизм», «Развитие общественного движения и социальные потрясения в начале XX века», «Первая мировая война и падение Российской империи» и «Культура России». Первому параграфу этой части учебника он дал многозначное, но вместе с тем романтическое название из стихотворения А. С. Пушкина «Послание цензору» – «Дней Александровых прекрасное начало».

В целом можно отметить доброжелательный и взвешенный способ подачи учебного материала с упоминанием значительного количества исторических персоналий и событий. Особо позитивным для формирования образа истории этой соседней страны можно считать завершающие параграфы 33–34 «Развитие национальной культуры в XIX– начале XX в.», в которых он в качестве вывода отметил, что «культура России начала XX в. достигла удивительных высот. Она вошла в историю как «серебряный век» русской культуры, способствовала не только развитию самосознания народов России, но и оказала влияние на всю европейскую культуру» [5, с. 252].

В 1994 г. вышло из печати учебное пособие под редакцией профессора Кошелева В. С. для 7-го класса «Всемирная история». В нем также имелся раздел «Россия и славянские страны», в котором в аналогичном художественно-образном стиле рассматривалась российская история XVI–XVIII вв. (например, такие параграфы, как «Смутное время» и первая гражданская война в России»; «XVII столетие – «бунташный век»; «Эпоха Петра Великого»; «Эпоха дворцовых переворотов»; «Просветительский абсолютизм»; «Российское просветительство» и т. д.) Стиль изложения был адаптирован к восприятию ученика среднего звена школы, позитивным по стилистике и привлекал внимание школьника к истории России [6, с. 236].

Таким образом, в первой половине 1990-х гг. в Республике Беларусь была сформирована собственная концепция подачи учебного материала по истории России, появились первые школьные учебники по истории, в которых прошлое этой страны было отражено в объективно-позитивном ключе.

Во второй половине 1990-х гг. полиграфическое исполнение белорусских школьных учебников по истории многократно изменилось в лучшую сторону. Так, в 1998 г. вышел из печати совершенно нового визуального формата в твердой картонной обложке учебник «Всемир-

ная история Нового времени XVI–XVIII века» под редакцией профессора Кошелева В. С. В отличие от прежних, он имел исторические карты, иллюстрации и репродукции, хронологию. Истории России было посвящено почти треть объема книги. Содержание было структурно прежним и также выдержано в позитивном стиле. Например, автором раздела подчеркивалось особое место Российской империи в объединении восточных славян и освобождении южнославянских народов от «чужеземного владычества» в конце XVIII в. [7, с. 207].

Те же авторы в 1998 г. подготовили учебник «Всемирная история нового времени, XIX–начало XX века», в котором в гл. 3. «Российская империя. Славянские страны» значительное место занимала российская история. Наименования параграфов не имели уже такого художественного стиля, кроме первого «Дней Александровых прекрасное начало», остальные формулировались в достаточно строгой академической форме. Но позитивное описание событий российской истории было, как и ранее, характерной чертой и этого учебника. Так, автор профессор Оржиховский И. В. во введении к главе пишет: «Эпоха 1800–1917 гг. в истории России – сложный, противоречивый и одновременно блестящий период. Это было время небывалого подъема культуры, когда она, перешагнув европейский рубеж, стала неотъемлемой частью мировой культуры. Общее направление в развитии России в целом совпало с западной цивилизацией, но имело свои особенности» [8, с. 158]. В 2000 г. вышло 2-е издание этой учебной книги, но содержательных либо стилистических отличий не было. К примеру, как и прежде подчеркивался многонациональный характер Российской империи, где вместе с русским народом, «жили другие народы, связанные с ним общностью исторических судеб» [9, с. 161].

Также в 1998 г. в издательстве «Народная асвета» вышла в свет «Всемирная история новейшего времени», учебное пособие для 9-го класса под редакцией заведующего кафедрой всеобщей истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка профессора Космача Г. А. [10]. В нем история России рассматривалась на протяжении всех трех учебных разделов – «Страны мира в 1918–1939 гг.», «Вторая мировая война. Великая Отечественная война Советского Союза» и «Страны мира после второй мировой войны». Отметим что 30% учебного материала касалось российской истории советского периода (16 параграфов из 45). Стилистика подачи материала отличалась объективно-критическим характером, имелись отдельные отсылки к бе-

лорусской истории, но в целом была позитивной по отношению к событиям истории России. Заметим, что в 2000 г. было опубликовано 2-е издание этого пособия, в котором изменений ни содержательных, ни стилистических по российской истории не имелось.

В 2002 г. увидел свет учебник для 11-го класса «Всемирная история нового времени, XIX–XX века», подготовленный авторским коллективом под руководством профессора Кошелева В. С. [11]. Значительный объем в нем занимала история России: «Россия от монархии феодальной к буржуазной республике (1801–1917)»; «Советская Россия и СССР (1917–1939)»; «Вторая мировая война»; «Советский Союз (1945–1991). СНГ». Но в силу хронологически широкой программы 11-го класса, на наш взгляд, учебный материал оказался достаточно обобщенным и сухим. Касается это и части по российской истории, но подача материала, факты и анализ были осуществлены в позитивном ключе.

С 2003 г. школьные книги по всемирной истории в прекрасном полиграфическом, научном и дидактическом исполнении начал выпускать Издательский центр БГУ. Так, в этом году вышло в свет учебное пособие «Всемирная история Нового времени XVI–XVIII века» для 6-го класса средних образовательных учреждений с 12-летним сроком обучения [12]. События российской истории освещались в нем научно-объективно, особое внимание уделялось важнейшим историческим персонам российской истории (Петр I, А. Меншиков, Екатерина II и др.).

В качестве следующего примера можно привести учебник для 8-го класса «Всемирная история нового времени, XIX– начало XX века» (2005 г.). Российской истории была посвящена третья глава «Российское государство и славянские страны». Несмотря на то, что в нем названия «русских параграфов» было несколько иным, позитивное отношение к истории соседней страны являлось очевидным. Как было сказано в преамбуле к главе: «Сложной и противоречивой была история России в XIX–начале XX века. После реформ Петра I и Екатерины II Российская империя превратилась в крупнейшую и влиятельнейшую державу. Западные европейские государства ревниво следили за успехами Российской империи, боясь ее усиления. В начале XIX в. Россия в упорной борьбе с наполеоновской Францией отстаивала свою независимость и принесла освобождение Западной Европе от французского господства» [13, с. 252]. О стремлении сформировать благоприятный образ соседней страны у белорусских школьников свидетельствуют и доста-

точно научно-нейтральные наименования семи параграфов, два из которых посвящены развитию российской культуры – «Русская наука и культура в первой половине XIX века» и «Наука и культура во второй половине XIX в.» [13, с. 120].

В 2006 г. увидел свет учебник «Всемирная история новейшего времени, 1945–2005 гг.», авторами которого стали профессоры Космач Г. А., Лазько Г. Г. и Тугай В. В. Как и в других аналогичных изданиях, почти треть объема учебного пособия было отведено истории России после 1945 и до 2005 г. Книга отличается более критическим подходом к изложению сюжетов российской истории, дискусионностью и рассуждениями на тему уроков развития советского и российского общества в послевоенный период и перспектив развития России после распада СССР [14, с. 239].

Традиции позитивного освещения событий российской истории в учебниках и учебных пособиях продолжились и в последующие годы. К примеру, в учебниках «Всемирная история нового времени, XIX– начало XX века» для 8-го класса (2018) за авторством преподавателей БГУ Кошелева В. С., Кошелевой Н. В. и учителя-методиста Байдаковой Н. В., а также для 9-го класса «Всемирная история Новейшего времени, 1918– начало XXI века» (2019) Кошелева В. С., Кошелевой Н. В. и Красновой М. А. [15, 17]. Несмотря на некоторое уменьшение компоненты российской истории в общем объеме этих книг, структурно, текстурально и стилистически данные учебные издания соответствуют подходам, сформировавшимся в 1990-е гг.

Заключение. Таким образом, в белорусских школьных учебниках по всемирной истории 1993–2019 гг., подготовленных высококвалифицированными учеными и педагогами, внимание к истории России было наибольшим по сравнению с изложением прошлого других стран, в том числе и сопредельных. Обычный объем российской компоненты доходил до 30% текста книги. В 1990-х гг. белорусскими историками была сформирована собственная концепция подачи учебного материала по истории России. В итоге перед учеником и учителем на страницах учебных книг встает научно-объективный и в целом положительный образ российской истории на протяжении XVI– начала XXI вв.

Статья выполнена при поддержке БРФФИ в рамках совместного белорусско-российского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом».

Список литературы

1. Шупляк П. А. Праблемы гістарычнай адукацыі ў ВНУ Рэспублікі Беларусь // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): тэз. дакл. і паведам. Усебеларус. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г. : у 2 ч. / Беларус. дзярж. ун-т, Ін-т гіст. Акад. навук Беларусі. Мінск: БДУ, 1993. Ч. II. С. 3–6.
2. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Выс. шк., 1992. 351 с.
3. Корзюк А. А. Вучэбныя дапаможнікі па гісторыі Беларусі для сярэдняй школы ў сучасных расійскіх даследаваннях // Беларускі гістарычны часопіс. 2014. № 8. С. 44–58.
4. Жарова Л. Н., Мишина И. А. История России и СССР, 1900–1940: учеб. книга для ст. кл. сред. учеб. заведений. Минск: Народная асвета, 1993. 416 с.
5. Кошелёв В. С., Оржеховский И. В., Синица В. И. Всемирная история нового времени / Минск: Народная асвета, 1993. 335 с.
6. Всемирная история нового времени / В. С. Кошелёв [и др.]. Минск: Народная асвета, 1994. 237 с.
7. Всемирная история Нового времени XVI–XVIII века / В. С. Кошелёв [и др.]. Минск: Народная асвета, 1998. 366 с.
8. Всемирная история нового времени, XIX– начало XX вв. / В. С. Кошелёв [и др.]. Минск: Народная асвета, 1998. 365 с.
9. Всемирная история нового времени, XIX– начало XX века / В. С. Кошелёв [и др.]. 2-е изд. Минск: Народная асвета, 2000. 365 с.
10. Всемирная история новейшего времени / Г. А. Космач [и др.]. Минск: Народная асвета, 1998. 319 с.
11. Всемирная история нового времени, XIX–XX века / В. С. Кошелёв [и др.]. Минск: Народная асвета, 2002. 447 с.
12. Всемирная история Нового времени XVI–XVIII века / В. С. Кошелёв [и др.]. Минск: Изд. Центр БГУ, 2003. 245 с.
13. Всемирная история нового времени, XIX– начало XX века / В. С. Кошелёв [и др.]. Минск: Изд. Центр БГУ, 2005. 253 с.
14. Всемирная история новейшего времени, 1945–2005 гг. / Г. А. Космач [и др.]. Минск: Изд. Центр БГУ, 2006. 239 с.
15. Всемирная история нового времени, XIX– начало XX века / В. С. Кошелёв [и др.]. Минск: Изд. Центр БГУ, 2018. 207 с.
16. Всемирная история Новейшего времени, 1918– начало XXI века / В. С. Кошелёв [и др.]. Минск: Изд. Центр БГУ, 2019. 255 с.

References

1. Shuplyak P. A. [Prablemy gistorychnay adukatsyi ŷ VNU Respubliki Belarus']. *Tezisy dakladau i pavadamlennyau Usebelaruskay kanf. gistorykau* (“Gistorychnaya navuka i gistorychnaya adukatsyya u Respublitsy Belarus’ (novyya kantseptsiy i padykhody)”) [Abstracts of reports and messages of the All-Belarusian Conference of Historians (“Historychny nauk i historyniy education ŷ Republic of Belarus (new stationery and podikhody)”)]. Minsk, BGU, 2003, part II, pp. 3–6 (In Belarusian).
2. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How to tell a story to children in different countries]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1992. 351 p.
3. Korzyuk A. A. *Belaruski gistorychny chasopis* [Belaruski gistorychny chasopis], 2014, no. 8, pp. 44–58 (In Belarusian).
4. Zharava L. N., Mishina I. A. *Istoriya Rossii i SSSR, 1900–1940* [History of Russia and the USSR, 1900–1940]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1993. 416 p.
5. Koshelev V. S., Orzhekhovskiy I. V., Sinitsa V. I. *Vsemirnaya istoriya novogo vremeni* [World history of modern times]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1993. 335 p.
6. Koshelev V. S., Kosheleva N. G., Orzhekhovskiy I. V., Sinitsa V. I. *Vsemirnaya istoriya novogo vremeni* [World history of modern times]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1994. 237 p.
7. Koshelev V. S., Kosheleva N. G., Orzhekhovskiy I. V., Sinitsa V. I. *Vsemirnaya istoriya Novogo vremeni XVI–XVIII veka* [World history of modern times of the XVI–XVIII centuries]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1998. 366 p.
8. Koshelev V. S., Orzhekhovskiy I. V., Sinitsa V. I. *Vsemirnaya istoriya novogo vremeni, XIX–nachalo XX veka* [World history of modern times, XIX– early XX century]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1998. 365 p.
9. Koshelev V. S., Orzhekhovskiy I. V., Sinitsa V. I. *Vsemirnaya istoriya novogo vremeni, XIX–nachalo XX veka* [World history of modern times, XIX– early XX century]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 2000. 365 p.

10. Kosmach G. A., Luk'yanov P. G., Tugay V. V. *Vsemirnaya istoriya noveyshego vremeni* [World history of newest times]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 1998. 319 p.

11. Koshelev V. S., Orzhekhovskiy I. V., Sinitsa V. I. *Vsemirnaya istoriya novogo vremeni, XIX–nachalo XX veka* [World history of modern times, XIX– early XX century]. Minsk, Narodnaya asveta Publ., 2002. 447 p.

12. Koshelev V. S., Kosheleva N. G., Sinitsa V. I. *Vsemirnaya istoriya Novogo vremeni XVI–XVIII veka* [World history of modern times of the XVI–XVIII centuries]. Minsk, Izd. Tsentr BGU Publ., 2003. 245 p.

13. Koshelev V. S., Sinitsa V. I. *Vsemirnaya istoriya Novogo vremeni XIX– nachalo XX veka* [World history of modern times, XIX– early XX century]. Minsk, Izd. Tsentr BGU Publ., 2005. 253 p.

14. Kosmach G. A., Laz'ko G. G., Tugay V. V. *Vsemirnaya istoriya noveyshego vremeni, 1945–2005 gg.* [World history of newest times, 1945–2005]. Minsk, Izd. Tsentr BGU Publ., 2006. 239 p.

15. Koshelev V. S., Kosheleva N. G., Baydakova N. V. *Vsemirnaya istoriya Novogo vremeni, XIX–nachalo XX veka* [World history of modern times, XIX– early XX century]. Minsk, Izd. Tsentr BGU Publ., 2018. 207 p.

16. Koshelev V. S., Krasnova M. A., Kosheleva N. G. *Vsemirnaya istoriya Noveyshego vremeni, 1918–nachalo XXI veka* [World history of Newest times, 1918– the beginning of the XXI century]. Minsk, Izd. Tsentr BGU Publ., 2019. 255 p.

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр. Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroga Victor Aleksandrovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 01.03.2021

УДК 281.96+908

М. С. НиколоваУниверситет библиотековедения и информационных технологий
(Республика Болгария)**БОЛГАРСКИЙ ОПЫТ В СОХРАНЕНИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ**

В статье изложены и обобщены результаты работы по научному проекту ДН 15/4 «Создание модели для сохранения, социализации и популяризации христианских церквей в Болгарии». Уже третий год группа преподавателей, соискателей и студентов Университета библиотековедения и информационных технологий (г. София, Болгария) разрабатывает данный научный проект. В статье представлены различные действия и местные политики по сохранению христианских храмов, которые являются результатом исследований, проведенных на местах в трех областях Болгарии. Выявлены зависимости действий и местных политик и программ по сохранению храмов от особенностей развития конкретной области. В Варненской области подчеркнута роль храмов в развитии туризма; в Смолянской области было установлено, что жива и поддерживается многолетняя традиция заботы о православных храмах, которые здесь воспринимаются не только как молитвенный дом, но и как средство сохранения болгарской идентичности. В области Боярово было установлено современное развитие действий местной власти и населения по сохранению храмов, находящихся на границе с Турцией, и тех, что остались на территории Турции.

Ключевые слова: проект ДН15/4, православие, храмы, сохранение.

Для цитирования: Николова М. С. Болгарский опыт в сохранении православных храмов // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 102–106.

M. S. NikolovaUniversity of Library Science and Information Technologies
(Republic of Bulgaria)**BULGARIAN EXPERIENCE IN THE PRESERVATION OF ORTHODOX CHURCHES**

The article presents and summarizes the results of the work on the research project DN 15/4 "Creating a model for the preservation, socialization and popularization of Christian churches in Bulgaria". For the third year, a group of teachers, applicants and students of the University of Library Science and Information Technology, Sofia, Bulgaria, has been developing this research project. The article presents various actions and local policies and programs for the preservation of Christian churches, which are the result of on-site research conducted in three regions of Bulgaria. The dependence of actions and local policies for the preservation of churches on the peculiarities of the development of a particular area is revealed. In the Varna region, the role of churches in the development of tourism was emphasized; in the Smolyan region, it was found that the long-standing tradition of caring for churches is alive and maintained, which are perceived here not only as a house of worship, but also as a means to preserve the Bulgarian identity. In the Bolyarovo region, the modern development of the actions of the local authorities and the population to preserve the temples located on the border with Turkey and those remaining on the territory of Turkey was established.

Key words: project DN15/4, Orthodoxy, churches, preservation.

For citation: Nikolova M. S. Bulgarian experience in the preservation of orthodox churches. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philisophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 102–106 (In Russian).

Введение. Изучение культурно-исторического наследия как совокупности религиозных, культурных, художественных, интеллектуальных, материальных и нематериальных артефактов, накопленных в разные исторические периоды и ставших органической частью ценностей региона, нации и страны, является научной проблемой, требующей решения различных исследовательских задач [1].

Группа преподавателей, соискателей и студентов Университета библиотековедения и информационных технологий поставила перед собой задачу в рамках научного проекта ДН 15/4

«Создание модели для сохранения, социализации и популяризации христианских церквей в Болгарии» изучить конкретные проблемы защиты православных церквей в Болгарии.

Вопрос сохранения и популяризации христианских православных памятников в Болгарии актуален по нескольким причинам:

1. Болгария – это страна, в которой на протяжении веков население в некоторых районах было и есть мультирелигиозным.

2. Христианское население Болгарии на протяжении веков и по сей день поддерживает,

строит и заботится о памятниках православного христианства, что является традиционной формой сохранения своей религиозной принадлежности и национальной самобытности.

3. Наряду со старыми храмами болгары-патриоты построили новые храмы и часовни, взяв на себя их полное содержание.

4. Во многих населенных пунктах, удаленных от основных дорог, возводятся старые церковные храмы, история, настоящее и будущее которых заслуживают подробного изучения, документирования и сохранения.

Основная часть. Современное отношение болгарского населения к памятникам православного христианства выражается как в хорошем знании и продолжении традиций, так и в порождении множества идей и мероприятий по их сохранению. В связи с этим на местном уровне реализуются различные инициативы, имеющие общую цель – сохранение, приумножение и популяризацию православных памятников христианской культуры, значимых для самоидентификации жителей разных регионов страны. В этих инициативах принимают участие представители государственных и местных властей, представители культурных учреждений, общественных организаций, а также люди, желающие и имеющие финансовые возможности для строительства и обслуживания христианских памятников.

Работа по проекту была проведена исключительно на месте, а данные о изучаемой проблеме были собраны разными методами. Сначала была проведена базовая анкета среди представителей местной власти и культурных учреждений и в результате были определены параметры исследований. На месте были проведены встречи и беседы с представителями мэрии, представителями региональных музеев, с представителями Болгарской православной церкви (БПЦ) и с обыкновенными жителями. Беседы велись по следующим вопросам:

– Каково состояние храмов на территории их области?

– Какие действия совершаются по их сохранению и реставрации?

– Как местная власть и Болгарская православная церковь решают проблемы, есть ли между ними согласие и единодействие?

– Кто является основным спонсором для строительства новых храмов?

– Как местное население и власть популяризируют свой храмы?

Это были основные вопросы, вокруг которых велись разговоры в трех исследованных областях, но по ходу бесед возникали и новые, тоже существенные проблемы, которые получали свои решения в зависимости от местной политики.

По проекту проведены исследования в трех областях Болгарии: Варненская, Смолянская и Болярво. Каждая из выбранных областей раскрывает отдельные стороны и специфики заботы населения, местной власти и Болгарской православной церкви (БПЦ) о храмах на конкретной территории, но, одновременно с этим, определяет общие действия и инициативы, которые характерны для всего болгарского населения и его отношения к религиозному наследию.

Область Варна характерна тем, что там расположено множество православных церквей, которые являются объектом не только поклонения, но и туристического времяпрепровождения. Туристический интерес к региону понятен – область Варна давно зарекомендовала себя как современный и востребованный морской курорт. Нужно отметить особенный интерес туристов не только к природным богатствам, но и к разнообразному культурному наследию региона: Римские бани, Региональный исторический музей г. Варна, природный заповедник «Побитые камни», кафедральный Собор Успения Пресвятой Богородицы (рис. 1), музейный комплекс «Монастырь Аладжа», монастырь Святых Константина и Елены на курорте Святых Константина и Елены, а также множество церквей в небольших поселениях.

Рис. 1. Кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы г. Варна

Наш исследовательский интерес к Варненскому району вызван активными действиями местных властей по защите, развитию и популяризации культурного наследия на его территории. Муниципалитет активно сотрудничает с Варненским митрополитом, совместными усилиями и средствами строятся новые храмы, а старые поддерживаются и реставрируются.

В области Варна множество объектов культурного наследия, в т. ч. религиозного, включены в туристические маршруты. Наиболее важным из них является музейный комплекс «Монастырь Аладжа», который решением

Совета Министров от 2015 г. находится под управлением муниципалитета Варны вместе с другими объектами, имеющими статус археологических недвижимых культурных ценностей. Речь идет о Римских банях Одессоса, епископальной базилике Одессоса, Варненском энеолитическом некрополе и княжеском монастыре. Срок управления – 10 лет. Таким образом, можно сохранить обнаруженные археологические ценности, ускорить реализацию проектов по их демонстрации и социализации, а также организовать культурные мероприятия на открытом воздухе местными властями при активном участии других учреждений, отдельных граждан и представителей бизнеса. Местная политика защиты православных церквей создает модель управления и их социализации, включая их в туристические маршруты.

В Варненской области храмы, старые и более новые, являются существенным элементом услуг, предоставляемых многочисленным туристам. Мы установили, что самое существенное в этой области – это великолепный пример популяризации и социализации православных храмов. Гордость города – это великолепный кафедральный собор Успения Пресвятой Богородицы, который находится в самом центре и является главным туристическим объектом. Болгарская православная церковь, мэрия и государство выделили более полумиллиона левов на ремонт храма, на консервацию его икон и стенописей. Кроме того, гражданами, юридическими лицами, Болгарской православной церковью, мэрией и государством были выделены немалые средства на строительство нового собора в честь покровителя города – Святого Прокопия Варненского.

В Болярово, второй из выбранных областей, вся политика и действия местного населения, бизнеса и власти по отношению к сохранению старых и строительства новых храмов развиваются по подобию действий во всей стране. Специфика здесь в том, что эта область граничит с Турцией и множество действий и политик по отношению православных храмов проводятся по программе трансграничного сотрудничества. В результате на территории района Болярово восстановлено множество храмов в маленьких селах, а также отдельные храмы в деревнях на территории Турции. Особенно важны два больших православных храма в г. Эдирне: храм Святого Георгия и Храм Святых Константина и Елены (рис. 2). Деньги на это получены от жителей, юридических лиц и местной власти, а также по различным европейским программам. Таким образом восстановлены храмы в г. Болярово, и г. Елхово, и селе Стефан Караджа и пр.

Смолянская область предоставила нам самый интересный материал для исследования, потому что в этом районе отношение населения к храмам более сложное. В нем часть жителей много десятилетий исповедуют ислам, и в историческом плане для православных забота о храме выражается и в заботе о сохранении национальной идентичности.

Рис. 2. Восстановленная православная церковь Святых Константина и Елены в г. Эдирне, Турция

В этом горном и труднодоступном регионе построено много церквей – маленьких, вкопанных в землю, скромных снаружи и богато украшенных изнутри. Местное население, несмотря на то, какую религию исповедует, заботится о своем православном наследии. Например, как относится к своим храмам население самого южного болгарского города Златоград, в котором веками дружески живут православные и мусульмане.

Недалеко от города, на холме Святой Недели (Света Неделя), по предложению рода Молевых и других жителей, вместе с тогдашним священником Отцом Атанасом Аролски (1919–2015) была восстановлена большая часовня Святой Недели. Сам отец Аролски рассказывал, как он вместе с магометанами на руках поднимали на вершину огромные деревья, чтобы восстановить старый, разрушенный когда-то турками храм. Это над городом, глубоко в лесу, и когда храм был готов, горожане сами проложили туда дорогу. С разрешения местных властей каждая семья получила возможность построить «хижину» (как их называют жители) вокруг часовни и проводить там свободное время. Многие воспользовались возможностью, и теперь вокруг часовни возводятся небольшие «хижины». Сама часовня в очень хорошем состоянии, дорога к ней хоть и крутая, но отличная. На праздник храма собирается практически весь город, независимо от того, кто какую религию исповедует, и все вместе празднуют.

Отец Аролски, который 52 года служил в городе, рассказывал, что в годы, когда верующим было запрещено ходить в церковь, жители,

исповедующие ислам, привезли дрова, чтобы в храме было тепло. Они же отремонтировали крышу церкви. Отец рассказывал, что в городе никто не делает разницу, кто какому Богу молится. Златоград известен и тем, что в городе кладбище общее, и он и сегодня является примером верской терпимости.

Рис. 3. Восстановленная большая часовня Святой Недели в горах над г. Златоград

Различные инициативы по реставрации старых храмов мы нашли во многих местах Смоленского района: в городе Чепеларе, в селах Чокманово, Павелско, Широка Лыка. Особо отметим, что происходит по отношению восстановления и сохранения храмов в селе Чокманово: знаменательное по отношению к православным церквям не только в районе, но и по всей стране. В этой деревне старые храмы своими руками и на свои средства восстанавливает местный житель Атанас Иванов.

С ним мы встретились в Чокманово и он сразу на своей старой машине повез нас глубоко в горы и по дороге рассказывал, почему и как восстанавливает разрушенные часовни. Он начал реставрацию часовен пятнадцать лет назад, после смерти своего отца. Сам родился в Смоляне, но его бабушка из Чокманово. На наш вопрос, зачем он это делает, Атанас Иванов ответил: «Факторов много. Много лет назад, когда я вернулся сюда, мой отец умер. Тогда я жил в Варне, у меня был свой маленький бизнес. Когда отец заболел, он начал восстанавливать одну из старейших часовен храм Святых Косьмы и Дамиана – святых целителей (рис. 4). Отец знал о своей неизлечимой болезни и втайне надеялся на исцеление. Но не успел довести свое дело до конца. Я вернулся сюда, закончил часовню, а потом продолжил сам».

Теперь ему почти шестьдесят, живет один, продал бизнес, свой дом и на деньги строит храмы. До прошлого года он построил пятнадцать. Они расположены в горах, высоко и далеко, но на местах, где в древности были хра-

мы. Смысл всего, что он делает, он видит в следующем: «Не дай Бог, чтобы деревня не исчезла с карты Болгарии, потому что там осталось двадцать человек. Эта вера в людей каким-то образом зажигает их сердца, чтобы они не забывали, кто мы есть. Потому что учебники и тому подобное уже меняются. Патриотизм – это не просто похлопывание по груди и не слова, что вы большой патриот, или зажигание свечей. Я очень редко хожу в церковь. В году – на Пасху и Рождество, потому что в остальное время я постоянно в храмах, и для всего нужно время. Это моя дорога, это мой дом здесь».

Рис. 4. Атанас Иванов у восстановленной часовни Святых Косьмы и Дамиана в селе Чокманово

В городе Смолян, в самом центре города, появилась новая церковь Святого Виссариона Смоленского (рис. 5).

Рис. 5. Храм Святого Виссариона Смоленского в центре г. Смолян

Масштаб проекта впечатляет – это один из самых больших соборов не только района, но и Болгарии. Он был построен по инициативе самого крупного бизнеса страны, а также жителей города и области. Государство, муниципалитет и Болгарская православная церковь также участвуют в строительстве церкви. Храм был освящен 2 июля 2006 г. Пловдивским митрополитом

Арсением. Построен на месте старой церкви – кладбищенской часовне XIX в., посвященной святому Тодору.

Храм имеет уникальные колокола, заказанные спонсорами в России. Церковь действующая и, помимо прихожан, своей необычной архитектурой и монументальностью привлекает множество туристов.

Заключение. Во всех исследуемых областях мы встретили много разных людей: представителей власти, Болгарской православной церкви, культурных учреждений, простых граждан. Все они были разные, но объединяло их одно – их невероятная любовь и привязанность к своей родине, своему культурному наследию, своей религии и своим храмам. Они не просто проявили привязанность, они сделали все, чтобы сохранить для поколений религиозную память, которая отмечает национальную идентичность.

Бережное отношение и хорошие практики для сохранения религиозного культурного наследия характерны для каждого региона страны. Во всех областях, которые мы изучали, мы обнаружили заботливое отношение властей, учреждений культуры и населения к православным церквям.

В заключение можно сказать, что на территории Болгарии существует хорошо функционирующая модель защиты, социализации и популяризации православных христианских церквей. Чрезвычайно бережно относятся к молитвенным домам представители Болгарской православной церкви, местные власти, бизнес и, прежде всего, местное население. Наши наблюдения показали, что болгарин, независимо от места проживания, профессии, финансового состояния готов сделать и много делает для сохранения своих храмов.

Список литературы

1. Закон за културното наследство: Закон Респ. Болгарии от 10.04.2009: с изм. и доп. от 13.05.2020 // Държавен вестник / Министерство на регионалното развитие и благоустройството. София, 2021. URL: <https://www.mrrb.bg/bg/zakon-za-kulturnoto-nasledstvo> (дата обращения: 31.01.2021).

2. Богова Х., Мюмюн Т. Критична теория на културата или културата като процес на хуманизация // Съвременни измерения на европейското образователно и научно пространство. Т. 8. София: За буквите – О писменехъ, 2020.

References

1. *Zakon za kul'turnoto nasledstvo* [Cultural Heritage Act]: Law of the Republic of Bulgaria dated 10.04.2009. Available at: <https://www.mrrb.bg/bg/zakon-za-kulturnoto-nasledstvo> (accessed 31.01.2021).

2. Bogova Kh., Myumyun T. Critical theory of culture or culture as a process of humanization. *S'vremenni izmereniya na evropeyskoto obrazovatelno i nauchno prostranstvo* [Contemporary dimensions of the European educational and scientific space], 2020, vol. 8 (In Bulgarian).

Информация об авторе

Николова Мария Стефанова – кандидат филологических наук, профессор. Университет библиотековедения и информационных технологий (1784, г. София, бул. Цариградско шосе, 119, Республика Болгария). E-mail: m.nikolova@unibit.bg

Information about the author

Nikolova Maria Stefanova – PhD (Philology), Professor. University of Library Science and Information Technologies (119, Tsarigradsko Shosse Blvd, 1784, Sofia, Republic of Bulgaria). E-mail: m.nikolova@unibit.bg

Поступила 22.02.2021

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев

Военная академия Республики Беларусь

**НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ НЕЛЕТАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
ДЛЯ ЕГО ПОДДЕРЖАНИЯ**

Данная статья посвящена анализу разработанного западными странами нелетального – электромагнитного, акустического, оптического, лазерного, электрического и других видов оружия с использованием новых физических принципов. Наряду с боевым оружием нелетального воздействия широко применяется (например в полиции). Разрабатываются методы и способы его использования. Активно об оружии, которое способно нейтрализовать противника или лишить его возможности вести боевые действия без нанесения ему невосполнимых потерь в живой силе, разрушения материальных ценностей или масштабных нарушений окружающей среды, заговорили в 90-х гг. прошлого столетия. Оружие нелетального воздействия к настоящему времени достигло большого совершенства в качестве боевых средств. Ряд систем нелетальных вооружений находит свое применение в полиции, а также других военизированных структурах различных государств мира и имеет богатый опыт практического использования. Белорусскому военному искусству в этой связи требуется тщательно изучать опыт применения нелетальных средств противником, учиться бороться с ними, а также при необходимости использовать их в ходе боевых действий.

Ключевые слова: новый мировой порядок, военные конфликты, новые виды оружия, нелетальное оружие, оружие на новых принципах.

Для цитирования: Зайцев А. А. Новый мировой порядок как историческая необходимость и использование оружия нелетального воздействия для его поддержания // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 107–111.

A. A. Zaytsev

Military academy of Byelorussia

**A NEW WORLD ORDER AS A HISTORICAL NECESSITY
AND THE USE OF NON-LETHAL IMPACT WEAPONS FOR ITS SUPPORT**

This article is devoted to the analysis of non-lethal weapons developed by Western countries – electromagnetic, acoustic, optical, laser, electric and other types of weapons using new physical principles. Along with non-lethal military weapons, they are widely used as police weapons. Methods and ways of using it are being developed. Actively about weapons that can neutralize the enemy or deprive him of the opportunity to conduct hostilities without inflicting irreparable losses in manpower, destruction of material assets or large-scale violations of the environment, they started talking in the 90s. last century Non-lethal weapons have by now reached great perfection as a means of combat. A number of non-lethal weapons systems find their application in the police, as well as in other paramilitary structures of various states of the world and have a wealth of experience in practical application. In this regard, the Belarusian military art needs to carefully study the experience of using non-lethal weapons by the enemy, learn how to deal with them, and, if necessary, use them in the course of hostilities.

Key words: new world order, military conflicts, new types of weapons, non-lethal weapons, weapons based on new principles.

For citation: Zaytsev A. A. A new world orders as a historical necessity and the use of non-lethal impact weapons for its support. *Proceedings of BSTU, Issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 107–111 (In Russian).

Введение. В последние десятилетия в военной печати периодически обсуждаются различные аспекты, связанные с таким видом оружия, которое в англоязычной литературе получило названия NLW – Non-Lethal Weapons,

SLW – Sub-Lethal Weapons или LLW – Less Than Lethal Weapons, т. е. «несмертельное оружие». Также его называют «нелетальное оружие», «оружие нелетального воздействия», «оружие несмертельного действия» и т. п. [1].

Основная часть. Активно об оружии, которое способно нейтрализовать противника или лишить его возможности вести боевые действия без нанесения ему невосполнимых потерь в живой силе, разрушения материальных ценностей или масштабных нарушений окружающей среды, заговорили в 90-х гг. прошлого столетия. В августе 1990 г. в докладе командования TRADOC (Training & Doctrine Command), организации, занимающейся тренировкой и боевой подготовкой военных специалистов США, появилось понятие «оружие нелетального воздействия» (ОНЛВ), или «несмертельное оружие» [2]. Предполагалось, что если армия США возьмет на вооружение ОНЛВ, то это значительно расширит ее возможности реагировать в кризисных ситуациях, когда использование не только ядерного, но и классического оружия было бы по политическим, этическим, моральным, экологическим и другим причинам нежелательно. В докладе говорилось, что теперь стоит задача разработать такие средства и методы борьбы, которые не вызвали бы массовую гибель личного состава войск противника и особенно его гражданского населения. Идея создать оружие, которое бы не приводило к гибели людей, стала своего рода реакцией американских военных на распад двуполярной системы и означала принципиальное изменение в характере военных конфликтов в мире.

Одним из энтузиастов этого направления был генерал Энтони Зинни, занимавший в 1992 г. пост командующего американскими вооруженными силами в Сомали. По его словам, морским пехотинцам США пришлось иметь дело в основном с демонстрантами, мародерами и антиамерикански настроенными жителями, что вовсе не требовало применения огнестрельного оружия. Благодаря усилиям генерала всего через год, когда военный контингент США в Сомали сменили миротворческие силы ООН, они уже были вооружены так называемой «липкой пеной» – вязким веществом, которым можно буквально приклеить атакующего человека к земле. Изобретение зарекомендовало себя неплохо, и вскоре Конгресс США ратифицировал оборонную программу по созданию нелетального оружия.

Нелетальное оружие разрабатывалось в первую очередь для военного применения, как в наступлении, так и в обороне в зависимости от конкретных местных условий, тактической ситуации и применяемой стратегии. Обычное оружие в современных вооруженных конфликтах все чаще используется в сочетании с оружием нелетального воздействия, которое при

определенных условиях оказывается значительно эффективнее других видов.

Разрабатываемое нелетальное оружие основано на различных принципах – механическом, химическом, акустическом, оптическом, электрическом, электромагнитном. К данной группе вооружений относятся лазерное оружие; оружие, использующее инфразвуковые генераторы; оружие, создающее электромагнитный импульс неядерного происхождения; оружие, основанное на действии веществ, способных разрушать материалы основных элементов боевой техники (изменение структуры металла, плотности жидкости и т. п.), выводить из строя смазку и резиновые изделия, вызывать загустение горючего. Как видим, системы нелетального оружия могут воздействовать на живые и неживые цели. Например, против Ирака были использованы различные виды нелетального оружия, разработанного в США, – электромагнитные бомбы, графитовые мины, сильнопахнущие газы, акустические устройства. Можно смело утверждать, что нелетальное оружие теперь стало стандартным инструментом ведения войны.

По своему воздействию нелетальное оружие подразделяется на контактное, бесконтактное и обездвиживающее [3, 4].

Системы, воздействующие непосредственно на живые цели, на основе физических принципов контактного воздействия на объекты делятся на несколько групп. Первая, наиболее распространенная группа характеризуется действием механических элементов (часто – специально разработанных резиновых пуль) с ограниченной кинетической энергией, что вызывает при применении сильные болевые ощущения. Несколько реже используются контактные системы, действующие на человека электрической энергией (электрический разряд).

Вторая группа воздействует на живые цели без прямого контакта ограниченным уровнем световой, тепловой, акустической энергии, которые создают вокруг человека физическое поле и вызывают раздражение зрения, слуха и другого, делая пребывание человека в определенном месте невозможным. Для временного «выключения» наиболее агрессивных объектов может применяться наркотическое оружие.

Обездвиживающие системы ограничивают двигательные способности объекта – суперклеи, специальные пены, выстреливающиеся сети и т. п. Эти системы считаются «чистым» нелетальным оружием, поскольку их применение не может серьезно угрожать здоровью человека. Например, американская морская пехота

уже опробовала скользкий материал для усмирения гражданских беспорядков без применения силы. Опрыскивание поверхности невероятно скользким материалом делает невозможным движение людей и транспорта и останавливает толпу. Подобное средство предназначается для охраны определенных объектов.

Специальные военизированные подразделения и полиция могут применять вещество, которое существенно ограничивает, делая практически невозможным, движение людей и транспорта (в течение нескольких часов). Вещество наносится либо со специальных машин (покрывается 1 га поверхности), либо с переносных устройств. Однако в случае прямого попадания на человека применение такого средства способно приводить к летальному исходу в результате удушья: случайное попадание на лицо прекрывает дыхательные пути.

В группе нелетального оружия, предназначенного для поражения неживых целей, выделяется оружие, излучающее электромагнитные волны в различных частях спектра (используется в радиоэлектронном и информационном бою), а также специальное химическое и бактериологическое оружие с элементами нелетального воздействия (обычно вызывают структурные изменения материалов, функциональные нарушения различных систем).

Анализ свойств нелетального оружия по своим специфическим критериям подразделяется: по характеру нейтрализующих факторов (механическое, электрическое, оптическое, радиоактивное, акустическое, химическое, биологическое, комбинированное); по характеру носителей (стационарное, мобильное, наземное, воздушное, морское, космическое); по назначению (индивидуальное, тактическое, стратегическое, глобальное); по дальности (контактное, очень малой дальности (метр – десятки метров), малой дальности (сотни метров – несколько километров), средней дальности (до 100 км), большой дальности (более 100 км), максимально большой дальности (тысячи километров и более)); по характеру целей (против живой силы, с прямым и косвенным воздействием, против боевой техники, строений, систем коммуникации, окружающей среды (например, геофизическое оружие); по характеру применения (оружие нападения, обороны, специальное) [4].

Самое разрабатываемое на сегодня оружие – акустическое или звуковое. В нем используются все известные на данный момент свойства звука, который при определенной громкости и частоте способен вызвать у человека головные боли, головокружение, тошноту, потерю ориентации в пространстве, чесотку, может оглу-

шить, вызвать временную слепоту. Звуковое оружие предназначается для разных видов операций: разогнать толпу, организовать панику, остановить движение людей и транспортных средств [5]. Примером акустического оружия может служить устройство с достаточно мощным динамиком, так называемая «верещалка», радиус действия которого 700–800 м. Оно способно создавать направленные звуковые волны околоультразвуковых частот с разбросом от 16,000 до 16,002 кГц. Звуковые волны складываются в ухе в пульсирующий звук, очень неприятный для слуха и способный вызывать болевые ощущения. Этот эффект достигается за счет разницы в 2 Гц между двумя частотами». Считается, что «верещалка» – одно из самых эффективных средств борьбы с восстаниями.

Электрическое (электромагнитное) оружие стало совершенно незаменимым при современном уровне развития технологий, когда большинством боевых систем управляют компьютеры [6]. Успеха в войне теперь можно добиться, уничтожив систему энергоснабжения, электронику, телефонные линии и компьютерные сети противника. Подобное ОНЛВ способно генерировать магнитное поле, настолько мощное, что оно вызывает электрические перегрузки в электросетях противника. В результате возникают короткие замыкания, способные «сжечь» всю электронную аппаратуру, вывести из строя электростанции и обесточить достаточно большие территории. Впервые подобное оружие использовалось в 1991 г. во время первой войны в районе Персидского залива, затем – в Югославии. Для выведения из строя линий электропередачи в Югославии применялись еще и графитовые мины – тончайшие графитовые нити, распыляющиеся в воздухе и замыкающие линии электропередачи.

Микроволновое оружие может разогреть поверхность тела до 130°C и выше [7]. Впрочем, до столь высоких показателей доводить не нужно – нестерпимое жжение обращает противника в бегство и при более низких температурах. Излучатели стали компактными, и американские военные хвалятся возможностью установки таких устройств даже на ракеты.

Весьма эффективно и оптическое оружие. Уже созданы специальные устройства для временного ослепления человека. Основной принцип – использование интенсивного зеленого света (человеческий глаз очень чувствителен к свету зеленого спектра, поэтому-то зеленый цвет и кажется ярче других, но при этом даже воздействие на глаз лазера с лучом зеленого цвета не приводит к каким-либо серьезным осложнениям). После использования такого

устройства противник еще несколько часов будет неспособен что-либо видеть.

Оптическое оружие может применяться не только для ослепления людей. Так, в Сомали в 1993 г. американцы использовали лазерные установки, чтобы спроецировать на небо лик Христа. Увидев такое «чудо», большая часть населения страны пала ниц, начала молиться и о ведении боевых действий против американцев на тот момент уже никто не помышлял.

Пожалуй, самым засекреченным из ОНЛВ, а потому наиболее перспективным является оружие химическое. Область его применения обширна, некоторые виды этого типа ОНЛВ уже приняты на вооружение во многих странах мира, в том числе и в России. Химическое оружие нелетального действия может применяться при решении разных задач: остановка транспортных средств и пехоты противника, отравляющее и психологическое воздействие.

Существует несколько типов химического ОНЛВ: гели, газы, вязкие массы, пенки и многое др. В США полицией широко используются аэрозоли с валиумом – это лекарственный препарат, который оказывает успокаивающее действие на нервную систему и принадлежит к группе антидепрессантов.

Во время боевых действий в Сомали в 1993 г. США испытали один из видов липких гелей, которые способны приклеивать к поверхности земли не только солдат. Гель значительно затрудняет движение, а иногда даже обездвиживает боевую технику. На испытаниях этот гель показал себя с наилучшей стороны, но смекалка людей порой способна очень быстро найти средства противодействия самому изощренному оружию. Когда сомалийские солдаты впервые столкнулись с липучим гелем, то прилипли к нему всего около десяти человек из большой группы вооруженных людей. Остальные, заметив неладное с передовым отрядом, воспользовались бамбуковыми шестами: разбежавшись, они при помощи этих шестов перепрыгивали препятствие.

В Sandia National Laboratories, в Альбукерке (Нью-Мексико), разработаны два вида синтетической пены, обладающей высочайшей липучестью. Распыленные, они в считанные секунды дают плотную аэрозоль-массу, сковывающую людей и затрудняющую движение транспорта. Людей обливают обволакивающей и быстротвердеющей пеной, в основном на основе акрила. Люди, попавшие в этот слой, не только сковываются, но и ослепляются, и оглушаются. Это своего рода полимерная смирительная рубашка. В мае 2010 г. тефлоновая «суперсмазка», как и цианакрилатный клей, и синтетическая пена, приняты на вооружение и предна-

значены для применения в снарядах реактивных систем.

В зарубежной печати отмечается, что в качестве ОНЛВ могут успешно применяться и различные экзотические средства, например суспензия из тонко растертой банановой корки и других материалов. При нанесении на дорожное покрытие они обладают столь малым коэффициентом трения, что исключают всякое передвижение людей и автомашин. Таким способом можно на некоторое время блокировать передвижение войск перед мостами, въездами в города, воспрепятствовать выходу техники с военных баз, взлету и посадке самолетов на взлетно-посадочные полосы аэродромов.

Stink Bomb – буквально «вонючая», зловонная бомба – это оружие малодорантного действия [8]. Специалисты Пентагона создают вещества с отталкивающим запахом (малодоранты, или невыносимо зловонные вещества), а также разрабатывают способы их эффективного применения. Как считают американские эксперты в этой области, использование таких средств позволит либо рассеять агрессивно настроенную толпу людей, либо сделать непроходимой какую-либо местность. Во втором случае «зловонная бомба» может считаться некоторой альтернативой противопехотным минам.

По заказу Пентагона в настоящее время над созданием бомбы, которая должна быть начинена веществом с отталкивающим запахом, работают ученые из научно-исследовательского центра, занимающегося разносторонним изучением восприятия химических веществ, – Monell Chemical Senses Center в Филадельфии. Перед исследователями была поставлена задача создать запах, который вызывал бы сильное чувство отвращения у людей, независимо от возраста, пола и других особенностей. Такая бомба должна вызывать у неприятеля тошноту, одышку, панику и, в конечном счете, обращать его в бегство.

Заключение. Оружие нелетального воздействия к настоящему времени достигло большого совершенства в качестве боевых средств. Ряд систем нелетальных вооружений находит свое применение в полиции, а также других военизированных структурах различных государств мира и имеет богатый опыт практического применения – это полицейские газы, резиновые пули, пули с обездвижителями и другие средства разгона демонстраций и борьбы с массовыми волнениями и беспорядкам. Белорусскому военному искусству в этой связи требуется тщательно изучать опыт применения нелетальных средств противником, учиться бороться с ними, а также при необходимости использовать их в ходе боевых действий.

Список литературы

1. Нестеркин В. Разработка некоторых видов несмертельного оружия в США. URL: http://pentagonus.ru/load/zhurnaly/zvo/zarubezhnoe_voennoe_obozrenie_10_2004/56-1-0-1799 (дата обращения: 08.01.2021).
2. Современный взгляд на развитие и применение ОНСД в антитеррористических и миротворческих операциях. URL: <http://www.ОХРАНА.ru/view.asp?4738> (дата обращения: 08.01.2021).
3. Арциховский В. И., Вэй С. Перспективы применения нелетального оружия. URL: <http://www.army-guide.ru> (дата обращения: 08.01.2021).
4. Селиванов В. Оружие нелетального действия как средство борьбы с терроризмом, обеспечения миротворческих операций по правопринуждению. URL: http://www.raen.ru/science/publish_activ/2005-3.shtml (дата обращения: 08.01.2021).
5. Слюсарь В. Новое в несмертельных арсеналах: нетрадиционные средства поражения. URL: <http://www.jedefense.com/>. (дата обращения: 08.01.2021).
6. Байдак В. И., Ганжа А. А., Корчаков А. С. Нетрадиционные средства вывода из строя систем энергоснабжения. URL: <https://arbicon.ru/projects/EDD/> (дата обращения: 08.01.2021).
7. Мясников В. Микроволновые пушки вступают в бой. Электромагнитные импульсы выводят из строя технику, но щадят людей // Независимое военное обозрение. 2005. № 15.
8. Klochikhin V., Purimov V., Putilov A., Selivanov V. The complex forecast of perspectives of NLW for European application // Proceeding of the 2nd European Symposium on Non-Lethal Weapons. 2003. May 13–14. Germany/ URL: <https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=jil> (дата обращения: 08.01.2021).

References

1. Nesterkin V. *Razrabotka nekotorykh vidov nesmertel'nogo oruzhiya v SShA* [Development of certain types of non-lethal weapons in the United States]. Available at: <http://inosmi.ru/oped/20150703/228922858.html#ixzz3oQZ91RZD> / (accessed 08.01.2021).
2. *Sovremennyy vzglyad na razvitiye i primeniye ONSD v antiterroristicheskikh i mirotvorcheskikh operatsiyakh* [Modern view of the development and use of ONSD in anti-terrorist and peacekeeping operations]. Available at: <http://www.ОХРАНА.ru/view.asp?4738> (accessed 08.01.2021).
3. Artsihovskiy V. I., Vay S. *Perspektivy primeneniya neletatel'nogo oruzhiya* [Prospects for the use of non-lethal weapons]. Available at: <https://www.army-guide.ru>. (accessed 08.01.2021).
4. Selivanov V. *Oruzhiye neletatel'nogo vozdeystviya kak sredstvo bor'by s terrorizmom, obespecheniya mirotvorcheskikh operatsiy po pravoprinuzhdeniyu* [Non-lethal weapons as a means of combating terrorism, ensuring peacekeeping operations for law enforcement]. Available at: http://www.raen.ru/science/publish_activ/2005-3.shtml (accessed 08.01.2021).
5. Slusar V. *Novoye v nesmertel'nykh arsenalakh: netraditsionnyye sredstva porazheniya* [New in Non-Lethal Arsenals: unconventional Weapons]. Available at: <http://www.jedefense.com/> (accessed 08.01.2021).
6. Baydak V. I., Gnazha A. A., Korchakov A. S. *Netraditsionnyye sredstva vyvoda iz stroya sistem energosnabzheniya* [Unconventional means of disabling power supply systems]. Available at: <https://arbicon.ru/projects/EDD/> (accessed 08.01.2021).
7. Myasnikov V. Microwave cannons go into action. Electromagnetic impulses disable equipment, but spare people. *Nezavisimoye voyennoye obozreniye* [Independent military review], 2005, no. 15 (In Russian).
8. Klochikhin V., Purimov V., Putilov A., Selivanov V. The complex forecast of perspectives of NLW for European application. *Proceeding of the 2nd European Symposium on Non-Lethal Weapons*. 2003. 13–14 May. Germany/ Available at: <https://scholarlycommons.law.case.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=jil> (accessed 08.01.2021).

Информация об авторе

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

The information on the author

Zaytsev Aleksander Aleksandrovich – PhD (Military), Associate Professor, Professor, the Department of Military Strategy of Faculty of the Joint Staff. Military Academy of Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 10.02. 2021

УДК 331.5.024.5

Н. В. Зайцева, И. Н. Кандричина
Белорусский национальный технический университет
**РЫНОК ТРУДА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА**

Статья посвящена анализу рынка труда как составляющей экономической безопасности государства. Сегодня рынок труда является основным элементом национальной и мировой экономики, на котором происходит процесс формирования и распределения трудовых ресурсов, с учетом исторических и эволюционных интересов общества. На современном этапе высокоразвитой экономики роль рынка труда в эволюции экономических интересов стран непрерывно возрастает. Причем сегодняшний этап развития связан с новым взглядом на рабочую силу как на один из ключевых ресурсов экономики и является одним из критериев экономической и социальной безопасности страны. Основными показателями, которые могут указывать на наличие определенных рисков экономической безопасности страны, являются такие показатели, как уровень общей безработицы, сокращение численности трудоспособного населения, миграция населения, заработная плата, уровень преступности. На основе текущего состояния оценки рынка труда и сделанных прогнозов есть возможность разработать эффективные методы борьбы с угрозами экономической безопасности страны.

Ключевые слова: рынок труда, экономическая безопасность, безработица, человеческий потенциал, трудоспособное население, миграция населения, заработная плата.

Для цитирования: Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Рынок труда как составляющая экономической безопасности государства // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 112–115.

N. V. Zaytseva, I. N. Kandrichina
Belarusian National Technical University
**LABOR MARKET AS A COMPONENT
OF THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE**

The article is devoted to the analysis of the labor market as a component of the economic security of the state. Today the labor market is the main element of the national and world economy, where the process of formation and distribution of labor resources takes place, taking into account the historical and evolutionary interests of society. At the present stage of highly developed economic development, the role of the labor market in the evolution of the economic interests of countries is constantly growing. Moreover, the current stage of development is associated with a new view of the labor force as one of the key resources of the economy and is one of the criteria for the country's economic and social security. The main indicators that may indicate the presence of certain risks to the economic security of the country are indicators such as the level of general unemployment, the decline in the working-age population, population migration, wages, and the crime rate. Based on the current state of the labor market assessment and the forecasts made, it is possible to develop effective methods to combat threats to the country's economic security.

Key words: labor market, economic security, unemployment, human potential, able-bodied population, population migration, wages.

For citation: Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Labor market as a component of the economic security of the state. *Proceedings of BSTU, Issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 112–115 (In Russian).

Введение. Стабильность государства зависит от ряда факторов, важнейшими из которых являются происходящие в экономической сфере процессы, оказывающие влияние на состояние экономической безопасности.

Рынок труда – один из основных элементов национальной и мировой экономики, на котором происходит процесс формирования трудовых ресурсов с учетом исторических и эволю-

ционных интересов общества. На современном этапе высокоразвитой рыночной цивилизации роль рынка труда в эволюции экономических интересов стран непрерывно возрастает. Причем сегодняшний этап развития связан с новым взглядом на рабочую силу как на один из ключевых ресурсов экономики и является одним из критериев экономической и социальной безопасности страны. Сюда относится рост роли и

значения человеческого фактора в условиях современного экономического развития, когда прослеживается непосредственная зависимость результатов производства от качества, мотивации и характера использования рабочей силы в целом и отдельного работника в частности. Качественные характеристики человеческого потенциала в современном мире раскрывают особенности трудовой активности людей в той или иной сфере деятельности.

Основная часть. Одной из составляющих системы национальной безопасности страны является экономическая безопасность, которая затрагивает практически все стороны жизни государства. Существует тесная взаимосвязь экономической безопасности с системой национальных государственных интересов, которые заключаются в «обеспечении независимости, территориальной целостности, суверенитета, незыблемости конституционного строя; устойчивом экономическом развитии и высокой конкурентоспособности белорусской экономики; достижении высокого уровня и качества жизни граждан» [1].

Основными интересами в экономической сфере выступают «экономический рост и повышение конкурентоспособности белорусской экономики на основе ее структурной перестройки, устойчивого инновационного развития, инвестиций в человеческий капитал, модернизации экономических отношений» [1].

Согласно основным положениям Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь, «человеческий потенциал стал важнейшим фактором социально-экономического развития. Глобальные демографические тенденции, прежде всего старение населения в развитых государствах на фоне быстрого роста населения во многих развивающихся странах, усиление миграционных потоков, все более активно влияют на политическую ситуацию, экономическое состояние и этнокультурный ландшафт стран и регионов мира» [1].

Качественные характеристики человеческого потенциала в современном мире раскрывают особенности трудовой активности людей в той или иной сфере деятельности. Степень развития человеческого потенциала государства напрямую определяет развитие территории, эффективность экономики, а также качество трудовых ресурсов.

Основными показателями, которые могут указывать на наличие определенных рисков экономической безопасности страны, являются следующие: уровень общей безработицы; сокращение численности трудоспособного населения; миграция населения; заработная плата; уровень преступности.

Важнейшим фактором, определяющим развитие как человеческого потенциала, так и трудовых ресурсов, считается демографический. По данным переписи населения, которая проходила в октябре 2019 г., по первым данным, представленным Национальным статистическим комитетом 20 февраля 2020 г., население Беларуси составило 9 413 446 человек, из них 5 061 973 женщин и 4 351 473 мужчин. Городское население на данный период составляло 7303,8 тыс. человек, сельское – 2104,6 тыс. человек. [2].

Уже не первое десятилетие наблюдается процесс сокращения численности сельского населения. Сложившаяся ситуация происходит не только в нашей стране. Это общемировая тенденция, которая наблюдается с начала прошлого столетия. Как правило, город предъявляет спрос на рабочую силу, а удовлетворение спроса происходит за счет миграции сельского населения в город.

Формирование белорусского рынка труда берет свое начало с 90-х гг. прошлого столетия. В этот период созданы нормативно-правовая база его регулирования, государственная служба занятости, организован мониторинг рынка труда, разрабатываются и ежегодно реализуются государственная и региональная программы занятости населения, оказывается широкий спектр услуг гражданам, обратившимся по вопросу трудоустройства или за консультацией в органы государственной службы занятости. Основными направлениями развития белорусского рынка труда на современном этапе являются поддержание высокого уровня занятости населения, снижение безработицы и рост заработной платы [3].

Ведущими показателями, которые могут указывать на наличие определенных рисков экономической безопасности страны, являются следующие: уровень общей безработицы; сокращение численности трудоспособного населения; миграция населения; заработная плата; уровень преступности.

Согласно статистическим данным, в январе – сентябре 2020 г. в органы по труду, занятости и социальной защите за содействием в трудоустройстве обратились 121,9 тыс. человек (85% к январю – сентябрю 2019 г.), из них 55,4 тыс. человек зарегистрированы в качестве безработных (76,5% к 2019 г.). С учетом граждан, состоящих на учете на 1 января 2020 г., в трудоустройстве нуждались 134,7 тыс. человек, из них 64,2 тыс. безработных. Численность безработных, состоящих на учете в органах по труду, занятости и социальной защите, на 1 октября 2020 г. составила 9,1 тыс. человек, что на 18,6% меньше, чем на 1 октября 2019 г. [4].

Структура населения характеризуется негативным соотношением основных возрастных групп, увеличением в общей численности населения доли лиц старше трудоспособного возраста, т. е. происходит процесс старения населения. Если в 2000 г. доля этой части населения составляла 21,5%, в 2015 г. – 24,8%, то в 2017 г. достигла, несмотря на поэтапное увеличение пенсионного возраста, 25,2%. По прогнозам демографов, в настоящее время начался и в следующем десятилетии продолжится процесс дальнейшего сокращения численности лиц, вступающих в трудоспособный возраст [4].

Одной из составляющих экономической безопасности является социальная безопасность. Сам термин «социальная безопасность» сравнительно недавно вошел в научный и политический оборот. Однако он быстро вошел в международную и национальную лексику, нашел свое конкретное развитие в ряде международных документов. Под социальной безопасностью следует понимать способность государства обеспечить создание условий по устранению опасности негативного воздействия и системы отношений, при которой реализуются жизненно важные интересы личности, общества и государства. При этом оценку социальной безопасности целесообразно осуществлять по двум направлениям: уровню жизни населения и уровню рынка труда [4].

В 2019 г. имело место некоторое общее снижение численности населения Беларуси по сравнению с 2015 г. на 5,7 тыс. человек, или 0,47% [4].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат), в 2019 г. из Беларуси уехали 20 976 человек, в 2018 г. эмигрантов было 15,2 тыс. человек, в 2017 г. – 15 тыс. человек. Однако существует другой вариант статистики миграционных процессов в республике – это данные департамента по гражданству и миграции МВД. От данных Белстата они отличаются значительно. Например, за 2019 г. миграция, по данным МВД, оказалась в два раза ниже, чем по данным Белстата: 9061 человек против 20 976. Здесь есть особенности при подсчете трудовых мигрантов, уехавших за рубеж. Во-первых, подсчитывают только трудовых мигрантов – тех, кто едет работать за границу по заключенному контракту. Во-вторых, трудовой мигрант должен выехать за границу на работу «при содействии юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих специальное разрешение (лицензию) на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь» [6].

В этой статистике нашли отражение введенные многими государствами карантинные меры. Ситуация в республике не изменилась, так как в стране не было локдауна и предприятия продолжали работу с учетом рекомендаций ВОЗ и Министерства здравоохранения. Но работающие и работавшие за границей белорусы столкнулись с определенными проблемами. В результате мы и наблюдаем такую статистику.

По данным Белстата, средняя начисленная заработная плата в стране, по состоянию на ноябрь 2020 г. составила 1300,5 бел. руб., по действовавшему курсу средняя зарплата за октябрь равнялась 503,9 долл. США. Для сравнения в октябре средняя зарплата составляла 1285 бел. руб. (или 497,4 в долл. США). Средняя зарплата по Беларуси в сентябре и октябре опускалась ниже 500 долл. США. Сравнительный анализ средней заработной платы за ноябрь 2020 г. по областям Республики Беларусь показал, что лидирующую позицию сохраняет город Минск с показателем 1839,3 руб. Далее следуют Минская обл. с зарплатой 1297,4 руб. В других областях средняя зарплата немного больше тысячи рублей. Меньше всего получают в Могилевской обл. – 1065,2 руб. [7].

У Республики Беларусь достаточно низкий показатель по уровню преступности, хотя в последнее время наблюдается ее рост. Примерно на 8% увеличилась преступность по сравнению с 2019 г. Увеличение обусловлено тем, что в 2,5 раза стало больше преступлений, связанных с кибермошенничеством, при этом другие категории преступлений незначительно, но снизились. На такую статистику оказала влияние ситуация, которая сложилась в республике после выборов 2020 г. [8].

Заключение. Таким образом, из проведенного анализа сложившейся ситуации на рынке труда Республики Беларусь можно сделать вывод, что развитие рынка труда осуществляется на фоне снижения численности трудоспособного населения и численности трудовых ресурсов. Кроме того, сохраняются риски роста численности работников, уволенных по причине сокращения штата или ликвидации организаций, вызванные сложной экономической ситуацией в стране. Уровень безработицы свидетельствует о ее снижении. Средняя заработная плата постепенно увеличивается, но это можно связать с инфляционными процессами, складывающимися в современной экономике. На основе текущего состояния оценки рынка труда и сделанных прогнозов есть возможность разработать эффективные методы борьбы с угрозами экономической безопасности страны.

Список литературы

1. Трудовые ресурсы Беларуси: прогноз формирования и использования. URL: <https://aqm.by/stati/economika-tryd-buh/trudovye-resursy-belarusi-prognoz-formirovaniya-i-ispolzovaniya/> (дата обращения: 10.02.2021).
2. Население Беларуси. URL: <https://myfin.by/wiki/term/naselenie-belarusi> (дата обращения: 10.02.2021).
3. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=p31000575> (дата обращения: 10.02.2021).
4. Савина Т. Н. Угрозы экономической безопасности на рынке труда: оценка и прогноз. URL: <https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2166> (дата обращения: 10.02.2021).
5. Экономическая безопасность: теория, методология, практика. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/14142/1/Булавко_Экономическая%20безопасность.pdf (дата обращения: 10.02.2021).
6. Сколько человек из Беларуси уезжает на заработки URL: <https://zautra.by/news/skolko-chelovek-iz-belarusi-uezzhaet-na-zarabotki> (дата обращения: 10.02.2021).
7. Средняя зарплата в Беларуси. URL: <https://myfin.by/wiki/term/srednyaya-zarplata-v-belarusi> (дата обращения: 10.02.2021).
8. Генпрокурор: уровень преступности в 2020 году в Беларуси вырос. URL: <https://sputnik.by/incidents/20210104/1046555456/Genprokuror-uroven-prestupnosti-v-2020-godu-v-Belarusi-vyros.html> (дата обращения: 10.02.2021).

References

1. *Trudovyye resursy Belarusi: prognoz formirovaniya i ispol'zovaniya* [Labor resources of Belarus: forecast of formation and use. Available at: <https://aqm.by/stati/economika-tryd-buh/trudovye-resursy-belarusi-prognoz-formirovaniya-i-ispolzovaniya/> (accessed 10.02.2021).
2. *Naseleniye Belarusi* [Population of Belarus]. Available at: <https://myfin.by/wiki/term/naselenie-belarusi> (accessed 10.02.2021).
3. *Ob utverzhdenii Kontseptsii natsional'noy bezopasnosti Respubliki Belarus'* [On approval of the Concept of National Security of the Republic of Belarus]. Available at: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=p31000575> (accessed 10.02.2021).
4. Savina T. N. *Ugrozy ekonomicheskoy bezopasnosti na rynke truda: otsenka i prognoz* [Threats to economic security in the labor market: assessment and forecast]. Available at: <https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2166> (accessed 10.02.2021).
5. *Ekonomicheskaya bezopasnost': teoriya, metodologiya, praktika* [Economic security: theory, methodology, practice]. Available at: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/14142/1/Булавко_Экономическая%20безопасность.pdf (accessed 10.02.2021).
6. *Skol'ko chelovek iz Belarusi uyezhaet na zarabotki* [How many people leave Belarus to work]. Available at: <https://zautra.by/news/skolko-chelovek-iz-belarusi-uezzhaet-na-zarabotki> (accessed 10.02.2021).
7. *Srednyaya zarplata v Belarusi* [Average salary in Belarus]. Available at: <https://myfin.by/wiki/term/srednyaya-zarplata-v-belarusi> (accessed 10.02.2021).
8. *Genprokuror: uroven' prestupnosti v 2020 v Belarusi vyros* [Prosecutor General: crime rate in Belarus increased in 2020]. Available at: <https://sputnik.by/incidents/20210104/1046555456/Genprokuror-uroven-prestupnosti-v-2020-godu-v-Belarusi-vyros.html> (accessed 10.02.2021).

Информация об авторах

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about the authors

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economics and Law. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Kandrichina Irina Nikolayevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 23.02. 2021

ФИЛОСОФИЯ

PHILOSOPHY

УДК 502.211

П. А. Водопьянов

Белорусский государственный технологический университет

БЕЗОПАСНОЕ БУДУЩЕЕ НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ДОСТАТОЧНОГО РАЗВИТИЯ

В статье проанализирован комплекс глобальных проблем, к числу которых относятся изменение климатических условий, сокращение биологического разнообразия, экспоненциальный рост численности населения, недостаток природных ресурсов и жизненного пространства, загрязнение окружающей среды, представляющих угрозу ближайшему будущему человечества, намечены пути нового вектора социально-экономического развития на основе его согласования с законами эволюции биосферы, раскрыты закономерности сохранения природных экосистем и биосферы в целом, показан природоразрушительный характер сложившегося потребительского вектора промышленного производства, приведшего к глобальному экологическому кризису, обоснована необходимость снижения индустриального давления на биосферу, обозначена целесообразность разработки экологически безопасных технологий и утверждения нового гуманизма как необходимого условия достижения безопасного будущего. Обосновывается положение о том, что достижение безопасного будущего возможно на основе радикального пересмотра ценностных ориентаций во взаимодействии общества и природы, что дальнейшее развитие общества, определение путей последующего социально-экономического развития неразрывно связано с сохранением природных экосистем, с их способностью самовосстанавливать нарушенные процессы в пределах хозяйственной емкости биосферы, поскольку ее превышение приводит к нарушению биологического круговорота энергии и вещества, к нарушению экологического равновесия в биосфере.

Ключевые слова: безопасное будущее, глобальные проблемы, будущее человечества, социально-экономическое развитие, законы эволюции биосферы, потребительский вектор, экологический кризис, новый гуманизм.

Для цитирования: Водопьянов П. А. Безопасное будущее на пути реализации достаточного развития // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 116–121.

P. A. Vodop'yanov

Belarusian State Technological University

A SECURE FUTURE ON THE PATH TO ACHIEVING SUFFICIENT DEVELOPMENT

The article analyzes a complex of global problems, including climate change, reduction of biological diversity, exponential population growth, lack of natural resources and living space, environmental pollution, which pose a threat to the near future of humanity, outlines the ways of a new vector of socio-economic development based on its alignment with the laws of the evolution of the biosphere, reveals the laws of conservation of natural ecosystems and the biosphere as a whole, the nature-destructive nature of the existing consumer vector of industrial production, which led to a global environmental crisis, is shown, the need to reduce industrial pressure on the biosphere is justified, the expediency of developing environmentally safe technologies and the approval of a new humanism as a necessary condition for achieving a safe future is indicated. The article substantiates the position that the achievement of a secure future is possible on the basis of a radical revision of value orientations in the interaction of society and nature, that the further development of society, the determination of ways for further socio-economic development is inextricably linked with the preservation of natural ecosystems, with their ability to restore disturbed processes within the economic capacity of the biosphere, since its excess leads to a violation of the biological cycle of energy and matter, to a violation of the ecological balance in the biosphere.

Key words: secure future, global issues, the future of humanity, socio-economic development, the laws of evolution of the biosphere, the vector of consumer, environmental crisis, a new humanism.

For citation: Vodop'yanov P. A. A secure future on the path to achieving sufficient development. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 116–121 (In Russian).

Введение. Начало XXI в. поставило перед человечеством целый комплекс глобальных проблем, представляющих угрозу для нормальной жизнедеятельности людей. К ним следует отнести экспоненциальный рост численности населения, недостаток природных ресурсов и жизненного пространства, загрязнение окружающей среды, появление ранее неизвестных болезней, таких как Covid-19, пропасть между бедными и богатыми, недостаток финансовых средств для подавляющего числа людей и многое другое. Особую опасность в этих условиях представляет постоянный рост численности населения, ограниченность природных ресурсов и жизненного пространства. Достаточно сказать, что за последние 100 лет численность населения возросла более чем вдвое и приближается к 8 млрд человек. При этом численность населения принципиально отличается в развитых и развивающихся странах. Если в развитых странах наблюдается депопуляция населения, то в развивающихся странах необходимо принятие действенных мер по сокращению численности населения. Именно по этой причине крайне важно наметить пути построения нового общества.

Основная часть. Выбор путей социально-экономического развития общества непосредственно связан с сохранением природных экосистем, с их способностью самовосстанавливать нарушенные процессы, протекающие в биосфере. Иными словами, при условии, если общество сможет удовлетворять свои потребности в соответствии с потенциальными возможностями биосферы. Для достижения этого необходимо снизить индустриальное давление на биосферу до пределов, которые не нарушают ассимиляционные возможности биосферы, позволяющие воспроизводить необходимые для общества ресурсы.

Все компоненты биосферы взаимосвязаны между собой обменными процессами и каждый из них играет важную роль в поддержании ее как целостной системы, обеспечивающей нормальное функционирование. По этой причине нарушение одного из компонентов биосферы в процессе человеческой деятельности приводит к изменениям остальных компонентов. Биосфера как целостная система находится в подвижном, динамическом равновесии с окружающей средой и во взаимодействии ее компонентов, причем ее живое вещество играет активную роль в обеспечении равновесного состояния.

В поддержании целостности биосферы в современных условиях особая роль принадлежит обществу, которому необходимо учитывать сложившиеся закономерности биосферы, с целью сохранения в ней естественного равновесия. Для поддержания динамического равновесия в биосфере важно добиваться, чтобы в процессе производства осуществлялась утилизация побочных продуктов и бытового потребления, чтобы искусственно созданные заменители природных ресурсов, входили в биологический круговорот, подлежали деструкции и разложению с их последующей утилизацией и переводом в нейтральное состояние.

Внесение в биосферу новых химических соединений, не встречаемых в природе, изменяет характер биогеохимического круговорота, создавая тем самым новую среду обитания для всех живых организмов, в том числе и для человека, что оказывает существенное влияние на его жизнедеятельность. Под воздействием биогеохимической энергии изменяются природные процессы энерго- и массообмена, возникают новые виды антропогенной энергии, не встречаемые ранее в окружающей среде. Это приводит к появлению новых заболеваний, представляющих опасность для людей. Селекционная практика, связанная с выведением новых сортов растений и пород животных, приводит к изменению природной среды, что ведет к сокращению биологического разнообразия.

На протяжении длительного геологического времени генеральной линией эволюции было появление все новых и новых форм жизни, которое приводило к повышению устойчивости природных систем и биосферы в целом. Появление новой геологической силы, может быть, космической, которой, по словам В. И. Вернадского, до последнего времени уделялось незначительное внимание, привело к уничтожению биологического разнообразия, сокращению естественных природных экосистем, размеры которых сократились на территории земного шара, по крайней мере, на половину. Это привело к сокращению жизненного пространства, необходимого для нормальной жизнедеятельности людей, а их проживание в городских условиях приводит к появлению все новых заболеваний и биологической деградации человека. Это связано с тем, что с возрастанием хозяйственной деятельности происходит интенсивное изменение окружающей среды, обусловленное потреблением первичной биологической

продукции, изменением концентрации парниковых газов в атмосфере, истощением озонового слоя, сокращением площади лесов, опустыниванием, деградацией земель, качественным истощением вод суши, исчезновением многих видов. Все эти негативные тенденции, связанные с их нарастанием, приводят к ухудшению условий проживания людей, росту генетического груза в человеческой популяции и появлению все новых болезней.

Преодоление этих негативных тенденций предполагает восстановление природных экосистем в пределах хозяйственной емкости биосферы, верхним пределом которой является перевод в антропогенный канал более 1–2% чистой первичной продукции биоты (фотосинтеза), обеспечивающей стабилизацию окружающей среды. Превышение хозяйственной емкости биосферы приводит к нарушению биологического круговорота энергии и вещества в природных экосистемах, представляющего угрозу для человека.

Если нарушения экосистем под влиянием человеческой деятельности превышают критерии изменения функциональной целостности, то эти экосистемы утрачивают свойство устойчивости и надежности и не могут вернуться к первоначальному состоянию. При этом воздействие человека на биосферу приводит к резкому ускорению миграции атомов по сравнению с естественными биогеохимическими процессами, что сопровождается нарушением сложившегося равновесия в природе и приводит к утрате устойчивости природных экосистем. Устойчивость экосистем выражает их способность поддерживать сложившееся равновесие или активно восстанавливать свои существенные параметры в случае незначительных нарушений.

Нарушение сложившегося равновесия в биосфере приводит к разрушению и деградации природных экосистем, к утрате качественных характеристик среды обитания человека, и потому крайне важно наметить основные направления дальнейшего развития человечества. Иными словами, возникает настоятельная потребность изменения сложившегося вектора социально-экономического развития, приведшего к глобальному экологическому кризису. Изменение вектора социально-экономического развития, в первую очередь, предполагает необходимость перехода от антропоцентристской ориентации по отношению человека к природе к биоантропоцентристской, связанной с сохранением биологического разнообразия как основы сохранения стабильности биосферы, разработки и внедрения экологически безопасных технологий, экономного использования природных

ресурсов на основе ресурсосберегающей экономики.

Поддержание качественных условий жизни людей возможно на основе учета восстановительной и ассимиляционной возможности природных экосистем, и потому промышленные предприятия должны строиться с учетом их свойств. Известно, например, что самоочистка реки при одном и том же уровне загрязнения в условиях Крайнего Севера достигает 2000–3000 км, в то время как в условиях умеренного пояса – 200–300 км.

Достижение безопасного будущего возможно при условии принятия мер по ограничению численности населения мира, рациональном использовании ресурсов за счет внедрения новых технологий, выработке нового отношения к природе на основе биоантропоцентристской ориентации, формировании новых человеческих качеств, учитывающих важность (целесообразность) сохранения всех форм жизни как необходимого условия сохранения устойчивости биосферы.

Важное значение на пути преодоления экологических затруднений имеет отказ от сугубо материального, потребительского вектора развития и переход к духовному самосовершенствованию (преображению) на основе утверждения общечеловеческих ценностей, не исключая материального потребления.

Будущее человечества зависит от того, сможет ли разум преодолеть пропасть между технологической мощью и культурной эволюцией. О такого рода опасности в жизни общества, подчеркивал еще в середине прошлого века Дж. фон Нейман, который утверждал, что ускоряющийся прогресс в технологии и жизни может привести знакомый человеческий мир к гибели.

Подобную мысль высказывает и А. П. Назаретян, когда ставит далеко не риторический вопрос о том, успеет ли Земной разум достигнуть самоконтроля в соответствии с ускоряющимся технологическим ростом прежде, чем разрушительные последствия станут необратимыми [1]? Иными словами, сможет ли человечество разрабатывать и внедрять такого рода технологии, которые в состоянии предотвратить опасности для развития биосферы и человека. Либо последнего ждет неминуемый финал?

Сложившийся тип техногенной цивилизации дал множество научных и технических результатов, позволивших ей обеспечить высокий уровень жизни, увеличить среднюю продолжительность жизни, повысить урожайность сельского хозяйства, увеличить скорость перемещений и коммуникаций, обеспечить качество медицинского обслуживания, создать современные технологии, овладеть ядерной энергией,

проникнуть в космическое пространство и многое другое. Благодаря достижениям науки были получены огромные успехи в овладении энергией: в термодинамике – использование энергии пара, в электродинамике – электрической энергии, в атомной физике – атомной и термоядерной энергии, что позволило увеличить эффективность производства и повысить производительность труда. В то же время в большинстве случаев получение этой огромной энергии происходит за счет сжигания углеводородного топлива, приводящего к загрязнению окружающей среды и наносящего ей непоправимый ущерб.

Возникновение техногенной цивилизации, в которой доминирующую роль играет техника, где преобладает потребительский вектор экономического развития, где господствуют утилитарный, узкопрактический подход к жизни, где снижается внимание к духовной сфере развития человека, неизбежно приводит к столкновению человека с природой, и как следствие этого, к глобальному экологическому кризису. Углубление экологического кризиса со всей остротой ставит первоочередной задачей проблему выживания человеческой цивилизации, и потому нормальное развитие общества должно быть ориентировано не на создание, накопление и потребление материальных благ как определяющего критерия прогресса, а на самосовершенствование человека, на воспитание человеческих качеств, открывающих возможность достижения безопасного будущего.

Важнейшим условием достижения этой цели и сохранения окружающей среды является ограничение экономического роста до достаточно приемлемого уровня, не нарушающего качественных параметров среды обитания человека. Существуют определенные границы, за пределами которых он представляет социальную опасность для людей. К их числу следует отнести объективную ограниченность природных ресурсов, объемы которых безграничны. В первую очередь это касается невозобновляемых ресурсов, таких как руды многих металлов, запасы энергоносителей (нефти, природного газа, угля), а также ограниченность земельных площадей, лесных территорий и др.

Предельной границей экономического роста является и загрязнение окружающей среды вследствие наращивания объемов производства, представляющего угрозу для нормальной жизнедеятельности людей.

Ограничителем экономического роста можно рассматривать и его социальные последствия, поскольку рост не за счет производства избытка товаров и услуг приводит к ухудшению здоровья людей, рост за счет интенсификации

производства без учета социальных проблем (занятости, полезного досуга и др.) приводит к их обострению в обществе. Неконтролируемый рост обостряет проблемы в денежно-кредитной сфере, приводит к обострению проблем монополизации, к нарастанию инфляции, приводящих к финансовому кризису. Именно поэтому экономический рост должен быть научно обоснованным и подконтрольным.

В принятой еще в 1992 г. концепции устойчивого развития подчеркивалось, что экономический рост в развитых странах должен не превышать 3%, а его подъем в развивающихся странах должен достигнуть 3% [2].

В основе проектирования будущего лежит смена одних экономических укладов другими, поскольку экономическое развитие представляет собой циклический, волнообразный процесс, состоящий из чередующихся фаз темпов экономического роста. Такого рода циклы определяют периоды роста и спада в сфере экономики, а время между ними охватывает период 5–8 лет. Примером сказанного может служить финансово-экономический кризис, произошедший в 2008 г., и повторившийся в 2016 г. Исходя из этого можно предположить, что наступление следующего кризиса следует ожидать в ближайшее время.

Преодоление такого рода опасных тенденций в экономике связано с переходом от рыночной индустриально-капиталистической экономики, основной целью которой служит получение прибыли ради прибыли к гуманистической ноосферной цивилизации, основанной на применении природоподобных технологий и устранении спекулятивного капитала.

Важную роль в достижении безопасного будущего играет и внедрение в сферу промышленного производства природоподобных технологий (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных технологий), способных существенно повысить производительность ресурсов и ориентированных на предотвращение индустриального давления на биосферу. Аддитивные технологии направлены на отбор нововведений и инноваций, которые послужат основой промышленного развития на ближайшие десятилетия.

В настоящее время человечество подошло к опасной черте – точке бифуркации, когда его деятельность на основе научно-технических достижений в состоянии привести его к собственной гибели. Поэтому использование накопленных знаний и позитивного опыта прошлых поколений, преодоление негативных последствий человеческой деятельности, утверждение духовно-ценностных ориентаций служат основанием определения социально-экономического развития той или иной страны и всего мирового

сообщества. Данное обстоятельство служит основой проектирования будущего, построенного на знании законов мироздания и законов эволюции биосферы. Господствующая до сих пор антропоцентристская ориентация по отношению к природе должна уступить место новой парадигме, основанной на биоантропоцентристской ориентации, учитывающей необходимость сохранения природы и духовного мира, сохранения нравственных устоев развития общества. Атрибут потребительства, стяжательство, личное обогащение и успех, упование властью и абсолютная свобода – главные препятствия на пути достижения безопасного будущего. Встраивание человека в природное окружение, подчинение его законам природы, поиск путей преодоления опасностей, обусловленных негативными достижениями науки и техники определяют основные направления стратегии достаточного развития. Существующее подчас бесконтрольное производство и потребление, ориентированное на достижение прибыли ради прибыли, охватившее большинство стран мирового сообщества, явилось одной из основных причин глобального экологического кризиса. Альтернативой этому является формирование общества, основанного на осознании его сопричастности природе, определяющим фактором развития которого является эпоха ноосферы – разумной человеческой деятельности.

Экономическое развитие, ориентированное исключительно на получение прибыли и накопление богатства, не учитывающее законы природы, основанное на конкуренции экономических субъектов, является основным принципом хозяйственного механизма ныне существующих экономических систем.

Построение будущего основано на осмыслении позитивных достижений опыта прошлого, на преодолении негативных явлений человеческой деятельности, на выявлении нравственных ориентиров, определяемых самой природой.

Именно поэтому в настоящее время стоит задача разработки стратегии выживания человечества на основе определения путей дальнейшего развития.

Важнейшим условием достижения этой цели и проектирования систем будущего является необходимость согласования социально-экономического развития с законами биосферы на основе достижения непротиворечивой целостности общества и природы, которая выступает основой их гармоничного взаимодействия. Именно такого рода целостность существовала на протяжении длительной истории, когда человек органически был включен в структуру биосферы. Бурное развитие науки и техники, приведшее к превращению человеческой деятельности в огромную геологическую силу в середине прошлого века, привело к выделению человека из природы, освободило от ее зависимости.

Вначале этого обстоятельство всецело рассматривалось как победа над природой. Однако суровая экологическая реальность поставила предел могуществу человека над природой, поскольку угрожало его ближайшему будущему.

Действенным инструментом противодействия этим негативным тенденциям выступает философское мировоззрение, направленное на формирование объективной и целостной картины социальной реальности. Одна из важнейших «перспектив базовых, мировоззренческих основ развития общества, должна быть связана с возвращением способности осознать смыслы и возможности человеческого бытия, как сложной целостной системы, ответственной за развитие жизни в едином комплексе... мироздания» [3, с. 9]. Именно это обстоятельство, как подчеркивают авторы, воссоздает целостную картину мира, выступающую основой формирования мировоззрения как отдельного человека, так и общества в целом и открывающую возможность проектирования безопасного будущего [3, с. 11].

Заключение. Достижение безопасного будущего в условиях экстремальной экологической ситуации требует радикальной перемены ценностных ориентаций во взаимодействии общества и природы, изменения мировоззренческих ориентаций, предвидения образа ближайшего будущего с целью принятия мер по предотвращению вызовов и угроз в жизни современного общества.

Список литературы

1. Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации. 2015. № 2. С. 18–34.
2. Наше общее будущее: докл. Междунар. ком. по окружающей среде и развитию. М.: Прогресс, 1988. 376 с.
3. Проектирование будущего как основа утверждения социальной справедливости. Социально-прогностический аспект: в 53 т. Т. 11. М., 2018. С. 89.

References

1. Nazaretyan A. P. Nonlinear future: the singularity of the XXI century as an element of megahistory. *Vek globalizatsii* [The age of globalization], 2015, no. 2, pp. 18–34 (In Russian).

2. *Nashe obshcheye budushcheye: доклад Mezhdunarodnogo komiteta po okruzhayushchey srede i razvitiyu* [Our common future: report International com. on environment and development]. Moscow, Progress Publ., 1988. 376 p.

3. *Proyektirovaniye budushchego kak osnova utverzhdeniya sotsial'noy spravedlivosti. Social'no-prognosticheskiy aspekt* [Designing the future as a basis for asserting social justice. Socio-prognostic aspect]. Vol. 11. Moscow, 2018. 89 p.

Информация об авторе

Водопьянов Павел Александрович – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Information about the author

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Поступила 01.03.2021

УДК 502.131.1-043.86

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**КОЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД В ДИАГНОСТИРОВАНИИ
РИСКОВ И ВЫЗОВОВ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

В статье предпринята попытка формирования коэволюционного подхода в диагностировании рисков и вызовов нестабильности в современном обществе. С этой целью во вводной части статьи излагается авторская позиция понимания происхождения социальной и социоприродной нестабильности во взаимосвязи с неоднозначностью, многовекторностью, диалектической противоречивостью процессов и результатов коэволюции. Сложность структуры и функций коэволюции обусловлена сложностью организации и связей коэволюционирующих систем и поэтому ее необходимо рассматривать в качестве статистической закономерности в отношении возможностей сохранения взаимозависимо развивающихся систем. Коэволюция отражает, воспроизводит, сохраняет, трансформирует, интегрирует диалектические противоречия взаимодействующих систем и поэтому ее роль в самоорганизации биологических и социальных систем автором рассматривается как порождающая не только стабильные условия их существования, но и риски взаимосвязанных изменений. В контексте данного методологического положения в статье рассматривается взаимосвязь восходящей (собственно коэволюционной) и нисходящей (коинволюционной) ветвей в сопряженном развитии социальных систем. Обосновывается утверждение, что риски нестабильности возникают в обществе в связи с недостаточной степенью регулирования соотношения созидательных и разрушительных тенденций стихийной коэволюции.

Ключевые слова: коэволюция, коинволюция, мемориализация коэволюции, риски, вызовы.

Для цитирования: Бурак П. М. Коэволюционный подход в диагностировании рисков и вызовов нестабильности в современном обществе // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 122–127.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**COEVOLUTIONARY APPROACH IN DIAGNOSIS
RISKS AND CHALLENGES OF INSTABILITY IN MODERN SOCIETY**

The article attempts to form a coevolutionary approach in diagnosing risks and challenges of instability in modern society. For this purpose, in the introductory part of the article, the author's position of understanding the origin of social and socio-natural instability in relation to the ambiguity, multi-vector, dialectical contradiction of the processes and results of coevolution is stated. The complexity of the structure and functions of coevolution is due to the complexity of the organization and connections of coevolving systems and therefore it must be considered as a statistical regularity in relation to the possibilities of preserving interdependently developing systems. Coevolution reflects, reproduces, preserves, transforms, integrates dialectical contradictions of interacting systems, and therefore its role in the self-organization of biological and social systems is considered by the author as generating not only stable conditions for their existence, but also the risks of interrelated changes. In the context of this methodological position, the article examines the relationship between the ascending (actually coevolutionary) and descending (coevolutionary) branches in the conjugate development of social systems. The statement is substantiated that the risks of instability arise in society due to the insufficient degree of regulation of the ratio of creative and destructive tendencies of spontaneous coevolution.

Key words: coevolution, coinvolution, memorialization of coevolution, risks, challenges.

For citation: Burak P. M. Coevolutionary approach in diagnosis risks and challenges of instability in modern society. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 122–127 (In Russian).

Введение. Основная задача представленной работы заключается в кратком обосновании теоретической необходимости и практической направленности коэволюционного подхода в диагностировании рисков и вызовов нестабильности,

которая является атрибутивным свойством неконтролируемой в планетарном масштабе трансформации современного человечества. Оно не имеет явно выраженного лидерского, общезначимого проекта будущего, способного

аккумулировать позитивную энергию и направлять синергию созидательных действий стран и народов на сокращение турбулентного роста социальной и социоприродной энтропии различных форм и разрушительной силы в их взаимозависимом развитии и накоплении. Общим итогом стихии такого рода глобальной самоорганизации в современной цивилизационной истории является разобщенность разной степени опасности, взаимное недоверие, озлобленность и рост готовности к ослаблению, принуждению, подчинению или уничтожению (устранению «препятствий») с помощью мер элиминации на путях достижения самоназначенного доминирования выгодного модельного «комплектования» отношений субъектов желаемого мироустройства на основе ценностных доминант общества потребления. Однако радикализация и планетаризация данной тенденции выявляют ее квазигуманистический характер, поскольку привлекательность богатства рекламной витрины данного общества не может отменить жизненно определяющую фундаментальную закономерность объективного характера. Эта закономерность состоит в росте масштабов и углублении противоречия между глобальной пространственной и технологической экспансией человека разумного, создавшего свой, новый по историческим меркам, планетарный дом – искусственную природу, на продолжающуюся ускоренное строительство, ремонт и развитие которого расходуется быстро скуднеющие ресурсы естественной природы при неослабевающем давлении независимой от нее, доминирующей культуры подчинения и потребления, раздела и властвования и ее превращением в самую мощную и основную, генерирующую энтропию организации жизни человека за всю обозримую историю культурного прогресса. Поэтому с учетом нынешних реалий кризисных явлений, рисков и вызовов во всех основных сферах жизни общества непредусмотрительно было бы считать просто ангажированным некими субъективными соображениями требование поиска безопасного направления развития культуры во взаимозависимости ее прогрессивных и регрессивных изменений. Они связаны с противоречивостью экспансионистской природы человека в широком смысле, вечным поиском гуманистических оснований жизнеустройства и системы отношений, а также недостаточностью регулятивного творчества в формировании безопасности спонтанного культурогенеза в условиях глобальных угроз будущему общества. Существует мнение, что преодоление современного кризисного состояния внутрисоциальных и социоприродных отношений и достижение безопасного будущего возможно в том случае, если социальные элиты

созреют и будут способны организовать внутрисоциальную и социоприродную коэволюцию как механизм гармонизации развития человечества в планетарном масштабе. На основе полученных знаний в течение многолетнего изучения проблемы коэволюции мы размышляем несколько иначе. Главная идея – коэволюция всегда была и есть в природе, в социальных и социоприродных отношениях. Коэволюция как процесс взаимозависимых изменений различных систем и как селективный механизм разупорядочения и упорядочения различных явлений обуславливает множественность «участия» различных свойств в формировании целостности систем, их неравновесность и способность к относительно автономному существованию, сохранению и развитию. Коэволюция – это интеграция, дифференциация и взаимопереходы процессов стихийного разрушения и стихийного упорядоченного созидания. Коэволюция – это сложный циклический механизм регуляции соотношения созидания и разрушения, перехода системы в иные формы бытия. Коэволюция не исключает ни одного атрибутивного свойства развивающихся систем неживой, живой (биологической) и социальной природы. Поэтому структура и функции коэволюции весьма многообразны и сложны. Благодаря сложности коэволюция обуславливает сохранение относительной автономии и усложнение системной организации и поэтому одновременно формирует ее относительную безопасность. В этом также проявляется определенная сохраняющая нормативность коэволюции, поскольку она есть стихийно организующийся процесс взаимозависимых изменений взаимодействующих систем, которые увеличивают ресурсные возможности их бытия. Вместе с тем коэволюция не является абсолютной гарантией сохранения и безопасности, например биологических и социальных систем. Коэволюция – это процесс становления сопряженного существования различных по природе систем в различных направлениях, поэтому результат коэволюции может быть различным, и правильнее рассматривать коэволюцию как некую статистическую закономерность в отношении возможностей сохранения взаимозависимо развивающихся систем. Увеличение такого рода возможностей достигается в сложноорганизованных биологических и социальных системах на основе роста и усложнения памяти о сохраняющих стабильность системы коэволюционных механизмах и ее регулирующей роли в актуальной коэволюции. Мы это назвали мемориализацией коэволюции. Соответствующий механизм коэволюции находит выражение, например, в гомеостазе живого организма. Все эти предварительные пояснения имеют целью

показать, что разнообразные риски и вызовы, обуславливающие нестабильность, возникают в качестве неотъемлемого свойства становления козволюционных процессов взаимодействия различных систем и становления более или менее сложной организации объектов, а также преодолеваются в развитии козволюционных механизмов. Поэтому вполне оправдано применение козволюционного подхода в их диагностировании и преодолении по принципу народной мудрости – «клин клином вышибают». Все эти положения выступают заявочными для более конкретного разъяснения в рамках возможностей допустимой печатной площади.

Основная часть. Козволюция – это многомерное и многоуровневое явление всевозможных сопряженных изменений различных по природе систем. Она отражает, воспроизводит, сохраняет и формирует сложный характер системной организации, а также упрощает ее, когда происходит «выгорание» системы или исчерпание возможностей козволюционного генерирования и накопления вещественных, энергетических и информационных ресурсов сохранения системы. Существование всякой системы ограничено временем, пространством, внутренними и внешними связями, другими факторами и условиями ее сохранения. Завершая цикл существования, начинающийся зарождением, система неизбежно энтропийно угасает в коинволюции, становящейся доминирующей тенденцией по отношению к козволюции, если по каким-либо причинам больше не обеспечивается доминирование процессов сопряженного системного упорядочения во взаимосвязи с процессами системного разупорядочения, означающего безвозвратный переход целостной организации в качественно иное состояние. Козволюция и коинволюция – пара неразрывных явлений, указывающая на диалектическую противоречивость сопряженного развития и одновременно направляющая внимание на поиск возможностей рисков и вызовов в соотношении тенденций такого развития. Однако существует немало примеров трансформации биологических и социальных систем, когда при сохранении доминирования козволюции они «расплачиваются» лишь инволюцией отдельных структур, подсистем и функций в ответ на изменения тех внешних условий, при которых таковые необходимы. Общая целостность и жизнеспособность системы при этом сохраняется и даже компенсируется вновь образующимися структурами и функциями. При этом коинволюция является даже необходимой для увеличения адаптивного потенциала и более высокого уровня развития гомеостаза, нивелирующего возможный рост

иных коинволюционных сопряжений системы со средой.

В более широком понимании козволюции как механизма сохранения и изменения системной организации реальности она интегрирует два основных направления сопряженного существования объектов различной природы. Одно направление – собственно козволюция как сопряженное развитие системной организации различных форм бытия в их сохранении и усложнении. Другое – козволюция, которую мы называем коинволюцией по отношению к первому направлению, отражает основной вектор взаимозависимых изменений объектов различной природы в направлении формирования, сохранения и воспроизводства упрощения системной организации различной природы. Данная тенденция заключается в образовании более простых внутренних и внешних связей структур и функций инволюционно формирующихся систем. В контексте объективно действующей закономерности циклического воспроизводства, развития и сохранения биологической жизни и социально организуемой жизни человека коинволюция является необходимым этапом циклической адаптации жизни к адекватной изменчивости, временной и пространственной ограниченности существования любого объекта в нашем мироздании, к закономерному и постоянному взаимопревращению форм и способов организации вещества и энергии, информационного их отображения. Например, любой живой организм, биологический вид, все биоразнообразие того или иного исторического этапа развития биосферы существуют ограниченное время и неизбежно превращаются в небиологические вещественные структуры, более простые системы, которые необходимы и включаются в процессы воспроизводства новых биологических организмов и их видов, воспроизводства или изменения биоразнообразия и формирования нового исторического этапа биосферной организации жизни. При этом происходит историческое усложнение системной организации жизни, ее индивидуальной автономии, формирование сообществ, переходящих к небиологическим, но трудовым формам в различных их проявлениях по аккумулярованию вещества, энергии и информации, изменения среды для достижения устойчивого сохранения жизни. В этом русле циклических козволюционных процессов восходящей и нисходящей системной организации природы набирающей силу тенденции усложнения и появился новый жизнеспособный биологический вид, давший начало возникновению человека разумного. В настоящее время накапливаются сведения об одновременном существовании в не столь отдаленные

времена нескольких видовых форм человека. Но даже отрывочные данные об их появлении и исчезновении подтверждают высказанное нами предположение о закономерной взаимосвязи восходящей и нисходящей траекторий коэволюции, обуславливающих адаптивное развитие и возможности сохранения этих форм. Исчезнувшие формы не смогли выйти из «притяжения» коинволюции, вероятно, по причине невозможности найти решение проблемы обеспечения восходящего развития, поскольку не овладели новыми способами устойчивого развития производства необходимых для жизни веществ, энергии и информации. Это означает, что они не овладели способами эффективного регулирования соотношения восходящей коэволюции, ведущей к усложнению культуры организации их жизни и самосохранению, не смогли радикально уменьшить коинволюционную энтропию, явившуюся основной причиной элиминации не сохранившихся видовых форм человека. Данный пример приведен для того, чтобы еще раз подчеркнуть обусловленность рисков сохранения жизни стихийным характером коэволюции, ее внутренней диалектической противоречивостью, а также отсутствием эффективных «решений» и «приемов» регуляции соотношения восходящей и нисходящей тенденций коэволюции для формирования возможностей и условий существования в изменяющейся обстановке.

Единство и взаимозависимость восходящей и нисходящей ветвей коэволюции, ее диалектическая противоречивость есть объективно существующий фундаментальный принцип сопряженно развивающихся систем различной природы, и человек его не в состоянии отменить при желании избавиться от рисков взаимозависимого существования в том или ином обществе, в отношениях между народами и государствами, во взаимодействии общества и природы. Попытки установить общую ответственность всех государств за достижение безопасного будущего и гармонизацию отношений в обществе и в социоприродном взаимодействии на основе стратегии устойчивого развития и управления им не дают желаемых результатов. Проблема регуляции соотношения коэволюционных и коинволюционных тенденций в развитии современной цивилизации и ее воздействии на природу как источник средств жизни человечества не является важнейшей задачей фундаментальных исследований современной науки. Нет никаких классификаций методологического характера о восходящих и нисходящих закономерностях коэволюции и, соответственно, нет четкого представления о том, какие риски и вызовы современного человечества складываются

в русле коэволюционных процессов, стихийно развивающихся в современных обществах. Эти обстоятельства и побудили сделать попытку подступиться к выявлению неоднозначной сущности коэволюции с тем, чтобы выявить более глубоко ее общеприродную необходимость, раскрыть опасность стихийной коэволюции для сохранения человечества и обосновать необходимость регулирования соотношения ее тенденций для достижения более безопасной жизни общества, соблюдение приемлемых природных условий и целостности биосферы.

В концепции прогрессивной эволюции фактически отмечается «найденное» биологической жизнью «решение» в ее историческом развитии, как противостоять и вместе с тем использовать коинволюционную энтропию, в том числе связанную и с прекращением жизни организмов. Это – историческое усложнение системной организации жизни, рост ее автономии, рост роли асимметричности, развитие способности осваивать различные формы вещества, энергии и информации, цикличность и периодичность самовоспроизводства, вовлеченность в процессы жизнедеятельности мертвого вещества, включая разложившиеся на химические соединения элиминированные организмы, воспроизводство качественно новых химических веществ, сохраняющих специфику живого, формирование специфических информационных структур памяти, регулирующих восходящие и нисходящие коэволюционные процессы индивидуального развития и поведенческой адаптации. Человек же в своем стремлении не просто выжить, но и постоянно наращивать благосостояние, комфорт и гарантированную обеспеченность веществом, энергией и информацией обрел опасное для его самого состояние асимметричности по отношению к природе и в самом обществе в форме разительных различий богатства и нищеты. В результате возникла и набирает масштаб и интенсивность тенденция коинволюции естественной природы (сокращение биоразнообразия, утрата плодородия почв, всевозможные загрязнения, опасное потепление климата, опустынивание, скученность населения, распад экосистем и т. д.). Ко всему этому следует добавить резкое снижение воли, научно обоснованных целей, желания и способности значительной части управляющих овладеть новыми гуманистическими ценностями совместного решения общих проблем сохранения человечества при нарастающей разобщенности, немотивированной озлобленности и произволу в различных проявлениях. Все это признаки неконтролируемой коэволюции, что образует не просто ситуацию перманентных рисков хаотического распада

современных обществ, но и является в целом настоящим вызовом способности человечества найти взаимопонимание и перспективное направление по достижению согласованного варианта подчинения тенденций саморазрушения общества целенаправленно и сообща конструируемому варианту консолидации для достижения более безопасного будущего. Разрабатываемый нами козволюционный подход в диагностировании рисков и вызовов нестабильности в современных обществах, обозначающий в качестве важнейшей причины разрушающего характера спонтанной самоорганизации неразвитость механизмов целенаправленной регуляции соотношения созидательной направленности козволюции и разрушительной коинволюции, находит подтверждение теоретической и практической актуальности в ряде современных исследований. Например, З. Бауман отмечает характерный для недавних времен позитивный опыт согласованной организации взаимозависимого, долговременного существования собственника-нанимателя и наемных работников, обеспечивающий реализацию взаимной заинтересованности в сохранении стабильных отношений и источников самосохранения на длительную перспективу. И эта, так сказать, целенаправленно организуемая и поддерживаемая, созидательная козволюция социальных субъектов сохранялась в качестве доминирующей тенденции по отношению стихии неорганизованных отношений. З. Бауман пишет: «При прежней системе общественного устройства обе стороны властных отношений хорошо знали, что им предстоит сосуществовать в течение долгого времени, так как каждая из них нуждается в другой. Обязательства были взаимными. На классической фордовской фабрике... богатство и власть Форда зависели от его работников, а их благосостояние, в свою очередь, зависело от Форда и его помощников. Обе стороны знали, что они будут встречаться [и взаимодействовать] снова и снова, как на следующий день, так и в течение многих месяцев и даже лет... Каким бы антагонистическим, неприятным и раздражающим ни было это сосуществование, стороны стремились выработать взаимоприемлемые подходы, четко сознавая, что их совместное существование будет носить долгосрочный характер» [1, с. LVI]. В настоящее время ситуация качественно иная – доминирующей становится тенденция неуправляемой дезорганизации социальных отношений в размерности общества при ее взаимосвязи с фрагментаризацией жизни на индивидуальном уровне, своеобразной клиповостью распада целостности человеческого бытия без надежды на пришествие нового спасительного гуманизма. Это и есть коинволюция,

разрушающая кооперативные принципы сохранения жизнеспособности общества, умножающая всевозможные риски, угрожающая обществу вызовом неуправляемого угасания. З. Бауман подчеркивает: «Сегодня принято и даже модно сожалеть о нарастании нигилизма и цинизма среди современных мужчин и женщин, критиковать их недальновидность, безразличие к долгосрочным жизненным планам, приземленность и своекорыстие их желаний, их склонность разделять жизнь на эпизоды и проживать каждый из них без оглядки на последствия» [1, с. 66]. З. Бауман продолжает далее: «...сегодня уже результаты человеческих действий противостоят нам в качестве эксцентричных и капризных, своевольных и непроницаемых и, что особенно важно, необузданных и неконтролируемых «естественных» сил... По мере роста способности человека справляться с его повседневными проблемами растут риски и опасности... В результате возникает всепроникающее ощущение «утраты контроля над настоящим», что, в свою очередь, ведет к параличу политической воли; к утрате веры в то, что коллективным образом можно достичь чего-либо существенного, а солидарные действия способны внести решительные перемены в состоянии человеческих дел. Существующая ситуация все чаще расценивается как должное, как высшая необходимость, в которую люди могут вмешаться лишь во вред себе самим. Мы то и дело слышим, что единственным лекарством от болезненных побочных эффектов все более жесткой конкуренции является еще большая дерегуляция...» [1, с. 67].

Заключение. Таким образом, важнейшей закономерностью сохранения продуктивного характера цикличности социальной козволюции в различных ее социальных проявлениях является обеспечение доминирования созидательной энергии над энтропийными процессами в социальных системах и структурах различного уровня организации, функционального предназначения и значимости. По ходу исследования прояснился соответствующий методологический подход, сущность которого заключается в необходимости и возможности регулирования взаимосвязанных процессов козволюции и коинволюции для достижения безопасности развития социальных и социоприродных систем, для уменьшения рисков их стихийного или иного саморазрушения. Основным вопросом регуляции социальной козволюции заключается в достижении приемлемого уровня безопасности в формировании благоприятной перспективы сосуществования человека и общества, общества и природы. Этим кратким резюме тема раскрытия роли козволюционного

подхода в диагностировании рисков нестабильности в обществе не закончена. С точки зрения идеи коэволюционного сохранения источников развития на всех уровнях социальной организации и бытия человека как социоприродного существа является актуальной задача выявления закономерностей взаимосвязи коэволюции как созидания и инволюции в экзистенциальной

среде духовного мира человека. Совсем не напрасно Л. Н. Толстой оставил нам мудрую мысль программного характера «Удивительно свойство самоуверенности. Какие бы ни были способности человека: ума, учености, всяких дарований, сердца даже, – если человек самоуверен, все эти качества становятся недостатками» [2, с. 226].

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Мудрость России. От Владимира Мономаха до наших дней. М.: Вече, 2011. 640 с.

References

1. Bauman Z. *Individualizirovannoye obshchestvo* [Individualized society]. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p.
2. *Mudrost' Rossii. Ot Vladimira Monomakha do nashikh dney* [The wisdom of Russia. From Vladimir Monomakh to the present day]. Moscow, Veche Publ., 2011. 640 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: bmp49@bk.ru

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bmp49@bk.ru

Поступила 15.04.2021

УДК 1:316.37.032:1:502/504

О. П. Пунченко

Одесская государственная академия технического регулирования и качества (Украина)

КРИЗИС СОЗИДАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ COVID-19

В статье обоснована разнополярность идей теоретических конструктов глобализации и практики их реализации. Объяснена односторонняя взаимосвязь природных условий и субъективного фактора с преобладанием последнего, отмечено, что во всех теоретических конструктах игнорируется проблема выживания человечества. Covid-19 объяснен как глобальный «квант» негативного воздействия на все сферы человеческой деятельности. Он репрезентирован как причина нового социального коллапса – высшей формы кризисного состояния общества. В контексте поставленной цели раскрыто влияние Covid-19 на образование как определяющую сферу духовного бытия общества. В связи с переходом на дистанционное обучение акцентировано внимание на спаде личностного знания и снижении порога квалифицированности выпускников вуза. Объяснены трудности с формированием мировоззрения, вооружением студентов ценностями гуманистического идеала, управлением процессом формирования национального самосознания на основе национальной идеи, формированием менталитета личности и общества.

Ключевые слова: кризис, Covid-19, глобализация, образование, квант, мышление, дистанционное обучение, информация, духовность, коллапс.

Для цитирования: Пунченко О. П. Кризис созидательной силы образования в условиях Covid-19 // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 128–133.

O. P. Punchenko

Odessa State Academy of Technical Regulation and Quality (Ukraine)

THE CRISIS OF THE CREATIVE FORCE OF EDUCATION UNDER COVID-19

The article substantiates the diversity of the ideas of the theoretical constructs of globalization and the practice of their implementation. The one-sided relationship of natural conditions and the subjective factor are explained with the priority of the last, it is noted that in all theoretical constructs the problem of human survival is ignored. Covid-19 is explained as a global “quantum” of negative impact on all spheres of human activity. It is presented as the cause of a new social collapse – the highest form of the crisis state of society. In the context of this goal, the influence of Covid-19 on education are revealed as a determining sphere of the spiritual life of society. In connection with the transition to distance learning, attention is focused on the decline in personal knowledge and a decrease in the qualification threshold of a university graduate. Difficulties with the formation of a worldview are explained; equipping students with the values of the humanistic ideal; management of the process of formation of national identity, based on the national idea; the formation of the mentality of the individual and society.

Key words: crisis, Covid-19, globalization, education, quantum, thinking, distance learning, information, spirituality, collapse.

For citation: Punchenko O. P. The crisis of the creative force of education under Covid-19. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 128–133 (In Russian).

Введение. Начиная с последней четверти XX в., глобализационные процессы охватили все страны мирового сообщества. К началу второго десятилетия XXI в. исследователи концепта «глобализация» предложили ряд дефиниций, в которых отражаются важнейшие характеристики будущего глобального мира. Это обнаруживается в работах Р. Робертсона, А. Аппадурай, У. Бека, И. Валлерстайна, Э. Гидденса, М. Кастельса, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, М. Элброу, Р. Осборна, Ф. Фернандес-Арместро, А. Зеленкова, В. Инземцева, И. Кефели, А. Панарина, А. Уткина, А. Чумакова, В. Степина, В. Яковца, О. Береговой, Г. Ключарова и многих других.

Многоаспектность данного концепта не позволила исследователям дать универсальную, единую дефиницию этого феномена, эксплицитно выразить в ней то, что в глобализации заложено имплицитно. Ее сущность предстает как объективный, универсальный социокультурный процесс, в котором слиты воедино геополитические, геоэкономические, геофинансовые, геокультурные взаимосвязанные и взаимообуславливающие процессы. Интегрирующую же роль глобализации многие идеологи видели в формировании общепланетарной реальности, нового миропорядка и интеграции всех сфер деятельности человечества. Однако мало кто из

них обращал внимание на всепоглощающий, безнравственный, нечеловеческий характер глобализации, а только строили конструкции превращения «более 2000 народов в единое глобальное село». Но теоретические конструкты глобализации резко разошлись с практикой их реализации. И уже к 20-м годам XXI столетия новая стадия этого процесса стала резко динамичной, она обострила систему социальных противоречий и конфликтов. Изменения в социальных отношениях постоянно нарастают, «теперь же они происходят так быстро, что мировое сообщество не поспевает в достаточной степени, теоретически осмысливать и осознавать суть происходящего» [1, с. 18]. Современный мир запестрел контрастами, санкциями, новой волной «цветных» революций, использованием сильными государствами «мягкой силы» по отношению к слабым как фактора влияния на них и способа реализации своих интересов, идет интенсивный отброс ряда народов на «околицу глобального села» и красивая идея западных идеологов сошла с повестки дня. Практика глобализации разошлась с теорией, что позволяет репрезентировать идеи западных глобалистов как квазинаучные, содержащие большой элемент утопизма.

Просчеты этих теоретиков заключаются в субъективном, одностороннем подходе к процессу формирования глобального мира, в игнорировании интересов народов многих стран мира, что и вызывает к жизни не только противоборство и столкновение интересов, но и формирует, катализирует кризисную ситуацию в решении основных глобальных проблем, а природный патоген Covid-19 практически резко усугубил эту ситуацию. Но этот кризис больше всего поразили духовную сферу бытия человечества. Сегодня экономисты утверждают, что за 2–3 года страны вернутся к росту ВВП, выйдут из финансового кризиса, рынок рабочей силы войдет в наработанный колею, будут разрешены материальные трудности и невзгоды. Но срок преодоления кризиса духовности определить крайне трудно. Мы теряем пути формирования человека как активного, действенного создателя материальных и духовных ценностей и усиливает этот процесс Covid-19, который пронзил базовую составляющую духовного развития человечества – образование, т. е. кузницу формирования специалиста и человека.

Основная часть. Конструктивное критическое осмысление процессов глобализации с позиций наличия в его содержании не только позитивных, но и негативных факторов позволяет сделать вывод, что теоретическая трактовка сущности, а также стрелы направленности глобализации и их практическая реализация

оказались разнополярными, практика оторвана и даже противопоставлена теории. Просчеты западных теоретиков глобализации заключаются в следующих аспектах.

Во-первых, в недооценке диалектической взаимосвязи объективных (природных) условий и субъективного фактора. Объективные (природные) условия всегда вносят в эту взаимосвязь коррективы, которые отражаются в жизнедеятельности человечества. Природа дает Homo sapiens шанс «поумнеть» через «букет катаклизмов» – цунами, смерчей, землетрясений, извержений вулканов, торнадо и др. Например, частые извержения вулканов, апофеозом которых стало уничтожение Помпеи, привело пылкий интеллект человечества к возникновению вулканологии как направления в зарождающемся научном познании тайн природы. А великое Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 г., которое за 6 мин унесло 90 тыс. человеческих жизней, и последующие цунами, пожары заставили религию и науку найти объяснение процессу землетрясения. Религия усмотрела в этом процессе Божью кару за имперские колониальные амбиции Португалии в Латинской Америке и уничтожение людей. Такое объяснение этого катаклизма имело позитив – Португалия отказалась от колониальных амбиций. Что же касается науки, то это событие, как считает Е. Ямбург, обсуждалось в философии и, по мнению некоторых ученых, положило начало эпохе Просвещения, послужило толчком к исследованию природы землетрясений и зарождению современной сейсмологии. Примеров, заставляющих человечество «поумнеть», природные условия предоставляют много.

А вот если отдавать приоритет субъективному фактору, не учитывается, что в нем господствует весь негатив деятельности человека – тяга к власти, господство над другими народами, жадность, жестокость, хищническая стратегия природопользования и др. Сегодня становление и обострение глобальных проблем человечества связано с субъективным фактором. Этот фактор в отличие от природных условий не может заставить человечество «поумнеть». Даже Вторая мировая война не смогла сделать этого. В своей Фултоновской речи (1946 г.) У. Черчилль разделил мир «железным занавесом» на две противоборствующие системы. Что получило человечество от этого? Гонку вооружений, военные столкновения в различных регионах мира, гибель людей, загрязнение природы. Так позитив ли это, ждало ли этого человечество, «поумнело» ли оно? Несомненно, нет.

Во-вторых, во всех теоретических конструктах глобализации не обнаруживается внимания

к проблеме выживания человечества в условиях столкновения интересов глобализирующего мира. А это не мирный процесс. Выживание человечества в условиях гонки вооружений, постоянных цветных революций, уродливой стратегии природопользования – приоритетная задача цивилизационного бытия человечества, но глобалистами она не учитывается в реальной практике жизнедеятельности народов мира. Даже работа П. А. Водопьянова и В. С. Крисаченко «Стратегия бытия человечества», раскрывающая различные природные патогены и требующая отказа от хищнической стратегии природопользования, – это всего лишь SOS в океане глобализации. И если глобалисты негативно относятся к концепции устойчивого развития, утвержденную ООН, то отношение к идеям этой работы будет таким же, как к концепции устойчивого развития. И пока глобалисты не поставят на первое место проблему бытия и выживания человечества, их идеи останутся такими же безнравственными, бездушными, как и бездушный искусственный интеллект.

Для преодоления пренебрежительного отношения глобалистов к стратегии выживания человечества необходимо было нечто экстраординарное, непредсказуемый импульс, смешавший все конструкты глобализации и заставивший человечество поумнеть. В этом качестве выступил «подводный риф», на который мир и наткнулся, – Covid-19. И как доказала ВОЗ, Covid-19 – это результат негативного воздействия человека на природу и сегодня этот патоген охватил весь мир.

Covid-19 возник как глобальный «квант» негативного воздействия на все сферы деятельности человечества. Квант – уникальное устойчивое образование, количественное выражение измерения качественных признаков объекта. В социальных науках понятие «квант» можно использовать для исследования и понимания основы большинства социальных макрообразований, таких как экономика, рынок, культура и т. д. И этим «квантом», объективным по содержанию, называется единая экономика, единая культура, единое управление, единое понимание глобализации, навязываемое идеологами Запада. Он возник как отклик природы по отношению человека к ней, как месть человечеству за хищническую стратегию природопользования и предупреждение о необходимости радикального изменения этой стратегии. Об этом предупреждали и авторы работы «Стратегия бытия человечества». Проанализировав болезни, пандемии в разных их формах (чуму, лихорадку, грипп, холеру), уносившие большое количество жизней, авторы отмечают, что все эти

«заболевания обусловлены нарастающим загрязнением окружающей среды, в результате чего меняются темпы и скорость биологической эволюции и потому можно предположить, что инфекционные болезни будут нарастать экспонциальными темпами... Успехи медицины не могут заслонить того бесспорного факта, что человек не в состоянии без вреда для себя изменить законы эволюции биосферы» [2, с. 224]. Ровно через год после выхода в свет этой работы в мире взорвалась пандемия коронавируса, которая не просто внесла социальный хаос в сложившийся ритм жизни, а переросла в социальный страх, сбив при этом приспособленность людей к условиям их традиционного бытия и адаптацию к условиям уже глобализирующего мира.

Если дать обобщающую характеристику Covid-19, то можно утверждать, что он катастрофически быстро предстал как глобальный «квант» негативного воздействия на деятельность человечества и его бытие, и, несомненно, как причина нового социального коллапса. Если гравитационный коллапс выражает катастрофически быстрое сжатие массивных тел под давлением гравитационных сил и превращения их в «черную дыру», то Covid-19 не только сегодня ведет сферу материального, информационного и духовного производства к кризису, но и содержит элементы стагнации, а это уже социальная трудновыполнимая и труднореабилитируемая дыра. Кризисное состояние глобализации – это путь ее к застою, стагнации, отражающий невозможность позитивно решать насущные проблемы. «Кризис в ее содержании зеркально отражает кризис современности в целом, которая имеет не только глобальный, но и системный характер, то есть затрагивает не отдельные стороны, а всю архитектуру мирового устройства, все аспекты материальной и духовной культуры мирового развития, когда глобализация не оставляет шансов наблюдать с боку за событиями, которые происходят» [3, с. 113].

Как выше было отмечено, самый тяжелый удар Covid-19 нанес по сфере духовного производства. Кризис в этой сфере усугубился тем, что внимание стран было приковано к военным, финансово-экономическим проблемам, рынку рабочей силы, а духовное производство отправили на самовыживание, забыв при этом, что духовность – это «лакмусовая бумага», отличающая нас сегодняшних от прошлых поколений. Духовные ценности – это исходные методологические, мировоззренческие и аксиологические ориентиры, нормы и установки, задающие ракурс и горизонт восприятия и преобразования

реальности. Они составляют основу и потенциал его внутреннего перевоплощения. Исследуя духовность, В. Р. Языкович отмечает, что «понятия о духовном бытии основываются на трактовке духовности как высшей способности человека, источнике смыслополагания и личностного самоопределения. Осмысленно преобразовывая действительность, человек надстраивает над природой и социальным миром сферу моральных, художественных и религиозных ценностей» [4, с. 132].

С возникновением в структуре духовного производства образования оно становится базовой стратегической составляющей, а при переходе на третью волну цивилизации – ин-формационную, более явственным является то, что без образования общество не сможет решить позитивно тот комплекс проблем и противоречий, который сложился в его бытии. Если ранее мы воочию убеждались в созидательной силе образования, то сегодня явно наблюдается спад этой силы, и одна из причин этого спада – попытка глобализировать образовательную сферу под стандарты Запада, в частности болонской системы. «Образование – это своеобразная «Ариаднина нить», которая в переломные эпохи, подобные современной, когда человечество явственно ощущает свою физическую и духовную незащищенность, переживая глубокий культурно-интеллектуальный кризис, помогает не только понять, но и обосновать архитектуру современной цивилизационной динамики» [5, с. 36].

Кризис в образовании сложился не с возникновением Covid-19. Об этом ведут речь руководители Римского клуба, которые в юбилейном докладе 2018 г. «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» призвали мировое сообщество к формированию и реализации новой универсальной модели образования – «нового Просвещения», выделив при этом основополагающие составляющие этого Просвещения. Однако Covid-19 отложил переход к нему, нанося удар по этой сфере духовного производства. Уже наличествующий кризис в образовании Covid-19 переводит его в состояние стагнации, которое будет выражаться в подготовке специалистов, не удовлетворяющих рынок труда не только европейский, но и внутренний. А ведь образование отправляет свой продукт на рынок информационных ресурсов, это интеллектуальный товар. А «информационный рынок, – отмечает М. В. Заренин, – это сфера товарного обмена на коммерческой основе продуктами интеллектуального труда... в соответствии с рыночным спросом и предложением» [6, с. 73]. Хорошо, если выпускник

окажется востребованным, а не просто дипломированным безработным.

Covid-19 внес раскол в подготовку специалистов тем, что заставил страны перейти на систему дистанционного обучения. Это внесло большой негатив в подготовку выпускников.

Во-первых, резко снижается уровень личностного знания, система «онлайн» не позволяет объективно его определить. Итогом такого обучения будет резкое снижение порога квалификации специалиста. Оценки по предметам, выставляемые студентам, не будут соответствовать их знаниям. Вопрос практической подготовки выпускника сложен, резко сокращены часы на этот вид обучения.

Во-вторых, нет сомнений в том, что больше всего от Covid-19 пострадали гуманитарные науки. Складываются трудности с формированием IQ (интеллекта) обучаемого, привлечением студентов к участию в разработке инновационных проектов, вооружением их ценностями гуманистического идеала, с позиций которого человек рассматривается как цель, а не как средство. Человек – мерило всех ценностей, участник всех социальных связей, и, если эти связи нарушаются, необходимо искать причину, что мешает человеку им быть.

В-третьих, теряются бразды правления процессом формирования мировоззрения, а также идентификаторы личностного мира обучаемого с духовным миром социума. Известно, что трансформации в системе образования сопрягаются с серьезными изменениями в мировоззрении людей. Мировоззрение – это не только способ ориентации человека в окружающем его природном и социальном мире, но это и определенный взгляд на окружающую его реальность, отражающий его мироощущение, мировосприятие и миропонимание. И в целом мировоззрение предстает как социокультурная мера цивилизованности человека и общества.

Но формирование мировоззрения предполагает работу с живым человеком, что позволяет видеть логику движения его мысли, направлять ее в русло, удовлетворяющее потребности общества, формировать гражданина и специалиста. А сейчас у нас пропадает уверенность в объективной оценке мировоззрения обучаемого. Компьютер разорвал живую связь с обучаемым, и мы потеряли реальный процесс формирования устойчивого мировоззрения. А этот процесс сложный и комплексный. Ведь в нем участвует не только школа и вуз, но и компьютер, телевизор, СМИ. И каждый из них целенаправленно формирует представление о сущности социальной реальности, реализует конкретный

заказ. Следовательно, мировоззрение формируется через плюрализм гносеологических, методологических и социальных оснований на сущность одной и той же проблемы. А эта сущность может быть репрезентирована в форме скептицизма как факта сомнения в ее истинности; эклектики, где имеет место подмена одних логических оснований другими, а многосторонняя трактовка сущности социального процесса или явления оказывается простой видимостью; софистики как особой системы рассуждений, основанной на преднамеренном нарушении законов и принципов формальной логики, на употреблении ложных выводов и аргументов, выдаваемых за истинные. И сегодня перед педагогом возникает ряд трудностей, которые будут усугубляться дистанционной формой обучения.

В-четвертых, при этой форме обучения теряются реальные возможности управления процессом формирования национального самосознания, реализации национальной идеи. Национальная идея – это система принципов, воззрений, отражающая единство, целостность, синкретичность народа, его менталитет, собственное понимание внутренних и мировых процессов.

Сегодня резко усложняется обстановка с формированием ментальности, как проявлением менталитета в их индивидуальном сознании. Поэтому необходима ускоренная разработка технологий в условиях дистанционной формы обучения, которые окажут действенную помощь в решении сложных задач формирования личности и специалиста.

Но это не означает отказ от дистанционной формы обучения, необходимо перенимать опыт у других стран, прежде всего у Китая. Еще в 2007 г. Президент Китая Ху Цзиньтао заявил, что в стране «дистанционное образование будет способствовать построению общества учебного типа, в котором все граждане имеют возможность учиться на протяжении всей жизни. С 2003 по 2007 г. центральное правительство и местные власти выделили не менее 10 млрд юаней (1 млрд долл. США) на организацию современного дистанционного обучения» [7, с. 252]. А вузы многих постсоветских республик не подготовили методическое и техническое обеспечение, что только усиливает кризис образовательной реальности.

Заключение. Несомненно, что так же как и многие эпидемии, болезни, потрясения, человечество переживет и Covid-19. Однако на его теле останутся рубцы как память о человеческих жертвах, финансово-экономическом кризисе, спаде духовного производства. Будут разработаны методики формирования мировоззрения, гуманистического воспитания, национального самосознания дистанционно, но они никогда не заменят живое человеческое общение. Поумнеет ли человечество в своих взаимоотношениях с природой, изменится ли хищническая стратегия человека по отношению к ней, одержит ли его разум после возрождения из Covid-19 победу, станет ли богаче внутренний духовный мир, чем материальный, – покажет дальнейшая история цивилизационного развития человечества.

Список литературы

1. Чумаков А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов. М.: Проспект, 2018. 512 с.
2. Водопьянов П. А., Крисаченко В. С. Стратегия бытия человечества. Минск: Беларус. навука, 2018. 306 с.
3. Береговая О. А., Кудашов В. И. Глобализирующий мир и трансформации высшего образования // Век глобализации. 2017. № 4. С. 121–127.
4. Языкович В. Р. Культурология. Минск: РИВШ, 2010. 364 с.
5. Пунченко О. П., Пунченко Н. О. Археология ноосферного образования. Одесса: Друк Південь, 2017. 452 с.
6. Заренин М. В. Информация: свойства, ресурсы, информационные технологии. Гомель: Полес-печать. 2012. 224 с.
7. Нейсбит Дж., Нейсбит Д. Китайские мегатренды. 8 столпов нового общества; пер. с англ. М.: Астрель, 2012. 320 с.

References

1. Chumakov A. N. *Global'nyy mir: stolknoveniye interesov* [Global World: clash of interests]. Moscow, Prospect Publ., 2018. 512 p.
2. Vodop'yanov P. A., Krisachenko V. S. *Strategiya bytiya chelovechestva* [The strategy of human existence]. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2018. 306 p.
3. Beregovaya O. A., Kudashov V. I. The globalizing world and transformation of higher education. *Vek globalizatsii* [The century of globalization], 2017, no. 4, pp. 121–127 (In Russian).
4. Yazykovich V. R. *Kul'turologiya* [Culturologia]. Minsk, RIVSh Publ., 2010. 364 p.

5. Punchenko O. P., Punchenko N. O. *Arkheologiya noosfernogo obrazovaniya* [Arheology of noosphere education]. Odessa, Druk Pivden' Publ., 2017. 452 p.

6. Zarenin M. V. *Informatsiya: svoystva, resursy, informatsionnyye tekhnologii* [Information: properties, sources, information technology]. Gomel, Polespechat' Publ., 2012. 224 p.

7. Naisbitt J., Naisbitt D. *China's megatrends. The 8 pillars of a New Society*, New York, Harper Business, 2010. 272 p. (Russ. ed.: Neysbitt J., Neysbitt D. *Kitayskiye megatrendy. 8 stolpov novogo obshchestva*. Moscow, Astrel Publ., 2012. 315 p.).

Информация об авторе

Пунченко Олег Петрович – доктор философских наук, профессор кафедры «Стандартизация, оценка соответствия и образовательных измерений». Одесская государственная академия технического регулирования и качества (65020, г. Одесса, ул. Кузнечная, 15, Украина). E-mail: olegpetr02.09@gmail.com

Information about the author

Punchenko Oleg Petrovich – DSc (Philosophy), Professor, the Department of Standartization, Conformity assessment and educational measurement. Odessa State Academy of Technical Regulation and Quality (15, Kuznechnaya str., 65020, Odessa, Ukraine). E-mail: olegpetr02.09@gmail.com

Поступила 15.02.2020

УДК 1(091)+101.1:316

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

**АРХЕТИПЫ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО
И ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В ФИЛОСОФИИ К. ЮНГА**

В статье раскрывается и анализируется связь деструктивной природы человека с возникновением общества массовой культуры. В качестве методологии исследования выступила концепция коллективного бессознательного К. Юнга. Актуализация архетипа «Тень», воплощающего базовые инстинкты и ищущего выход для разрядки в различных формах социальной деструкции, дала возможность определить насилие как результат игнорируемого бессознательного. В качестве одной из главных характеристик массового общества была определена потеря гармонии сознания с бессознательным, что выразилось в массовизации сознания и поведения людей, растворении личности в толпе, ощущении внутренней дисгармонии. Причиной нарушения психического баланса выступает тотальная рационализация и формализация общественных отношений. Игнорирование и подавление бессознательного требует компенсации: стремление снять невроз как за счет идентификации индивидуального сознания с коллективным, так и посредством сублимации иррациональных влечений. Результатом такой компенсации выступает псевдополитическая активность, которая не предполагает разумного выбора и осознанного действия. Это приводит к невротизации, которая может получить форму психической эпидемии. В силу чего любое событие, выводящее из равновесия социальную систему, грозит обернуться и оборачивается разрушительным поведением масс. Опасность такой разрядки повышается в современном информационном обществе. В качестве вывода отмечается, что «Тень» выступает как моральная проблема, бросающая вызов «Я» и неосознаваемая без нравственных усилий. Поэтому первым шагом к ее осознанию становится признание реальности своих темных сторон.

Ключевые слова: коллективное бессознательное, архетип «Тень», насилие, деструкция, массовое общество, информационное общество.

Для цитирования: Сидоренко И. Н. Архетипы коллективного бессознательного и проблема насилия в философии К. Юнга // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 134–137.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

**ARCHETYPES OF THE COLLECTIVE UNCONSCIOUS
AND THE PROBLEM OF VIOLENCE IN PHILOSOPHY OF C. JUNG**

In this article the author reveals and analyzes the relationship between the destructive nature of man and the emergence of mass culture society. The methodology of the research is the concept of the collective unconscious C. Jung. The author actualizes the archetype “Shadow”, which embodies the basic instincts and seeks a way to discharge in various forms of social destruction. This enabled the author of the article to define violence as the result of an ignored unconscious. As one of the main characteristics of mass society was defined as a loss of harmony of consciousness with the unconscious, which resulted in massivization of consciousness and human behavior, the dissolution of the individual in the crowd, the feeling of inner disharmony. The cause of impaired mental balance is the total rationalization and formalization of social relations. The disregard and suppression of the unconscious requires compensation: the desire to remove neurosis due to both identification of individual consciousness with the collective, and through sublimation of the irrational appetites. The result of this compensation acts as a pseudo-political activity that does not involve a reasonable choice and conscious action. This leads to neurotization, which can turn into a mental epidemic. Because of this, any event that unbalances the social system can turn into destructive behavior of the masses. The danger of such detente is increasing in the modern information society. As a conclusion, it is noted that “Shadow” acts as a moral problem that challenges the “I” and is unconscious without moral effort. Therefore, the first step towards its realization is recognition of the reality of its dark sides.

Key words: collective unconscious, archetype “Shadow”, violence, destruction, mass society, information society.

For citation: Sidorenko I. N. Archetypes of the collective unconscious and the problem of violence in philosophy of C. Jung. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 1 (245)*, pp. 134–137 (In Russian).

Введение. Проблематика антропологии насилия, а именно раскрытие экзистенциально-антропологического модуля, находит свое отражение в анализе и разрешении проблемы «раздвоенности» человеческой природы и дихотомии подлинного и неподлинного отчужденного существования человека. Зигмунд Фрейд, анализируя формы самодеструкции как акты насилия, обнаружил в них эротический элемент, т. е. инстинкт разрушения сопровождается повышенным уровнем нарциссического наслаждения, основывающегося на удовлетворении желания господствовать над природой. В силу этого сущностной чертой деструкции как насилия над природой человека становится удовлетворение инстинкта наслаждения через разрушение. О насилии как деструкции в совершенно ином ключе, однако в рамках пространства психоанализа, писал швейцарский ученый Карл Юнг.

Основная часть. Наравне с индивидуальным бессознательным К. Юнг отметил наличие и значимость коллективного бессознательного, которое представляет не просто склад влечений и инстинктов, но и является источником будущих идей и психических состояний. Основное содержание коллективного бессознательного составляют архетипы, т. е. своеобразные манифестации глубинных слоев бессознательного, всеобщие, свойственные всему человечеству когнитивно-чувственные образы-образцы как отражение зафиксированного в глубинах психики опыта человечества. Архетип оказывает колоссальное влияние на поведение человека, народа, так как он «несет в себе некое особое “влияние” или силу, благодаря которой воздействие его носит нуминозный, т. е. зачаровывающий либо побуждающий к действиям характер» [1, с. 76]. Несмотря на всеобщность архетипов, их бессознательное содержание изменяется, «когда оно становится осознанным и воспринятым, и использует краски индивидуального сознания, в котором оно проявляется» [2, с. 174]. Поэтому архетип есть неизменная форма, получающая свое изменчивое историческое воплощение в зависимости от типа общественного развития. Однако на любом историческом этапе архетип функционирует как часть личности.

Деструктивность природы человека К. Юнг связывал с возникновением и развитием общества массовой культуры, на этапе реализации которого архетип «Тень» начинает играть доминирующую роль. «Тень» представляет собой оборотную негативную сторону человека,

которая скрыта ото всех, т. е. это те аспекты личности, которые человеком/группой отвергаются и подавляются. Таким образом, «Тень» выступает в качестве моральной проблемы, бросающей вызов «Я» и неосознаваемой без нравственных усилий. Первый шаг к осознанию – это признание реальности своих темных сторон [3]. Архетип «Тень» функционирует следующим образом: то, что не нравится – отрицается, не замечается, потом подавляется и в подавленном состоянии ищет аффект для разрешения или порождает невротическое состояние, одновременно проецируется на другого, т. е. в других видится то, что не замечается в себе. В массовом обществе архетип «Тень» воплощает все базовые инстинкты и ищет выхода для разрядки в различных формах насилия.

Главной характеристикой массового общества, с точки зрения К. Юнга, является потеря гармонии сознания с бессознательным, что выражается как в массовизации сознания и поведения людей, растворения личности в толпе, так и в ощущении внутренней дисгармонии. Причиной нарушения психического баланса выступает тотальная рационализация и формализация общественных отношений. Игнорирование и подавление бессознательного требует компенсации: стремление снять невроз как за счет идентификации индивидуального сознания с коллективным, так и посредством сублимации иррациональных влечений. Результатом такой компенсации выступает псевдополитическая активность, которая не предполагает разумного выбора и осознанного действия, а, наоборот, предстает как реакция, подчиняющаяся требованию: «Действуй, не думай!». В массовом обществе этот невроз получает форму психической эпидемии, «всеобщей политизации общественной жизни», требующей выхода в создании политических движений [3]. Политическое движение концентрирует в себе огромный психический заряд посредством концентрации коллективного бессознательного и его подавления. В силу чего любое событие, выводящее из равновесия социальную систему, грозит обернуться и оборачивается разрушительным поведением масс. Опасность такой разрядки повышается в современном информационном обществе.

Информационное общество не только делает социальную жизнь более комфортной, наполненной и активной из-за доступности информации, расширения информационного пространства и коммуникационных возможностей, оно

не только связано со становлением «общества знания», но и порождает новые проблемы, такие как угроза манипулирования сознанием и тотального контроля посредством информационных технологий; дефицит информации или ее избыточность; проблема полноты и объективности информации и т. д. Манипулирование информацией увеличивает риск деформации процесса принятия решения, грозящий радикальным обострением международной ситуации. На основании этого одной из главных опасностей и, к сожалению, уже тенденций современного общества является информационное насилие, которое правомерно определить как подавление и бессознательное подчинение индивида, группы, сообщества посредством информационных технологий. Так, например, Интернет подчас является пространством для осуществления так называемой «политики скандалов»: намеренной дезинформации, информационной мистификации, кибератак. Информация никогда не бывает полной, в этом и кроется опасность насилия: индивид на веру принимает те сведения, новости, рекламу, которые соответствуют его установкам и предпочтениям или подаются как научная информация из авторитетного источника. Именно так осуществляется скрытая сила информационного насилия, которое использует в качестве средств полит- и пиар-технологии [4]. Это не означает, что информационное насилие – порождение современного общества, нет, оно было всегда, однако благодаря современным информационным технологиям оно претендует на то, чтобы быть глобальным.

Внутренняя дисгармония и комплекс неполноценности с необходимостью приводят к трансформации массового общества в тоталитарное, механизмы осуществления которого К. Юнг обозначил как «психическую инфляцию» и «психическую дефляцию» [3].

Что касается психической инфляции, то она есть результат идентификации субъекта(ов) власти с коллективным бессознательным и наделением им(и) себя сверхчеловеческими качествами как компенсацией неполноценности. Парадокс заключается в том, что приписывание себе сверхчеловеческих качеств приводит к более острому переживанию своей неполноценности и, как следствие, усилению жажды новой сверхкомпенсации.

Психическая дефляция, напротив, в качестве своего источника имеет чувство неполноценности, которое переживает масса (при переносе силы бессознательного на вождя). Только в этом случае уже масса испытывает бессознательную жажду власти, однако утолить ее она может только посредством идентификации с вождем. Порочный круг есть и в реализации психической

дефляции: чем сильнее масса ощущает себя неполноценной, тем более жесткой и могущественной власти она требует. Круг замкнулся: вождь и масса невозможны друг без друга. Поэтому тиранический субъект власти с помощью различных форм насилия «подпитывает» комплекс неполноценности массы, порождая ответный всплеск насилия еще большего масштаба, и так по нарастающей.

В свою очередь расширение кругов насилия создает взрывоопасную ситуацию, грозящую как самому властному субъекту, так и обществу в целом. Решение этой проблемы иррационально: бессознательно тиранический субъект «овладевает» архетипом (например, Отца, Мудреца, Матери и т. п.) и на его основе осуществляет сплочение общества. Для сохранения интеграции массы в единство необходим еще враг. С этим масса хорошо справляется и сама: отрицая в себе негативные стороны, склонность ко злу и насилию и т. п., она оправдывает себя тем, что в акте проекции не только переносит все эти отрицаемые качества на другого (народ, государство, нацию), но и возлагает на них ответственность за проявление негативных тенденций в социуме. Именно с этими процессами К. Юнг связывал германский национал-социализм, «одурманивание» немцев «великой» идеей.

Вместе с тем нацизм, с точки зрения К. Юнга, является негативным примером отрицания коллективного бессознательного. Угроза теневых проекций и насилия существует и после поражения нацизма. Следуя мысли К. Юнга, правомерно отметить следующие основания этой угрозы: 1) самоценность государства и низведение личности до его функций; 2) пренебрежение коллективным бессознательным; 3) комплекс неполноценности; 4) конструирование образа врага; 5) «Тень» инстинктивно вытесняется в подсознание, «делая его психически больным». Игнорирование и подавление бессознательного не только приводит к тотальной рационализации, оборачивающейся безумием, и формализации общественных отношений, но и грозит психической эпидемией в виде «всеобщей политизации жизни». Следовательно, насилие – это результат большого подсознания, его деструкции. Массовое общество свои неврозы излечивает радикальным способом: с помощью революций и войн. В силу этого К. Юнг пессимистично оценивал возможность окончательного мира. Естественным является состояние войны, что же касается абсолютного мира, то это скорее противоестественно, так как попытка его установления приведет к тотальному подавлению влечений человека. В результате произойдет накопление отрицательной энергии, которая неизбежно приведет к взрыву.

Заключение. Несмотря на пессимизм К. Юнга, исходя из его идей, правомерно сконструировать сценарий минимизации насилия. Во-первых, это поиск баланса, преобразовывающего иррациональные влечения и агрессивные инстинкты. В качестве таковой в концепции К. Юнга предстает модель западной демократии. Она не лишена недостатков, в частности не спасает от обезличивания человека в государстве, однако представляет собой тот противовес, позволяющий не разгораться огню насилия, а еле тлеть под видом «умеренной» гражданской войны или анархии. Во-вторых, это восстановление психического здоровья народа за счет реализации психоаналитических шагов: 1) признание коллективной вины; 2) искреннее покаяние; 3) осознание бессознательного или «работа с Тенью». То есть,

признание существования темных сторон сподобно остановить их деструктивное влияние.

Таким образом, в психоаналитической философской концепции К. Юнга была раскрыта связь деструктивной природы человека с возникновением и развитием общества массовой культуры и актуализацией архетипа «Тень», который воплощает базовые инстинкты и ищет выход для разрядки в различных формах насилия, что дало возможность определить насилие как результат игнорируемого бессознательного, его деструкции. В силу этого правомерен вывод о том, что общество массового потребления превращается в общество тотального насилия. В качестве сценария преодоления насилия был предложен следующий: «работа с Тенью» как осознание своих темных сторон.

Список литературы

1. Юнг К. Г. Очерки по психологии бессознательного. 2-е изд. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
2. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 343 с.
3. Юнг К. Г. Эон: исследования о символике самости. М.: Академический Проект, 2009. 340 с.
4. Сидоренко И. Н. Информационное насилие в эпоху глобализации // Международная журналистика – 2014: диалог культур и взаимодействие медиа разных стран: материалы III Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 20 февр. 2014 г. / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2014. С. 244–252.

References

1. Jung K. G. *Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo* [Essays on the psychology of the unconscious]. 2nd ed. Moscow, Kogito-Tsenter Publ., 2010. 352 p.
2. Jung K. G. *Arkhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renaissance Publ., 1991. 343 p.
3. Jung K. G. *Eon: issledovaniya o simvolike samosti* [Eon: research on the symbolism of the self]. Moscow, Academic Project Publ., 2009. 340 p.
4. Sidorenko I. N. Information violence in the era of globalization. *Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii ("Mezhdunarodnaya zhurnalistika-2014": dialog kul'tur i vzaimodeystviye media raznykh struktur)* [Materials of the Third International scientific and practical conference ("International Journalism – 2014: dialogue of cultures and the interaction of the media of different countries")]. Minsk, 2014, pp. 244–252 (In Russian).

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolayevna – DSc (Philosophy), Assistant Professor, Professor, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: iri_na2000@rambler.ru

Поступила 10.03.2021

УДК 141.319.8+101.1:316

Н. Е. Захарова

Институт философии Национальной академии наук Республики Беларусь

СОЦИОПРИРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА: СМЕНА ПАРАДИГМ

Парадигма является системой фундаментальных научных представлений, принимаемых и разделяемых научным сообществом. В своем ценностном дискурсе парадигма затрагивает цели, средства и смысл социально-экологического развития. Для его трактовки важное значение имеют философско-научное понимание человека, его потребностей и интересов. Появилась насущная потребность в синтезе естественнонаучных, социальных, культурологических, психологических теорий и исследований для изучения экономических, политических, социально-экологических явлений, сознания и культуры человека, его перспектив в разрешении экологического кризиса. В статье проводится методологический анализ понятий «парадигма», «смена парадигм» в связи с приращением знания о природе человека в биологии, философской антропологии, психологии, социологии, образовании; показывается их диалектическая взаимосвязь на принципах универсализма и синтетической теории эволюции. Продуктивность данного парадигмального сдвига в трактовке человека и научного проектирования его социоприродных перспектив анализируется в ноосферной перспективе. Раскрывается содержание *социальной, интегральной, коэволюционной, психологической* парадигм в трактовке природы человека и его отношений с природой на принципах диалогизма. Очевидно, что многие виды поведения современных людей требуют их изучения с точки зрения эволюционной теории, так как главная задача любого сообщества – это обеспечение его выживания в постоянно изменяющихся условиях.

Ключевые слова: человек, природа, общество, парадигма, смена парадигм, норма, модель, поведение.

Для цитирования: Захарова Н. Е. Социоприродные перспективы человека: смена парадигм // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 138–141.

N. E. Zakharova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

HUMAN SOCIO-NATURAL PERSPECTIVES: A PARADIGM SHIFT

A paradigm is a system of fundamental scientific concepts accepted and shared by the scientific community. In its value discourse, the paradigm affects the goals, means and meaning of socio-ecological development. For its interpretation, the philosophical and scientific understanding of a person, his needs and interests is important. There is an urgent need for the synthesis of natural science, social, cultural, psychological theories and research for the study of economic, political, socio-ecological phenomena, human consciousness and culture, his prospects in resolving the ecological crisis. The article provides a methodological analysis of the concepts of “paradigm”, “change of paradigms” in connection with the increase in knowledge about human nature in biology, philosophical anthropology, psychology, sociology, education; shows their dialectical relationship based on the principles of universalism and the synthetic theory of evolution. The productivity of this paradigmatic shift in the interpretation of man and the scientific design of his socio-natural perspectives is analyzed from a noospheric perspective. The content of social, integral, co-evolutionary, psychological paradigms in the interpretation of human nature and his relationship with nature on the principles of dialogism is revealed. Obviously, many types of behavior of modern people require their study from the point of view of evolutionary theory, since the main task of any community is to ensure its survival in constantly changing conditions.

Key words: man, nature, society, paradigm, paradigm shift, norm, model, behavior.

For citation: Zakharova N. E. Human socio-natural perspectives: a paradigm shift. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 1 (245), pp. 138–141 (In Russian).*

Введение. Если в исторической научной ретроспективе сменяли друг друга мифологическая, теологическая, натуралистическая парадигмы в трактовке человека и общества, которые заменились парадигмой социальной,

то сейчас идет активный парадигмальный сдвиг в связи с приращением знания о природе человека в биологии, философской антропологии, психологии, социологии, в принципах универсализма и синтетической теории эволюции.

Как система фундаментальных научных представлений, принимаемая и разделяемая научным сообществом, в своем ценностном дискурсе парадигма затрагивает общество в целом, цели, средства и смысл социоприродного развития, а также трактовки и понимание человека, его потребностей и интересов.

Основная часть. Научная парадигма определена Т. Куном как совокупность образцов и ценностных установок, норм и правил, определяющих основные направления научных исследований в конкретном историческом периоде [1, с. 41]. Наряду с определением научной парадигмы как совокупности теоретических и методологических оснований выбора проблем, логики научных исследований, а также модели их решения [1, с. 74] Т. Кун также ввел понятие «смены парадигм» для описания изменения базовых посылок в рамках ведущей теории.

В исторической научной ретроспективе сменяли друг друга мифологическая, теологическая, натуралистическая, социальная парадигмы в трактовке человека и общества. *Мифологическая* парадигма (греч. *Mythos* – слово) опиралась на сказания, передающие представления древних народов о происхождении мира, о явлениях природы и т. п., которые выполняли функцию сверхъестественного толкования жизни. Такое объяснение не являлось научным, концептуально-теоретическим, но оно исходило из идеи системности и причинной обусловленности жизни. Миф толкуется как фундаментальное содержание коллективного сознания, как основа устойчивых социальных структур. Содержательная сторона мифологической парадигмы не должна игнорироваться в современном моделировании поведенческих стереотипов.

Теологическая (греч. Бог + слово) парадигма – систематизированное изложение вероучения, т. е. богословие как совокупность религиозных доктрин о сущности и действии Бога, созданного им мира и человека, построенная на основе текстов, принимаемых как божественное откровение. Теологическое толкование отношений человека с обществом и природой коррелирует как с мифологической, так и с пришедшей ей на смену *натуралистической* парадигмой – объяснением природы и социума, исходя из доминирующего значения экологических, географических, биологических и психологических факторов. Как развивающаяся система взглядов натуралистическая парадигма тяготела к физике, а в средние века сближалась с философией. Наиболее существенным подходом в натуралистическом способе объяснения общественных явлений считаются географический детерминизм, геополитика, биополитика и широкий спектр психологических концепций (О. Конт, Г. Спенсер, И. Тэн).

Социальная парадигма определяет модель поведения человека в жизни так же, как это делают его инстинкты, которые, собственно говоря, и выражаются через эту парадигму. Имея определенную модель постановки и решения проблем, человек действует согласно с ней. Для данного исследования наиболее продуктивной является такая социальная парадигма, как теория социального обмена (Дж. Хоманс, П. Блау, Р. Эмерсон), где функционирование человека в обществе основывается на обмене различными социальными благами, а взаимодействие между субъектами социальных отношений носит ценностно-нормативный характер.

Изучение экологии человека началось сравнительно недавно, в последней четверти XX в., когда стало понятно, что мы не можем представить себе отдаленных последствий даже наиболее безобидных человеческих действий, поскольку они разворачиваются в условиях не редукции, а нелинейных стохастических процессов, динамика которых сопряжена с неопределенностью и риском. Синергетический подход только подтвердил постулат о необходимости соблюдать предельную осторожность в осуществлении любых социальных и экологических действий в силу их «высокого сопряжения». Появление концепции устойчивого развития озвучило *интегральную* общенаучную парадигму знаний, которая возникает как результат широкого синтеза наук о природе, обществе и человеке. Эта бурно развивающаяся система знаний обладает внутренним устойчивым (синергетическим) свойством организовывать вокруг себя новые направления систематизации информации и результатов исследований по сохранению и воспроизводству жизни.

Эволюционная парадигма исходит из перспектив глобализации и перехода к устойчивому развитию. Принципы эволюционизма пришли в научный философский обиход из биологии благодаря трудам Ламарка, Дарвина, Уоллеса, и современные его трактовки отличаются от дарвиновской. Вселенная представляет собой единую саморазвивающуюся систему и все протекающие в ней процессы, суть составляющие единого мирового эволюционного процесса, в котором присутствуют случайные факторы, задающие условия некоторой неопределенности. Настоящее и будущее не определяются прошлым, а лишь зависят от него. Человек, изучая общественные явления, превращается в участника процессов Вселенной. В мире властвуют законы – принципы отбора, которые выделяют из возможных (виртуальных, мыслимых) состояний некоторое множество допустимых.

Так, *социальная* парадигма явлений общества и его отношений с природой на основе

социокультурных свойств, экономических отношений, права, религиозных, этико-нормативных и других факторов и свойств человека, приобретенных им в процессе социальной эволюции, оказывается тесной для понимания происходящих в мире явлений. В настоящее время происходит смена социальной парадигмы с производства на потребление, которое становится ядром социальной структуры. И знание о потребителе должно стать важнейшей составляющей науки о человеке, о возможностях его достойной, благополучной, экологически безопасной жизни. Философский анализ потребления и потребителя в условиях динамизма и нестабильности является важным элементом антропологического измерения современности. Потребление предстает как социокультурный и социозэкологический феномен с новой конституирующей ролью в формировании общественных отношений (В. В. Радаев, А. В. Шевчук, Д. Беккерт, М. Ноллерт, С. С. Ярошенко и др.). Человек-потребитель – противоречивое соединение рационалистичного субъекта и манипулируемого объекта социального взаимодействия, «актор» и «фактор» современного общества. Возникла новая качественная ситуация, которая требует новых подходов и новой парадигмы, предусматривающей снятие противоречий между природой и социумом.

Согласно Т. Куну, смена парадигм – движение не поступательное. Зачастую оно революционно, скачкообразно, хотя толчком к этой ломке служит вполне эволюционный процесс накопления эмпирических фактов [1, с. 42], в котором на постнеклассическом этапе заметно усилились тенденции междисциплинарного синтеза знаний на принципах эволюционной теории. В основе теории глобального эволюционизма наряду с принципами селектогенеза и отбора Ч. Дарвина лежит также теория Л. С. Берга (русского биолога, палеонтолога, историка науки), в которой разработана идея номогенеза – теории направленной эволюции, охранения нормы в развитии живых систем [2, с. 291]. Такое понимание принципов эволюционизма отвергает роль борьбы как своего решающего фактора. Роль естественного отбора ограничивается функцией охранения *нормы*, а в систему несущих понятий теории, помимо принципов эволюции, прогресса, борьбы, целесообразности, случайности, появления нового, простоты теории он вводит понятие *направленности*. Т. е. организмы изменяются по собственным законам, и видообразование идет не из одной точки, где случайно возникает комбинация признаков, как у Дарвина, а во множестве точек биогеоценоза [2, с. 300]. Эволюцию органического мира можно представить не в виде растущего дерева, развивающего все новые и новые ветви,

а в образе переворачиваемой книги, где одна страница (форма) сменяет другую: перевернутые страницы отходят в историю, открытые – до поры до времени продолжают жить.

Эволюция общества также, по сути, случайный процесс, который, однако, на больших временных отрезках (сотни лет) проявляет определенные закономерности развития, так называемый общественный прогресс. У Канта мы находим пояснение, что человек есть существо общественное, однако в нем имеются и противообщественные тенденции, которые грозят разрушением обществу. Однако если бы не противодействие (*Widerstand*), с которым каждый сталкивается при осуществлении своих противообщественных стремлений, не было бы места развитию талантов. «Человек желает согласия (*Eintracht*), но природа знает лучше, что хорошо для человеческого рода; она хочет раздора (*Zwieiracht*)» [3, с. 624].

Применительно к общественному развитию принципы номогенеза можно сформулировать так: 1) социальные организмы развились из многих первичных форм, т. е. полифилетично; 2) дальнейшее развитие шло преимущественно конвергентно (частью дивергентно), скачками, мутационно; 3) наследуемых традиций и культурных вариаций ограниченное число, и они идут по определенным направлениям; 4) борьба за существование и естественный отбор являются консервативными факторами и охраняют норму [2, с. 289].

Появилась насущная потребность привлечения психологических теорий и исследований для изучения экономических, политических, социально-экологических явлений, изучения сознания и культуры человека, его перспектив в разрешении экологического кризиса. Появление эволюционной психологии, по сути, предсказано Ч. Дарвином [5, с. 450]. Очевидно, что многие виды поведения современных людей требуют их изучения с точки зрения эволюционной теории, так как главная задача любого сообщества – это обеспечение его выживания в постоянно изменяющихся условиях. До конца XX в. в отечественной психологии (как, впрочем, и в мировой) практически отсутствовали серьезные исследования индивидуального и группового экологического сознания. Проблемами души в контексте ее взаимодействия с Природой стали активно заниматься философы, социологи, педагоги, медики, биологи, писатели и другие самые различные специалисты, в то время как «главные знатоки человеческой души» – психологи продолжали игнорировать эту тематику в своих работах. Даже такая отрасль, как психология окружающей среды (*Environmental Psychology*), сосредоточила свои усилия вовсе не на проблемах природосохраняющего поведения, а занималась изучением влияния той или иной среды на поведение человека.

Психологическая парадигма дополняет разработку стратегии и технологии природоохранной деятельности в ее гуманитарном аспекте.

В настоящее время практически ни один человек до конца не понимает, а вернее, не в состоянии глубоко почувствовать, что он целиком и полностью зависит от состояния природной среды и от тех изменений, которые он вносит в нее своим трудом. Причина психологически безразличного отношения к результатам своего труда, писал К. Маркс, кроется в отчуждении человека от природы в самом широком смысле этого понятия [6, с. 61]. На более ранних стадиях развития человеческого общества мышление человека превращало природу в живое существо, такое же, как и сам человек. Он знал, когда и как вести себя в конкретной природной обстановке. *От его поведения зависело его будущее.* Современные лесорубы знают о своих варварских методах, но не обращают внимания на состояние леса после вырубки.

Возникает социорациональный тип человеческой личности: вторичное вытеснило первичное и породило образ, который практически не выражает сущность современного человека.

Рациональный человек – продукт общества, он весь вовне и следует извне внушаемым правилам поведения. Благодаря искреннему вживанию в миф о решающей роли социальной среды вытесняется всякая идея личной ответственности и рациональность нынешнего человека приобретает характер видимости, отсутствия «Другого», перед которым несет ответственность.

Заключение. Диалогическое отношение к природе является одним из базисных принципов альтернативной культуры или «контркультуры» (Т. Роззак, Г. Леонард, М. Фергюсон, Ф. Капра, В. Харман и др.). Идея целостного и системного описания закономерностей и динамики процессов, происходящих в природе, общественной жизни, культуре, человеческом мышлении, неизбежно предполагает преобразование самого восприятия мира. Гуманизм, который положен в основание контркультуры, основан на глубоком уважении к неразрывности жизни индивидуальной и «жизни Планеты». Диалог, собственно, и рассматривается в качестве такого эталона понимания и поведения, который должен преодолеть антропоцентричность современной культуры.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
2. Берг Л. С. Труды по теории эволюции 1922–1930. Л.: Наука, 1977. 387 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. Сочинения: в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
4. Новиков А. М. Постиндустриальное образование. М.: Эгвес, 2008. 136 с.
5. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. М.: Юрайт, 2019. 445 с.
6. Маркс К. Капитал: в 3 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1974. 555 с.

References

1. Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1975. 288 p.
2. Berg L. S. *Trudy po teorii evolyutsii 1922–1930* [Works on the theory of evolution 1922–1930]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 387 p.
3. Kant I. *Kritika chistogo razuma. Sochineniya: v 6 tomakh. Tom 3* [Critique of Pure Reason. Essays in 6 volumes. Vol. 3]. Moscow, Mysl' Publ., 1964. 799 p.
4. Novikov A. M. *Postindustrial'noye obrazovaniye* [Post-industrial education]. Moscow, Egves Publ., 2008, 136 p.
5. Darwin Ch. *Proiskhozhdeniye vidov putem estestvennogo otbora* [The origin of species by natural selection]. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 445 p.
6. Marks K. *Kapital: v 3 tomakh. Tom 1* [The Capital. Vol. 1]. Moscow, Politizdat Publ., 1974. 555 p.

Информация об авторе

Захарова Наталия Евгеньевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной Академии наук Республики Беларусь (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2, Республика Беларусь). E-mail: nz-a@tut.by

Information about the author

Zakharova Natalia Evgen'yevna – PhD (Philosophy), Leading Researcher, the Center of Philosophical and Anthropological Research. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: nz-a@tut.by

Поступила 15.03.2021

УДК [008.2+001.2]

Н. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Республики Беларусь

**ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИОТЕХНИЧЕСКОЙ КОЭВОЛЮЦИИ**

В статье рассмотрено содержание основных концепций человеческого развития, таких как «базовые нужды», «перераспределение за счет роста», «человеческий капитал», «человеческое развитие», «эндогенный рост». Главная цель развития состоит в создании благоприятной для жизни среды, включающей возможность прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания и иметь доступ к необходимым ресурсам, иметь гарантированные права и т. п. Вышеназванные концепции проанализированы по критерию полноты признаков, отвечающих данным требованиям.

Определена специфика воздействия технологических и инновационных изменений на человеческое развитие. Рассмотрены процессы модернизации экономической сферы, связанные с научно-технологическими трансформациями в обществе. Показано, что основой человеческого развития в новых условиях становятся уровень образования, доля высококвалифицированного интеллектуального труда.

Сделан вывод о том, что оценка устойчивого развития техники и общества, их коэволюция связаны, в первую очередь, с вопросами сферы применения техники, исследования ее социальных и экологических последствий.

Ключевые слова: человеческое развитие, коэволюция, техника, общество.

Для цитирования: Лазаревич Н. А. Человеческое развитие в контексте социотехнической коэволюции // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 142–145.

N. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

**HUMAN DEVELOPMENT IN THE CONTEXT
OF SOCIOTECHNICAL COEVOLUTION**

The article examines the content of the basic concepts of human development: “basic needs”, “redistribution through growth”, “human capital”, “human development”, “endogenous growth”, etc. The main goal of development is to create a life-friendly environment that includes the opportunity to live a long and healthy life, acquire knowledge and have access to resources, have guaranteed rights, etc. The above-mentioned concepts are analyzed according to the criterion of completeness of features that meet these requirements.

The specifics of the impact of technological and innovative changes on human development are determined. The processes of modernization of the economic sphere associated with scientific and technological transformations in society are considered. It is shown that the basis of human development in the new conditions is the level of education, the share of highly qualified intellectual work.

It is concluded that the assessment of the sustainable development of technology and society, their coevolution are related to the issues of the scope of application of technology, the study of its social and environmental consequences.

Key words: human development, coevolution, technology, society.

For citation: Lazarevich N. A. Human development in the context of sociotechnical coevolution // *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 142–145 (In Russian).

Введение. Весь ход истории человечества связан с активным освоением окружающей среды, стремительным совершенствованием различных технологий, средств и орудий труда с целью удовлетворения человеческих потребностей. Техника проникла во все сферы жизни, стала частью культуры. В ходе технологической революции виды и способы труда преобразуются под влиянием новых технологий. Такое

преобразование определяет характер связей между трудом и человеческим развитием.

Основная часть. Длительное время человеческое развитие оценивалось с точки зрения экономического роста, который выступал критерием прогресса. Со временем становится ясно, что показатель только экономического роста для человеческого развития не является достаточным, а лишь одним из его необходимых

компонентов. Нобелевский лауреат, экономист Артур Льюис в 1955 г. определил цель развития как «расширение выбора человека» [1]. Развитие стало рассматриваться как многоплановый процесс, существенное воздействие на который оказывают факторы социального и политического порядка. Именно тогда появляются парадигмы и принципы, которые послужили концептуальными основами теорий человеческого развития: *концепции базовых нужд, концепции перераспределения, теории человеческого капитала* и др. Так, концепция «перераспределение за счет роста» связывает обеспечение благополучия людей, в первую очередь неимущих, за счет расширения трудоемких производств и, следовательно, увеличения ВВП, заработной платы и доходов, а также масштабной государственной поддержки социальной сферы. Другая концепция «базовых нужд», легла в основу известного доклада Международной организации труда (МОТ) «Занятость, рост и базовые нужды» 1976 г. Основной ее принцип – государственная политика направлена на обеспечение доступа населения к социальным услугам и товарам, так называемым «основным потребностям». К их числу относят не только продукты первой необходимости, но и здравоохранение, образование и др. [2]. Показатели основных потребностей в данной концепции оцениваются в соотношении *основных потребностей* с их *количественными показателями*. Здоровье – через продолжительность жизни; образование – через долю обучающихся в начальных школах в процентах от населения в возрасте 5–14 лет; пищу – в виде числа калорий на душу населения в процентах от необходимых; водоснабжение – через долю населения, имеющего доступ к питьевой воде и т. п. Обе эти концепции явились попыткой определить составляющие человеческого развития, но они ориентировались в основном на удовлетворение так называемых «базовых» потребностей. Был необходим подход, который бы позволил оценить развитие той или иной страны более глубоко и всесторонне и, главное, выявить основные составляющие *развития личности* как основной долгосрочной цели развития человеческого общества.

Во второй половине XX столетия Теодор Шульц в исследованиях, посвященных анализу причин и факторов роста производительности труда обратил внимание на то, что *образование* превращает простого исполнителя в творческого работника, заставляет его анализировать ситуацию, искать оптимальные пути решения производственных задач [3]. Он создает концепцию с красноречивым названием *теория человеческого капитала*, в которой человек является тем самым «капиталом», благодаря которому

общество развивается. Т. Шульц отнес к инвестициям в человеческий капитал не только прямые затраты на образование в средних и высших учебных заведениях, но и самообразование дома, повышение опыта на работе, а также капиталовложения в сферу здравоохранения, образования и науки. Он выдвинул предположение, что именно вложения в «человеческий капитал» становятся важнейшими факторами преобразования экономики, модернизации экономических и юридических институтов. Это плодотворная идея нашла свое подтверждение: инвестированные вложения в человеческий капитал в развитых странах являются самыми эффективными и быстро окупающимися для общества. В настоящее время понятие «человеческий капитал» включает *совокупность способностей* личности, обусловленных запасом его знаний, здоровья, профессиональных навыков и способностей к труду, которые способствуют росту производительности труда и увеличению доходов. Однако *теория человеческого капитала* рассматривает людей как **средство** роста производства, в отличие от близкой по содержанию концепции – *человеческого развития*, где люди являются **основной целью** прогресса. Здесь нельзя не вспомнить И. Канта с его утверждением о том, что человек – всегда цель и никогда – средство.

Основные положения концепции *человеческого развития* как теории и методологии комплексного экономического, социального и политического развития сводятся к тому, что человеческое развитие – это процесс обеспечения людей широким выбором во всех аспектах человеческой жизни. Главные из них – возможность прожить долгую и здоровую жизнь, приобрести знания и иметь доступ к необходимым ресурсам, иметь гарантированные права. Цель развития состоит в том, чтобы создать благоприятную для долгой, здоровой и творческой жизни людей среду» [4]. Основные направления развития обозначаются Организацией Объединенных Наций как «принцип развития, нацеленного на человека». Понятие «развитие» в данной концепции объединило экономическое, социальное развитие, общественный прогресс. Экономическое развитие может обеспечить повышение человеческого развития лишь тогда, когда оно обеспечивает достаточный уровень социальной сферы – вложения в здоровье, образование, среду обитания [5, с. 11]. Разработка концепции человеческого развития позволила сформулировать качественно новый подход к пониманию общественного развития, который включает в себя экономический рост, социальные инвестиции, расширение возможностей людей, удовлетворение их основных потребностей, в том числе экологических, систем социальной

защиты, политические и культурные свободы и многие другие стороны жизни людей. Иногда используют в качестве синонима такое понятие как «качество жизни».

Существует более 150 методик оценок человеческого развития, среди которых наиболее распространенным является *индекс человеческого развития* (ИЧР) (Human Development Index (HDI) – комбинированный показатель, характеризующий развитие человека в странах и регионах мира. Индекс человеческого развития ежегодно рассчитывается экспертами Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) совместно с группой независимых международных экспертов. В настоящее время индекс охватывает 190 стран – участниц ООН и измеряет достижения каждой страны с точки зрения состояния здоровья, получения образования и фактического дохода граждан [6].

Под влиянием научно-технической революции происходит углубление содержания многих концепций социального развития. Так, широкое распространение получила новая теория экономического роста – *теория эндогенного роста*. Она исследует в долгосрочной перспективе воздействие на темпы развития технологических и инновационных изменений [7, с. 5]. Благодаря им темпы социального развития резко ускоряются, экстенсивное развитие сменяется интенсивным, когда инновации, творчество формируют новые образцы деятельности, новые целевые и ценностные установки человеческого развития. Среди них: более высокие жизненные стандарты, включающие медицинское обслуживание, санитарные условия и питание, увеличивающие более чем вдвое среднюю продолжительность жизни в промышленно развитых странах социальную и географическую мобильность; более совершенные системы коммуникации, повышающие качество деловой, профессиональной, личной жизни.

В бо́льшинстве случаев необходимость новых поколений техники и технологий социально и экономически детерминирована, именно таким образом происходит их включенность в общественные отношения. Технико-технологическое развитие фактически всегда строится с учетом задач общества и целей его развития. Тем самым подчеркивается включенность техники в общественные отношения. Словом, по утверждениям защитников технико-технологического прогресса, техника приносит не только материальные, но и культурно-психологические и социальные выгоды [9].

Устойчивое социотехнологическое развитие должно удовлетворять множеству критериев. В любом случае, оно должно быть проанализировано и оценено с разных точек зрения, чтобы получить истинное представление о том, в каком направлении необходимо двигаться. Оценки совместного развития техники и общества, их коэволюция связаны в первую очередь с вопросами сферы применения техники, исследования ее социальных и экологических последствий, потребительского поведения, общих условий развития, а также с вопросами о том, каким образом могут быть получены те новые технологии, которые будут способствовать лучшему качеству жизни и, значит, более высокому человеческому развитию.

Социализация техники и создание гарантий для устойчивого развития общества весьма противоречивы. Внедрение новой техники всегда связано с известной долей неопределенности, поскольку современная техника является настолько сложной, что прогнозирование ее побочных следствий становится фактически невозможным. Причем вклад в возрастание рисков от использования новых видов техники вносят не только ее разработчики и производители, но и пользователи. Риски связаны в первую очередь с вопросами сферы применения техники, исследования ее социальных и экологических последствий, потребительского поведения, а также с вопросами о том, каким образом могут быть получены новые технологии, способствующие большей устойчивости общественного развития. Одними из важнейших становятся также этические дискуссии, касающиеся ответственности перед будущими поколениями за социальные последствия научно-технического развития, а также выводы и прогнозы по поводу техногенного будущего человека и общества.

Заключение. В разработке критериев оценки влияния техники и технологий на человеческое развитие необходима нацеленность на долгосрочные прогнозы и заключения, обнаружение механизмов воздействий техники на общество и окружающую среду, исследование техногенных рисков в экологическом, социальном, экономическом и политическом измерении, изучение обратного действия этих эффектов на техническую деятельность. На основе вышеназванных знаний необходима подготовка способов действия, обеспечивающих возможности выбора для технико-технологических решений с целью достижения высокого человеческого развития.

Список литературы

1. Льюис У. А. Машина экономического роста замедляет ход // Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков: в 5 т. Т. V. Кн. 1. М.: Мысль, 2004. С. 16.

2. Занятость, рост и базовые нужды: Доклад Международной организации труда (МОТ). 1976. URL: <http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/convdisp1.htm> (дата обращения: 10.10.2020).
3. Шульц Т. Экономика семьи // Маркетинг. 1992. № 4. С. 123–126.
4. Доклад ООН о развитии человека. 1990. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_ru.pdf (дата обращения: 12.10.2020).
5. Доклад ООН о развитии человека. 1994. URL: <http://vestnik.krsu.edu.kg/article/download/5858> (дата обращения: 12.03.2020).
6. Ушаков И. Б. Качество жизни и здоровье человека. М.: Истоки, 2005. 130 с.
7. Сергеев И. В., Веретенников И. И., Сергеев А. И. Научно-технический прогресс и экономика. М.: Велби, 2004. 378 с.
8. Махбуб Уль Хак. Концепция человеческого развития. URL: http://humandevlopment.uz/ru/courses/detail.php? COURSE_ID=1&LESSON_ID=12#_ftn1 (дата обращения: 21.10.2020).

References

1. L'yuis U. A. The economic growth machine slows down. *Mirovaya ekonomicheskaya mysl': skvoz' prizmu vekov: v 5 tomakh. Tom V. Kniga 1* [World ekonomik thought: Through the Prist of Ages. In 5 vol. Vol. V, Part 1]. Moscow, Mysl' Publ., 2004. P. 16 (In Russian).
2. *Doklad Mezhdunarodnoy organizatsii truda ("Zanyatost', rost i bazovyye nuzhdy")* [Report of the International Labor Organization ("Employment, growth and basic needs")], 1976. Available at: <http://www.ilo.org/ilolex/russian/docs/convdisp1.htm> (accessed 10.10.2020).
3. Shul'ts T. Family economics. *Marketing* [Marketing], 1992, no. 4, pp. 123–126 (In Russian).
4. *Doklad OON o razvitii cheloveka. 1990* [UN Human Development Report]. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2019_ru.pdf (accessed 12.10.2020).
5. *Doklad OON o razvitii cheloveka. 1994* [UN Human Development Report]. Available at: <http://vestnik.krsu.edu.kg/article/download/5858> (accessed 12.03.2020).
6. Ushakov I. B. *Kachestvo zhizni i zdorov'ye cheloveka* [Quality of life and human health]. Moscow, Istoki Publ., 2005. 130 p.
7. Sergeev I. V., Veretennikov I. I., Sergeev A. I. *Nauchno-tekhnicheskiy progress i ekonomika* [Scientific and technological progress and economy]. Moscow, Velbi Publ., 2004. 378 p.
8. Makhbub Ul' Khak. *Kontsepsiya chelovecheskogo razvitiya* [The concept of human development]. Available at: <http://humandevlopment.uz/ru/courses/detail.php> (accessed 21.10.2020).

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной Академии наук Республики Беларусь (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1/2, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natal'ya Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Senior Researcher, the Center of Philosophical and Anthropological Research. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 15.03.2021

УДК 614.251.2:001.8(083.132)

В. Н. Сокольчик

Белорусская медицинская академия последипломного образования

**РОЛЬ ЭТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ БИМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСПЫТАНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Представленная публикация посвящена анализу функционирования этических комитетов, решающих вопросы исследовательской этики в современной биомедицине, и в частности рассматривает деятельность этических комитетов (ЭК) в системе здравоохранения в Беларуси. Этический комитет анализируется как институциональный инструмент биомедицинской этики. Рассматривается сущность деятельности ЭК по обеспечению соблюдения прав человека и очерчивается круг проблем, решение которых обеспечивает развитие ЭК в Республике Беларусь.

Реальные пути для совершенствования и развития деятельности ЭК в республике предполагают прозрачность деятельности ЭК, развитие этико-правовых компетенций их представителей, координацию их деятельности, формирование соответствующей политики не только в сфере здравоохранения, но и в целом в сфере научных исследований и изысканий. Совершенствование деятельности этических комитетов в сфере биомедицинских исследований должно сопровождаться формированием исследовательских этических комитетов и в тех сферах научной и практической деятельности, где проводятся исследования природы и социума.

Ключевые слова: этический комитет, права человека, биомедицинские исследования, междисциплинарность, уязвимые группы, информированное согласие, здравоохранение, опрос.

Для цитирования: Сокольчик В. Н. Роль этических комитетов в обеспечении прав человека при проведении биомедицинских исследований и испытаний в Республике Беларусь // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 146–150.

V. N. Sokolchik

Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education

**THE ROLE OF ETHICAL COMMITTEES IN SECURING HUMAN RIGHTS
REGARDING TO BIOMEDICAL RESEARCH AND TESTS
IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article is devoted to the examination of the role and status Ethical Committees (EC) in the theory and practice of modern medicine (biomedicine). The author analyzes EC as an institutional tool of biomedical ethics. The essence of the main types of EC, their general characteristics and specific features, status in modern society and prospects of activity are considered.

Real ways to improve and develop EC's activities in our Republic involve the development of their transparency, the growth of the ethical and legal competencies of their representatives, the coordination of the activities, the formation of an appropriate policy not only in the health sector, but also in the field of scientific research and research in general. Improving the activities of ethics committees in the field of biomedical research should be accompanied by the formation of research ethics committees in those areas of scientific and practical activities where research of nature and society is carried out.

Key words: Ethics Committee, human rights, biomedical research, interdisciplinarity, vulnerable groups, informed consent, healthcare, survey.

For citation: Sokolchik V. N. The role of Ethical Committees in securing human rights regarding to biomedical research and tests in the Republic of Belarus. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 146–150 (In Russian).

Введение. Особенная роль в обеспечении прав человека (прав исследуемых субъектов) в ходе биомедицинских исследований принадлежит этическим комитетам (далее – ЭК), созданным в учреждениях системы здравоохранения для рассмотрения, оценки и (по возможности)

одобрения проведения биомедицинских исследований, в том числе с участием людей. Для биомедицинских исследований этическая экспертиза имеет огромное значение, поскольку здесь, по сути, мы имеем дело с экспериментами, проводимыми на людях, с исследованиями,

которые могут негативно повлиять на жизнь и здоровье конкретного человека, отразиться в настоящем или будущем на качестве его жизни – как физическом/психическом, так и социальном. Вместе с тем необходимость развития биомедицинской науки и практики, вызовы новых биомедицинских технологий, позволяющих спасать человеческие жизни и улучшать ее качество, необходимость разработки новых методов лечения, лекарственных средств и медицинских изделий требует проведения клинических исследований с участием людей (далеко не всегда целесообразна и адекватна замена проводимых исследований на людях компьютерными экспериментами, симуляционными аппаратами и т. д.).

XXI в. поставил перед человечеством вопрос о соматических правах человека [1] – правах, связанных с возможностью распоряжаться своим здоровьем, органами, репродуктивными способностями и т. д. Однако следует помнить, что реализация соматических прав одного человека не должна негативно отражаться на других людях, вследствие чего максимально регламентируется нормами этики и права. Соблюдение и обеспечение соматических прав человека вкупе с нуждами науки и прогресса должно обеспечиваться комплексно: на уровне государства (через правовую систему), на уровне общества (через формирование этических норм и принципов) и на уровне самого человека как носителя общечеловеческих и личностных ценностей и прав.

В рамках биомедицинских исследований вопросы соблюдения прав участников исследования продумываются прежде всего исследователями (исходя из этико-правовых норм общества), а также этическими комитетами по вопросам этики исследований и испытаний. Такие этические комитеты (далее – ЭК) призваны рассматривать и сопровождать исследования в сфере биомедицины, предусматривая соблюдение этических принципов, норм и правил.

Основная часть. В Республике Беларусь система ЭК при учреждениях здравоохранения сложилась за последние 20 лет, на сегодня существует более 80 ЭК, занимающихся вопросами исследовательской этики (при медицинских университетах, медицинской академии последипломного образования, республиканских научно-практических центрах, крупных больницах и т. д.).

Деятельности ЭК, а также вопросам этики исследований и испытаний в биомедицине посвящены многие международные документы, статьи, исследования, руководства. Эта тема актуальна для всех ведущих международных организаций, прямо или косвенно занимающихся вопросами здоровья и прав человека – таких как

ООН (и ее соответствующие структуры), ЮНЕСКО, Совет Европы, ВОЗ и т. д. В частности, в дополнительном протоколе к Конвенции о правах человека и биомедицине «О защите прав и достоинств человека в связи с применением достижений биологии и медицины, о биомедицинских исследованиях» гл. 3 посвящена деятельности ЭК, где обозначено, что «каждый исследовательский проект представляется в Комитет по этике для проведения независимой экспертизы его этической приемлемости» (ст. 9, ч. 1) [2].

Согласно вышеназванному дополнительному протоколу к Конвенции, «целью междисциплинарной экспертизы этической приемлемости исследовательского проекта (*проводимой ЭК – прим. автора*) является защита достоинства, прав, безопасности и благополучия участников исследований» (ст. 9, ч. 2) [2].

Важнейшими задачами ЭК при рассмотрении биомедицинского исследования является изучение (экспертиза) дизайна исследования, изучение подготовленного для участников исследования информированного согласия, оценка цели, задач, актуальности, методов исследования с позиции защиты прав участников исследования и др. [3]. По итогам первичного рассмотрения представленных исследователем документов ЭК одобряет (или не одобряет) проведение исследования, формулирует рекомендации исследователю в сфере защиты прав испытуемых, максимального снижения возможных рисков для них и т. д.

К основным характеристиками деятельности ЭК, обеспечивающим соблюдение прав человека, относятся такие: следование биоэтическим установкам (правилам, нормам, принципам), принятым мировым сообществом и закрепленным в международных документах и национальном законодательстве, принципиальная независимость этических комитетов, междисциплинарность, повышение биоэтической квалификации членами комитета [4].

Следование биоэтическим установкам обеспечивается в большой степени знанием членами ЭК международных и национальных документов/рекомендаций по вопросам исследовательской этики. Это, прежде всего, Хельсинская декларация ВМА [5], Конвенция о правах человека и биомедицине [6] и др., а также национальные документы, в которых закреплены этические нормы и правила проведения биомедицинских исследований – Закон Республики Беларусь «О здравоохранении» (принят 18.06.1993, с изменениями от 11.12.2020 № 94-3) [7]; Технический кодекс установившейся практики «Надлежащая клиническая практика» (утвержден постановлением Министерства здравоохранения № 50 от 07.05.2009, с изменениями и дополнениями 2012 г.) [8] и др.

Здесь отражены не только общие нормы исследовательской деятельности и принципы действия ЭК, но и важнейшие требования к участию в биомедицинском исследовании.

Соблюдение норм биомедицинского исследования – обязанность и ответственность исследователя, однако контроль за добросовестностью (и грамотностью) исследователя, обоснованием включения в исследование уязвимых граждан должен осуществлять и ЭК.

Важнейшая этическая (биоэтическая) норма проведения исследований – требование исключительно добровольного участия в исследовании, оформленного письменным согласием субъекта исследований (для недееспособных – с письменного согласия одного из его законных представителей) (ст. 40) [7]. В рекомендациях по получению информированного согласия на участие в биомедицинском исследовании, подготовленных сотрудниками БелМАПО в 2020 г., подробно изложены требования и особенности подготовки информированного согласия [9], на сайте республиканского центра биоэтики также предложены разработанные формы/шаблоны информированных согласий на участие в исследовании, которые каждый исследователь может «доработать» в соответствии со своим проектом (<https://bioethics.belmapo.by/research-ethics.html>).

В соответствии с международными этическими принципами и нормами ЭК также осуществляется оценка соотношения риска и ожидаемой пользы (для субъекта исследований/для общества), оценку ожидаемой пользы/выгоды как для субъекта исследований, так и для общества и науки, оценку безопасности возможных последствий и негативных реакций для участников исследования. В числе дополнительных вопросов этической экспертизы – непредвиденные и серьезные реакции исследуемых/испытуемых; появление новых данных в процессе исследования, которые могут свидетельствовать об усилении риска для пациентов; знание (и планирование) культурных особенностей испытуемых/культурной среды; предотвращение возможности причинения вреда испытуемому – вреда только физического, но и социального и психологического (например, вследствие терапевтического заблуждения исследователя) и др. [10].

Независимость и междисциплинарность состава ЭК – это своего рода «инструмент», обеспечивающий реализацию возложенных на ЭК функций по защите прав участников исследований/испытаний.

Независимость ЭК предполагает свободу его мнений от политических/экономических/религиозных/социально-культурных и др. [11] установок, что обеспечивается за счет отсутствия требования подотчетности принятых решений

каким-либо органам (что, впрочем, не исключает обоснованности решений ЭК!). Независимость ЭК тесно связана с обеспечением междисциплинарности и представительности его состава. Междисциплинарность предполагает включение в состав ЭК не только представителей «профильных» биомедицинских специальностей (медиков, фармацевтов, биологов), но и в обязательном порядке гуманитариев (юристов, специалистов по этике, психологов), что обеспечивает комплексный подход к пониманию исследования и защите прав участников исследования. Кроме того, в состав ЭК должны включаться представители, по роду своей деятельности не зависящие от данного учреждения и отражающие разные интересы общества (например, представители общественных организаций, социальных проектов, церкви и т. д.).

Необходимо обратить внимание на то, что вопросы независимости ЭК не стоит смешивать с необходимостью координации их деятельности. На сегодня в Беларуси «курирует» деятельность ЭК в сфере проведения клинических испытаний лекарственных средств и медицинских изделий Республиканское унитарное предприятие «Центр экспертиз и испытаний в здравоохранении». Вместе с тем, деятельность ЭК по сопровождению/экспертизе биомедицинских исследований (диссертационных исследований, научных проектов и т. д.) практически не регламентирована и не координируется. Это – серьезная проблема, которую необходимо решать Комитету по биоэтике Республики Беларусь (национальному комитету), другим заинтересованным службам и ведомствам.

В целом, очерчивая круг проблем, связанных с функционированием ЭК по вопросам исследовательской этики, необходимо отметить, что несмотря на прозрачность задач ЭК в сфере биомедицинских исследований, реальная практика их действий далеко не всегда отвечает решению поставленных задач.

Во-первых, даже при наличии целого ряда международных и национальных правовых норм, регламентирующих проведение биомедицинских исследований, роль ЭК в этом процессе и алгоритм их деятельности не всегда понятны, к тому же реальные практики деятельности ЭК во многом зависят от компетентности их членов не только в вопросах биомедицины, но и в сфере биоэтики и прав человека.

Во-вторых, деятельность ЭК в области защиты прав участников исследований (что собственно и является главной задачей этического комитета) недостаточно регламентирована национальными правовыми актами; в частности, одобрения этического комитета для проведения исследований в республике не требуется

в обязательном порядке для подачи документов на защиту диссертации, утверждения исследовательского проекта и т. д.

В-третьих, деятельность ЭК в республике чаще всего не предусматривает этико-правовое «сопровождение» исследования, т. е. контроль за его проведением и соблюдением прав субъектов, включенных в исследование, на всем его протяжении.

В-четвертых, «субъективные» моменты в работе существующих ЭК: непонимание целей и задач членов ЭК, непонимание статуса ЭК (занимается он только вопросами испытаний лекарственных средств и медицинских изделий либо деятельность его затрагивает и проводимые исследования), отсутствие СОПов и незнание международных документов/рекомендаций, отсутствие финансирования деятельности ЭК и т. д.) осложняют деятельность по сопровождению/экспертизе и оценке биомедицинских исследований и испытаний.

Решение этих сложных вопросов предполагает усиления не только ЭК и заинтересованных структур, но и всего общества в целом. Необходимо сегодня очертить потенциал и обозначить перспективы ЭК в здравоохранении как органа, обеспечивающего консультационную и просветительскую деятельность по вопросам соблюдения прав человека и биоэтических принципов (правил) в исследованиях [11].

Реальные пути для совершенствования и развития деятельности ЭК в нашей стране прежде всего предполагают формирование соответствующей политики не только в сфере здравоохранения, но и в целом в сфере научных исследований и изысканий. Дело в том, что первоочередная задача, связанная с совершенствованием деятельности ЭК в сфере биомедицинских исследований, должна быть дополнена формированием исследовательских ЭК в тех сферах, где проводятся исследования природы/социума. В этом вопросе колоссальная роль принадлежит Комитету по биоэтике Республики Беларусь, который

должен взять на себя объяснение и популяризацию идеи работы ЭК по защите прав человека/животных/природы в целом как в различных сферах биомедицины, так и в различных областях современной науки (биологии, экологии, психологии, социологии и т. д.).

Разъяснение населению и собственно ученым важности этического сопровождения научных исследований, этической экспертизы научных проектов, которая уже давно стала в мире основой для функционирования любого научного проекта/исследования, затрагивающего права человека (и права всего живого) – еще одно направление совершенствования деятельности ЭК. По мнению автора, вопросы защиты жизни, здоровья и социального благополучия человека/природы достаточно важны, поэтому требуют «тройного контроля» – со стороны самого исследователя, со стороны экспертной оценки этического комитета и, безусловно, со стороны общества в целом.

Кроме того, необходима организация широких международных дебатов по вопросам деятельности ЭК, участие в разработке международных рекомендаций и документов, распространение соответствующих знаний, инициация совместных семинаров/вебинаров/тренингов членов ЭК, развитие системы повышения квалификации/обучения для членов ЭК.

Заключение. Эти и многие другие вопросы деятельности ЭК сегодня стоят на повестке дня Комитета по биоэтике Республики Беларусь, Республиканского центра биоэтики, Белорусской медицинской академии последиplomного образования, собственно этических комитетов и белорусской биоэтической общественности.

Таким образом, развитие современных ЭК и расширение их сферы деятельности не только в области биомедицинских исследований, но и исследований, посвященных человеку/обществу/природному миру (как для защиты прав человека, так и защиты прав животного), – одна из насущных и прогрессивных задач современного белорусского общества.

Список литературы

1. Василевич Д. Г. Соматические права человека и гражданина // Весці Нац. акад. навук Беларусі. 2017. № 1. С. 7–16.
2. Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine, concerning Biomedical Research (CETS № 195). URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 09.07.2020).
3. Guide № 1: Establishing bioethics committees. Paris, UNESCO, 2005. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001393/139309r.pdf> (дата обращения: 15.08.2020).
4. Богдан Е. Л., Сокольчик В. Н., Щавелева М. В. Современная биомедицина и биоэтические вызовы // Здравоохранение Беларуси. 2018. № 3. С. 37–44.
5. World Medical Association Declaration of Helsinki. URL: <https://drive.google.com/file/d/15q1uCwQrIR5LNqs7Z1LygzTPEcK1KmEn/view> (дата обращения: 15.05.2020).
6. Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS № 164). URL: <https://rm.coe.int/168007d004> (дата обращения: 26.01.2021).

7. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435–XII: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.12.2020, № 94-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». Минск, 2021.

8. Надлежащая клиническая практика: Технический кодекс установившейся практики. URL: <http://minzdrav.gov.by/ru/static/acts/tehnicheskie/teksty/TKP> (дата обращения: 10.02.2021).

9. Голобородько Н. В., Сокольчик В. Н., Александров А. А. Рекомендации по получению информированного согласия на участие в научном исследовании. Минск: БелМАПО, 2020. 36 с.

10. Этическая и правовая сторона проведения клинических исследований: сб. ст.; пер. с англ.; под ред. Иезекииль Дж. Эмануэль [и др.]. М.: Практ. медицина, 2013. 528с.

11. Johannes Köhler, Andreas Alois Reis, Abha Saxena. A survey of national ethics and bioethics committees // WHO bulletin 2021. URL: <https://www.who.int/bulletin/volumes/99/2/19-243907/en/> (дата обращения: 04.02.2021).

References

1. Vasilevich D. G. Somatic rights of a person and a citizen. *Vestsi Natsyyanal'nay akademii navuk Belarusi* [Bulletin of the National Academy of Science of Belarus], 2017, no. 1, pp. 7–16 (In Russian).

2. Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine, concerning Biomedical Research (CETS №195). Available at: <https://rm.coe.int/168007d004> (accessed 09.07.2020).

3. Guide № 1: Establishing bioethics committees. Paris, UNESCO, 2005. Available at: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001393/139309r.pdf> (accessed 15.08.2020).

4. Bogdan E. L., Sokol'chik V. N., Shchhaveleva M. V. Modern medicine and bioethics challenges. *Zdravookhraneniye Belarusi* [Public Health of Belarus], 2018, no. 3, pp. 37–44 (In Russian).

5. World Medical Association Declaration of Helsinki. Available at: <https://drive.google.com/file/d/15q1uCwQrIR5LNqs7Z1LygzTPEcK1KmEn/view> (accessed 15.05.2020).

6. Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS № 164). Available at: <https://rm.coe.int/168007d004> (accessed 26.01.2021).

7. The Law on Public Health of Republic of Belarus, June, 18, 1993, no. 2435–XII (redaction at 11.12.2020, no. 94-Z). *Konsul'tantPlus: Belarus'* [Consultant-plus: Belarus]. Минск, 2021 (In Russian).

8. *Tekhnicheskiy kodeks ustanovivsheysya praktiki "Nadlezhashchaya klinicheskaya praktika"* [Technical Code Good Clinical Practice]. Available at: <http://minzdrav.gov.by/ru/static/acts/tehnicheskie/teksty/TKP> (accessed 10.02.2021).

9. Goloborodko N. V., Sokol'chik V. N., Aleksandrov A. A. *Rekomendatsii po polucheniyu informirovannogo soglasiya na uchastiye v nauchnom issledovanii* [Recommendations for obtaining informed consent to participate in a scientific research]. Минск, BelМАПО Publ., 2020. 36 p.

10. *Eticheskaya i pravovaya storona provedeniya klinicheskikh issledovaniy: sbornik statey* [Ethical and legal aspects of conducting clinical trials: collection of articles. Art.]. Moscow, Prakticheskaya meditsina Publ., 2013. 528 p.

11. Johannes Köhler, Andreas Alois Reis, Abha Saxena. A survey of national ethics and bioethics committees. *WHO bulletin 2021*. Available at: <https://www.who.int/bulletin/volumes/99/2/19-243907/en/> (accessed 04.02.2021).

Информация об авторе

Сокольчик Валерия Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения. Белорусская медицинская академия последипломного образования (220019, ул. П. Бровки, 3, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: vsokolchik@mail.ru

Information about the author

Sokolchik Valerya Nikolayevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Public Health and Healthcare. Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education (3, P. Brovki str., 220019, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vsokolchik@mail.ru

Поступила 12.03.2021

УДК 101.8:316.3

М. Ю. Узгорок

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

**СУЩНОСТЬ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ
ПАТРИОТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

В статье рассматриваются сущность и особенности патриотического сознания. Отмечается, что формирование патриотического сознания в значительной степени обусловлено духовными потребностями, интересами и условиями существования общества, а также зависит от исторических изменений социальной, политической и культурной среды, в силу которых оно приобретает некоторые новые черты. Раскрываются механизмы взаимодействия психологического и рационального уровней восприятия патриотизма, сочетающих в себе единство чувственных, интеллектуальных и волевых побуждений индивида, необходимых для осуществления патриотической деятельности. Автором проанализированы особенности патриотической деятельности личности, основывающейся на единстве рациональной, эмоциональной и волевой составляющей патриотических действий. Указывается, что социально значимой деятельностью становится при условии регламентации формирования ее культурных норм, обычаев и традиций. В статье проанализированы патриотические потребности как внутренний стимул патриотической деятельности личности. Ценность патриотических потребностей заключается в том, что они играют определяющую роль в формировании духовной культуры человека. В заключении подчеркивается, что патриотическое сознание является духовным образованием, выражающим отношение человека к своему Отечеству и степень готовности к защите его национальных интересов. Истинный патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою неразрывность с Отечеством.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое сознание, патриотическая деятельность, патриотические потребности.

Для цитирования: Узгорок М. Ю. Сущность и социокультурная значимость патриотического сознания // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 151–154.

M. Yu. Uzgorok

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

**ESSENCE AND SOCIOCULTURAL SIGNIFICANCE
OF PATRIOTIC CONSCIOUSNESS**

The article examines the essence and features of patriotic consciousness. It is noted that the formation of patriotic consciousness is largely determined by the spiritual needs, interests and conditions of society's existence, and also depends on historical changes in the social, political and cultural environment, due to which it acquires some new features. The mechanisms of interaction of psychological and rational levels of perception of patriotism, which combine the unity of sensual, intellectual and volitional impulses of an individual, necessary for the implementation of patriotic activities, are revealed. The author analyzes the features of the patriotic activity of the individual, based on the unity of the rational, emotional and volitional component of patriotic actions. It is indicated that an activity becomes socially significant subject to the regulation of the formation of its cultural norms, customs and traditions. The article analyzes patriotic needs as an internal stimulus for the patriotic activity of an individual. The value of patriotic needs lies in the fact that they play a decisive role in the formation of a person's spiritual culture. In the conclusion, it is emphasized that patriotic consciousness is a spiritual education that expresses a person's attitude to his Fatherland and the degree of readiness to protect his national interests. True patriotism appears in the unity of spirituality, civic consciousness and social activity of a person who realizes his inseparability with the Fatherland.

Key words: patriotism, patriotic consciousness, patriotic activity, patriotic needs.

For citation: Uzgorok M. Yu. Essence and sociocultural significance of patriotic consciousness. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 151–154 (In Russian).

Введение. Патриотизм является мощным интегрирующим аспектом жизнедеятельности общества на любом этапе развития. Его активность достигает апогея в экстремальных ситуациях.

Однако патриотизм проявляется не как кратковременное явление, а как постоянно действующий фактор общественной стабилизации, субъектом которого является государство.

Патриотизм характеризует высокий уровень развития личности, он проявляется в ее активностно-деятельностной самореализации на благо Отечества, так как чувство любви к Родине становится ценностью только в том случае, когда находит свое практическое воплощение в виде конкретных действий и поступков [1].

Преодолевая инстинктивное начало, патриотизм становится осознанной силой, способной регулировать поведение, сознание, чувства человека в основных сферах жизнедеятельности.

Основная часть. Отношение субъекта к своему Отечеству и готовность к защите его национальных интересов находит отражение в патриотическом сознании. Как и другие формы общественного сознания (правовое, политическое, нравственное, эстетическое, религиозное, философское и научное), оно имеет свой предмет отражения социальной действительности – «потребностно-мотивационную структуру личности» [2] и способ отражения – «фиксирует объективную реальность в своих специфических категориях» [2]. То есть патриотическое сознание отражает не социальную жизнь в целом, а лишь патриотическую среду как ее составляющую.

Формирование патриотического сознания в значительной степени обусловлено духовными потребностями, интересами и условиями существования общества. Одним из важнейших условий формирования патриотического сознания является осознание важности национальных интересов в соотношении с личными интересами, т. е. формирование личностных смыслов и реализация их в деятельности. В современных условиях в систему национальных интересов Беларуси могут быть включены: обеспечение независимости и территориальной целостности, защита национальной самобытности, цивилизационной идентичности, социокультурных ценностей, сохранение культуры, развитие науки и образования, достижение высокого уровня и качества жизни граждан.

Патриотическое сознание зависит от исторических изменений социальной, политической и культурной среды, в силу которых оно приобретает некоторые новые черты. К примеру, в процессе исторического развития общества происходит обогащение и углубление содержания патриотического сознания: любовь к родной земле, к своему роду и племени дополняется чувством гражданской ответственности членов городской общины, а позднее – нации; постепенно уровень патриотического сознания поднимается на более высокую ступень и уже не ограничивается эмоциональной и чувственной сферой. Кроме психологических и идеологических факторов патриотическое

сознание включает в себя философские, политические, правовые, нравственные и эстетические элементы, представляя собой все более сложную систему.

Патриотическое сознание имеет два уровня: психологический, или чувственно-эмоциональный, и теоретический, или рационально-идеологический.

Исследователь патриотизма А. П. Погорелый отмечает, что психологический уровень патриотического сознания представлен в виде тысячелетиями складывающихся и практикующихся не изменяющихся традиций, обычаев, архетипов, присущих данному обществу, что составляет внутреннюю основу человеческого сознания. Вместе с тем он указывает, что психологический уровень имеет и внешнюю «оболочку», к которой относятся и постоянно изменяющиеся чувства, эмпирические понятия, связанные с патриотическими переживаниями, психологическое состояние субъекта при восприятии им характера обстановки, касающейся патриотизма [3]. Значимость данного уровня состоит в том, что именно в этой сфере сознания формируется первоначальная мотивация патриотической деятельности.

Теоретический уровень патриотического сознания включает в себя систематизированные научные знания и идеи о патриотизме, которые реализуются в государственных программах, программах политических партий, законодательных актах, касающихся патриотизма и отражающих интересы как отдельных социальных групп, так и общества в целом. Этот уровень сознания в сжатом виде представлен в государственной идеологии.

Определенная сложность формирования патриотического сознания состоит в том, что социальные группы, составляющие любое общество, имеют различные цели и интересы, часто противоречащие друг другу. Как отмечает Погорелый, «приписывание различным социальным классам большей или меньшей степени патриотизма, национализма или космополитизма имеет под собой определенную основу» [3]. Однако не стоит придавать слишком большую значимость данному фактору, чтобы не упрощать сложную и важную проблему, так как именно любовь к Родине может стать объединяющей идейной основой для представителей различных социальных слоев.

Патриотизм ни в коей мере не стоит ограничивать ни чувственным, ни рациональным уровнем восприятия. Для того чтобы человек обрел способность к высоким нравственным порывам во имя Родины, человеческое сознание должно сочетать в себе единство чувственных, интеллектуальных и волевых побуждений.

Патриотическое сознание детерминирует патриотическую деятельность, регулирует взаимодействия субъекта с объектом его патриотической деятельности. Ценность и социокультурная значимость патриотического сознания прежде всего состоят в практической реализации действий субъекта, направленных на благо Родины.

Патриотической деятельностью, по сути, является любая общественная деятельность, направленная на благополучие своего Отечества, но при этом не ущемляющая интересы других этносов и государств. Она предполагает создание и сохранение материальных и духовных ценностей, сохранение духовного потенциала личности и общества в целом.

Патриотическая деятельность – это способ воплощения патриотического сознания и реализация всех видов воздействий субъекта на объект патриотизма, совокупность действий, направленных на достижение патриотических целей. Действия можно считать патриотическими, если они направлены на служение Отечеству и выражают социально-нравственную ответственность личности за судьбу своей страны. В процессе патриотической деятельности человек не только стремится воздействовать на объективную реальность, воплощенную для него в понятии Родина, но и в значительной степени изменяет свой внутренний мир, согласуя его с патриотическими интересами и целями.

Патриотическая деятельность основывается на единстве рациональной, эмоциональной и волевой составляющей патриотических действий и зависит от патриотических потребностей, которые занимают одну из ведущих позиций в структуре потребностей личности. Однако в настоящее время необходимость формирования потребности в патриотической деятельности оказалась в эпицентре самых различных, часто противоположных взглядов, мнений, убеждений, дискуссий, в связи с чем исключительное значение приобретает раскрытие внутренних механизмов включения потенциала духовной культуры в практическую деятельность личности. Перед наукой стоит задача всестороннего анализа роли субъективного начала личности в овладении ценностями духовной культуры общества. Именно через призму своих ценностных отношений личность воспринимает окружающий мир. Поэтому у каждого человека есть нечто внутреннее, что составляет сложнейший механизм его ценностных отношений и проявляется в субъективных восприятиях и оценках всего того, с чем он сталкивается в процессе жизнедеятельности. Человек не приходит в этот мир с потребностью к действию, это качество требует формирования. Потребность к действию находится вне природы человека, в совокупности общественных отношений, развитых прошлыми поколениями.

В этих отношениях «запрограммированы» деятельность, мысли, чувства людей, принадлежащих к определенной культуре. Каждое новое поколение вносит изменения в общественные отношения и в то же время изначально формируется под определяющим воздействием тех отношений, которые унаследованы им. Деятельная сущность личности может развиваться только при условии регламентации формирования ее культурных норм, обычаев, традиций, и тогда деятельность наполняется социально значимым содержанием, становится для индивида способом определения своего места в социокультурной среде.

Патриотические потребности в процессе их формирования являются внутренним стимулом патриотической деятельности личности. Связь потребностей и деятельности, рассматриваемой в данном контексте, носит двусторонний характер. Потребность стимулирует и направляет деятельность, выступает в качестве ее первопричины и общего основания. Но и сама деятельность становится предметом потребности. Ценность патриотических потребностей заключается в том, что они играют определяющую роль в формировании духовной культуры человека. Осознание и практическая реализация потребностей и является процессом формирования его духовной культуры. Социализация личности в конечном счете состоит в формировании ее активной гражданской позиции с широким набором патриотических потребностей, которые являются определяющими в системе регуляторов деятельности человека, так как охватывают все элементы системы ценностных ориентаций и имеют важное значение в патриотической социализации личности.

Заключение. Патриотическое сознание является духовным образованием, выражающим отношение человека к своему Отечеству и степень готовности к защите его национальных интересов. Целостность патриотического сознания составляют психологический и теоретический уровни, находящиеся в неразрывном единстве и взаимовлиянии в процессе ценностно-патриотических отношений субъекта с действительностью.

Патриотическое сознание детерминирует патриотическую деятельность, являющуюся способом воплощения патриотического сознания, направленную на благополучие своего Отечества при условии сохранения интересов других этносов и государств.

Становление и удовлетворение патриотических потребностей связано с высшим уровнем развития личности, особенно в социально-духовном и нравственном плане.

Истинный патриотизм выступает в единстве духовности, гражданственности и социальной активности личности, осознающей свою неразрывность с Отечеством.

Список литературы

1. Узгорок М. Ю. Расширение сферы проявления патриотизма как культурной ценности (на материале современной белорусской культуры): дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Гродно, 2013. 109 л.
2. Русецкий А. В., Гащенко Л. А. Патриотические ценности студенчества Беларуси на рубеже нового тысячелетия. Витебск: Изд-во Витеб. гос. ун-та, 2002. 37 с.
3. Погорелый А. П. Патриотизм как ценность российского общества: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. М., 2004. 141 л.

References

1. Uzgorok M. Yu. *Rasshireniye sfery proyavleniya patriotizma kak sotsiokul'turnoy tsennosti (na materiale sovremennoy belorusskoy kul'tury)*. Dis. cand. filos. nauk [Broadening of the sphere of manifestation of patriotism (by the example of Belarusian modern culture). Cand. Dis.]. Grodno, 2013. 109 p.
2. Rusetski A. V., Gashchenko L. A. *Patrioticheskiye tsennosti studenchestva Belarusi na rubezhe novogo tysyacheletiya* [Patriotic values of Belarusian students at the turn of the millennium]. Vitebsk, Vitebsk State University Publ., 2002. 37 p.
3. Pogorely A. P. *Patriotizm kak tsennost' rossiyskogo obshchestva*. Dis. cand. filos. nauk [Patriotism as Value of Russian Society. Cand. Diss.]. Moscow, 2004. 141 p.

Информация об авторе

Узгорок Марина Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и идеологической работы. Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь (220006, г. Минск, ул. Машерова, 6, Республика Беларусь). E-mail: Uzgorok@rambler.ru

Information about the author

Uzgorok Marina Yur'yevna – PhD (Philosophy), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Ideological Work. Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (6, Masherova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Uzgorok@rambler.ru

Поступила 10.03.2021

УДК 316.4+316.7

И. Н. Колядко

Белорусский государственный университет

**КУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ И КРИЗИС ЛЕГИТИМАЦИИ В РАЗВИТИИ
СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: РЕЦЕПЦИЯ МЕТАМОДЕРНА**

Одним из главных вызовов для развития социальной системы в условиях деформации ее фундаментальных оснований и перехода к новому порядку является кризис легитимации. Легитимность, в свою очередь, опирается на санкционированный культурной традицией ценностно-нормативный инвариант, задающий параметры социального порядка. Признание культурных универсалий ценностями, образующими базисные параметры интегративного качества социальной системы, представляет собой процесс легитимации – установления власти как средства поддержания и воспроизводства социального порядка. При этом идеология полагает ценности-нормы, упорядочивающие социальное взаимодействие. В трансформирующемся социуме ввиду отсутствия признанной в качестве легитимной системы ценностей одним из способов осуществления власти и поддержания порядка выступает манипулирование.

Актуальный кризис легитимации, порождающий конфронтацию социальных сил в обществе, разрешается путем достижения согласия («гегемонии» в терминологии А. Грамши). Заново истолкованные культурные универсалии, фундирующие основание «картины социальной реальности», в метамодерне выступают в качестве взаимодополняющих, равно претендующих на признание их легитимными. В таком случае смена мировоззренческих парадигм в ходе «пассивной революции» предстает как процесс фрагментации «коллективной воли», что чревато опасностью возрастания фундаментализма и экстремизма.

Ключевые слова: социальная система, культурная традиция, власть, ценностно-нормативная система, социальный порядок, метамодерн.

Для цитирования: Колядко И. Н. Культурная традиция и кризис легитимации в развитии социальной системы: рецепция метамодерна // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 155–160.

I. N. Kolyadko

Belorussian State University

**CULTURAL TRADITION AND THE CRISIS OF LEGITIMATION IN THE DEVELOPMENT
OF THE SOCIAL SYSTEM: RECEPTION OF METAMODERN**

One of the main challenges for the development of a social system in the face of the deformation of its fundamental foundations and the transition to a new order is the crisis of legitimation. Legitimacy, in turn, rests on the value-normative invariant sanctioned by the cultural tradition, which sets the parameters of the social order. The recognition of cultural universals as values that form the basic parameters of the integrative quality of the social system is a process of legitimation, the establishment of power as a means of maintaining and reproducing social order. At the same time, ideology assumes values-norms that order social interaction. In a transforming society, due to the absence of a recognized system of values as legitimate, one of the ways to exercise power and maintain order is manipulation.

The current crisis of legitimation, giving rise to a confrontation of social forces in society, is resolved by reaching agreement (“hegemony” in the terminology of A. Gramsci). The newly interpreted cultural universals that underpin the “picture of social reality” in metamodernism act as complementary ones, equally claiming to be recognized as legitimate. In this case, the change in worldview paradigms in the course of the “passive revolution” appears as a process of fragmentation of the “collective will”, which is fraught with the danger of an increase in fundamentalism and extremism.

Key words: social system, cultural tradition, power, value-normative system, social order, metamodern.

For citation: Kolyadko I. N. Cultural tradition and the crisis of legitimation in the development of the social system: reception of metamodern. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 155–160 (In Russian).

Введение. Социальная система в своем развитии сталкивается с вызовами, которые способны оказывать как деструктивное, так и

конструктивно-созидательное влияние на ее базовые параметры и характеристики. Особую роль в поддержании социального порядка

играет система ценностно-нормативных детерминант. Продуцируя присущие только человеческому обществу «искусственные формы социальности», такие как право, мораль, искусство, наука, она выступает своего рода «порождающим логосом», структурирующим социальное бытие и противостоящим «автоматически сцепившемуся ходу естественных событий», приводящему, как правило, к хаосу [1, с. 105–106]. Последний, в случае если приобретает стихийный, флуктуационный характер, при отсутствии механизмов рефлексивного управления способен оказать деструктивное воздействие на системную целостность, вплоть до процессов деструкции. Для социальных систем является характерным то, что порядок в них обеспечивается прежде всего посредством ценностно-нормативной, надбиологической регуляцией социальных процессов, протекающих в «искусственных формах социальной жизни» [1, с. 115]. М. Мамардашвили в «Вильнюсских лекциях по социальной философии» так поясняет эту особенность социальных систем: «В нормально развитых обществах характерно в общем господство искусственных форм; они находятся в сложном взаимодействии с элементарными формами, но тем не менее есть тенденция (оплаченная дорогой ценой – человеческими жертвами, страстями, борьбой) к тому, чтобы в целом общество регулировалось более или менее стержнем искусственных, культурных форм» [1, с. 115].

Основная часть. Социальный порядок конституируется посредством «идей-ценностей», структурирующих социальную связь» [2, с. 127], а кризис в развитии социальной системы возникает прежде всего как результат изменений иерархического статуса ценностно-смысловых констант и актуальных мировоззренческих парадигм, закрепленных в присущих конкретному обществу культурных универсалиях. В процессах трансформации ценностно-нормативной системы снижается эффективность регулирования социальных взаимодействий, что, в свою очередь, приводит к дезинтеграции социума и его подсистем, а также к стремительному расширению зон влияния маргинальных полей культуры. Кризис является специфической фазой в развитии социальной системы и характеризуется нарушениями в воспроизводстве норм социального порядка и деформацией целостности традиционных форм идентичности. В переломные эпохи развития деформации подвергается *ценностно-нормативный инвариант*, обеспечивающий соподчинение структурных уровней и устойчивость функционирования социальной системы. В результате увеличивается риск возникновения «редуцированных ситуаций, в которых срезаются искусственные формы

социальности и остаются, выходят на поверхность и развертываются в бурной стихии элементарные формы» [1, с. 116], оказывающие репрессивное воздействие на процессы социогенеза и упорядочения.

Это обусловлено тем, что социальность как таковая представляет собой «мир людей и продуктов их совместной деятельности, обладающих *неприродными* и *надприродными* свойствами», а в роли субстанции социального выступает деятельность – «то “силовое поле”, которое продуцирует надорганическую форму существования, структурирует ее, определяет родовидовую специфику, формы и механизмы изменения» [3, с. 129–130]. В социальной системе *социокод*, аккумулирующий программы социального поведения, общения и деятельности, фиксируется и передается посредством *культурной традиции*. Средствами надбиологической (символической) регуляции жизнедеятельности людей она задает императивы развития и регулирует глубину эволюционных процессов системы с интенцией на сохранение ее целостности путем поддержания предельных значений интегративного качества. Одним из главных вызовов для развития социальной системы в условиях деформации ее фундаментальных оснований и перехода к новому порядку является *кризис легитимации*.

Прежде всего, необходимо выяснить, что следует понимать под *легитимностью* и *легитимацией*. Согласно определению «Новой философской энциклопедии», *легитимность* подразумевает «законность режима, политических деятелей и лидеров, отражает качества, вытекающие не из формальных законов и декретов, а из социального согласия и принятия их в качестве законных, т. е. соответствующих ценностным нормам со стороны самих граждан» [4, с. 384]. Так, конкретизируя понятие легитимности, Т. Парсонс обусловил устойчивость социальных систем способностью «актора реагировать на острые ситуационные требования, рассматриваемые либо как угрожающие, либо как благоприятные» [5, с. 31]. В понимании легитимности американский ученый особое значение уделял двум взаимосвязанным аспектам: соответствию политических институтов ожиданиям индивидов (социальный уровень) и нормативно-ценностным образцам (культурный уровень). Таким образом, легитимность опирается на санкционированный *культурной традицией* ценностно-нормативный инвариант, задающий параметры социального порядка. Культурная традиция в данном аспекте выступает в качестве источника *власти* и может быть определена как «объективно-необходимый способ самоорганизации социальной системы посредством

ценностно-нормативного упорядочения связей и отношений между ее элементами» [6, с. 98].

Взаимосвязь культурной традиции и власти является онтологически обусловленной и вытекает из их природы: и культурная традиция, и власть, во-первых, представляют собой необходимое, собственно человеческое, средство приспособления к среде обитания и, во-вторых, устанавливают определенные нормы взаимодействия индивидов, обеспечивая тем самым взаимосвязь социальной действительности и ценностей [6, с. 90–91]. Легитимность, таким образом, напрямую связана с признанием норм и регулятивов, источником которых выступает культурная традиция в качестве социально значимых ценностей. Следовательно, ценности в социальной системе выступают надбиологическим, сверхприродным фактором регуляции деятельности, поведения и общения человека, в них фиксируются социально значимые нормы, опираясь на которые «задается целостный образ человеческого жизненного мира, картина этого мира» [7, с. 195]. Признание таких категориальных структур (культурных универсалий) ценностями, образующими базисные параметры интегративного качества социальной системы, представляет собой процесс *легитимации* – установления власти как средства поддержания и воспроизводства социального порядка.

Соответственно, *кризис легитимации* связан прежде всего с постулированием постидеологического характера социальной реальности, т. е. с отрицанием онтологической природы ценностей, конституирующих основания актуального социального порядка. При этом именно *идеология* выступает «формой представления картины мира и способом полагания ценностей-норм, регулирующих-упорядочивающих социальное взаимодействие» [6, с. 84]. В трансформирующемся социуме, в котором стремительно увеличивается риск возникновения «редуктивных социальных ситуаций» [1, с. 115], ввиду отсутствия признанной в качестве легитимной системы ценностей, одним из способов осуществления власти и поддержания порядка выступает *манипулирование*. Распространение репрессивных социальных практик и технологий манипулирования массовым общественным сознанием становится возможным при отсутствии четко фиксированного ценностно-нормативного инварианта, образующего общее символическое и смысловое поле культуры и базисующегося не столько на силе, сколько на достижении согласия («гегемонии» – в терминологии А. Грамши).

При этом, как отмечает отечественный исследователь И. Н. Сидоренко, выявляя взаимосвязь феномена власти с полаганием

упорядочивающих социальную структуру ценностей, «несмотря на увеличивающуюся рационализацию жизни, современное информационное общество сталкивается с новой проблемой: тотальность символического насилия, порождающего новые технологии контроля и социальные практики» [8, с. 32]. Таким образом, власть, источником которой выступает культурная традиция, в условиях возрастания роли информационно-коммуникационных технологий в производстве товаров и услуг, объективируется не столько за счет применения исключительно силовых методов сохранения порядка и поддержания гомеостаза социальной системы, сколько путем конституирования общего ценностно-смыслового, идеологического пространства. В установлении такого рода власти, которая «навязывает значения, заставляя признать их легитимными и одновременно скрывая левые отношения, лежащие в ее основе» [8, с. 38], одну из ключевых ролей играет идея «ненасильственного принуждения», в современной социально-философской литературе получившая свое оформление в рамках концепции *soft ideology* («мягкой идеологии»). В предельном своем выражении речь может идти о формировании социальной реальности как символически конструируемого пространства, в котором идеология хотя имплицитно и структурирует действительность, легитимизируя существующие отношения господства, выступает в роли «невяного знания», через власть языка формируя представление о реальности. Формируя пространство семантической и ценностно-смысловой интерсубъективности, язык как средство репрезентации культурного кода становится одним из механизмов реализации властеотношений, направленных на достижение согласия по поводу ключевых аксиологических ориентаций социума.

Последний аспект детально рассматривается в учении о гегемонии итальянского философа Антонио Грамши. Согласно А. Грамши, источником институционально легитимной власти выступает не столько насилие, сколько *согласие* индивидов относительно базовых ценностей, упорядочивающих социальную реальность [9, с. 173–174]. Другими словами, основой власти, ее формообразующим фактором является идеология, поскольку экономическое господство автоматически не обеспечивает господство социально-политическое, связанное с достижением достаточного уровня согласия, т. е. гегемонии. Поэтому если основой власти господствующего класса является гегемония, то вопрос поддержания политического порядка и условий его трансформации (слома) перерастает в вопрос о том, как достигается или подрывается гегемония.

Что касается технологий слома актуального социально-политического порядка, то их А. Грамши связывает с трансформацией «культурного ядра» социальной системы, преобразованиями социоклада, аккумулирующего в культурных универсалиях представления о мире и человеке, добре и зле, прекрасном и безобразном и т. д. Причем эти изменения происходят, прежде всего, на уровне репрезентации социально значимых ценностей, которые получают новую трактовку и смысл, постепенно изменяя мнения и настроения в сознании каждого человека.

«Кризис гегемонии», сопровождающийся идеологической интервенцией в ценностно-смысловой пласт культурной традиции, в своем предельном выражении приводит, во-первых, к рождению альтернативной по отношению к легитимно признанной «коллективной воле» и, во-вторых, к конфронтации социальных страт в результате применения технологий манипулятивной семантики и риторики. Предметом воздействия в условиях такой «пассивной революции» выступает прежде всего обыденное сознание, «картина мира» которого на уровне «здорового смысла» как раз и задается ключевыми универсалиями, присущими конкретной культурной традиции. При этом именно «творческое меньшинство» (А. Дж. Тойнби), интеллигенция способны обеспечить трансляцию и воспроизводство референтных ценностей культурной традиции, конституирующих социальный порядок и являющихся источником социальной стабильности. В этой связи А. Грамши главную роль в осуществлении «пассивной революции» отводит интеллигенции, напрямую связывая ее компетенции с установлением определенных, ценностно ангажированных, властных отношений в обществе [9, с. 174].

Таким образом, формирование прежде всего культурной гегемонии является одним из условий успеха «пассивной революции», поскольку последняя предусматривает определенную идеологическую организацию и основанный на ней социально-политический порядок. Поэтому неизменным спутником «пассивной революции» является «символическое информационное насилие», предполагающее «бессознательное подчинение власти посредством системы знания и иерархии ценностей, приобретающих само собой разумеющийся характер» и в пространстве которого, как отмечает И. Н. Сидоренко, «начинают конкурировать различные “сценарии-видения” одного и того же события» [8, с. 38]. Такая глубокая конфронтация социальных сил и выступает источником кризиса легитимации, который, в свою очередь, порождает конкуренцию «картин мира», претендующих на репрезентацию

«легитимного видения социальной реальности» (П. Бурдьё) [10, с. 78].

В эпоху метамодерна, характеризующуюся среди прочего доминированием не «великих идеологических нарративов», а распространением «повседневных идеологий», призванных, как отмечает Р. Ван ден Аккер, «дать нам смысл и цель (и снизить сложность мира)» [11], а также преодолеть политическую ангажированность культуры, характерную для традиции модерна, процесс легитимации становится зависим от интерпретирующей социальную реальность субъекта, особенностей его когнитивного и интеллектуального оснащения. Как отмечает в этой связи Р. Ван ден Аккер, «вместо создания постоянного набора параметров, который, с одной стороны, определяет мировоззрение и, с другой стороны, исключает любое обсуждение и отклонение от этих параметров, как это происходило в модернизме, политические идеологии метамодерна собирают и отбирают все выброшенное, как нам казалось, в мусорную корзину истории, с целью что-то сказать» [11]. Заново истолкованные культурные универсалии, фундирующие основание «картины социальной реальности», в метамодерне выступают в качестве взаимодополняющих, равно претендующих на признание их легитимными. В таком случае смена мировоззренческих парадигм в ходе «пассивной революции» предстает как процесс фрагментации «коллективной воли», что чревато опасностью возрастания фундаментализма и экстремизма.

Как отмечает автор «The Metamodernist Manifesto» (2011) Люк Тёрнер, будущее культуры – в «прагматическом романтизме, свободном от идеологического крепежа», характерного для модерна, который трактуется как «век идеологической наивности» [12]. Однако с распространением «повседневных идеологий», репрезентирующих мозаичный характер формирующейся цифровой культуры, возрастает влияние экстремистски настроенных движений, претендующих на выражение в «*sensus communis*» («здоровый смысл») «само собой разумеющегося», «очевидного», отражающего реальность «такой, какова она есть на самом деле». Возрастание роли средств массовой информации и коммуникации в легитимации «повседневных идеологий», интенсивное развитие и распространение множества социальных сетей – все это приводит к фрагментации «коллективной воли» и коллективных форм идентичности, непосредственно связанных с системой мировоззренческих представлений и установок, которые фундируют основания культуры. В условиях углубляющегося разрыва «повседневных идеологий», их конфронтации возрастает дивергенция социокультурных систем, что нередко приводит к неприятию

ценностей других культур, эскалации различных форм насилия и трайбализма.

В «постидеологически» конструируемой социальной реальности, как это вытекает из концепции метамодернизма, индивидуальные и коллективные формы идентичности все в большей степени сводятся к ее символическим измерениям. Власть, призванная легитимизировать ценностно обусловленный социальный порядок, в современную эпоху «постидеологии» выстраивается не как принуждение-насилие и стимулирование, а как *манипулирование*, прибегая к «управлению посредством идеологического воздействия, оперирования оценками и смыслами» [6, с. 98]. И если постмодерн был ориентирован на формирование игрового сознания и игрового отношения к действительности, что в конечном счете редуцирует институционально организованную власть к инструменту манипулирования индивидуальным и общественным сознанием, то в метамодерне, «существующем между “постмодернистской насмешкой” и “модернистским энтузиазмом”» [13, с. 5], вертикаль власти трансформируется в горизонтально организованные институты влияния. Происходящий в эпоху метамодерна переход от вертикальных систем организации социума к горизонтальным, чему во многом способствует интенсивное развитие IT-инфраструктуры, свидетельствует о смещении властного дискурса к своим неформальным, неинституциональным

формам, роль которых в формировании ценностно-нормативной структуры социума становится все более определяющей.

Заключение. В эпоху метамодерна власть реализует себя посредством манипулирования, что находит свое выражение в феномене постидеологической реальности, отражающем совершающийся переход к новому типу общественного устройства – информационному, постиндустриальному. Кризис легитимации в таком обществе становится одним из важнейших индикаторов социальной дивергенции, сопровождающейся, как правило, эскалацией насилия как выражения предельной формы конфронтации и углубления социальных противоречий. В то же самое время возникший кризис признания ценностей и норм в качестве регулятора поведения, общения и деятельности индивидов, или кризис легитимации, часто оказывается конструктивным и способствует переосмыслению исторически сложившейся и закрепленной культурной традицией картины мира, намечая новые потенциально возможные линии динамики культуры. Преобразование социокода в эпоху «пассивной революции» (А. Грамши) становится одновременно имманентным процессом переходного периода в развитии социальной системы и одним из условий конструктивного разрешения накопившихся социальных противоречий и преодоления кризиса.

Список литературы

1. Мамардашвили М. Вильнюсские лекции по социальной философии (Опыт физической метафизики). СПб.: Азбука, 2012. 320 с.
2. Рикёр П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления; пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 240 с.
3. Момджян К. Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 398 с.
4. Алексеева Т. А. Легитимность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук. М., 2010. Т. 3. С. 384.
5. Парсонс Т. О социальных системах. М.: Акад. проект, 2002. 831 с.
6. Голубев С. В. Идеология и государственность: теория и практика. М.: Спутник+, 2018. 215 с.
7. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
8. Сидоренко И. Н. Философия насилия: от метафоры к концепту. Минск: БГУ, 2017. 175 с.
9. Грамши А. Искусство и политика: в 2 т.; пер. с итал. М.: Искусство, 1990–1991. Т. 1. 1991. 432 с.
10. Бурдьё П. Социология социального пространства; пер. с фр. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
11. Интервью с Робин ван ден Аккером [Электронный ресурс] // Metamodern – Журнал о метамодернизме. URL: <http://metamodernism.ru/robin-van-den-akker/> (дата обращения: 01.03.2021).
12. Luke Turner. The Metamodernist Manifesto [Electronic resource] // Metamodernist – Manifesto. URL: <http://www.metamodernism.org/> (access date: 01.03.2021).
13. Павлов А. В. Образы современности в XXI веке: метамодернизм // Логос. 2018. Т. 28, № 6. С. 1–19.

References

1. Mamardashvili M. *Vil'nyusskiye leksii po sotsial'noy filosofii (Opyt fizicheskoy metafiziki)* [Vilnius Lectures on Social Philosophy (Experience in Physical Metaphysics)]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012, 320 p.

2. Rikyo P. *Politika, ekonomika, obshchestvo. Rukopisi i vystupleniya* [Politics, economics, society. Manuscripts and speeches]. Moscow, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2021. 240 p.
3. Momdzhyan K. Kh. *Sotsial'naya filosofiya. Deyatel'nostnyy podkhod k analizu cheloveka, obshchestva, istorii* [Social philosophy. An activity-based approach to the analysis of a person, society, history]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2013. 398 p.
4. Alekseeva T. A. *Legitimacy. Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 tomakh* [New philosophical encyclopedia: in 4 vol.]. Moscow, 2010, vol. 3, p. 384 (In Russian).
5. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [About social systems]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2002. 831 p.
6. Golubev S. V. *Ideologiya i gosudarstvennost': teoriya i praktika* [Ideology and statehood: theory and practice]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2018. 215 p.
7. Stepin V. S. *Teoreticheskoye znaniye* [Theoretical knowledge]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 744 p.
8. Sidorenko I. N. *Filosofiya nasiliya: ot metafory k kontseptu* [Philosophy of Violence: From Metaphor to Concept]. Minsk, BGU Publ., 2017. 175 p.
9. Gramshi A. *Iskusstvo i politika: v 2 tomakh* [Art and politics: in 2 vol.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1990–1991. Vol. 1. 1991. 432 p.
10. Burd'e P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii Publ.; St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. 288 p.
11. Interview with Robin van den Acker. *Metamodern – Zhurnal o metamodernizme* [Metamodern – Journal of metamodernism]. 2021. Available at: <http://metamodernizm.ru/robin-van-den-akker> (accessed 01.03.2021).
12. Luke Turner. The Metamodernist Manifesto. *Metamodernist – Manifesto* [Metamodernist – Manifesto]. Available at: <http://www.metamodernism.org> (accessed 01.03.2021).
13. Pavlov A. V. Images of modernity in the XXI century: metamodernism. *Logos* [Logos], 2018, vol. 28, no. 6, pp. 1–19 (In Russian).

Информация об авторе

Колядко Илья Николаевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: kaliadka@bsu.by

Information about the author

Kolyadko Ilya Nikolaevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kaliadka@bsu.by

Поступила 15.03.2021

УДК 355.02

В. А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь

ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ: ТИПОЛОГИЯ И ПРИНЦИПЫ ВЕДЕНИЯ

Проблемы военного строительства требуют понимания типов перспективных военных конфликтов, принципов их ведения, так как влияют на идеологию обеспечения военной безопасности. Рассмотрена типология военных конфликтов по критерию применяемых сил сторон (И. М. Попов, М. М. Хамзатов). Участники военного конфликта могут быть двух типов: регулярные, иррегулярные. В зависимости от их состава у сторон военные конфликты классифицируются: традиционная (регулярная) война; умирительная война; повстанческая война; бандитская война. Продемонстрировано отличие между симметричными и асимметричными военными конфликтами. Рассмотрена западная концепция войны четвертого поколения. Обращено внимание на теорию «мятежевойны» Е. Месснера. Раскрыты особенности войны четвертого поколения, в которой основное поле битвы – национальное сознание и национальная культура. Утверждается, что военные конфликты будут носить сложный регулярно-иррегулярный характер. Показан гибридный военный конфликт. Делается вывод, что характерной особенностью современных военных конфликтов остается комбинированная природа противоборства. Западные теоретики не выделяют четкой границы между войной и миром. Понимание философии борьбы (войны) – методологическая основа обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, военный конфликт, участники военного конфликта, регулярный и иррегулярный характер, гибридный конфликт, философия войны.

Для цитирования: Ксенофонтов В. А. Военный конфликт: типология и принципы ведения // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 161–165.

V. A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus

MILITARY CONFLICT: TYPOLOGY AND PRINCIPLES OF CONDUCTING

Problems of military construction require understanding of types of prospective military conflicts, the principles of their conduct, as they affect the ideology of ensuring military security. Typology of military conflicts according to the criterion of the forces used by the parties is considered (I. M. Popov, M. M. Khamzatov). Participants in a military conflict can be of two types: regular and irregular. Depending on their composition, conflicts are classified as: traditional (regular) war; pacifying war; rebel war; bandit war. The difference between symmetric and asymmetric military conflicts is demonstrated. The western concept of the fourth generation of war is considered. Attention is drawn to the theory of “mutiny” by E. Messner. The features of the fourth generation of war, in which the main field of war is national consciousness and national culture, are revealed. It is argued that military conflicts will have a complex regular-irregular nature. A hybrid military conflict is shown. It is concluded that the combined nature of confrontation remains a characteristic feature of modern military conflicts. Western theorists do not distinguish a clear boundary between war and peace. The understanding of the philosophy of struggle (war) is a methodological basis of ensuring national security.

Key words: national security, military conflict, participants of military conflict, regular and irregular character, hybrid conflict, philosophy of war.

For citation: Ksenofontov V. A. Military conflict: typology and principles of conducting. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 161–165 (In Russian).

Введение. Прежде чем совершенствовать вопросы военного строительства и формирования военной сферы национальной безопасности, следует системно разобраться с основными принципами и технологиями военного насилия, так как облик современной (перспективной) войны определяет требования к военной подсистеме национальной безопасности, к гражданско-военным отношениям, сфере культуры

и образования (гражданского и военного) [1]. Поэтому целью статьи является – определение основных типов военного конфликта и принципов их ведения, а также определение теоретических и практических шагов в интересах обеспечения национальной безопасности.

Основная часть. Под военным конфликтом будем понимать «форму разрешения противоречий в межгосударственных или внутригосударственных

отношениях с применением военной силы (средств вооруженной борьбы) противостоящими сторонами: войны различных масштабов, международные и внутренние вооруженные конфликты, а также другие формы применения военной силы» [2, ст. 4].

Рассмотрим типологию военных конфликтов, предложенную российскими военными аналитиками И. М. Поповым и М. М. Хамзатовым [3, с. 283].

В современном военном конфликте помимо регулярных ВС государства могут принимать участие и различные полувоенные, военизированные международные, государственные, квазигосударственные, негосударственные и нелегитимные (криминальные, бандитские) формирования и структуры [3, с. 284].

В целом, все действующие силы военного конфликта могут быть сведены к двум типам: регулярным силам и иррегулярным формированиям.

Регулярные силы представлены, прежде всего, ВС государства, являющегося легитимным субъектом военного конфликта.

Иррегулярные формирования представляют собой различные военизированные структуры, формируемые, как правило, негосударственными акторами, а также в определенных условиях и государством для обеспечения своих интересов.

Как правило, иррегулярные формирования игнорируют законы и обычаи войны, ориентируясь на ведение «войны без правил».

Участники гипотетического военного конфликта в зависимости от поставленных целей и условий обстановки могут применять имеющиеся у них в наличии регулярные силы и иррегулярные формирования в том или ином соотношении. На основании этого формируется четыре типа военных конфликтов, которые условно могут быть представлены в формате матрицы.

Весь спектр возможных вариантов военных конфликтов при столкновении двух сторон сводится к четырем основным моделям, которые условно назвали:

1) «традиционная (регулярная) война». Регулярные ВС против регулярных ВС противника;

2) «усмирительная война». Регулярные ВС против иррегулярных формирований противника;

3) «повстанческая война». Иррегулярные формирования против регулярных ВС противника;

4) «бандитская война». Иррегулярные формирования против иррегулярных формирований противника [3, с. 286].

Представленная матрица позволяет осознать место и характер каждого конкретного военного

конфликта в диапазоне регулярность – иррегулярность. Из четырех типов военных конфликтов три – «усмирительная война», «повстанческая война» и «бандитская война» – являются иррегулярными. В них или с одной, или с обеих сторон применяются иррегулярные формирования. Иррегулярный характер военных конфликтов этого типа проявляется в особенностях его развития и перспективах разрешения. В таком конфликте участвует как минимум одна сторона, представленная негосударственным актором, что автоматически переводит сам военный конфликт в состояние неопределенности. Развитие такого конфликта будет проходить с высокой долей вероятности по пути «войны без правил» [3, с. 321].

«Регуляры» вынуждены учитывать и подстраиваться под действия «иррегуляров», а те стремятся, как правило, избежать прямых столкновений с регулярными войсками противной стороны, действуя по принципу «ударил – беги».

Логика иррегулярной войны вынуждает даже регулярные войска, в конечном счете, перейти к тактике «иррегуляров» и перевести конфликт в форму бандитской войны. Сторона, применяющая в войне регулярные ВС, формирует в этих условиях свои иррегулярные силы.

Анализ приведенной матрицы военных конфликтов показывает, что из четырех типов военных конфликтов два являются симметричными (традиционная и бандитская война) и два – асимметричными (усмирительная и повстанческая война).

В широком смысле асимметричный конфликт предполагает столкновение между сильной в материальном и ином отношении стороной и слабой стороной. Асимметричность предполагает имманентно присущее и принципиально неустранимое качественное (а не количественное!) неравенство сторон в силах, средствах, возможностях [3, с. 322].

Асимметричный конфликт изначально неравен и неравноправен, сильная сторона обладает безусловным преимуществом, которое создает объективные условия для достижения победы. Но довольно часто сильная сторона оказывается абсолютно уверенной в своей силе, теряет способность адекватно оценивать обстановку, прогнозировать и отражать возможные угрозы, полностью успокаивается и утрачивает бдительность.

Важным условием эффективного использования непрямой стратегии слабой стороной является ее поддержка большинством или значительной частью активных групп населения, проживающего на территории конфликта [4, с. 180]. Каково принципиальное отличие между симметричными и асимметричными военными конфликтами?

В первом случае однотипные формирования сил противоборствующих сторон однотипно действуют друг против друга. В случае бандитской войны, которая тоже является вариантом симметричной войны, «иррегуляры» с обеих сторон действуют по своему усмотрению без оглядки на требования воинских уставов и наставлений по ведению военных действий.

Во втором случае – варианты усмирительной и повстанческой войны – разнотипные противники применяют разную тактику, разные формы и способы действий.

Асимметричным конфликтом можно считать мятежевойну, концепцию которой сформулировал представитель российского Генштаба полковник Е. Э. Месснер, а также контрпартизанские, контрповстанческие, контртеррористические действия и операции.

В понятие асимметричного конфликта вписывается популярная на Западе концепция войны четвертого поколения, которая три десятилетия активно разрабатывается американскими военными экспертами.

Стоит обратить внимание на перспективы развития теории военного конфликта.

В прежние эпохи в войнах важным считалось завоевание территории, ресурсов побежденной стороны. В перспективе важнейшим будет считаться подчинение воли противника своей в интересах собственного развития. В перспективной войне воевать будут на всей поверхности территорий противостоящих государств, во всех сферах человеческого бытия с использованием всего арсенала противоборства.

Как отмечал Е. Э. Месснер, война будет идти в четырехмерном пространстве, так как психика воюющих народов является четвертым измерением военного конфликта. Вполне закономерно, что автор мятежевойны определил следующую иерархию целей: 1) развал морали вражеского народа; 2) разгром его активной части (воинства, партизанства, борющихся народных движений); 3) захват или уничтожение объектов психологической ценности; 4) захват или уничтожение объектов материальной ценности; 5) эффекты внешнего порядка ради приобретения новых союзников, потрясения духа союзников врага [3, с. 330].

Одним из подходов к оценке сущности и характера асимметричной войны является концепция войны четвертого поколения, разработанная в США. Суть подхода американских военных экспертов можно выразить следующими тезисами. «Поле боя для войны четвертого поколения – все общество противника целиком. Понятие стратегического тыла как таковое перестает существовать. Зависимость боевых подразделений от тылового обеспечения будет крайне

незначительной. Массирование живой силы и огня утратит свое значение и даже, более того, может стать недостатком. Целью войны станет «сокращение противника внутренне», а не его физическое уничтожение.

Различие между войной и миром будет расплывчатым, если вообще будет. Важные военные объекты (аэродромы, узлы связи, штабы), равно как и их «гражданские» аналоги – правительственные сооружения, заводы, промышленные объекты – станут редкими явлениями ввиду их уязвимости.

В то же время новая технология несет с собой и недостатки – появляются новые уязвимые места, которые ранее отсутствовали.

Военные действия будущего будут представлять собой действия небольших групп высокопрофессиональных солдат. Целями для таких групп будут скорее объекты гражданского сектора, чем военного. Понятия фронта и тыла в войне будущего будут отсутствовать. Им на смену придут понятия «объект – цель» и «объект – не цель». Боевые части будут обладать разведывательными и ударными функциями.

Понятия тактики и стратегии смешаются. Одной из самых сложных задач для командиров всех степеней станет выбор целей на условном поле боя, при этом основными критериями будет политическая и культурная значимость целей, а не их сугубо военное значение.

Психологические операции приобретут доминирующее значение на оперативном и стратегическом уровнях. «Телевизионные новости могут стать более мощным оружием, чем бронетанковые дивизии» [3, с. 332–334].

По мнению А. И. Владимировой, можно выделить следующие направления изменений: размывание грани между комбатантами и некомбатантами; основное поле и театр войны – национальное сознание и национальная культура; основной формой войны, возникающей на основе идеологии, является массовый терроризм [5, с. 399].

Возвращаясь к матрице военных конфликтов, систематизировавшей типы войн и вооруженных конфликтов в зависимости от типа применяемых сил и средств, можно сделать вывод, что современные военные конфликты имеют комбинированный характер с преобладанием тех или иных характеристик, что и позволяет их условно относить к одному из четырех типов [3, с. 336].

Как отмечалось, традиционные войны стали рудиментарными. В составе регулярных ВС современных государств имеются полувойсковые формирования, которые в своих действиях тайно или явно используют приемы и способы действий иррегулярных формирований.

Главными побудительными мотивами скатывания в состояние иррегулярной войны

являются: возрастание числа иррегулярных формирований у противника; невозможность достижения военных и политических целей боя, сражения, военной кампании или войны только силами регулярных войск; необходимость скрыть определенные свои действия, акции или операции от общественного внимания и др. В ситуации повстанческой войны иррегулярные формирования могут оказаться перед необходимостью удерживать район местности или организовать оборону важного объекта. «Иррегуляры» вынуждены будут перейти к «правильным» действиям, тактике регулярных войск. В результате тип реальной войны или вооруженного конфликта становится все менее четко различимым. Конфликты разных типов эволюционируют в «пограничную зону», в которой они при сохранении доминирования характеристик своего типа приобретают некоторые черты конфликтов другого типа.

Сторона, стремящаяся к установлению или сохранению своей государственности, будет ориентироваться на регулярные принципы формирования своих сил и регулярную тактику действий. Что же касается оппозиционных сил, то они, естественно, с большей вероятностью тяготеют к привычной тактике иррегулярности. Однако если оппозиция стремится к завоеванию государственности, она вынуждена перестраиваться на регулярные принципы комплектования своих сил и тактику действий. Таким образом, регулярные силы и есть тот самый инструмент насилия в руках государства, который только и способен гарантировать его существование и защиту.

Если же внутренняя оппозиция не ориентируется на формирование государственности, то иррегулярная война может длиться бесконечно долго: непрофессионалам легче воевать в составе банд. Опыт войн и вооруженных конфликтов последних лет позволяет предположить, что вероятный военный конфликт будущего будет лежать именно в «пограничной зоне» предложенной И. М. Поповым и М. М. Хамзатовым матрицы и представлять собой сложную комбинацию из действий регулярных и иррегулярных сил всех противоборствующих сторон. Важнейшей характеристикой военных конфликтов из «пограничной зоны» матрицы является высокая степень хаотизации. Регулярные ВС тяготеют к максимальной структурной иерархичности и структурированности; иррегулярные формирования, напротив, основаны на организационной аморфности.

Таким образом, все военные конфликты будут носить сложный регулярно-иррегулярный характер. В связи с этим возможны два варианта: регулярные ВС и формы военных действий превалируют над иррегулярными или иррегулярные формирования и формы военных действий превалируют над регулярными.

Сегодня все чаще употребляется термин «гибридная война». Изначально под термином понимались новые нетрадиционные опасности и угрозы для национальной безопасности государства. Затем этот подход был применен для передачи сущности военного конфликта, в котором регулярным войскам противостояли противники иррегулярного типа.

В работе американского профессора Ф. Хоффмана «Гибридная война и ее вызовы» отмечается: «Мы сталкиваемся с конвергенцией вооруженных сил и общества, либо государственных и негосударственных организаций, и тех способностей, которыми они обладают. И конечно, огромное значение обрели изменившиеся, конвергентные способы ведения войны» [4, с. 183]. «Национальная военная стратегия» США определила еще в 2015 г. роль и место гибридных войн в общей системе регулярных и иррегулярных военных конфликтов и дала всем им соответствующие определения.

Государственный конфликт: для разгрома врага задействуются крупные группировки ВС и самые современные военные технологии во всех сферах.

Гибридный конфликт: сочетается использование обычных регулярных и иррегулярных сил для создания эффекта неоднозначности, захвата инициативы и парализации врага.

Негосударственный конфликт: задействуются подразделения и сети для подрыва позиций правительства и получения контроля над населением [3, с. 343].

Ф. Хоффман утверждает, что «в ходе гибридной войны могут вестись и обычные боевые действия, партизанская тактика и подразделения, террористические акты, криминальное насилие и принуждение» [4, с. 185].

Гибридным конфликтом можно назвать военный конфликт, который ведется иррегулярными силами, смешанными с регулярными войсками, и характеризуется одновременным применением иррегулярной и регулярной стратегии и тактики действий [3, с. 344].

Транснациональные и национальные криминальные структуры сегодня активно проявляют себя в качестве реального «действующего лица» современных военных конфликтов.

Таким образом, еще раз обратим внимание, что иррегулярный военный конфликт неизбежно тяготеет к «войне без правил», т. е. к игнорированию законов и обычаев войны.

Заключение. Итак, решение теоретических проблем, связанных с войнами будущего составляет серьезную научную задачу, новое поле для профессионального образования как гражданских, так и военных управленцев. Наша задача – не допустить разрыва между пониманием природы и сущности современной войны, знанием ее типов,

способов, принципов ведения и практикой подготовки войск. Наиболее характерной особенностью современных военных конфликтов остается комбинированная или размытая природа противоборства.

Анализ западных подходов к противоборству показывает, что традиционным является соединение трех терминов – агрессия, война и воля. В англо-саксонской традиции война не обязательно связана с применением летального оружия. Западные стратеги следуют за классиком военной мысли К. Клаузевицем, утверждавшим: «Война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [6, с. 35]. Кроме того, американские специалисты все чаще уходят от термина «война», заменяя его такими понятиями,

как «конфликт», «противоборство», «противостояние» и т. п. Фактически появилось новое состояние социума – «мировойна», «войномир» [4, с. 408].

Как сказал один из сотрудников Пентагона: «Задача теперь состоит не в уничтожении живой силы, но в подрыве целей, взглядов и мировоззрения населения, в разрушении социума» [5, с. 474].

В силу того, что мир становится более насильственным и военизированным, теория и практика управления социумом и государством на всех уровнях объективно требует дальнейшей разработки и понимания философии борьбы (войны), поскольку она является методологической основой обеспечения безопасности управляемых объектов.

Список литературы

1. Ксенофонтов В. А. Война, национальная безопасность, гражданско-военные отношения, гуманитарное знание: взаимосвязь явлений и перспективы их развития // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 4 (5). С. 17–27.
2. Военная доктрина Республики Беларусь: утв. Законом Респ. Беларусь 20.07.2016 г., № 412-З. URL: <https://www.pravo.by> (дата обращения: 11.01.2021).
3. Попов И. М., Хамзатов М. М. Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 832 с.
4. Ларина Е. С., Овчинский В. С. Мировойна. Все против всех. Новейшие концепции боевых действий англосаксов. Составление, введение, заключение. М.: Книжный мир, 2015. 456 с.
5. Владимиров А. И. Основы общей теории войны: монография: в 2 ч. Часть I: Основы теории войны. М.: Моск. фин.-пром. ун-т «Синергия», 2013. 832 с. 2019.
6. Клаузевиц К. О войне; пер. с нем. М.: Логос: Наука, 448 с.

References

1. Ksenofontov V. A. War, national security, civil-military relations, humanitarian knowledge: interrelation of phenomena and prospects for their development. *Gumanitarnyye problemy voyennogo dela* [Humanitarian problems of military affairs], 2015, no. 4 (5), pp. 17–27 (In Russian).
2. *Voyennaya doktrina Respubliki Belarus': utverzhdena Zakonom Respubliki Belarus' 20.07.2016*, no. 412-Z. Available at: <https://www.pravo.by> (accessed 11.01.2021).
3. Popov I. M., Khamzatov M. M. *Voyna budushchego: kontseptual'nyye osnovy i prakticheskiye vyvody. Ocherki strategicheskoy mysli* [War of the future: conceptual foundations and practical conclusions. Essays on strategic thinking]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016, 832 p.
4. Larina E. S., Ovchinskiy V. S. *Mirovoina. Vse protiv vseh. Noveyshiye kontseptsii boyevykh deystviy anglosaksov. Sostavleniye, vvedeniye, zaklyucheniye* [All against all. The latest concepts of Anglo-Saxon warfare. Compilation, introduction, conclusion]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 2015. 456 p.
5. Vladimirov A. I. *Osnovy obshchey teorii voyny: v 2 chastyakh. Chast' I: Osnovy teorii voyny* [Fundamentals of the General theory of war: in 2 parts. Part I: Fundamentals of the theory of war]. Moscow, Moskovskiy finansovo-promyshlennyy universitet "Sinergiya" Publ., 2013. 832 p.
6. Clausewitz K. *O voyne* [About war]. Moscow, Logos Publ., Nauka Publ., 2019. 448 p.

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Ksenofontov Vladislav Anatol'yevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor, the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

Поступила 23.02.2021

УДК 316.47+316.772.4/5

Т. Е. Новицкая

Институт философии Национальной академии наук Беларуси

МЕДИАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА КАК ПРОЦЕСС

В статье представлен анализ идеи медиатизации как процесса в рамках теории медиума и в теории медиатизации, которые исследуют роль медиа в трансформациях культуры и общества. Представителям этих подходов процессуальная сущность медиатизации видится конвенциональной, однако нет консенсуса по поводу того, как хронологически структурировано влияние медиа на социальные изменения. Рассмотрены особенности ее периодизации, а также характер смены ее этапов, вопросы их соотношения. В работе обобщены взгляды на детерминацию социальной динамики средствами сообщения представителями теории медиума. Детально проанализированы подходы к процессу медиатизации в современных западных исследованиях медиа и коммуникаций (С. Хьярвард, А. Хепп, А. Хоскинс). Аналитически рассмотрена интерпретация медиатизации как магистрального метапроцесса современности (Ф. Кротц), по своей значимости сравнимого с глобализацией, индивидуализацией и коммерциализацией. Современная фаза медиатизации понимается как «расширенная медиазация», «глубокая медиатизация», которая фундируется новыми медиа – так называемыми «текучими медиа».

Ключевые слова: медиатизация, медиа, средства массовой информации, новые медиа, процесс, теория медиума, теория медиатизации.

Для цитирования: Новицкая Т. Е. Медиатизация общества как процесс // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 166–170.

T. Navitskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

MEDIATIZATION OF SOCIETY AS A PROCESS

The article presents the analysis of the idea of mediatization as a process within the framework of the medium theory and in the mediatization theory, which investigate the role of media in the transformations of culture and society. For representatives of these approaches, the procedural essence of mediatization seems to be conventional, but there is no consensus on how the influence of media on social change is chronologically structured. The features of its periodization, as well as the nature of the change of its stages, the issues of their correlation are considered. In the work, there are summarized the views on the determination of social dynamics by means of mediums by representatives of the medium theory. The approaches to the course of mediatization in modern Western media and communication studies are analyzed in detail (S. Hjarvard, A. Hepp, A. Hoskins). The interpretation of mediatization as the main metaprocess of our time (F. Krotz), which is comparable in importance to globalization, individualization and commercialization, is analytically considered. The modern phase of mediatization is understood as “extended mediazation”, “deep mediatization”, which is based on new media – the so-called “liquid media”.

Key words: mediatization, media, mass media, new media, process, medium theory, mediatization theory.

For citation: Navitskaya T. Mediatization of society as a process. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 166–170 (In Russian).

Введение. Социализация медиа и сдвиг в модели социальной коммуникации к модели «многие – многим» оказали существенное влияние на большинство сфер жизни общества. Данные изменения инициировали интерес науки к синхроническому срезу медиаландшафта: ряд дисциплин фокусируется на состоянии медиасреды в определенный момент времени, на ее содержательном аспекте (лингвистика, журналистика, социология, психология, культурология, политические, экономические науки и пр.). В то же

время в контексте исследований медиа и коммуникаций существуют два ключевых направления, объектом изучения которых является не медиаконтент и его специфика, а влияние медиа на общество в широкой перспективе, формирование с помощью их общения, взаимодействия, социальных отношений и процессов, – это теория медиатизации (mediatization theory) и теория медиума (medium theory).

Теория медиатизации (S. Hjarvard, A. Hepp, K. Lundby, N. Couldry, F. Krotz и др.) призвана

выявить взаимосвязь между медиакоммуникационными и социокультурными трансформациями. Зародившись в конце прошлого столетия, она стала активно развиваться в XXI в., прежде всего в скандинавских странах, Германии, Великобритании. Во многом она обязана своей популярностью бурному росту новых медиа – катализатору как ряда важных общественных перемен, так и их осмысления в рамках социальной теории. На сегодняшний день актуализировались академические дискуссии о феномене медиатизации. В западной науке такие исследования приобретают характер набирающего обороты тренда, в авторитетных международных журналах по проблематике медиа и коммуникаций ведется полемика о сущности и значении данного процесса. Возрастание интереса к данной теме наблюдается и в русскоязычной научной литературе, однако можно говорить лишь о начале формирования тенденции, аналогичной западной.

В фокусе исследовательского внимания ученых, работающих в рамках теории медиума, которая сформировалась в 1960–1980 гг., – сущность и возможности средств сообщения (mediums). Они рассматриваются как обладающие широким спектром воздействия на характер культуры и общества. Джошуа Мейровиц обозначил данный подход как «альтернативу доминирующей парадигме медиаэффектов» [1, с. 517], в которой изучается влияние медиаконтента на индивида и общество. Таким образом, теория медиума сместила акцент с содержательных аспектов медиасферы как ключевого источника влияния на характер и возможности средств сообщения. Основной вопрос для них не в том, какое воздействие оказывает определенный медиаконтент, а каким образом средство коммуникации определяет особенности восприятия. С одной стороны, это сближает два указанных подхода, а с другой – теория медиатизации отличается более широкими исследовательскими перспективами. Она включает в себя обозначенную тематику, но и не пренебрегает обращением к контенту, при этом избегая излишнего сужения проблематики (например, обращаясь к медиатизации политики, культуры и искусства, религии, науки и т. п.). В исследованиях медиатизации поднимается вопрос о месте и роли медиа в непрерывном и многоуровневом социальном конструировании реальности. В этом контексте вопросы ее течения и хронологии, взаимодействия различных типов медиа как фактора социальной динамики также представляются актуальными. Цель настоящей статьи – обзор и анализ теоретических концепций, в которых медиатизация понимается как процесс.

Основная часть. Рассмотрим, каким образом трактуется идея медиатизации как динамического феномена в социальных исследованиях. Аналитики, работающие в рамках теории медиума (У. Онг, Г. Иннис, Г. М. Маклюэн, Д. Мейровиц) делают упор на долгосрочных исторических процессах, а также изменениях социальных отношений под влиянием коммуникационных технологий и говорят о последовательной смене этапов культуры: традиционной устной, письменной, печатной и культуры электронных медиа (от телеграфа до Интернета и мобильной связи). В зависимости от доминирующего средства сообщения варьируются и ограничения коммуникации во времени и пространстве, возможности личного участия, масштабы распространения информации. С ними коррелирует развитие социальных институтов и знания, специфика социальных отношений. Воздействие медиума на общество опосредовано развитием информационных сетей, изменением и распространением ролевых моделей, групповых идентичностей.

Британский социолог Джон Брукшир Томпсон рассматривает переход к модерности в связи с исторически доминирующими типами медиа. По его мысли, трансформация медиа способствует трансформации символических форм, а значит и коммуникации посредством медиа. Томпсон использует термин «медиатизация» (mediatization) и рассматривает ее в контексте теории модерности не как линейный, а как долгосрочный волнообразный процесс, возникший задолго до создания цифровых медиа. Начиная с XV в. появление печати и институционализация печатных СМИ способствовали расширению масштабов коммуникации, производства и распространения символических форм, что повлекло за собой изменения моделей коммуникации и социального взаимодействия. В свою очередь эти процессы (наряду с другими факторами) стимулировали становление современных институтов государства, науки и публичной сферы. Развитие электронных медиа и переход к опосредованной коммуникации привели к усилению модернизации. Этап, начавшийся в 1990-х гг. и ознаменовавший изменения в области коммуникационных потоков, Томпсон маркирует как «расширенную медиатизацию» [2, с. 110]. Медиа продолжают играть важнейшую роль в детерриторизации культурного опыта и социального взаимодействия, и со временем масштабы этих процессов расширяются.

Датский исследователь медиа и коммуникации Стиг Хьярвард [3] также рассматривает данный феномен как долгосрочный процесс, усилившийся в XX в. В основе его периодизации – критерий институционализации медиа.

При переходе от аграрного к индустриальному обществу они выступали в качестве инструмента для иных социальных институтов. С появлением радио СМИ стали крепнуть как культурный институт с просветительской и образовательной миссией. По мере ослабления монополии в области медиа, профессионализации сферы и возникновения журналистики они перешли на стадию институционализации. В 1980-х гг. в западных обществах благодаря конкуренции, рыночным отношениям и коммерциализации СМИ стали независимым институтом. В 1990-х гг. с появлением мобильной телефонии и Интернета дерегулирование медиа продолжилось. Сегодня актуализировался вопрос об усилении влияния на общество новых медиа, которые регулируются в меньшей мере. Сетевая организация глобальной информационной сети предполагает усиление роли горизонтальных структур; производство информационного контента в ней осуществляется не столько усилиями профессиональных журналистов, сколько интернет-пользователями.

Профессор Университета Глазго, специализирующийся в междисциплинарных исследованиях, Эндрю Хоскинс смещает начальную точку медиатизации и выделяет два ее последовательных этапа, фундированных соответственно традиционными СМИ и цифровыми медиа. Первый этап он связывает с активным развитием медиа и институтов эры радиовещания и телевидения, а второй представляет собой результат повсеместного проникновения новых медиа. Хоскинс отмечает, что эти этапы взаимосвязаны между собой – второй налагается на элементы первого, а отличие между ними состоит в том, что на втором происходит сдвиг в наших отношениях с медиа, которые глубоко пронизывают повседневные социальные практики. Сервисы Web 2.0 позволяют производить информационный контент так же легко, как и потреблять его: так пользователи вносят вклад в цифровое изобилие, которое стало движущей силой новой медиаэкологии. Вторая фаза медиатизации дает возможность принципиально иного производства, распространения и потребления информации [4, с. 148].

Немецкий социолог Фридрих Кротц понимает медиатизацию как непрерывный метапроцесс, начавшийся с появлением грамотности, порождающий длительные широкомасштабные культурные изменения и имеющий долгосрочное влияние на социальное и культурное развитие человечества, как «процесс процессов» наравне с глобализацией, индивидуализацией, коммерциализацией. Эти магистральные процессы могут длиться столетиями, не ограничиваться территориально и культурно. Нет определенности по поводу их начала и конца, их направленность и границы содержания также

размыты. Они не являются процессами в строгом смысле, если под последними понимать временную последовательность различных взаимосвязанных состояний. Процесс протекает в четко определенной области, имеет определенную отправную точку и направление. А под метапроцессами Кротц понимает «конструкты, которые описывают и теоретически постигают конкретные экономические, социальные и культурные аспекты и уровни актуальных изменений» [5, с. 256]. По его утверждению, наиболее актуальным метапроцессом современности является медиатизация – «исторические события, которые происходили и происходят как изменения (коммуникационных) средств массовой информации и их последствия» [5, с. 257]. Эти изменения обычно заключаются в появлении новых видов и форм медиа, усилении их роли. Как правило, инновационные медиа не вытесняют и не замещают прежние виды и формы полностью. Они сосуществуют, взаимодействуют, что иллюстрирует функционирование Интернета, агрегирующего традиционные СМИ. С одной стороны, возрастает разнообразие медиа, с другой – медиасреда становится более дифференцированной. Итак, медиатизация общества предполагает: 1) рост числа различных медиа, их тематики и направлений, это начинает играть одну из ключевых ролей в жизни человека, в распределении его времени, задает его интересы; медиа и их содержание становятся поводом для осмысления и обсуждения; 2) функции медиа расширяются, апплицируются на многие сферы социальной жизни, в них происходит нормализация коммуникации, опосредованной интерактивными медиа; 3) все это вызывает изменения в понимании мира, идентичности и социальных отношениях, взаимодействиях с различными институтами [5, с. 258].

Задавшись вопросом, насколько глубоко медиатизация укоренилась в человеческих практиках, профессор медиа и коммуникации Университета Бремена Андреас Хепп обозначил современный этап медиатизации как «глубокую медиатизацию». Он связывает его со скачком в распространении новых медиа. Основным фактором данного углубления стала диджитализация. Хепп выделяет три основные волны медиатизации, фундированные соответственно механизацией, электрификацией и цифровизацией [6, с. 5]. Он трактует медиатизацию не как линейный процесс – ее развитие волнообразно. Ученый выделяет периоды наложения, пересечения ее волн. Характеризуя фазу глубокой медиатизации, Хепп выделяет пять текущих трендов: 1) дифференциация огромного числа цифровых медиа; 2) растущая индивидуальная и коллективная связанность в медиа и посредством них;

3) повсеместность медиа, что обеспечивает возможность постоянного «присутствия» в нескольких местах; 4) быстрые темпы разработки и внедрения новых видов медиа; 5) датафикация как представление социальной жизни в форме компьютеризированных данных на медийных устройствах на основе их программного обеспечения и инфраструктуры [6, с. 40].

В целом, поддерживая рассмотрение медиатизации как метапроцесса в духе Ф. Кротца, Хепп идет дальше: он не только интерпретирует медиатизацию с точки зрения ее динамики, но и рассматривает в качестве процесса медиа как таковые. В данном контексте чрезвычайно важна их способность к конструированию постоянно меняющейся социальной реальности. Он полагает, что медиа никогда не были статичными, но во времена глубокой медиатизации их процессуальный характер проявляется все более отчетливо [6, с. 58]. Отталкиваясь от концепта «текучей современности» Зигмунта Баумана, Марк Дезе вводит в научный оборот понятие «текучих медиа» (“liquid media”): гибкость, снижение уровня иерархичности, ориентированность на потребителя, дерегулирование или изменение регулирования рынка в пользу частных акторов – основа как первой, так и вторых. Благодаря своей текучести цифровые медиа проникли во все сферы повседневной жизни человека и общества и насквозь пропитали их, смешивая глобальное и локальное, приватное и публичное, коллективное и индивидуальное [7, с. 137]. А. Хепп проводит параллели между глубокой медиатизацией и распространением «текучих медиа» – их объединяет вездесущность и невидимость. С одной стороны, их инновационность и экспансивность привлекают внимание исследователей, с другой – некоторые аспекты могут ускользнуть от внимания именно ввиду всеобщей включенности в контекст сетевой медиасреды.

Заключение. Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что взгляд на медиатизацию в широкой перспективе как на фактор трансформации общества неизбежно влечет за собой обращение к вопросу об ее историческом ходе. Эта проблематизация вытекает из понимания медиа как средства коммуникации и технологического способа передачи информации: инновации в данной области прочно входят в жизнь общества, социальные практики, опосредованные ими, социально нормализуются, что стимули-

рует устойчивые изменения в характере и специфике социальной коммуникации. Как показал осуществленный обзор, для основных представителей теории медиатизации и теории медиума процессуальная сущность медиатизации является конвенциональной. В рассмотренных подходах она интерпретируется в исторической перспективе. В то же время едва ли можно говорить о консенсусе в трактовке того, как хронологически структурировано влияние медиа на изменение социальных отношений и поведения, культуру и общество. Прежде всего, это следствие того, что в теории медиума рассматривается диахронический срез влияния на общественное развитие средства сообщения (*medium*), а данное понятие представляется содержательно более широким, чем используемое в исследовании медиа и коммуникации «медиа» (*media*). Медиум – это совокупность институтов и технических алгоритмов, применяемых для коммуникации через пространство и время, в то время как понятие «медиа» в большей мере привязано к информационно-коммуникационным технологиям и массовой коммуникации. Кроме того, исторически терминологическое обращение к феномену медиатизации актуализировалось позже. Несмотря на то, что многие ученые усматривают истоки этого процесса в XV в. и ранее, действительно бурный всплеск интереса социальных исследователей к нему тесно связан с коренным поворотом в развитии новых медиа. Существует своего рода социальный заказ на исследование периодов, маркируемых как «расширенная медиатизация», «глубокая медиатизация», эпоха «текучих медиа», поскольку новые медиа оказывают мощнейшее, беспрецедентное влияние на специфику конструирования социальной реальности. Проведенный анализ свидетельствует о том, что медиатизация трактуется и как последовательный стадийный процесс, и представляется в виде ряда волн, порой налагающихся друг друга. В целом появление инновационных информационно-коммуникационных технологий не означает использования прежних, ставших традиционными – в век Интернета по-прежнему актуально книгопечатание. В этом смысле можно говорить о современной конвергенции существующих медиа на цифровой интерактивной основе, что представляется перспективным предметом исследования как фактором социокультурных изменений на этапе глубокой медиатизации общества.

Список литературы

1. Meyrowitz J. Medium theory: an alternative to the dominant paradigm of media effects // The SAGE Handbook of Media Processes and Effects; edited by R. L. Nabi, M. B. Oliver. Los Angeles: SAGE, 2009. P. 517–530.
2. Thompson J. B. The Media and Modernity: a Social Theory of the Media. Cambridge: Polity Press, 1995. 314 p.

3. Hjavard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 2008. No. 29 (2). P. 105–134.
4. Hoskins A. Flashbulb memories, Psychology and Media Studies: Fertile Ground for Interdisciplinarity // *Memory Studies*. 2009. No. 2 (2). P. 147–150.
5. Hepp A. *Deep Mediatization*. London and New York: Routledge, 2020. 248 p.
6. Krotz F. The meta-process of “mediatization” as a conceptual frame // *Global Media and Communication*. 2007. No. 3 (3). P. 256–260.
7. Deuze M. Media life // *Media, Culture & Society*. 2011. No. 33. P. 137–148.

References

1. Meyrowitz J. Medium theory: An alternative to the dominant paradigm of media effects. *The SAGE Handbook of Media Processes and Effects*; edited by R. L. Nabi, M. B. Oliver. Los Angeles, SAGE, 2009, pp. 517–530.
2. Thompson J. B. *The Media and Modernity: a Social Theory of the Media*. Cambridge, Polity Press, 1995. 314 p.
3. Hjavard S. The Mediatization of Society: A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*, 2008, no. 29 (2), pp. 105–134.
4. Hoskins A. Flashbulb memories, Psychology and Media Studies: Fertile Ground for Interdisciplinarity. *Memory Studies*, 2009, no. 2 (2), pp. 147–150.
5. Hepp A. *Deep Mediatization*. London and New York, Routledge, 2020. 248 p.
6. Krotz F. The meta-process of “mediatization” as a conceptual frame. *Global Media and Communication*, 2007, no. 3 (3), pp. 256–260.
7. Deuze M. Media life. *Media, Culture & Society*, 2011, no. 33, pp. 137–148.

Информация об авторе

Новицкая Татьяна Евгеньевна – научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной академии наук Беларуси (220072, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, Республика Беларусь). E-mail: navitskaya.philosophy@gmail.com

Information about the author

Tatsiana Navitskaya – Researcher of Center for Social-Philosophical and Anthropological Studies. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1/2, Surganova str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: navitskaya.philosophy@gmail.com

Поступила 15.03.2021

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич

Белорусский государственный технологический университет

**ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ
В СОЦИАЛЬНОМ УЧЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ**

В статье рассматривается специфика современной морали и ее социокультурная обусловленность. Показано, что обнаруживается тенденция развития общественной морали в сторону рационализации. Системно проанализировано отношение православия к проблеме духовного кризиса в обществе, а также к институту семьи и брака в контексте социально-этического учения церкви. Выявлено, что православие актуализирует тезис о том, что критерием нравственности может быть только религиозная вера. Церковь отрицает тождество христианской этики и общечеловеческих ценностей, тем самым она подчеркивает идею уникальности христианского учения и святоотеческой традиции. Взгляд современного православия на вопросы морали, семьи и брака остается консервативным; отстаиваются патриархальные ценности. Основой брачного союза должна быть общность веры. В сущности, православная этика носит авторитарный характер, основывается на религиозных догмах. Показано, что православная церковь стремится к поиску и совершенствованию способов воздействия на духовно-нравственное состояние общества.

Ключевые слова: православие, мораль, семья, духовный кризис, патриархальные ценности.

Для цитирования: Кожич Н. М. Вопросы семейной и общественной нравственности в социальном учении православия // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 171–174.

N. M. Kozhich

Belarusian State Technological University

**ISSUES OF FAMILY AND PUBLIC MORALS
IN THE SOCIAL DOCTRINE OF ORTHODOXY**

The article examines the specifics of modern morality and its socio-cultural nature. It has been shown that there is a tendency to develop public morality towards rationalization. The attitude of Orthodoxy to the problem of the spiritual crisis in society, as well as to the institution of family and marriage in the context of the socio-ethical teachings of the church, was systematically analyzed. It was revealed that Orthodoxy actualizes the thesis that only religious faith can be a criterion for morality. The church denies the identity of Christian ethics and universal human values, thereby emphasizing the idea of the uniqueness of Christian teachings and the patristic tradition. The view of modern Orthodoxy on issues of morality, family and marriage remains conservative; patriarchal values. The basis of marriage must be the community of faith. In essence, Orthodox ethics is authoritarian, based on religious dogmas. It has been shown that the Orthodox Church seeks to find and improve ways of influencing the spiritual and moral state of society.

Key words: Orthodoxy, morality, family, spiritual crisis, patriarchal values.

For citation: Kozhich N. M. Issues of family and public morals in the social doctrine of Orthodoxy. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 171–174 (In Russian).

Введение. Актуальными тенденциями социального развития в последние десятилетия стали урбанизация и глобализация. Следствием данных процессов являются унификация, функционализм, мультикультурализм, социальная мобильность, поверхностная религиозность, прагматизм человеческих отношений и т. д. Сознание современных людей стало более раскрепощенным благодаря скорости социальных изменений и богатому мировоззренческому выбору. Патриархальная культура, свойственная доиндустриальному обществу, практически исчезла. Человек теперь ощущает себя свободным субъектом, мыслит критически и определяет

собственное отношение к традициям. Но в то же время необходимо признать, что вся система ценностных ориентаций современного общества по факту является размытой, лишенной однозначных критериев нравственного и безнравственного, прекрасного и безобразного и т. д. Все это дает основание многим мыслителям признавать наличие глубокого духовно-нравственного кризиса в современном обществе.

Основная часть. В настоящее время мораль является достаточно демократичной. Ей присущи толерантность и творчество. При этом традиционные ценности сохраняют актуальность. Такие нравственные качества, как ответственность,

порядочность, трудолюбие, вежливость и др., никто не отменял. Тем не менее религиозные идеологи настаивают на том, что современное общество в нравственном отношении нездорово, так как в нем присутствуют факты «разложения» и нет ничего созидательного и конструктивного. В доказательство приводятся примеры роста преступности, разводов, аборт, падение религиозности. В последнее время во всем мире увеличивается количество тех, кто не причисляет себя к определенному исповеданию, в храмы не ходят, посты не соблюдают, но признают существование сверхъестественных сил, высшего разума и т. д. Кроме того, огромное количество людей в одинаковой степени безразлично относится как к религии, так и к атеизму. С точки зрения православных идеологов, вне религиозной веры мораль вообще не может существовать. Они отвергают саму мысль о тождестве христианской и общечеловеческой морали. Подчеркивают, что «весьма важным сегодня представляется самое решительное противостояние Церкви попыткам поставить знак равенства между христианской этикой и эклектическими этиками, построенными на основе искаженных производных естественной этики, таких как этика сциентизма и «новых религиозных движений». Ни одна из подобных концепций не может быть отождествлена с нравственным учением Христа Спасителя, ибо они основаны на принципиально противоречащих Евангелию и учению Церкви принципах...» [1]. Таким образом, все попытки светских ученых включить христианскую мораль в систему общечеловеческих ценностей всячески отвергаются религиозными деятелями. Ими отмечается несовершенство светской этики. Христианское нравственное учение объявлено уникальным, так как представляет собой единственное средство для духовного преобразования человеческой души и, следовательно, для спасения. Смысл Нагорной проповеди Христа сводится к тому, что для человека не является достаточным простое соблюдение заповедей. Главное – отсутствие мыслей о грехе. По мнению богословов, светская мораль не в состоянии решить эту проблему. Главным критерием нравственности в христианстве выступает идея спасения души для вечного блаженного существования в Боге.

Тенденции развития современного общества способствуют формированию морали, которая основана на разуме, а не религиозной вере. Общеизвестным является факт, что среди высокообразованных людей наблюдается наименьшая степень религиозности и преступности. Современный человек более уверен в собственных силах, нежели человек, живший в какую-либо другую эпоху. На протяжении последних нескольких десятилетий происходил постепенный отход от традиционной морали, которая отличалась

патриархальностью, коллективизмом, религиозностью и строгой нормативностью. Личность не рассматривалась как ценность. Интересы человека являлись интересами общества. Современная мораль часто носит противоречивый характер, поскольку «она пытается совместить несовместимое: либеральное право человека на выбор и традиционные корни, которые такое право отрицали. Решая это противоречие, одни уходят в фундаментализм, другие бросаются в эгоистическую «жизнь ради развлечений». И то, и другое не способствует развитию и, следовательно, бесперспективно. Поэтому нужна непротиворечивая мораль, следование которой обеспечивает успех как отдельному человеку, так и всему обществу» [2]. Наивысшей ценностью современного общества становится свобода человека, при этом насилие и нетерпимость всячески осуждаются. Сформировалась установка на саморазвитие личности, достижение успеха, богатства. Важными являются требования уважения личности, помощи другим людям.

Все эти тенденции отразились на одном из древнейших социальных институтов – семье, который всегда играл важную роль в жизни общества. Основными функциями семьи были и являются репродуктивная, воспитательная, хозяйственно-бытовая и др. На протяжении длительного времени семья оставалась патриархальной, когда мужчина имел безусловный приоритет в вопросах семейного главенства. В настоящее время происходит трансформация традиционной роли супругов. В современной семье женщины массово принимают участие в профессиональной деятельности. Вследствие этого процесс семейные обязанности начинают перераспределяться, поэтому для сегодняшнего дня актуальной является эгалитарная семья. В основе брака теперь, как правило, находятся любовь и эмоциональная поддержка. Тем не менее не все тенденции развития современной семьи являются конструктивными. Позднее вступление в брак, а также проблемы экономического характера приводят к тому, что супруги имеют только одного ребенка. Кроме того, растет количество разводов, одиноких людей, неполных семей и детей, рожденных вне брака. Происходит индивидуализация жизни членов семьи. Дети стремятся жить самостоятельно и чаще всего выбирают себе другой род деятельности, не связанный с профессией родителей. Довольно часто альтернативами традиционному браку являются так называемые «гражданские» браки без регистрации отношений, одиночество, материнские семьи, однополые отношения. Как известно, от состояния семейно-брачных отношений зависит будущее целого общества и даже самого государства. Своё отношение к данной ситуации выразили

и религиозные идеологи. В «Основах социальной концепции Русской православной церкви» отмечается, что «семья как домашняя церковь есть единый организм, члены которого живут и строят свои отношения на основе закона любви. Опыт семейного общения научает человека преодолению греховного эгоизма и закладывает основы здоровой гражданственности. Именно в семье, как в школе благочестия, формируется и крепнет правильное отношение к ближним, а значит, и к своему народу, к обществу в целом. Живая преемственность поколений, начинаясь в семье, обретает свое продолжение в любви к предкам и отечеству, в чувстве сопричастности к истории. Поэтому столь опасно разрушение традиционных связей родителей с детьми, которому, к сожалению, во многом способствует уклад жизни современного общества» [3]. Церковь настаивает на нерасторжимости браков. Развод рассматривается как тяжкий грех, нарушение «тайнства любви», так как брак есть «единение супругов друг с другом во Христе» [3]. Основанием для развода является душевная болезнь, отпадение из православия, наркомания, алкоголизм, совершение женой аборта при несогласии супруга, нарушение супружеской верности. При этом церковь выступает против второбрачия, однако повторный брак разрешается только невинному супругу.

Теперь, как и в прошлом, церковь видит предназначение брака в продолжении рода, воспитании детей. В основе брачных отношений должна находиться общность веры; допускается брак с представителями других христианских конфессий при условии, если воспитание детей будет осуществляться в православной вере. Церковь не освящает венчанием браки православными и нехристианами, хотя признает их законными. Церковь также осуждает свободную любовь, подчеркивает, что «назначение женщины не в простом подражании мужчине и не в соревновании с ним, а в развитии всех дарованных ей от Господа способностей, в том числе присущих только ее естеству» [3]. Таким образом, православие по-прежнему отстаивает принципы традиционной морали.

Церковь в последние годы активно принимает участие в деле духовно-нравственного воспитания общества. Еще в 2003 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между государством и церковью в различных областях общественной жизни. Наиболее важными направлениями этой деятельности стали воспитание, образование, благотворительность, охрана материнства и детства, сохранение культурного наследия и др. На основе данного соглашения 26 марта 2020 г.

была подписана Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2020–2025 годы. Стороны «договорились подписать настоящую Программу сотрудничества в области воспитания детей и молодежи и реализовывать ее в соответствии с принципами взаимного уважения и невмешательства в дела, относящиеся к компетенции Сторон; светского характера образования; уважения прав обучающихся на формирование собственной позиции в отношении религии и прав родителей или лиц, их заменяющих, на воспитание детей в соответствии с собственным отношением к религии. Сотрудничество органов и учреждений образования с Белорусской Православной Церковью не имеет целью ущемление прав других конфессий или граждан и не препятствует им в развитии сотрудничества с системой образования в соответствии с действующим законодательством» [4]. Данной программой предусмотрен широкий спектр мероприятий, направленных на духовно-нравственное воспитание молодежи и поддержание института семьи и брака. В частности, это факультативы, семинары, кураторские часы, тематические беседы в учебных заведениях по профилактике разводов и абортот, лекции о христианском понимании семьи, репродуктивном здоровье и т. д. Для пропаганды христианского образа жизни предусмотрена организация выставок, лекций, посвященных православному краеведению. Запланированы фестиваль «За мир и духовное возрождение», а также фестиваль социальной рекламы в защиту жизни и семьи «Ладощка»; предусмотрено проведение семинара на тему «О духовности и нравственности: диалог поколений» и др. Программа предусматривает работу с приемными семьями, а также с семьями, которые находятся в социально опасном положении. Это включает в себя организацию лекций о помощи семье в кризисной ситуации, проведение тематических родительских собраний.

Заключение. Таким образом, даже в современных условиях взгляды православия в вопросах морали остаются консервативными. Религиозными мыслителями отстаиваются традиционные, в сущности, патриархальные ценности. Все проявления духовного кризиса объясняются падением религиозности среди населения. Вместе с тем следует признать, что церковь принимает активное участие в деле духовного и религиозно-нравственного воспитания подрастающего поколения и является открытой для взаимодействия с обществом.

Список литературы

1. Протоиерей Всеволод. Нравственность в церкви и вне ее: православный взгляд в условиях меняющегося общества. URL: <http://www.azbyka.ru> (дата обращения: 28.07.2020).

2. Баранова Л. В. Нравственность современного общества. URL: <http://www.moluch.ru> (дата обращения: 30.07.2020).

3. Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru> (дата обращения: 07.08.2020).

4. Программа сотрудничества между Министерством образования Республики Беларусь и Белорусской Православной Церковью на 2020–2025 годы. URL: <http://www.oroik.by> (дата обращения: 02.09.2020).

References

1. *Protoiyerey Vsevolod. Nравstvennost' v tserkvi i vne yeyo: pravoslavnyy vzglyad v usloviyakh menyayushchegosya obshchestva* [Morality in and out of the church: an Orthodox view in a meaning society]. Available at: <http://www.azbyka.ru> (accessed 28.07.2020).

2. Baranova L. V. *Nравstvennost' sovremennogo obshchestva* [Morality of modern society]. Available at: <http://www.moluch.ru> (accessed 30.07.2020).

3. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru> (accessed 07.08.2020).

4. *Programma sotrudnichestva mezhdur Ministerstvom obrazovaniya Respubliki Belarus' i Belorusskoy Pravoslavnoy Tserkov'yu na 2020–2025 god* [Program of cooperation between the Ministry of Education of the Republic of Belarus and the Belarusian Orthodox Church for 2020–2025 years]. Available at: <http://www.oroik.by> (accessed 02.09.2020).

Информация об авторе

Кожич Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Kogich@belstu.by

Information about the author

Kozhich Natal'ya Mikhaylovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kogich@belstu.by

Поступила 03.03.2021

УДК 322+261.6

А. В. Гридчин

Белорусский государственный университет

**ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ РАЗЛИЧИЙ
В СОВРЕМЕННОМ КАТОЛИЧЕСКОМ И ПРОТЕСТАНТСКОМ ДИСКУРСАХ**

В статье рассматриваются социально-философские концепции взаимоотношения христианских конфессий с государством в контексте актуальных социально-политических и мировоззренческих вызовов. В качестве примера приводится идея экуменизма как одной из форм проявления глобализации в религиозной сфере. Выявляются концептуальные основания традиционалистской и модернистской стратегий мировых христианских конфессий. Также дается характеристика отношений западного, в большей степени модернистского, христианства к восточному как традиционалистскому полюсу христианской религии.

Анализируются различные теоретические подходы к пониманию раскола в христианстве в контексте социальных концепций католицизма и протестантизма. В этой связи автор осуществляет ревизию идейного наследия Макса Вебера в контексте католическо-протестантского дискурса. Рассматривается ряд исследователей философской и социологической направленности, опирающихся на идеи Макса Вебера, концептуальные взгляды которых определяют основные цивилизационные программы, составляющие парадигмальное пространство западного христианства. Автор выделяет три основных подхода: преимущество протестантизма как над католицизмом, так и над православием; превосходство католицизма над другими конфессиями; умеренный подход, предполагающий объединение католицизма и протестантизма как ветвей единого западно-христианского дерева. В исследовании акцентируется внимание на социально-философских аспектах существенных отличий основных христианских конфессий на современном этапе социодинамики культуры.

Ключевые слова: конфессия, модернизм, социальная доктрина, миссионерство, экуменизм, глобализация, традиционализм.

Для цитирования: Гридчин А. В. Основные концепции цивилизационных различий в современном католическом и протестантском дискурсах // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 175–180.

A. V. Gridchin

Belarussian State University

**CONCEPTS OF CIVILIZATION DIFFERENCES OF CHRISTIAN CONFESSIONS
IN MODERN CATHOLIC AND PROTESTANT DISCOURSES**

The article examines the socio-philosophical concepts of the relationship of Christian confessions with the state in the context of current socio-political and ideological challenges. As an example, the idea of ecumenism is given as one of the forms of manifestation of globalization in the religious sphere. The conceptual foundations of the traditionalist and modernist strategies of the world Christian confessions are revealed. It also characterizes the relationship of Western, mostly modernist, Christianity to the Eastern, as the traditionalist pole of the Christian religion.

In this regard, the author revises the ideological heritage of Max Weber in the context of the Catholic-Protestant discourse. A number of researchers of a philosophical and sociological orientation, based on the ideas of Max Weber, whose conceptual views determine the main civilizational programs that make up the paradigmatic space of Western Christianity, are considered. The author identifies three main approaches: the advantage of Protestantism, both over Catholicism and over Orthodoxy; the superiority of Catholicism over other confessions; and a moderate approach that involves the unification of Catholicism and Protestantism as branches of a single Western Christian tree. The study focuses on the socio-philosophical aspects of the essential differences between the main Christian confessions at the present stage of the sociodynamics of culture.

Key words: denomination, modernism, social doctrine, missionary work, ecumenism, globalization, traditionalism.

For citation: Gridchin A. V. Concepts of civilization differences of Christian confessions in modern Catholic and Protestant discourses. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 175–180 (In Russian).

Введение. В современном обществе происходит рост модернизационных процессов, обусловленных глобальными социокультурными трансформациями. Возникла необходимость переосмыслить опыт социального развития, разработанные цивилизационные ориентиры для государств и наций. Однако проведение модернизационных изменений невозможно без учета ценностно-мировоззренческих основ общества, влияние на формирование которых оказывает религия. В контексте процессов глобализации и мультикультурализма формирующегося информационного общества догматизм и социальный консерватизм христианства зачастую воспринимаются в качестве воплощения архаики. Ряд теологов, религиоведов, духовенства и мирян основных христианских конфессий поддерживают идею модернизации церкви с учетом динамики изменений общества. Современная ситуация в христианстве демонстрирует следующие тенденции: 1) нарастание фундаменталистских настроений как ответной реакции на глобализм и модернизацию; 2) разрушение традиций, желание «идти в ногу со временем»; 3) взаимопроникновение церковных традиций, нарастание экуменических настроений.

Эти три тенденции часто отождествляют с тремя основными ветвями христианства: православие существует в рамках традиционализма, протестантские конфессии рассматривают традицию с точки зрения модернизма, католицизм объединяет традиции и стремления к модернизации. Подобная трактовка является во многом стереотипной, что требует осуществления ее концептуального социально-философского анализа. А это и определило актуальность данной статьи.

Основная часть. Одним из основных направлений развития христианства в Новейшее время является экуменизм. Под экуменизмом следует понимать всю совокупность форм сближения и диалога между конфессиями. Это движение воспринимается как проявление модернизационных и глобализационных процессов в христианстве, как нивелировка, формализация ключевых прежде всего догматических положений основных конфессий. Это, с одной стороны, предполагает смягчение разногласий и возможность дальнейшего объединения, а с другой – стирание сущностных особенностей основных христианских церквей. На наш взгляд, современные экуменические процессы имеют крайне ограниченный характер. В католическом и протестантском дискурсах до сих пор царят шаблонные, ограниченные представления как о восточном христианстве, так и об иных конфессиях в рамках «западной ветви» христианства.

Подобные убеждения сохранились и на сегодняшний день, несмотря на декларирование приспособления к тенденциям современного общества, в котором доминируют толерантность и культурный релятивизм. В связи с этим была поставлена задача проанализировать современные исследования религиозно-философской направленности, авторами которой являются представители католицизма и протестантизма, для определения основных взглядов на природу раскола в христианстве, а также цивилизационных различий между основными ветвями христианства. Определение существующих взглядов на этот вопрос позволит охарактеризовать идеологическую ситуацию в современном протестантизме и католицизме, что важно для дальнейшего развития диалога между православной церковью и западными направлениями христианства.

В «западном» дискурсе на протяжении нескольких столетий формировался негативный образ православного христианства как архаического, закостеневшего и «застойного», в отличие от динамически развивающихся католицизма и протестантизма. Истоки подобных взглядов вполне отчетливо просматриваются уже в эпоху европейского Средневековья, когда восточное и западное христианство находились в состоянии перманентного мировоззренческого конфликта. Среди отрицательных факторов восточной церкви исследователи выделяют доктринальность, консерватизм, антимодернизм. В православии не сформировалась традиция участия духовенства в научной деятельности за некоторыми исключениями (которые являются следствием влияния католицизма и протестантизма). Анализ показывает, что, хотя православная церковь и расширила свою деятельность за границы уже освоенного ею ареала, но так и не сумела выйти на уровень глобального конкурентирования с католицизмом и протестантизмом в «борьбе за души». То есть, можно сделать вывод, что в современном католическом и протестантском дискурсах, восточное христианство выступает в качестве некоего антипода «западной цивилизации» как фундамента современного мироустройства, так и идеологического мейнстрима. Западное христианство постоянно меняется, интегрируясь в социальные процессы, тогда как православие в распространении религии оттесняется на периферию глобальной жизни. Основой подобных взглядов стала в том числе и концепция Макса Вебера, который придал капитализму в экономике и либерализму в идеологии религиозную (протестантскую) окраску, определив православие (и католицизм) в число «отсталых» религий, идеологических врагов современной либерально-капиталистической модели [1].

М. Вебер, как видно из его работ, ставил православие еще дальше по уровню развития от прогрессивного протестантизма, чем «отсталый католицизм», который был основной «жертвой» в его исследованиях. Одновременно необходимо отметить некоторую парадоксальность в исследованиях М. Вебера: с одной стороны, он обращал свой взор к России, а с другой – дистанцировался в своих исследованиях от православия. Он почти полностью был сосредоточен на последних политических событиях и не пытался включить религию в свой анализ, не говоря уже о том, чтобы глубже исследовать православную церковь, как он сделал это в случае с протестантизмом [2, с. 59].

Во многом антиисторический подход М. Вебера к православию конфессии и обществу был отчетливо выражен в его ответе на статью Эрнста Трёльча на первом заседании Немецкой федерации социологии во Франкфурте-на-Майне в 1910 г. М. Вебер предложил треугольное сравнение. Он утверждал, что «Судом последней инстанции» в случае лютеран будет «Слово», Священное Писание, для римо-католиков – Папа Римский, для «греческой церкви» – «общность, объединенная любовью» [3].

Как известно, М. Вебер в меньшей степени уделял внимание восточному богословию, чем западному. Но и в случае с католицизмом он также игнорировал все, что отклонялось от норм современного протестантизма, разработанных Э. Трёльчем. «Классический мистицизм» православия он видел совсем не похожим на использованную Э. Трёльчем концепцию мистицизма для обозначения современной *индивидуалистической духовности*. Нежелание углубленно изучить православие говорит о возможной стереотипности М. Вебера относительно ортодоксальной традиции, что соответствует общему для западного дискурса взгляду о регрессизме Византии и псевдоканоничности ее историко-религиозного наследия. Такого же мнения придерживался ряд исследователей и современников, в частности Эдвард Гиббон.

По отношению к взглядам о преимуществе «Запада» над «Востоком» используется термин «ориентализм», но в работах, вдохновленных Эдвардом Саидом, он используется преимущественно при анализе нехристианских сообществ. Как отметил Кен Парри, Византийская империя представлена скорее *«как суспензия в формальдегиде, как какой-то редкий экземпляр, ожидающий, пока его не разобьет последующее поколение»*. К. Парри утверждает, что византийская интеллектуальная история действительно демонстрировала большую преэминентность, чем западное христианство в веках после Константина, но глубокая приверженность

мистической стороне христианства не является оправданием для «выпадения» империи из реальной истории. К. Парри пытался «сломать» традиционную западную парадигму, которая определяла православие как первопричину постепенного упадка и в результате гибели Византии. Исследователь разделяет светскую и религиозную (интеллектуальную) историю Византийской империи, отрицая связь между постепенной деградацией общественных институций и приверженностью восточному мистицизму – концепцию, очень удобную для обоснования цивилизационного преимущества «жизнеспособного» западного христианства над «умирающим» православием [4, с. 25].

Современные исследователи, преимущественно англосаксонского направления, по-прежнему рассматривают православный мир как отсталый и уступающий Западу, упуская из виду тот факт, что подобные нелиберальные настроения одинаково сильны во многих западных странах (например, в Польше). Социолог «неолибералец» Дэвид Мартин, например, поддерживает дихотомию между Востоком и Западом и отказывается признать их эквивалентность в рамках культурного релятивизма. Д. Мартин утверждает, что «будущее христианства» зависит от его успеха как силы в глобальном открытом обществе. По его мнению, в данный момент лидирующей силой в глобальном христианстве является протестантизм. Но благодаря модернизационным процессам католицизм сумел стать эффективным соперником, и в наши дни в западном христианстве происходит внутренняя конкуренция. В отличие от этого, утверждает Д. Мартин, православие не меняется в ответ на изменения общества: эта религия остается консервативной и ритуалистической и, следовательно, определено не современной. Д. Мартин представляет традиционную, доминирующую в западном христианстве концепцию, которую можно обозначить условной схемой: «прогрессивный протестантский (католический) Запад – отсталый православный Восток», «Запад = модернизм», «Восток = традиционализм» [5, с. 116].

Однако последние события, происходящие в западноевропейском мире, свидетельствуют о претенциозности подобных представлений, так как модернизационная концепция западного христианства оказалась недееспособной при определении ценностных ориентиров постмодернистского общества. Произошла подмена понятий основополагающих социальных ценностей на мультикультурализм и толерантность, что формирует основания для ревизионизма. При этом западное христианство вместе с наднациональными бюрократическими структурами

европейских стран трансформировалось в некую лоббистскую силу интересов этих структур, что начало подрывать авторитет католичества и протестантизма. Поэтому протестантизм и католицизм рассматриваются целенаправленно и, на наш взгляд, необоснованно только лишь в контексте глобального миропорядка, что нивелирует особенности исторического происхождения данных конфессий. Однако по мере изменения экономической конъюнктуры, с перемещением центра экономической жизни из «старой» Европы и США в новые центры глобальной экономики, эти критерии представляются все более сомнительными. На современном этапе именно восточное христианство обладает потенциалом, способным обеспечить структурные изменения в обществе, задать новую парадигму, которая могла бы отличаться как от централизованных церковных структур католиков, так и от децентрализованных конфессиональных институций протестантов.

Английский религиовед Джоэль Роббинс в своей статье «Преимственность мышления и проблема христианской культуры: вера, время и антропология христианства» постулирует протестантские представления о Божестве как вершину христианских представлений о трансцендентном. В то же время католицизм сохраняет стремление к имманентному, посюстороннему, делая акцент на определяющей роли вочеловечивания Христа и образе Его земной жизни. По мнению Д. Роббинса, именно этот фактор стал ключевым в том, что протестантизм в совокупности своих течений и сегодня сохраняет лучшую динамику роста числа своих последователей в мире.

Подобное уравнивание доктринального преимущества и социологических показателей, а также попытку выразить преимущество определенной конфессии в количественных параметрах вряд ли можно считать референтно приемлемыми. Следует признать, что в миссионерской деятельности основную роль играют не собственно религиозные факторы, а прежде всего социокультурные, экономические, организационные, политические и др.

В странах третьего мира (наибольшую динамику протестантизм демонстрирует в странах Африки, Латинской Америки, Азии) католические или православные миссионеры пользовались бы не меньшим успехом благодаря своему ритуализму и обрядовости, что сближает их с традиционными анимистическими и магическими верованиями. Миссионеры всех конфессий опираются на один и тот же базовый репертуар, те же символы и ритуалы. Без сомнения, откровенный материализм («Евангелие процветания») некоторых протестантских движений, дает им преимущество. Но в основе успеха

протестантских течений в приобретении новых сторонников все-таки лежит лучшая организационная структура и материальное благосостояние [6, с. 16].

В то же время говорить об общем рубеже противостояния протестантско-католического запада и восточного христианства как фундаменте единой западно-христианской идеологии представляется необоснованным. Так, центральным объектом критики М. Вебера было вовсе не православие, которое он обходил стороной, а католицизм. Поэтому наибольшая критика веберовской модели характерна для католического дискурса. Энтони Кэрролл утверждает, что аргументы М. Вебера были искажены протестантским «метанарративом». Согласно этому утверждению, социологический анализ протестантизма М. Вебера находился и находится под сильным интерпретирующим влиянием современного либерального протестантского богословия, на которое повлияло развитие естественных наук. Божью благодать современная протестантская теология выводит из природы. Ритуал был исключен из «рациональных» действий в пользу аскетизма внутреннего мира, который, в свою очередь, усматривает предпологаемую связь со стремлением за капиталистической прибылью. Мистика приравнивается к потустороннему созерцанию и пассивности. Э. Кэрролл, будучи сторонником иезуитских взглядов, утверждает, что иезуитское «созерцательное действие» и многие другие течения, которые появились после католической реформации, способствовали формированию современного мира. Также он считает, что М. Вебер не учитывает католические модернизационные движения, подобные тем, которые возглавили иезуиты во многих частях мира после Контрреформации. Э. Кэрролл представляет традиционалистскую часть католического дискурса. Он придерживается мнения о преимуществе западного христианства над восточным, но при этом не поддерживает протестантско-католическую конфронтацию против православия, критикуя концепцию Вебера за игнорирование прогрессивных тенденций в католицизме, воспринимая протестантизм «чужим» наряду с православием [7, с. 73].

Оригинальную концепцию раскола в христианстве предложил канадский социальный философ Чарльз Тейлор, за основу которой он взял все ту же модель М. Вебера. При этом он утверждает, что «североатлантический мир» является фундаментом гегемонии, а также определяющим фактором протестантского мировоззрения, включая и католические страны. Реформация была важна, утверждает Ч. Тейлор, но это была лишь кульминация гораздо более древнего напряжения, которое он прослеживает от папы

Григория VII в XI в. По мнению Ч. Тейлора, на Западе светская идеология, включающая сомнение в трансцендентном Боге и гуманизм, начала распространяться в обществе задолго до Реформации. На протяжении этих веков мир все еще был заключен в то, что Ч. Тейлор называет «наивной», беспрекословной верой. Вопросы, связанные с восточным христианством, Ч. Тейлор рассматривает либо максимально поверхностно, либо и вовсе игнорирует. Может сложиться впечатление, что православный мир – диаметрально другой мир. В трудах Ч. Тейлора мы наблюдаем третью существующую в западном дискурсе концепцию межконфессиональных отношений в христианстве. Он пытается найти точки соприкосновения между католицизмом и протестантизмом, определяет их как две части единого целого – западного христианства, которые вместе противостоят общей цивилизационной угрозе – восточному христианству [8].

Концепция Ч. Тейлора была подвержена критике немецким социальным философом Хансом Йоасом за то, что тот дал характеристику имманентной, «зачарованной» религиозности католицизма исключительно в его средневековой форме. Х. Йоас критически относится к западному «культурному» уклону в работе Ч. Тейлора, и вместо этого призывает к исследованию более конкретных политических и экономических условий, которые стимулировали реформы в католической церкви до Реформации. Но в ключевых вопросах Х. Йоас согласен с Ч. Тейлором: никто из католических ученых не делает вывод, что различие между имманентным и трансцендентным может быть определяющей чертой «католической культуры», которая отличает ее от других христианских церквей. Х. Йоас представляет четвертое направление в западном дискурсе внутрехристианского раскола – релятивистское, которое признает равноценность всех христианских конфессий и отрицает доминирующий «западный» уклон [9, с. 296].

Заключение. Из вышесказанного можно сделать следующий вывод: несмотря на декларируемые идеи культурного релятивизма и религиозной толерантности, в католическом и протестантском социально-философских дискурсах и сегодня существует предвзятое отношение к восточному христианству. Православие

воспринимается западнохристианскими исследователями как архаичный исторический феномен, который не способен меняться в соответствии с социальными и культурными преобразованиями. По их мнению, последствием этого является безнадежное отставание православия в глобальной конкуренции между ведущими христианскими конфессиями. Так, выделяют две основные причины, которые сформировали подобный образ православия. *Во-первых*, существовали объективные факторы, которые ограничивали динамическое развитие восточного христианства: это социально-экономическое отставание, долгое нахождение значительной части традиционно православных регионов в сфере влияния мусульманского мира, что ограничивало возможности развития, приводило к консервации как методу сохранения религиозной идентичности в условиях внешних угроз. *Во-вторых*, авторы настаивают на доктринальном, идеологическом преимуществе протестантизма и католицизма над православием. Осуществляется рецепция социально-философского наследия Макса Вебера: одни (Дж. Роббинс, Д. Мартин) поддерживают первоначальную концепцию М. Вебера о преимуществе протестантизма как над католицизмом, так и над православием; другие исследователи (Ч. Тейлор, Х. Йоас, К. Парри) пытаются примирить католицизм и протестантизм в рамках веберовской модели как части единого «западного христианства»; отдельные группы составляют радикальные католические авторы (Э. Кэрролл, С. Хеллеманс, Л. Каруана), которые критикуют оба течения, выступая с позиций преимущества католицизма. В свою очередь, эти большие группы делятся на подгруппы, которые имеют разногласия в отдельных вопросах. Так, Ханс Йоас выдвигает концепцию цивилизационного и культурного равенства трех основных ветвей христианства, тогда как Энтони Кэрролл стоит на позиции ретроградности восточного христианства. Обозначенные позиции существенно дополняют современную картину раскола внутри христианских конфессий в силу того, что любое цивилизационное развитие предполагает как упадок, так и ренессанс, а так как сегодня отмечается тенденция к религиозному обновлению, то начинает доминировать возрожденческая концепция.

Список литературы

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: East-View, 2002. 352 с.
2. Вебер М. О России. М.: РОССПЭН, 2007. 159 с.
3. Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. URL: <https://archive.org/details/gesammelteaufs03webeuoft/mode/2up> (дата обращения: 14.02.2021).
4. Parry K. What to Jettison Before you go Sailing to Byzantium // Phronema. 2009. No. 24. P. 19–33.
5. Martin D. The future of Christianity: reflections on violence and democracy, religion and secularization. London: Routledge. 2011. 240 p.

6. Robbins J. Continuity thinking and the problem of Christian culture: belief, time, and the anthropology of Christianity // *Current Anthropology*. 2007. No. 48. P. 5–38.

7. Carroll A. The Importance of Protestantism in Max Weber's Theory of Secularization // *European Journal of Sociology*. 2009. No. 50 (1). P. 61–95.

8. Taylor C. A. *Secular Age*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. 896 p.

9. Joas H. Die säkulare Option. Ihr Aufstieg und ihre Folgen // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 2009. No. 57 (2). P. 293–300.

References

1. Weber M. *Protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. Moscow, East-View Publ., 2002. 352 p.

2. Weber M. *O Rossii* [About Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 159 p.

3. Weber M. *Gesammelte Arbeiten zur Religionssoziologie* [Collected papers on the sociology of religion]. Available at: <https://archive.org/details/gesammelteaufs03webeuoft/mode/2up> (accessed 14.02.2021).

4. Parry K. What to Jettison Before you go Sailing to Byzantium. *Phronema*, 2009, no. 24, pp. 19–33.

5. Martin D. *The future of Christianity: reflections on violence and democracy, religion and secularization*. London, Routledge. 2011. 240 p.

6. Robbins J. Continuity thinking and the problem of Christian culture: belief, time, and the anthropology of Christianity. *Current Anthropology*, 2007, no. 48, pp. 5–38.

7. Carroll A. The Importance of Protestantism in Max Weber's Theory of Secularization. *European Journal of Sociology*, 2009, no. 50 (1), pp. 61–95 (In English).

8. Taylor C. A. *Secular Age*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2007. 896 p.

9. Joas H. The secular option. Their rise and their consequences. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie* [German magazine for philosophy], 2009, no. 57 (2), pp. 293–300 (In German).

Информация об авторе

Гридчин Антон Владимирович – аспирант кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: antongridchin@mail.ru

Information about the author

Gridchin Anton Vladimirovich – postgraduate student, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: antongridchin@mail.ru

Поступила 15.03.2021

УДК 005.52:005.334

Т. П. Водопьянова, В. С. Жуковень

Белорусский государственный технологический университет

**МЕТОД АНАЛИЗА ИЕРАРХИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ
ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ**

В статье рассматривается применение метода анализа иерархий с целью управления рисками инновационной деятельности предприятия по производству мебели. Если перед предприятием стоит задача выбора оборудования для внедрения нового вида продукции и при этом необходимо минимизировать риски и не допустить снижения спроса на продукцию, метод позволяет оценить оборудование по наиболее важным критериям.

Процедуры расчетов метода анализа иерархий достаточно просты, а сам метод является универсальным, поскольку схема применения не зависит от сферы деятельности, в которой принимается решение. При этом могут использоваться абсолютно разные критерии с различным уровнем их значимости, что позволяет оценивать любой вид риска.

Для принятия решения по выбору оборудования рассмотрены следующие критерии: объем загрузки пиломатериалов, мощность электродвигателя, продолжительность сушки.

Ключевые слова: риск, инновационная деятельность, метод анализа иерархий.

Для цитирования: Водопьянова Т. П., Жуковень В. С. Метод анализа иерархий как инструмент управления рисками инновационной деятельности предприятия // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 181–185.

T. P. Vodop'yanova, V. S. Zhukoven'

Belarusian State Technological University

**HIERARCHY ANALYSIS METHOD AS A RISK MANAGEMENT
FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY**

The article discusses the application of the method of analysis of hierarchies in order to manage the risks of innovative activity of a furniture manufacturing enterprise. If the company is faced with the task of selecting equipment for the introduction of a new type of product and at the same time it is necessary to minimize risks and prevent a decrease in demand for products, the method allows you to evaluate the equipment according to the most important criteria.

The calculation procedures of the hierarchy analysis method are quite simple, and the method itself is universal, since the application scheme does not depend on the field of activity in which the solution is applied. In this case, completely different criteria can be used with different levels of their significance, which allows you to assess any type of risk.

To make a decision on the choice of equipment, we considered the following criteria: the volume of loading of lumber, the power of the electric motor, the duration of drying.

Key words: risk, innovative activity, hierarchy analysis method.

For citation: Vodop'yanova T. P., Zhukoven' V. S. Hierarchy analysis method as a risk management foreign economic activity. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2021, no. 1 (245), pp. 181–185 (In Russian).*

Введение. Инновационный процесс можно определить как рискованный процесс последовательного превращения идеи в товар, проходящий стадии фундаментальных и прикладных исследований, конструкторских разработок, маркетинга, производства, сбыта.

Возможность потерь и неудач в инновационной сфере значительно выше, чем во всех остальных. Инновационный риск – это вероятность убытков, имеющих место при вложении средств в производство новых товаров и услуг, которые, возможно, не найдут ожидаемого спроса на рынке. Инновационный риск возникает в следующих ситуациях:

– при внедрении более дешевого метода производства товара или услуги по сравнению с уже используемыми;

– при создании нового товара или услуги в связи с использованием физически и/или морально устаревшего оборудования;

– при производстве нового товара или услуги с помощью новой техники и технологии, при этом существует угроза не найти потребителя.

Реагирование на риск связано с анализом минимизации потерь и их возмещением.

Основная часть. Выбор оборудования следует осуществлять по различным критериям и

для этого может применяться метод анализа иерархий – МАИ, разработанный математиком Т. Саати [1].

Суть метода анализа иерархий состоит в декомпозиции проблемы выбора на простые составляющие части и обработке суждений лица, принимающего решение. В результате определяется значимость исследуемых альтернатив для всех критериев, находящихся в иерархии. Относительная значимость выражается численно в виде векторов приоритетов. Полученные значения векторов приоритетов являются оценками в шкале отношений, позволяющими сделать количественно обоснованный выбор, принять решение [1].

Цель метода анализа иерархий – обоснование выбора наилучшей из предлагаемых альтернатив, характеристики которых являются векторами с разнородными, в том числе и с нечетко определенными, отдельными компонентами [2].

Этапы применения МАИ: 1) представление проблемы в виде иерархии (цели, ранжирование критериев и перечень альтернатив); 2) попарное сравнение критериев по важности по девятибалльной шкале с составлением соответствующей матрицы (таблицы) размера $(n \times n)$; 3) определение множества векторов приоритетов для элементов каждого уровня; 4) подсчет количественного индикатора каждой альтернативы, оценка эффективности, принятие управленческого решения [1].

Система парных сведений приводит к результату, который может быть представлен в виде обратной симметричной матрицы. Элементом матрицы $a(i, j)$ является интенсивность проявления элемента иерархии i относительно элемента иерархии j , оцениваемая по шкале интенсивности от 1 до 9, где оценки имеют следующий смысл: равная важность – 1; умеренное превосходство – 3; значительное превосходство – 5; сильное превосходство – 7; очень сильное превосходство – 9; в промежуточных случаях ставятся четные оценки: 2, 4, 6, 8 (например, 4 – между умеренным и значительным превосходством).

Собственный вектор элементов каждого уровня матрицы (V) вычисляется как геометрическая средняя: извлекается корень n -й степени (n – размерность матрицы сравнений) из произведений элементов каждой строки. Например, формула для расчета собственного вектора элемента k_n матрицы сравнений для критериев имеет вид [3]:

$$V_n = ((k_n / k_1) \cdot (k_n / k_2) \cdot \dots \cdot (k_n / k_{n-1}) \cdot 1)^{1/n}. \quad (1)$$

Нормированный вектор приоритетов (W) определяется как доля (вес) собственного вектора элементов каждого уровня матрицы (V)

в общей совокупности собственных векторов матрицы. Например, формула для расчета нормированного вектора приоритетов собственного вектора элемента W_n матрицы сравнений для критериев имеет вид

$$W_n = \frac{V_n}{\sum_{i=1}^n V_i}. \quad (2)$$

Синтез полученных коэффициентов важности осуществляется по формуле

$$S_j = \sum W_i \cdot V_{ji}, \quad (3)$$

где S_j – показатель качества j -той альтернативы; W_i – вес i -того критерия; V_{ji} – важность j -той альтернативы по i -тому критерию.

Оценка альтернатив осуществляется по максимальному значению S_j , принимается наиболее предпочтительное, эффективное управленческое решение.

ОАО «Стройдетали» специализируется на производстве межкомнатных деревянных дверей не только из цельного массива хвойных пород и ольхи, но и облицованных натуральным шпоном, шпоном файн-лайн. При непосредственном участии высококвалифицированных специалистов акционерное общество динамично развивается в перспективных инновационных направлениях (выпуск топливных брикетов, садовых и дачных домиков и гаражей из профилированного бруса хвойных пород), осваивая при этом новое оборудование, новые материалы, новые технологии.

Важным направлением инновационного менеджмента ОАО «Стройдетали» является модернизация сушильной камеры. При ее выборе следует учесть технологические риски: из-за неравномерности просыхания пиломатериалов в штабеле, потери древесины своего естественного цвета, большой продолжительности процесса сушки, высокого энергопотребления ухудшается качество пиломатериалов, появляются дефекты и соответственно это приводит к рискам в сфере конкурентоспособности продукции.

Критериями, которые помогут в выборе наилучшего варианта сушильной камеры, являются объем загрузки пиломатериала, м³; мощность электродвигателя внутрикамерного вентилятора, кВт/ч; продолжительность сушки пиломатериала, сут.

Данные критерии были выбраны не случайно, так как от объема загрузки и продолжительности сушки будет зависеть продолжительность процесса изготовления готовой продукции. Когда на предприятие поступит крупный заказ, сушильные камеры могут не справиться с тем объемом пиломатериалов, который нужно

будет высушить. А от мощности электродвигателя внутрикамерного вентилятора зависит потребление электроэнергии, чем ниже потребление, тем ниже затраты на сушку пиломатериалов.

На основании вышеперечисленных данных составим иерархию для нашей проблемы на рис. 1. Наибольший вес имеет продолжительность производственного процесса, поэтому наиболее важным критерием будет продолжительность сушки k_3 (табл. 1). Чем меньше его значение, тем быстрее пиломатериалы будут отправлены на следующий производственный процесс.

Вторым критерием по важности будет выступать объем загрузки пиломатериалов k_1 , так как при быстром цикле сушки можно чаще загружать меньшие объемы пиломатериалов.

И последним по важности критерием является мощность электродвигателя k_2 .

Построим матрицу парных сравнений критериев (табл. 2). Отношение согласованности составляет 2,6%. Для использования в дальнейших подсчетах, значение отношения согласованности должно находиться в пределах 10%.

Составим табл. 3 числовых оценок матрицы парных сравнений альтернатив по влиянию критерия k_1 . Как видно из табл. 3, индекс согласованности равен 0,01, отношение согласованности составляет 1,7%.

В табл. 4 числовых оценок матрицы парных сравнений альтернатив по влиянию критерия k_2 (мощности электродвигателя) отношение согласованности составляет 1,7%.

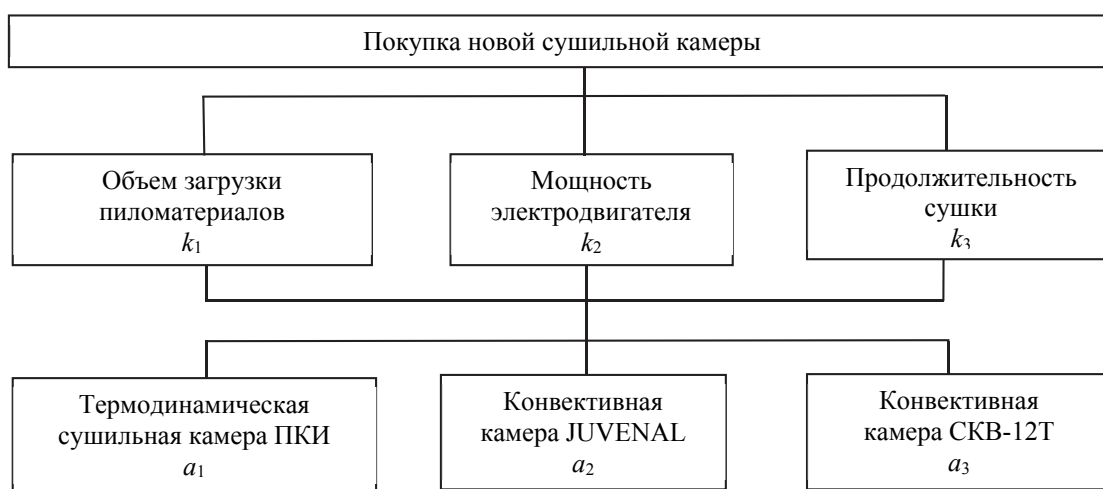

Рис. 1. Иерархия проблемы покупки сушильной камеры

Таблица 1

Индивидуальные значения критериев по выбранным альтернативам

Критерий	Термодинамическая сушильная камера ПКИ	Конвективная камера JUVENAL	Конвективная камера СКВ-12Т
Объем загрузки пиломатериалов k_1 , м ³	36,5	40	50
Мощность электродвигателя k_2 , кВт/ч	20	14	18
Продолжительность сушки k_3 , сут.	1,5	3	5

Таблица 2

Числовые оценки матрицы попарных сравнений для критериев

Критерии	k_1	k_2	k_3	V	W	S
k_1	1	3	0,33	1,0	0,23	1,0
k_2	0,33	1	0,11	0,33	0,08	1,04
k_3	3	9	1	3,0	0,69	0,99
Сумма	4,33	13	1,44	4,33	1,0	3,03
Отношение согласованности (ОС), %						2,6
Индекс согласованности						0,015

Таблица 3

**Числовые оценки матрицы парных сравнений альтернатив
(влияние k_1 – объем загрузки пиломатериалов)**

Критерии	a_1	a_2	a_3	V	W	S
a_1	1	0,33	0,11	0,33	0,06	0,78
a_2	3	1	0,14	0,75	0,15	1,25
a_3	9	7	1	3,98	0,79	0,99
Сумма	13	8,3	1,25	5,06	1,0	3,02
Отношение согласованности (ОС), %					1,7	
Индекс согласованности					0,01	

Таблица 4

**Числовые оценки матрицы парных сравнений альтернатив
(влияние k_2 – мощность электродвигателя)**

Критерии	a_1	a_2	a_3	V	W	S
a_1	1	1/9	1/3	0,33	0,08	1,04
a_2	9	1	3	3,0	0,69	0,99
a_3	3	1/3	1	1,0	0,23	0,99
Сумма	13,0	1,44	4,33	4,33	1,0	3,02
Отношение согласованности (ОС), %					1,7	
Индекс согласованности					0,01	

Составим таблицу числовых оценок матрицы парных сравнений альтернатив по влиянию критерия k_3 (табл. 5). В табл. 5 видно, что отношение согласованности составляет 8,6%.

В сводной табл. 6 представлены глобальные приоритеты, на основе которых можно сделать вывод о наиболее подходящей из предложенных альтернатив.

Исходя из величины глобальных приоритетов, можно сделать вывод, что наилучшим вариантом будет альтернатива a_1 – термодинамическая сушильная камера ПКИ, поскольку по критерию a_1 глобальный приоритет имеет наибольшее значение. Данная сушильная камера имеет оптимальное значение по времени сушки пиломатериалов, что влияет на технологию производства и позволяет производить более конкурентную продукцию.

Таблица 5

**Числовые оценки матрицы парных сравнений альтернатив
(влияние k_3 – продолжительность сушки)**

Критерии	a_1	a_2	a_3	V	W	S
a_1	1	3	9	3,0	0,67	0,96
a_2	0,33	1	5	1,18	0,26	1,09
a_3	0,11	0,2	1	0,28	0,07	1,05
Сумма	1,44	4,2	15	4,46	1,0	3,1
Отношение согласованности (ОС), %					8,6	
Индекс согласованности					0,05	

Таблица 6

Сводная таблица результатов и определения глобальных приоритетов

Альтернативы	Критерии			Глобальные приоритеты
	k_1	k_2	k_3	
	Численное значение вектора приоритета			
	0,23	0,08	0,69	
a_1	0,06	0,08	0,67	0,48
a_2	0,15	0,69	0,26	0,27
a_3	0,79	0,23	0,07	0,25

Заключение. Таким образом, чтобы решить задачи выбора оборудования с учетом инновационных рисков может быть использован метод анализа иерархий.

Список литературы

1. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 278 с.
2. Цибизова Т. Ю., Карпунин А. А. Применение МАИ в оценке качества процессов управления // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 200–201.
3. Водопьянова Т. П., Равино А. В., Захаренко О. А. Метод анализа иерархий как инструмент управления рисками внешнеэкономической деятельности предприятия // Труды БГТУ. Сер. 5. Экономика и управление. 2019. № 2 (226). С. 36–42.

References

1. Saati T. *Prinyatiye resheniy. Metod analiza iyerarkhiy* [Making decisions. Hierarchy Analysis Method]. Moscow, Radio i svyaz' Publ., 1993. 278 p.
2. Tsibizova T. Yu., Karpunin A. A. Application of MAI in assessing the quality of management processes. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2015, no. 2, pp. 200–201 (In Russian).
3. Vodop'yanova T. P., Ravino A. V., Zaharenko O. A. The method of analyzing hierarchies as a tool for managing the risks of foreign economic activity of an enterprise. *Trudy BGTU* [Proceedings of BSTU], issue 5, Economics and Management, 2019, no. 2 (226), pp. 36–42 (In Russian).

Информация об авторах

Водопьянова Татьяна Павловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента, технологий бизнеса и устойчивого развития. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: vodopjanova@belstu.by

Жуковень Валерия Сергеевна – студентка. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: alicefrost500@gmail.com

Information about the authors

Vodop'yanova Tat'yana Pavlovna – PhD (Economics), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Management, Business Technology and Sustainable Development. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vodopjanova@belstu.by

Zhukoven' Valeriya Sergeyevna – student. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: alicefrost500@gmail.com

Поступила 01.02.2021

УДК 342.9:347.7(476)

В. А. Зенькович

Белорусский государственный экономический университет

**К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ СУБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА, СМЕЖНЫХ
И ПАТЕНТНЫХ ПРАВ**

В статье проанализировано развитие гражданско-правового законодательства, регулирующего сферу создания и гражданского оборота объектов интеллектуальной собственности, а также законодательства Республики Беларусь, предусматривающего административную ответственность за нарушение прав субъектов авторского права, смежных и патентных прав за период с 21 апреля 2003 г. по 1 марта 2021 г.

Автор отмечает некоторые особенности совершенствования административно-деликтного законодательства за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности и ее реализации, высказывает свои суждения относительно имеющейся в санкции статьи 10.15 КоАП дополнительного альтернативного административного взыскания.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, законодательство, административная ответственность, авторское право, смежные права, патентные права, административные взыскания, права субъектов.

Для цитирования: Зенькович В. А. К вопросу об административной ответственности за нарушение прав субъектов авторского, смежных и патентных прав // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2021. № 1 (245). С. 186–190.

V. A. Zenkovich

Belarusian State Economic University

**ABOUT THE ISSUE OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION
OF THE RIGHTS OF SUBJECTS IN THE SPHERE OF COPYRIGHT,
RELATED RIGHTS AND PATENT RIGHTS**

In this article the development of civil legislation of the Republic of Belarus is analyzed. This legislation regulates the sphere of creation and turnover of intellectual property items. This article also provides the study of the legislation that establishes administrative liability for violation of author's copyrights, related and patent rights from April 21st, 2003 till March 1st, 2021.

The author notices some peculiarities of development of administrative and tort legislation for violations in the sphere of intellectual property and its fulfillment, mentions his opinion concerning the sanction part of the clause 10.15 of Administrative Code with additional alternative administrative penalty.

Key words: intellectual property, legislation, administrative liability, copyright, related rights, patent rights, administrative penalties, rights of subjects.

For citation: Zenkovich V. A. About the issue of administrative liability for violation of the rights of subjects in the sphere of copyright, related rights and patent rights. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 186–190 (In Russian).

Введение. В Республике Беларусь постоянно проводится работа по развитию национальной системы интеллектуальной собственности, а с 2004 г. она осуществляется в соответствии с государственными программами защиты интеллектуальной собственности в Республике Беларусь на 2004–2006 и на 2008–2010 гг. В последующем эта работа проводилась в соответствии с постановлением правительства от 2 марта 2012 г. № 205 «Стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 годы».

В проекте постановления Совета Министров Республики Беларусь «О Стратегии Республики

Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2021–2030 годы» отмечено, что одним из направлений по совершенствованию законодательства в сфере интеллектуальной собственности будет административная ответственность за нарушение прав в этой сфере.

Об актуальности этого вопроса свидетельствует и правоприменительная практика правоохранительных органов Республики Беларусь. Так, если в 2016 г. было выявлено 79 административных правонарушений по статье 9.21 КоАП, то в 2019 г. было уже 121 правонарушение. Из коммерческого оборота в 2019 г. изъято 163 486 единиц контрафактной продукции, что

на 106% больше показателя 2018 г. Эти данные свидетельствуют о том, что в республике имеют место факты нарушений прав субъектов авторского права, смежных и патентных прав в сфере оборота объектов интеллектуальной собственности [1, с. 10–11].

Основная часть. Административная ответственность за нарушение общественных отношений в сфере коммерческого оборота объектов авторского и смежных прав, права промышленной собственности в КоАПе 2003 г. была предусмотрена статьей 9.21 «Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, а также сорта растения или топологии интегральной микросхемы».

Диспозиция статьи охраняла урегулированные нормами гражданского права, исключительные (имущественные) права субъектов двух правовых институтов интеллектуальной собственности: авторского права и смежных прав, а также права промышленной собственности [2].

В статье 16 действующего Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон № 262-З) приведен исчерпывающий перечень имущественных прав, принадлежащих автору или правообладателю, которые можно использовать самостоятельно или с их разрешения другими лицами в целях получения «... вознаграждения за каждый способ использования произведения...». Перечислим только некоторые из них: это воспроизведение произведения; распространение оригинала или экземпляров произведения посредством продажи или иной передачи права собственности; публичное исполнение произведения и т. д. [3].

Перечень исключительных (имущественных) прав субъектов смежных прав закреплен в статьях 24–31 указанного Закона. Это, прежде всего, право осуществлять или разрешать осуществлять следующие действия: на использование исполнения, распространение оригинала или экземпляров фонограммы, посредством продажи или иной передачи права собственности, а также права организаций эфирного или кабельного вещания разрешать или запрещать другим лицам использовать передачу [3].

Вышеуказанные объекты авторского права и смежных прав, введенные в гражданский оборот незаконно, без разрешения автора или правообладателя, законодатель называет контрафактными. В соответствии с пунктами первым, вторым и третьим статьи 57 рассматриваемого Закона к ним относятся: экземпляры произведения, записанного исполнения, фонограммы, передачи эфирного или кабельного вещания,

изготовленные или распространенные без согласия правообладателей, либо используемые в случаях, которые влекут за собой нарушение авторского права и смежных прав [3].

Вот далеко не исчерпывающий перечень имущественных (исключительных) прав авторов и правообладателей авторских и смежных прав, которые довольно часто являются объектами противоправных посягательств со стороны некоторых предприимчивых граждан, индивидуальных предпринимателей или юридических лиц.

В пункте третьем статьи 1001 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) приведен перечень нарушений исключительного права патентообладателя на объекты промышленной собственности по действующему законодательству. К ним относятся осуществленные без его согласия иными лицами следующие действия: «изготовление, применение, ввоз, предложение к продаже, продажа, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей продукта...» [4].

Таким образом, проведенный анализ действующего гражданско-правового законодательства по регулированию коммерческого оборота объектов интеллектуальной собственности свидетельствует о том, что диспозиция статьи 9.21 КоАП предусматривала административную ответственность за каждый вид незаконного распространения или незаконного использования любого объекта интеллектуальной собственности, иначе говоря, за любое незаконное использование исключительных (имущественных) прав правообладателей объектов авторского права, смежных прав и патентообладателей объектов права промышленной собственности.

Ответственность предусмотрена для всех субъектов правонарушения: общего – лица, достигшего 16-ти лет, индивидуального предпринимателя и юридического лица. Санкция статьи состоит из двух взысканий: основного – штрафа и дополнительного (альтернативного) – с конфискацией предмета административного правонарушения или без конфискации для всех трех субъектов [2].

Безусловно, надо отметить, что данная редакция санкции статьи 9.21 КоАП предоставляет право судам при рассмотрении такой категории дел не всегда применять дополнительное (альтернативное) взыскание, например конфискацию контрафактной продукции, что, безусловно, находится в рамках закона, но, очевидно, не способствует полному изъятию из коммерческого оборота контрафактной продукции.

Кроме того, наличие в санкции статьи 9.21 КоАП такого альтернативного дополнительного взыскания противоречит требованиям пункта 4

статьи 57 Закона № 262-З, которым предписывается, что «контрафактные экземпляры произведений, записанных исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного или кабельного вещания подлежат обязательной конфискации по решению суда, рассматривающего дела о защите авторского права или смежных прав» [3].

В соответствии со статьей 3.2 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) дела по статье 9.21 КоАП рассматривает суд.

Следующий этап принятия мер Законодателем по совершенствованию административной ответственности за правонарушения в сфере интеллектуальной собственности был вызван декриминализацией уголовной ответственности за противоправные действия в сфере создания и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, предусмотренной статьей 201 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [5].

В связи с этим Законом Республики Беларусь от 04.01.2016 г. № 351-З (далее – Закон № 351-З) статья 9.21 КоАП подверглась существенной редакции: во-первых, она была изложена в трех частях, во-вторых, в части первой статьи была установлена административная ответственность за нарушение личных неимущественных прав автора. И, в-третьих, была выделена в самостоятельный состав административная ответственность по части второй статьи за «хранение с целью распространения контрафактных экземпляров произведений, записанных исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного и кабельного вещания», т. е. за нарушение исключительных (имущественных) прав субъектов смежных прав [2].

Содержание диспозиции части первой статьи 9.21 КоАП было заимствовано из диспозиции части первой статьи 201 УК: «Присвоение авторства либо принуждение к соавторству, а равно разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них» [5].

В свою очередь следует отметить, что диспозиция части первой статьи 201 УК была сформулирована из перечисленных в статье 41 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» (далее – Закон № 160-З) действий, совершение которых являлось нарушением личных неимущественных прав автора [6].

Это такие действия, как «присвоение авторства, принуждение к соавторству, незаконное

разглашение сущности предполагаемых изобретений, полезной модели, промышленного образца до подачи на них заявки без согласия автора.

Кроме того, в пункте третьем статьи 5 Закона № 160-З содержалось разъяснение, что «... не признаются соавторами физические лица, не внесшие личного творческого вклада в создание изобретения, полезной модели, промышленного образца...».

Следует еще отметить, что в пункте втором этой статьи содержится предупреждение для должностных лиц и экспертов патентного органа об ответственности за «...разглашение сущности заявки до ее публикации...» [6].

Таким образом, все вышеперечисленные в пунктах первом, втором и третьем статьи 41 этого закона действия, совершенные физическими лицами, квалифицировались по части первой статьи 9.21 КоАП.

Санкция предусматривала административные взыскания для общего субъекта, т. е. граждан, достигших шестнадцатилетнего возраста, штраф в размере от 10 до 30 базовых величин, для индивидуального предпринимателя – от 20 до 50 базовых величин, для юридического лица от 30 до 100 базовых величин.

Административная ответственность по части второй статьи 9.21 КоАП предусматривалась за совершение таких противоправных действий, «как хранение с целью распространения контрафактных объектов авторского права и смежных прав». Санкция содержала административные взыскания для общего субъекта правонарушения – лица, достигшего 16-ти лет, индивидуального предпринимателя и юридического лица и состояла из основного – штрафа и дополнительного (альтернативного) взыскания – конфискации предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации для всех трех субъектов.

Диспозиция части третьей статьи 9.21 КоАП предусматривала ответственность за «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности».

Она была заимствована из диспозиции части второй статьи 201 УК в результате ее декриминализации и предусматривала административную ответственность за нарушение исключительных (имущественных) прав субъектов авторского права, смежных прав, а также субъектов права промышленной собственности.

Санкция части третьей статьи 9.21 КоАП для общего субъекта, предусматривала наложение штрафа в размере от 30 до 50 базовых величин

с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации.

Для индивидуального предпринимателя штраф от 50 до 100 базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации.

Для юридического лица штраф от 100 до 300 базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации [2].

Изложенное позволяет отметить, что Законодатель оставил в санкции статьи 9.21 КоАП конфискацию как дополнительное административное взыскание в статусе альтернативного.

В соответствии со статьей 3.2 ПИКоАП дела по статье 9.21 КоАП рассматривает суд.

С первого марта 2021 г. Законом Республики Беларусь от 06.01.2021 г. № 91-З «Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее – Закон № 91-З) в республике введен в действие КоАП в новой редакции [2].

Статья 10.15 КоАП (бывшая 9.21), предусматривающая административную ответственность за «нарушение авторского права, смежных прав и права промышленной собственности», претерпела существенные изменения и состоит из двух частей.

Диспозицией части первой установлена ответственность за «разглашение без согласия автора или заявителя сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца или иного объекта права промышленной собственности до официальной публикации сведений о них» [2]. Мы видим, что перечень действий, нарушающих права авторов или заявителя, совершение которых влечет административную ответственность, заимствован по-прежнему из статьи 41 Закона № 160-З.

Субъектами ответственности могут быть как работники организации, где создавался объект промышленной собственности, так и работники патентного органа, куда подаются документы на патентование, ими могут быть также и патентные поверенные. Ответственность предусмотрена для индивидуального предпринимателя и юридического лица.

Санкция предусматривает наказание для общего субъекта – штраф в размере от 10 до 30 базовых величин, для индивидуального предпринимателя штраф – от 20 до 50 базовых величин, а для юридического лица – от 30 до 100 базовых величин [2].

Содержание диспозиции части второй статьи 10.15 КоАП заимствовано из старой редакции части третьей статьи 9.21 КоАП и устанавливает

ответственность за «незаконное распространение или иное незаконное использование объектов интеллектуальной собственности», т. е. за нарушение имущественных (исключительных) прав субъектов авторского права и смежных прав, а также субъектов права промышленной собственности.

Санкция предусматривает наказание для всех субъектов правонарушения: лица, достигшего 16-ти лет, индивидуального предпринимателя и юридического лица. Для общего субъекта – штраф в размере от 10 до 30 базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации.

Для индивидуального предпринимателя – штраф от 50 до 100 базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации.

Для юридического лица – штраф от 100 до 300 базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации [2].

Следует отметить, что Законодатель значительно увеличил штрафные санкции для индивидуального предпринимателя и юридического лица за нарушение исключительных (имущественных) прав авторов, правообладателей и патентообладателей.

Заключение. Таким образом, необходимо отметить, что за период с апреля 2003 по март 2021 г. Законодатель дважды подвергал редакции статью, предусматривающую административную ответственность за нарушение прав субъектов авторского права, смежных прав, а также субъектов права промышленной собственности.

В конечном итоге Законодатель в диспозиции части первой статьи 10.15 КоАП сохранил административную ответственность за нарушение личных неимущественных прав авторов объектов права промышленной собственности, однако ответственность за нарушение личных неимущественных прав авторов объектов авторского права и смежных прав не предусмотрел.

В диспозиции части второй данной статьи предусмотрена ответственность за нарушение имущественных (исключительных) прав всех субъектов интеллектуальной собственности.

Кроме того, в санкции части второй статьи 10.15 КоАП сохранено дополнительное альтернативное административное взыскание как конфискация, свидетельствующее, на наш взгляд, о том, что такая конструкция санкции не будет способствовать полному изъятию из коммерческого оборота контрафактной продукции.

Следует отметить, что Законодателем такое решение принято несмотря на сохранение в пункте четвертом статьи 57 в редакции Закона Республики Беларусь от 15.07.2019 г. № 216-З требования о том, что «...контрафактные экземпляры произведений, записанных исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного или кабельного вещания подлежат изъятию по решению суда...» [3].

Кроме того, Законодателем в части первой статьи 4.4 КоАП сохранена особенность привлечения субъекта правонарушения к административной ответственности по статье 10.15 КоАП не иначе, как по «...требованию потерпевшего либо законного представителя...» [2].

Дела по статье 10.15 КоАП в соответствии со статьей 3.2 ПИКоАП рассматриваются единолично судьей районного (городского) суда.

Список литературы

1. Отчет о состоянии правоприменительной практики в сфере защиты прав на объекты интеллектуальной собственности в Евразийском экономическом союзе за 2019 год // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/documents/> (дата обращения: 15.02.2021).
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: кодекс Респ. Беларусь, 6 дек. 2021 г., № 91-3 // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 2021. 2/2811.
3. Об авторском праве и смежных правах: Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 [с последующими изменениями и дополнениями] // Консультант Плюс: Беларусь. Минск, 2021.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь: кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-3 [с последующими изменениями и дополнениями] // Консультант Плюс: Беларусь. Минск, 2021.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 [с последующими изменениями и дополнениями] // Консультант Плюс: Беларусь. Минск, 2021.
6. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы: Закон Респ. Беларусь, 16 дек. 2002 г., № 160-3 [с последующими изменениями и дополнениями] // Консультант Плюс: Беларусь. Минск, 2021.

References

1. *Otchet o sostoyanii pravoprimeritel'noy praktiki v sfere zashchity prav na ob'yekty intellektual'noy sobstvennosti v Evraziyskom e'konomicheskoy soyuze za 2019 god* [Report on the state of law enforcement practice in the field of intellectual property rights protection in the Eurasian Economic Union for 2019]. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/documents/> (accessed 15.02.2021).
2. Code of the Republic of Belarus on Administrative Offences: code of the Republic of Belarus, December 6, 2021, no. 91-Z. *Natsional'nyy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus'* [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus]. 2021. 2/2811.
3. The Law of the Republic of Belarus on Copyright and Neighboring Rights: Law of the Republic of Belarus, May 17, 2011, no. 262-Z. *Konsul'tant Plyus: Belarus'* [Consultant Plus: Belarus]. Minsk, 2021.
4. Civil Code of the republic of Belarus: code of the Republic of Belarus, December 7, 2011, no. 218-Z. *Konsul'tant Plyus: Belarus'* [Consultant Plus: Belarus]. Minsk, 2021.
5. Criminal Code of the Republic of Belarus: code of the Republic of Belarus, July 9, 1999, no. 275-Z. *Konsul'tant Plyus: Belarus'* [Consultant Plus: Belarus]. Minsk, 2021.
6. The Law of the Republic of Belarus on Patents for Inventions, Utility Models, Industrial Designs: Law of the Republic of Belarus, December 16, 2002, no. 160-Z. *Konsul'tant Plyus: Belarus'* [Consultant Plus: Belarus]. Minsk, 2021.

Информация об авторе

Зенькович Владимир Адамович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, пр-т Партизанский, 26, Республика Беларусь). E-mail: uladzenk@gmail.com

Information about the author

Zenkovich Vladimir Adamovich – PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Civil Subjects. Belarusian State Economic University (26, Partizanskiy Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: uladzenk@gmail.com

Поступила 15.03.2021

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Крючек П. С. Основные тенденции в исследовании общего прошлого белорусов и россиян в современной белорусской историографии	5
Райченко А. А. Историография белорусской государственности 20-х гг. XX в. как форма отражения исторической памяти	12
Дамарад А. А. Пашырэнне правоў і прывілеяў шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст.	18
Скорб М. Г. Политика России и Австрии в отношении изменения государственного устройства Сербского княжества (1856–1869).....	23
Острога В. М. Общественно-политическое движение учительства Беларуси во второй половине XIX– начале XX в.: источниковая база	28
Карпівіч В. А. Урадавая палітыка на беларускіх землях у перыяд станаўлення індустрыяльнага грамадства (другая палова XIX ст.).....	33
Воронич Т. В. Санитария и обязательные постановления губернского города Минска (последняя треть XIX– начало XX в.)	38
Рыжанкоў І. М. Аграрны рух у Беларусі ў перспектыве вырашэння зямельнага пытання (верасень – кастрычнік 1917 г.)	42
Семенчик Н. Е. Последствия осуществления Декрета о мире в Беларуси	47
Коваль В. У. Праблемы сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі беларускіх эмігрантаў у краінах Лацінскай Амерыкі (1918–1939 гг.).....	53
Каляда І. У. Распрацоўка канцэпцыі нацыянальнай палітыкі на Беларусі ў 1920-я гг.....	58
Дубовік А. А. Дзейнасць расцэначна-канфліктных камісій на прадпрыемствах БССР у 1920-я гг.	63
Белозорович В. А. Борьба с национал-демократическим течением в белорусской историографии	68
Шанец Л. И. Создание и деятельность пограничной охраны в БССР 1922–1939: советская историография.....	74
Горны А. С. Беларускі сялянскі саюз у міжваеннай Заходняй Беларусі: структура і дзейнасць	79
Андарала І. А. Стан школьнай адукацыі Беларусі ў год вызвалення рэспублікі ад нямецкіх захопнікаў.....	85
Якуш Н. М. Социальная политика и развитие туризма в Белорусской ССР (1960–1980-е гг.).....	91
Острога В. А. История России на страницах белорусских школьных учебников по всемирной истории.....	96
Николова М. С. Болгарский опыт в сохранении православных храмов.....	102
Зайцев А. А. Новый мировой порядок как историческая необходимость и использование оружия нелетального воздействия для его поддержания	107
Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Рынок труда как составляющая экономической безопасности государства	112
ФИЛОСОФИЯ	116
Водопьянов П. А. Безопасное будущее на пути реализации достаточного развития.....	116
Бурак П. М. Козволюционный подход в диагностировании рисков и вызовов нестабильности в современном обществе	122
Пунченко О. П. Кризис созидательной силы образования в условиях Covid-19.....	128
Сидоренко И. Н. Архетипы коллективного бессознательного и проблема насилия в философии К. Юнга.....	134

Захарова Н. Е. Социоприродные перспективы человека: смена парадигм	138
Лазаревич Н. А. Человеческое развитие в контексте социотехнической коэволюции	142
Сокольчик В. Н. Роль этических комитетов в обеспечении прав человека при проведении биомедицинских исследований и испытаний в Республике Беларусь	146
Узгорок М. Ю. Сущность и социокультурная значимость патриотического сознания	151
Колядко И. Н. Культурная традиция и кризис легитимации в развитии социальной системы: рецепция метамодерна	155
Ксенофонтов В. А. Военный конфликт: типология и принципы ведения	161
Новицкая Т. Е. Медиатизация общества как процесс	166
Кожич Н. М. Вопросы семейной и общественной нравственности в социальном учении православия	171
Гридчин А. В. Основные концепции цивилизационных различий в современном католическом и протестантском дискурсах	175
Водопьянова Т. П., Жуковень В. С. Метод анализа иерархий как инструмент управления рисками инновационной деятельности предприятий	181
Зенькович В. А. К вопросу об административной ответственности за нарушение прав субъектов авторского права, смежных и патентных прав	186

CONTENTS

HISTORY	5
Kruchek P. S. Main trends in studying the general past of Belarusians and Russians in modern belarusian historiography.....	5
Raichonak A. A. Historiography of the Belarusian statehood in the 20s XX century as a form of reflection of historical memory.....	12
Damarad A. A. Expansion of the rights and privileges of the nobility of the Grand Duchy of Lithuania in the XVI century.....	18
Skorb M. G. The policy of Russia and Austria in relation to the change of the state structure of the Serbian Principality (1856–1869th).....	23
Ostroga V. M. Socio-political movement of teaching in Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries: source base.....	28
Karpiievich V. A. Government policy in the Belarusian lands during the formation of industrial society (the second half of the XIX century).....	33
Voronich T. V. Sanitation and obligatory regulations of the government city of Minsk (last third of the 19th – beginning of 20th centuries).....	38
Ryzhankou I. M. Agrarian movement in Belarus in the future solving the land issue (september – october 1917).....	42
Semenchyk N. Ye. Consequences of implementing the Decree on Peace in Belarus.....	47
Koval V. U. The problems of socio-psychological adaptation of the Belarusian emigrants in Latin America (1918–1939th).....	53
Kolyada I. U. Development of the national concept politicians in Belarus in the 1920s.....	58
Dubovik A. A. Activity of rate and conflict commissions at the enterprises of the BSSR in the 1920s.....	63
Belazarovich V. A. The struggle with the national-democratic over in Belarusian historiography.....	68
Shanets L. I. Establishment and activities of the border guard in the BSSR 1922–1939: Soviet historiography.....	74
Gorny A. S. The Belarusian Peasants' Union in the interwar Western Belarus: structure and activity.....	79
Andarala I. A. Secondary educational school of Belarus in the first post-war years.....	85
Yakush N. M. Social policy and tourism development in the Belarusian SSR (1960s–1980s).....	91
Astroha V. A. The history of Russia on the pages of Belarusian school textbooks on world history.....	96
Nikolova M. S. Bulgarian experience in the preservation of Orthodox churches.....	102
Zaytsev A. A. A new world order as a historical necessity and the use of non-lethal impact weapons for its support.....	107
Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Labor market as a component of the economic security of the state.....	112
PHILOSOPHY	116
Vodop'yanov P. A. A secure future on the path to achieving sufficient development.....	116
Burak P. M. Coevolutionary approach in diagnosis risks and challenges of instability in modern society.....	122
Punchenko O. P. The crisis of the creative force of education under Covid-19.....	128
Sidorenko I. N. Archetypes of the collective unconscious and the problem of violence in philosophy of C. Jung.....	134
Zakharova N. E. Human socio-natural perspectives: a paradigm shift.....	138

Lazarevich N. A. Human development in the context of sociotechnical coevolution.....	142
Sokolchik V. N. The role of ethical committees in securing human rights regarding to biomedical research and tests in the Republic of Belarus.....	146
Uzgorok M. Yu. Essence and sociocultural significance of patriotic consciousness	151
Kolyadko I. N. Cultural tradition and the crisis of legitimation in the development of the social system: reception of metamodern	155
Ksenofontov V. A. Military conflict: typology and principles of conducting.....	161
Navitskaya T. Mediatization of society as a process.....	166
Kozhich N. M. Issues of family and public morals in the social doctrine of Orthodoxy.....	171
Gridchin A. V. Concepts of civilization differences of Christian confessions in modern Catholic and Protestant discourses	175
Vodop'yanova T. P., Zhukoven' V. S. Hierarchy analysis method as a risk management foreign economic activity.....	181
Zenkovich V. A. About the issue of administrative liability for violation of the rights of subjects in the sphere of copyright, related rights and patent rights.....	186

Редакторы *Е. И. Гоман, Т. Е. Самсанович*
Компьютерная верстка *А. А. Селиванова, Д. С. Жих*
Корректоры *Е. И. Гоман, Т. Е. Самсанович*

Подписано в печать 10.06.2021. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 22,6. Уч.-изд. л. 24,6.
Тираж 100 экз. Заказ 188.

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.